

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КОМИ ФИЛИАЛ

Г. М. БУРОВ

ДРЕВНИЙ СИНДОР

*(Из истории племен
Европейского Северо-Востока
в VII тысячелетии до н. э. —
I тысячелетии н. э.)*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1967

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

В. И. КАНИВЕЦ

Г. М. Буров

Древний Синдор

Утверждено к печати Институтом Коми филиал АН СССР

Редактор издательства *Карповская М. А.* Технический редактор *Ф. М. Хенох*

Сдано в набор 30/V 1967 г. Подписано к печати 5/X 1967 г. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага № 1

Усл. печ. л. 16,1. Уч.-изд. л. 16,6. Тираж 2100 экз. Т-13795 Тип. зак 2878

Цена 1 р. 6 к.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография Издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вычегодский край, входящий в обширную область, которая ранее почти не изучалась в археологическом отношении, в настоящее время принадлежит к числу удовлетворительно исследованных территорий Севера Европейской части СССР¹.

В работе Г. М. Букова «Вычегодский край» использованы лишь первые результаты исследований в Синдоре — районе Синдорского озера². Предлагаемая монография является публикацией и обобщением большого вещественного материала, полученного здесь при ежегодных раскопках и разведках Вычегодского (Синдорского) археологического отряда Коми филиала АН СССР в 1959—1964 гг.³

На постоянных поселениях района Синдорского озера человек обитал в мезолитическое время, а затем непрерывно или почти без перерыва от неолита (III тысячелетие до н. э.) до начала среднего железного века (середина I тысячелетия н. э.). Поэтому поселения уникальны для крайнего Европейского Северо-Востока: в других его районах постоянные поселения неолита и основных культур бронзового века не известны. Как группа памятников железного века поселения Синдора тоже чрезвычайно интересны. Здесь имеются самые богатые комплексы лебяжской (поздняя стадия) и ванвиздинской культур, наиболее крупные в рамках Севера керамические комплексы ананьинского и гляденовского типов. Важность древних поселений Синдорского района увеличивается тем, что в их черту входят два торфяника, происходящие от речных стариц и содержащие большое число редчайших древних вещей из дерева, коры и травы, а также остатки рыболовных сооружений.

В целом поселения синдорского микрорайона являются интересным археологическим памятником, значение которого для понимания древней истории крайнего Европейского Северо-Востока, очевидно, столь же велико, как могильников и поселений в урочище Ближние Елбаны для Верхнего Приобья⁴ или мингечаурского комплекса археологических памятников для Восточного Закавказья⁵.

¹ Г. М. Буков. Вычегодский край (очерки древней истории). М., 1965.

² Наименование «Синдор» имеют деревня близ оз. Синдорского, поселок и железнодорожная станция в 9 км от нее. Так называют иногда сам водоем. Мы считаем возможным отнести это наименование и к району Синдорского озера.

³ В состав отряда входили: Г. М. Буков (руководитель), И. М. Паршуков, К. С. Королев (старшие лаборанты), Ф. И. Тюпенко (преparator) и рабочие.

⁴ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, № 48, 1956.

⁵ Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе. Древний Мингечаур (эпоха неолита и бронзы). Баку, 1959.

В монографии «Древний Синдор» использован преимущественно новый, неопубликованный материал. В ней рассматриваются вопросы хронологии археологических памятников (учтены данные геологии, радиоуглеродного и пыльцевого анализов). Одно из главных мест занимают проблемы хозяйства, быта племен Европейского Северо-Востока (орудия труда, металлургия и металлообработка, рыбная ловля, охота и скотоводство). Рассмотрены также искусство, верования, мифология и погребальный обряд. Особая глава посвящена вопросам этнической истории.

В соответствующих главах настоящей книги материалы висских торфяников, исключая керамику, каменные, костяные и стеклянные изделия, не использованы. Это объясняется тем, что деревянные вещи из II торфяника имеют при сегодняшнем уровне наших знаний широкую дату — в два тысячелетия. Книга является первой, исторической частью исследования, основанного на материалах района Синдорского озера. Вторая, специальная часть будет посвящена вещам и сооружениям висских торфяников, показывающим роль дерева, коры и других растительных материалов в быту племен Вычегодского края.

Монография рассчитана на археологов, историков, географов (особенно глава I), лингвистов, преподавателей школ и вузов, студентов и всех лиц, интересующихся древним прошлым нашей Родины.

Работа написана в Коми филиале АН СССР. Ценные советы и пожелания автору были высказаны Н. Н. Гуриной, Л. Я. Крижевской, Р. В. Козыревой, С. С. Черниковым и другими сотрудниками Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Определения фаунистических остатков с поселений бассейна Вычегды сделаны И. Е. Кузьминой (Зоологический институт АН СССР), краниологического материала из Висского могильника — Т. С. Кондукторовой (Институт антропологии МГУ). Классификация торфов и сапропелей, а также пыльцевые анализы образцов из висских торфяников выполнены С. Н. Тюремновым (кафедра геоботаники МГУ), петрографические определения — В. И. Чалышевым (Институт геологии Коми ФАН), определения зольности торфов и сапропелей — А. А. Поповцевой (Институт биологии Коми ФАН), радиоуглеродные анализы образцов древесины из висских торфяников — радиоуглеродной лабораторией ЛОИА (С. И. Руденко, Е. Н. Романова и др.); спектральные анализы металлов и шлаков, найденных на висских поселениях, — Т. И. Ивановой и Г. Е. Юшковой (Институт геологии Коми ФАН). Рисунки вещей для книги подготовили И. М. Паршуков, К. С. Королев и Ф. И. Тюпенко. В раскопках активное участие приняла молодежь дер. Синдор. Всем этим людям автор очень признателен.

ВВЕДЕНИЕ

Начало археологических исследований в Вычегодском крае можно отнести к XVII в., ко времени царя Алексея Михайловича, когда была организована экспедиция для обследования «чудских городков» по р. Сысоле¹.

В 50-х годах XIX в. в бассейне Вычегды проводил раскопки С. Е. Мельников. Он исследовал Усть-Сысольский могильник X в. и «чудские ямы» с керамикой, по-видимому, могильники с обрядом трупосожжения, I или II тысячелетия н. э. С. Е. Мельников был первым археологом, побывавшим в районе Синдорского озера. Но им не обнаружено здесь ни одного древнего поселения и не сделано ни единой археологической находки².

По данным С. Е. Мельникова, уже в середине XIX в. селение Синдор насчитывало 14 дворов с 62 ревизскими душами и состояло из трех деревень. Приезжавший в Синдор спустя некоторое время чиновник И. Кашперов сообщает, что при устье Симвы «расположено три селения: Синдор, Пудра и Петрополь, разделенные между собой только речками»³. Названия Пудра, точнее Будра, сохранилось до наших дней и относится к группе изб на стоянке Симва I. Петрополь — это группа изб, находившихся на мысу стоянки Симва II, где в настоящее время имеется лишь одно строение, а Синдор — Волость, т. е. основная часть нынешней деревни. Согласно преданиям, селение возникло около 300 лет тому назад, но, по сообщению И. Кашперова, это произошло где-то в начале XIX в.

Вторым ученым, обследовавшим район Синдорского озера, был Ф. Н. Чернышев, давший геоморфологическую характеристику территории⁴.

В 1919 и 1922 гг. сотрудником геолого-разведочной экспедиции В. М. Козловским и студентом И. П. Пономаревым впервые в Привыче-

---

¹ «Акты, относящиеся до юридического быта древней Руси», т. II. СПб., 1864, стр. 687.

² С. Е. Мельников. Селение Синдор и озеро того же имени в Яренском уезде. «Вологодские губернские ведомости», 1853, № 24; К. А. Попов. Зыряне и зырянский край. «Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XIII, вып. 2. М., 1874, стр. 36.

³ И. Кашперов. По Вологодской губернии. «Вологодские губернские ведомости», 1865, № 11, 12.

⁴ Ф. Н. Чернышев. Орографический очерк Тимана. «Труды Геологического комитета», т. XII, № 1. Пг. 1915, стр. 58.

годье открыты древние поселения (Ванвиздино, Усть-Лупья). В 20-х годах археологические исследования в крае проводили А. Н. Грен и экспедиция Главнауки (А. П. Смирнов и др.), а в 20, 30 и 50-х годах — А. С. Сидоров. Ему принадлежит первая археологическая находка из синдорского района. Это — полая бронзовая пронизка в виде кричащей птицы⁵. К сожалению, вещь не сохранилась и в нашем распоряжении нет даже ее рисунка.

В 30 и 40-х годах в Привычегодье вели археологические разведки М. Е. Фосс (1936 г.), П. Д. Степанов (1939 г.) и А. В. Збруева (1945 г.). В начале 30-х годов краеведом В. Голубом была открыта стоянка эпохи ранней бронзы на Синдорском озере. Здесь, «в размытых береговых отмелях» мыса Некраснырд, В. Голуб собрал несколько кремневых изделий и фрагментов керамики и датировал их «серединой или концом неолита»⁶. Дрeвнее поселение на Синдорском озере находится в особых топографических условиях и через два десятилетия вновь привлекло наше внимание, благодаря чему был выявлен ряд интереснейших памятников в районе этого водоема.

В 30 и 40-х годах синдорский район посетили ученые-биологи: в 1932 г. — болотовед Н. Я. Кац⁷, в 1934 г. — геоботаник Ю. П. Юдин⁸, в 1941 г. — зоолог Н. А. Остроумов⁹ и геоботаник В. М. Болотова¹⁰, в 1948 г. — болотовед Я. Я. Гетманов¹¹. Этими исследователями дана физико-географическая характеристика района Синдорского озера, описаны болота и растительность, сам водоем и его ихтиофауна. Ю. П. Юдин выделил площадь, прилегающую к Синдорскому озеру, в самостоятельную территориальную единицу.

В 1957 г. Коми ФАН начаты плановые археологические исследования. Первые три года были посвящены разведкам и раскопкам в Верхнем Привычегодье, на средней и отчасти нижней Вычегде. Однако в 1959 г. обследован и район Синдорского озера. Здесь нами обнаружено 17 чрезвычайно интересных поселений (Вис I — IV, Симва I — IV, Синдорское озеро I — IX¹²). Подтвердились слова В. Голуба в его рукописи «Озеро Синдор»: «Надо ожидать, что дальнейшие разведки (в районе водоема. — Г. Б.) при-

---

⁵ А. С. Сидоров. Археологические памятники вымского района Коми АССР (по материалам обследования 1928 г.). Научный архив ЛОИА, д. 9, ф. 35, оп. 2, стр. 8.

⁶ В. Голуб. Озеро Синдор, 1940. Научный архив Коми ФАН, оп. 6 инв. № 42.

⁷ Н. Я. Кац. Типы болот и их размещение на территории Европейской части СССР. «Землеведение», т. XXXIX, вып. 4—5. М., 1937, стр. 405, 406.

⁸ Ю. П. Юдин. Растительность вымско-вычегодской части обл. Коми. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 3, инв. № 19.

⁹ Н. А. Остроумов. Отчет о рыбохозяйственном обследовании озер Синдор и Озел летом 1941 г. Сыктывкар, 1941. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 6, инв. № 51.

¹⁰ В. М. Болотова. Растительный покров района озера Синдорского, 1942. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 3, инв. № 93.

¹¹ Я. Я. Гетманов. Возраст и история образования болот Железнодорожного района по исследованиям 1948 г. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 3, инв. № 186.

¹² Г. М. Буров. Долговременные поселения на р. Вис (бассейн Вычегды). МАЕСВ, вып. I. Сыктывкар, 1962; Он же. Стоянки на Синдорском озере. МАЕСВ, вып. I.

несут более богатые находки, и заря человечества осветится еще одним лучом, идущим из наиболее темных глубин Северо-Востока Европы»¹³.

В экспедиционный сезон 1960 г. основное внимание Вычегодского археологического отряда было уделено раскопкам поселений Вис I и II. При исследовании этих памятников впервые обнаружены неолитические жилища и следы жилищ ванвиздинского времени. В черте поселения Вис I открыт I Висский торфяник с деревянными изделиями мезолитического времени. На поселении Вис II выявлен древний могильник. При раскопках удалось собрать большой вещественный материал¹⁴.

В следующем году были развернуты работы на I Висском торфянике. В культурном слое, на глубине до 2 и более метров, найдено много изделий и предметов со следами обработки из дерева, коры и травы¹⁵. Раскопаны также 40 м² на поселении Вис III.

В 1962 г. раскопками на поселении Вис I было доследовано неолитическое жилище № 2 и вскрыта значительная площадь на торфянике, благодаря чему увеличена коллекция изделий из растительных материалов. Открыт II Висский торфяник с большим количеством деревянных изделий, керамики и других вещей II тысячелетия до н. э. — V в. н. э. в черте поселения Вис II. В торфянике выявлены остатки каких-то сооружений. Определены очертания торфяников. Обследованы берега р. Вис и обнаружена новая стоянка Вис V.

В 1963 г. раскопки велись исключительно на II торфянике, был собран большой вещественный материал¹⁶ и установлено, что загадочные сооружения — это рыболовные заграждения.

В последний экспедиционный сезон раскопана большая площадь в средней и северной части I Висского торфяника и найдено значительное количество предметов из растительных материалов. В суходольной части поселения Вис I заложен небольшой III раскоп. Обнаружены новые стоянки Симва V, Синдорское озеро X и XI.

На раскопках I Висского торфяника в 1964 г. побывал заведующий кафедрой геоботаники МГУ профессор С. Н. Тюремнов. Им была также обследована местность в районе Синдорского озера и в ряде пунктов взяты образцы на спорово-пыльцевой анализ. С. Н. Тюремновым осмотрены наслоения, слагающие висские торфяники и пойму р. Вис, дано точное определение всех отложений.

Накопленный в течение шести лет археологический материал позволил написать эту работу.

---

¹³ В. Голуб. Указ. соч., стр. 17.

¹⁴ Г. М. Буров. Раскопки в бассейне р. Вычегды (близ дер. Синдор). ВАУ, вып. 2. Свердловск, 1962.

¹⁵ G. Stipa. Käynti syrjäänien tieteen tyyssijassa. «Virittäjä». Helsinki, 1962, № 1, стр. 65, 66; G. Stipa. Forschungsreise zu den Syrjänen. «Ural-Altaische Jahrbücher», Bd. 35, Fasciculus C (1963). Wiesbaden, 1964, стр. 318, 319.

¹⁶ Г. М. Буров. Торфяники речных стариц как места археологических находок. ИКФВГО, вып. 9. Сыктывкар, 1964; Он же. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды. СА, 1966, № 1.

Глава первая

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЙОНА СИНДОРСКОГО ОЗЕРА

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Наиболее крупный водоем Вычегодского края Синдорское озеро находится на водоразделе между истоками рек бассейнов Выми и Вишеры. В длину оно имеет 10,5 км при ширине до 3,7 км. Распространенные в документах (начиная с XVIII в.) и литературе (XIX—XX вв.) данные о гораздо больших размерах этого водоема¹ не соответствуют действительности.

Синдорское озеро вытянуто с юго-запада на северо-восток². В него впадают несколько речек, наиболее крупная из них — Угьюм, которому значительно уступают по длине и ширине Идзясью и Гудок. Вытекает же из озера лишь одна р. Вис, являющаяся как бы продолжением Угьюма.

Береговая линия озера изобилует мысами и заливами. Самые большие мысы — это Некраснырд, Рытиввыв и Пожему на северо-западном берегу. Наиболее значительный залив — Малое озеро, дающее начало р. Вис. На Синдорском озере имеется 11 островов, не считая мелких. Береговые мысы и прилегающие к ним острова делят водоем на четыре части, из которых три почти равны между собой.

Первая, небольшая часть — это Малое озеро, отделенное от второй м. Некраснырд и расположенным против него мысом северного берега. Эта часть озера — самая мелкая, ее глубина летом 0,3—0,8 м³.

Северо-восточный плес водоема отделен от среднего м. Рытиввыв самым крупным на озере островом Вомлосди и правым мысом Угьюмской губы. В центре этой части озеро достигает максимальной глубины — 2,5 м.

¹ Например, согласно Н. Брусилову, озеро «имеет в длину до 15, в ширину до 5 верст» (Н. Брусилов. Опыт описания Вологодской губернии. СПб, 1833, стр. 4). По Ю. П. Юдину, длина озера — 15—16 км, ширина — 8—10 км (Ю. П. Юдин. Растительность вымско-вычегодской части области Коми. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 3, инв. № 19, стр. 14).

² Г. М. Буров. Стоянки на Синдорском озере. МАЕСВ, вып. I. Сыктывкар, 1962, рис. 1.

³ Н. А. Остроумовым произведен промер глубин озера по двум разрезам — продольному и поперечному (Н. А. Остроумов. Отчет о рыбохозяйственном обследовании озер Синдор и Озел летом 1941 г. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 6, инв. № 51).

Средний плес обособлен от южного м. Пожему и тремя островами (Кутшпозя, Шаламди и безымянный). В центре этой части озера имеются еще два острова — Весътасди и Разди. К северу от них глубина озера 1—1,9 м, а к югу она вновь достигает максимума — 2,5 м. В этот участок озера с востока впадают р. Угьюм и безымянный ручей.

Юго-западный участок Синдорского озера характерен постепенным уменьшением глубины по направлению к западному побережью. В центре глубина 1,6—1,7 м, у западного побережья имеются места, непроходимые для лодок. В эту часть водоема впадают две речки Идзясью и Гудок и два ручья.

Четкое деление Синдорского озера на плесы позволяет нам высказать гипотезу о том, что первоначально на его месте существовали четыре (или более) небольших водоема, может быть, соединенные между собой протоками. С повышением уровня воды эти водоемы слились в одно озеро, современные очертания которого были впоследствии выработаны прибоем. Указанием на подъем уровня воды в озере являются также губы, эстуарии, в которые впадают реки Идзясью и Гудок⁴. Мысы и острова, разделяющие озеро на участки, могут рассматриваться как реликты перегородок (сложенных песками четвертичного возраста) между древними водоемами. Прототипами последних, вероятно, является группа крупных озер, в 10 км к юго-востоку от Синдорского озера (из одного такого водоема вытекает р. Угьюм).

Работа прибоя и разрушения берегов — явление существенное на Синдорском озере, что было подчеркнуто еще Ю. П. Юдиным, в противовес В. Голубу и Н. А. Остроумову, которые преувеличивали явления зарастания. О размывании берегов свидетельствуют их обрывистые края, залегание упавших деревьев и культурных остатков в воде на некотором удалении от берега.

Река Вис в 1 км от своего начала принимает слева р. Чич, а в 4,5 км — р. Симву, вторую по величине реку района, текущую с севера на юг. От озера до устья Симвы р. Вис довольно глубока, течет очень медленно и извилисто, преимущественно среди болотистых берегов. Далее течение несколько быстрее, и Вис сильно меандрирует в широкой долине. Вода в реке очень мутная, насыщенная сапропелем, особенно до впадения Симвы. Последняя, наоборот, имеет довольно прозрачную воду. Симва — мелководная речка с умеренным течением и извилистым руслом. Для лодок она непроходима.

Реки Идзясью и Гудок в нижних течениях широки и полноводны, тянутся среди болотистых берегов, а в верхних — представляют собой ручьи с узкими поймами, прорезающими надпойменную террасу. Идзясью проходима для лодок на протяжении 3—4 км, а Гудок — 2 км. Выше их русла загромождены лесом. Вода в этих болотных речках такая же мутная, как и в озере. Угьюм по характеру аналогичен р. Идзясью, вместе с которой берет начало в пределах болота Тыбью, однако значительно крупнее: по этой реке можно проплыть почти до самых истоков. Угьюм намного глуб-

⁴ Н. И. Николаев. Новейшая тектоника СССР. «Труды КИЧП», т. VIII. М.—Л., 1949, стр. 73.

же Синдорского озера: здесь Н. А. Остроумовым отмечена глубина 5 м (в 1 км от устья). Небольшая глубина самого озера объясняется мощными отложениями на его дне аллохтонного ила (детритовый сапропель).

Озеро и приозерные части рек покрыты водными растениями.

В. М. Болотовой определены водные растения синдорского района⁵. На реках и самом водоеме наиболее часто встречаются белоснежная кувшинка, желтая кубышка, плавающий рдест, земноводный горец, вахта, хвощ, осоки и пр. Ряска отмечена только в Висе и Угьюме, а шейхцерия, стрелолист и пушица — лишь на р. Вис. Другие же растения, как тростник и озерный камыш, характерны исключительно для озера и являются неотъемлемым элементом его ландшафта. Синдорское озеро и связанные с ним реки заселены разнообразной ихтиофауной.

Синдорское озеро очень бедно бентосом, а в планктоне основную массу составляют организмы, которые рыбы не едят. Несколько богаче кормом литораль, где рыба в основном и питается. Вторая причина слабой заселенности озера ихтиофауной — ежегодные заморы в зимний период, обусловленные небольшой глубиной водоема, мощными отложениями сапропеля на его дне и питанием болотными водами. Во время заморов рыбу, собирающуюся возле проруби, можно было черпать «саками на длинном шесте»⁶. Задыхаясь от недостатка кислорода, рыба ищет спасения в реках, а иногда заходит по ним в небольшие ручьи и погибает. Крупные особи, вынужденные покинуть озеро во время замора, видимо, уже не возвращаются обратно. В р. Вис, ниже устья Симвы, хорошо ловятся большие щуки и язи.

В древности Синдорское озеро было значительно богаче ихтиофауной, чем в настоящее время. На протяжении ближайших тысячелетий шел процесс размывания берегов и отложения на дне органических частиц, которые смешивались с минеральными. Все это сделало водоем малопригодным для жизни рыб и угасающим.

Однако ловля рыбы в озере ведется и в настоящее время. Большую промысловую значимость имеют реки. В низовьях рек Гудок и Идзясью и на Висе, ниже дер. Синдор, сохранились остатки рыболовных заграждений, «заколов» для установки верш в зимнее время. На Висе и Симве «заколы» в основном разрушенные исчисляются сотнями. Против деревни, на участке Виса длиной около 0,7 км, они находятся на расстоянии всего 2—4 м друг от друга. Среди «заколов» имеются и такие, которые сооружены недавно и используются в настоящее время. Многие заграждения построены в XIX в. Это о них писал в 1865 г. И. Кашперов: «В этой речке (Вис — Г. Б.) сделано до 400 чупов (езов), но середина не загорожена. Ерши во время хода своего зимою, спускаясь по середине речки, заходят в расставленные там гым-га (морды) тысячами».

Не исключено, что в руслах Виса и Симвы имеются остатки и древних рыболовных заграждений, типа открытых во II Висском торфянике.

⁵ В. М. Болотова. Растительный покров района озера Синдорского, 1942. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 3, инв. № 93.

⁶ И. Кашперов. По Вологодской губернии. «Вологодские губернские ведомости». Вологда, 1865, № 12.

Район Синдорского озера богат болотами, которые делятся на низинные (евтрофные), переходные (мезотрофные) и верховые (олиготрофные). Болота первого типа расположены близ самого Синдорского озера и его притоков. Для них характерна высокая минерализация питающих их грунтовых вод. Многие из низинных болот являются результатом заторфовывания участков Синдорского озера или отдельных водоемов. К низинному же типу относятся болота речных стариц (староречий), распространенные в долинах рек Вис и Симва. По характеру растительности среди синдорских низинных болот выделяются кустарничковые и травяные. Здесь произрастают ива, осока, вахта, горец, хвощ, гипнум и пр. Примерами типичных низинных болот могут служить Леблуд-Нюр на левом берегу р. Вис в 4 км к северо-востоку от деревни и Кычан, который тянется с севера на юг между истоками Вишеры и Синдорским озером, примыкая к последнему.

Верховые болота находятся в стороне от озера и рек, на возвышенном рельефе; питание идет в основном за счет атмосферных осадков. Основная растительность — сфагновые мхи, второе место занимают кустарнички из семейства вересковых (голубика, черника, клюква, багульник). Сосна почти отсутствует.

Большие территории района заняты лесами. Господствующей породой является ель. Сосновые леса распространены на надпойменной террасе и водораздельных пространствах. В составе древостоя отмечаются береза и осина. Особенностью лесов синдорского геоботанического района является, по Ю. П. Юдину, отсутствие лиственницы, небольшая роль пихты и распространение кедра⁷. Кедр растет в междуречье Угьюма и Идзясью, а также несколько дальше к югу, на мелких притоках озера. На большей части этой территории кедр встречается в виде примеси в сосновых лесах, а по р. Идзясью имеются и небольшие кедровники. Вблизи озера кедров нет, что можно объяснить их хищническим уничтожением в прошлом в целях добычи шишек, растущих преимущественно на вершине дерева. Надо также отметить, что из древесины кедра построена церковь дер. Синдор — образец деревянной архитектуры начала XX в. От своего сплошного ареала синдорское местонахождение кедра значительно удалено к западу и является одним из наиболее западных в южной части Коми АССР.

Из других древесных пород в районе сравнительно хорошо представлены рябина и крушина ломкая. Из кустарников и кустарничков следует упомянуть можжевельник, карликовую березу, иву, шиповник, малину, черную смородину, багульник, голубику, чернику, бруснику, клюкву, костянику, землянику, морошку. В лесах, преимущественно в сосняках, много разнообразных грибов. Нет никакого сомнения, что все эти лесные богатства использовались еще в глубокой древности.

В настоящее время район сравнительно небогат фауной. До начала его интенсивного освоения (в послевоенное время) здесь условия для охоты были лучше. Однако и сейчас в 10—15 км от деревни расположены неплохие охотничьи угодья.

В лесах водятся зайцы, белки и бурундуки, в меньшем количестве выдры, горностаи и лисицы. Очень редко встречалась рысь, зато частой добы-

⁷ Ю. П. Ю д и н. Указ. соч., стр. 403.

чей охотников был бурый медведь: некоторыми жителями дер. Синдор отстрелено по нескольку особей этого зверя. В старое время жители деревни охотились также на лося и северного оленя. Некоторые из них еще недавно видели оленей, забегавших в Синдор, и лосей, переплывавших озеро.

Промысловая орнитофауна в синдорском районе представлена боровой дичью (глухарь, тетерев, рябчик, белая куропатка) и водоплавающей (различные виды уток, гусь, лебедь-кликун). Наиболее часто встречаются утки, не только на озере и его отдаленных притоках, но даже у самой деревни, на р. Вис. Во время перелета с севера на юг утки и гуси иногда делают остановку на Синдорском озере.

ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

На правобережье Симвы, в пойменной части, ограниченной Висом, Симвой и уступом террасы (урочище Кытчесмыльк), сохранились два останца надпойменной террасы, больший из которых (Большой Кытчесмыльк), занятый поселением Вис II, находится в 75 м от меньшего (Малый Кытчесмыльк) с поселением Вис I (рис. 1 и 2). Поблизости, на террасе, находятся стоянки Симва I—IV, Вис III и IV. Высота ее равна примерно 4 м над урезом воды в межень, а размытый останец поселения Вис I не достигает и 3 м. Оба останца имеют одинаковую клювовидную форму, причем меньший из них ориентирован вогнутым краем к юго-востоку, а больший — к востоку. К вогнутому краю Малого Кытчесмылька прилегает I Висский торфяник, а к тому же краю другого останца — II Висский, оба с культурными остатками.

Раскопками и шурфовкой удалось получить некоторые данные о форме и размерах торфяников. Эти данные были существенно дополнены бурением (с помощью бура Гиллера) в разных точках урочища Кытчесмыльк (заложены 82 скважины). В результате оконтурены I и II Висские торфяники и открыты три новых — вдоль поселений Симва I и Вис III, а также рядом с I торфяником. При закладке шурфов в Симвинском и III Висском торфяниках культурных остатков не найдено.

Все торфяники близ устья р. Симвы имеют приблизительно одинаковую ширину — около 16—20 м, что соответствует ширине рек Вис и Симва. Кроме того, все они в плане подковообразные и примыкают к вогнутому краю надпоймы, выработанным в свое время вершинами речных излучин (рис. 3). Уже одни эти данные позволяют заключить, что торфяники представляют собой остатки речных стариц (староречий),

Рис. 1. Схема расположения древних поселений и старичных торфяников близ устья р. Симвы

А — план: I — первый Висский торфяник; II — второй Висский торфяник; III — у поселения Вис III; IV — близ поселения Симва I

1 — очертания надпойменной террасы, или ее останцов; 2 — контур торфяника; 3 — горизонталь; 4 — раскоп и шурф; 5 — скважина

Б — разрез местности по линии АБ: 1 — культурный слой на останце; 2 — торф осоковый с хвощом; 3 — глинистые озерные осадки; 4 — старичные отложения; 5 — вода; 6 — песок

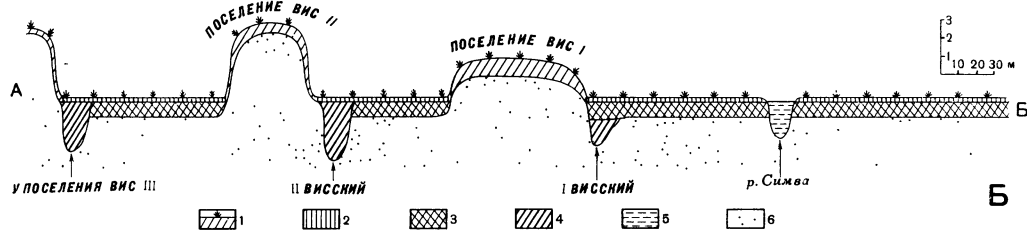
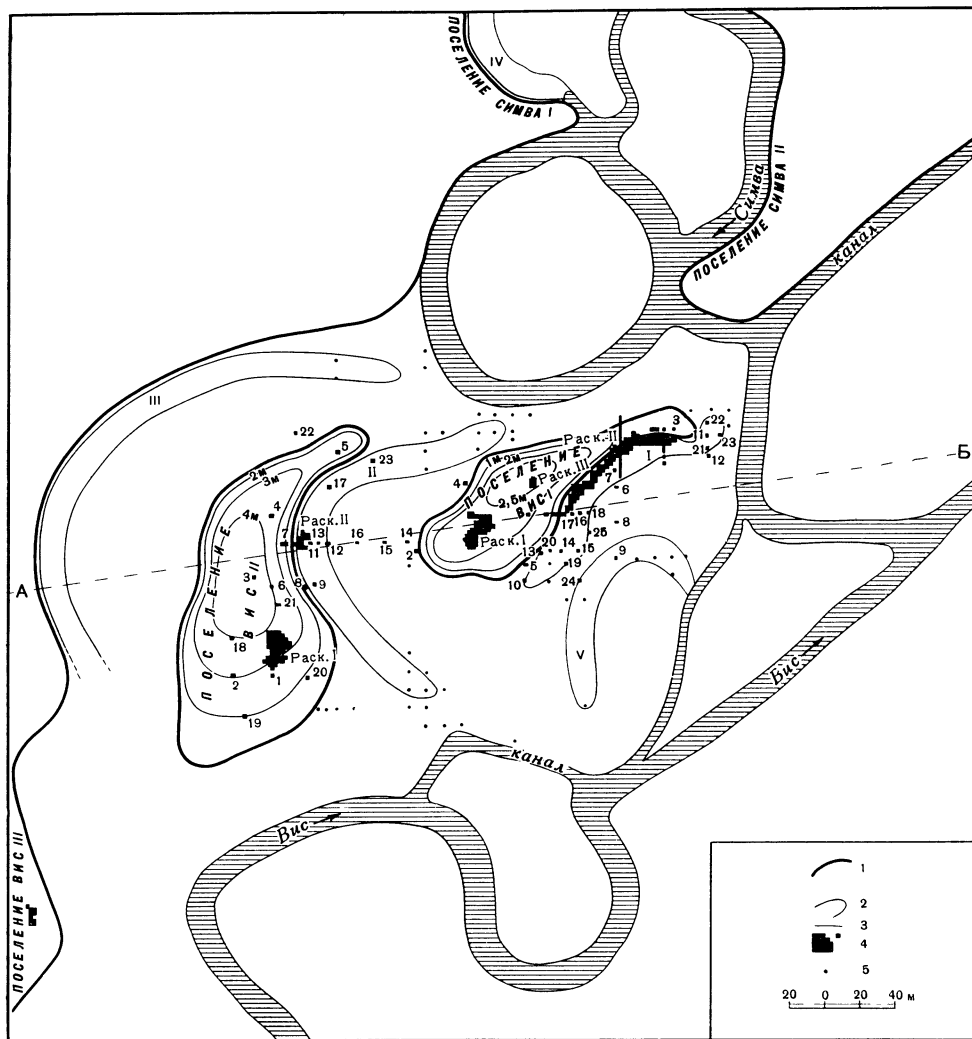

Рис. 2. Вид поселений Вис I (слева) и Вис II (справа)

принадлежащих к типу стариц-меандр⁸. Именно такая старица оmyвает дугообразный юго-восточный край стоянки Симва I.

Сделанный вывод подкрепляется стратиграфией торфяников, исследованных раскопками и бурением. Ровная горизонтальная пойма, окружающая останцы Малый и Большой Кытчесмыльк, имеет в основном следующее строение: заиленный (минерализованный) осоковый торф с хвощом (мощность 0,2—0,4 м); буроватый глинистый сапропель, или гиттия (0,2—0,4 м); оливково-сероватый глинистый сапропель (0,4—0,8 м); серый среднезернистый песок-плавун⁹. Общая мощность в большинстве случаев 1,1—1,2 м.

На площади I Висского торфяника нижний горизонт оливково-сероватого сапропеля (0,1—0,15 м) имеет красноватый оттенок. Между ним и песчаным ложем вклинивается свита озерно-болотных отложений (рис. 4,1), залегающая в углублении ложа узкой и длинной (150 м) полосой, которая тянется дугой вдоль вогнутого края останца и отходит от него. Максимальной мощности они достигают у самого останца. Озерно-болотные отложения в углублении песчаного ложа состоят из двух коричневатых слоев: нижним является грубодетритовый сапропель, верхним — гипново-осоковый торф (степень разложения — около 20%). Он прослеживается лишь там, где мощность отложений превышает 0,25—0,3 м.

⁸ З. Н. Барановская. О генетических типах речных стариц. «Землеведение», т. XXXIX, вып. 2. М., 1937.

⁹ Определения торфов и сапропелей произведены зав. кафедрой геоботаники МГУ проф. С. Н. Тюремновым.

Рис. 3. Вид второго Висского торфяника с юго-юго-запада. Заметен заполненный водой раскоп.

Песчаное ложе торфяника изобилует ямами, расположенными по волнистой линии, чем напоминает фарватер реки. Верхняя же поверхность — гипново-осокового торфа, напротив, имеет горизонтальное простирание и находится на 1 м ниже меженного уровня воды в р. Вис. Общая мощность гипново-осокового торфа и грубодетритового сапропеля в раскопе не превышала 1,6 м.

Между I Висским торфяником и более поздними отложениями местами вклинивается переходный слой мощностью до 0,15 м — торфянистый песок или глина, а между буроватым и оливково-сероватым сапропелями — линзы торфа.

Анализ образцов различных наслоений поймы р. Вис¹⁰ (взяты на стыке квадратов 4— В, 5— В, 4— Г и 5— Г) показал, что зольность наслоений неодинакова. В месте взятия образцов осоковый торф имел зольность 34,21%, буроватый сапропель — 54,65%, оливково-сероватый сапропель — 87,88%, торфянистый песок — 88,18%, гипново-осоковый торф — 18,22%, грубодетритовый сапропель — 33,92%. Заметный процент минеральных частиц (в основном песка) в последних двух слоях объясняется расположением торфяника в пойме реки и принадлежностью его к одной из фаций аллювия.

¹⁰ Произведены лабораторией почвоведения Института биологии Коми ФАН (А. А. Поповцева).

В I Висском торфянике на различных глубинах обнаружена масса деревянных палок, шестов и веток без выраженных следов обработки, дерево с обработкой, изделия из дерева и других растительных материалов, из кремня и прочих пород. В отложениях, налегавших на гипново-осоковый торф, встречены кремень и керамика; в верхнем, осоковом торфе, культурных остатков не оказалось.

Отложения, перекрывающие I Висский торфяник, состоят из сапропелевых и торфяных отложений лишь в стороне от останца Малый Кытчесмыльк. В месте стыка его с поймой верхний торфяной слой, резко уменьшаясь в мощности, переходит в гумусовый горизонт подзолистой почвы, а сапропель — в супесь и песок надпойменной террасы, причем местами глинистые отложения перекрыты супесчаными.

При раскопках получены данные, подтверждающие вывод о старичном происхождении I Висского торфяника: об этом свидетельствуют также слой грубодетритового сапропеля в его основании, рельеф песчаного ложа, на котором залегают все напластования поймы р. Вис (оно имеет почти горизонтальное простирание, а торфяник находится в узкой сравнительно глубокой впадине вдоль останца) и характер поверхности ложа самого торфяника. То же самое можно сказать и о II Висском торфянике, в нижней части которого также обнаружены озерные, сапропелевые отложения.

Даже не анализируя вещественного материала, легко прийти к заключению о значительной разновременности I Висского и остальных торфяников. Последние принадлежат еще небольшим болотным массивам речных стариц¹¹. Эти болота низинного типа, причем II торфяник относится к осоково-древесному болоту: верхняя часть торфяника сложена осоково-древесным торфом, а на болоте произрастают осока, кусты ивы и береза. Что же касается I Висского торфяника, то он принадлежит к числу погребенных. Толща озерных отложений, которая его перекрывает, прорезана другими торфяниками, старицами и современными руслами, что свидетельствует об их более позднем возрасте.

Почти горизонтальная пойма в месте поселения Вис I возвышается всего на 0,1—0,3 м над меженным уровнем воды в реке. Если учесть толщину отложений, перекрывающих I Висский торфяник, то получится, что верхняя поверхность последнего лежит в среднем на 1 м ниже меженного уровня воды и еще ниже поверхности болотных массивов речных стариц. Следовательно, в эпоху I Висского торфяника уровень воды в речке, от старицы которой он происходил, был значительно ниже, чем позднее.

Если I торфяник в толщину не превышает 1,5—1,6 м (в пределах раскопа) при средней мощности по стрежню бывшего русла 0,5—1 м, то другие торфяники имеют мощность до 3 и более метров (на II торфянике в шурфе № 11—3,3 м), а в среднем в стрежневой части — около 2,5 м. Из данного сравнения следует, что в эпоху I торфяника речка, от старицы которой он произошел, была значительно менее полноводной, чем в последующее и настоящее время.

---

¹¹ К. Е. Иванов. Гидрология болот. Л., 1953, стр. 33, 34.

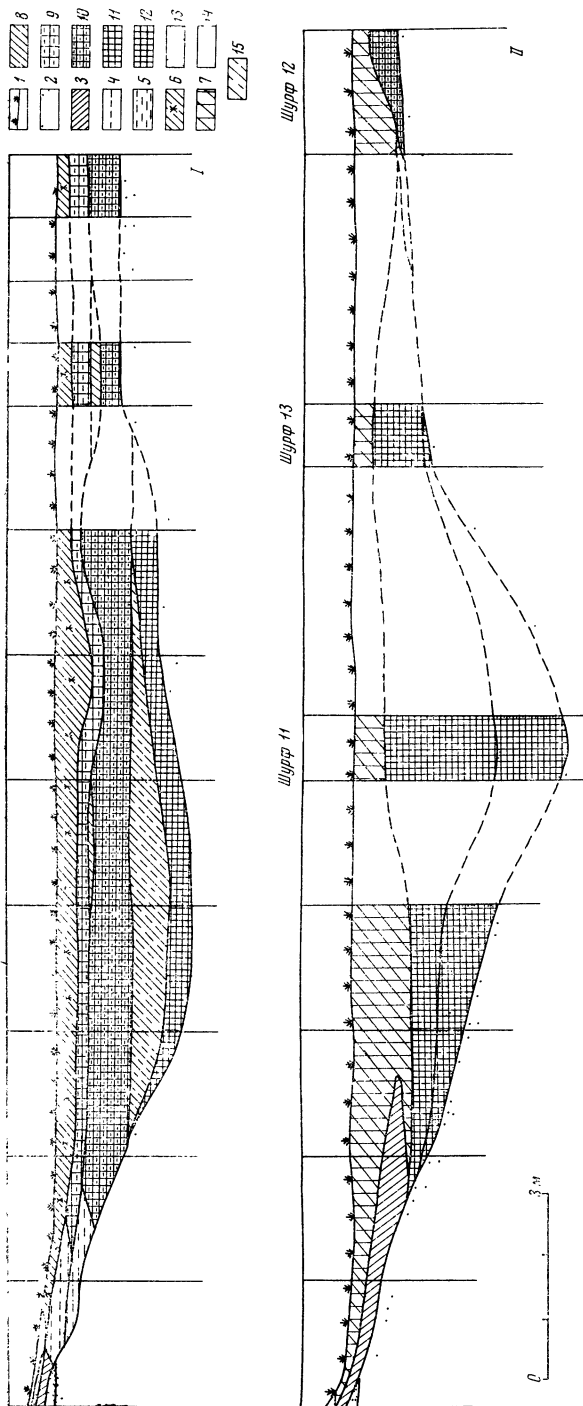

Рис. 4. Разрезы выских торфяников

I — разрез первого торфяника по восточной стороне полосы II; II — разрез второго торфяника по северной стороне полосы D I — гумусовый горизонт; 2 — белесый песок; 3 — темно-серый культурный слой; 4 — буроватая супесь; 5 — сероватая супесь; 6 — заиленный осоковый торф с хвощом; 7 — осоково-древесный торф; 8 — торф; 9 — буроватый глинистый сапропель; 10 — оливково-сероватый глинистый сапропель; 11 — серый песчаный сапропель; 12 — детритовый сапропель; 13 — желтый песок; 14 — серый песок; 15 — гипново-осок

Опираясь на стратиграфию поймы в урочище Кытчесмыльк, можно разделить ее историю на три стадии: 1) до седиментации глинистых осадков; 2) во время накопления оливково-сероватого сапропеля, до образования в урочище русел Виса и Симвы; 3) после образования русел. Ниже мы попытаемся согласовать эту геоморфологическую периодизацию с археологической.

На первой стадии через урочище протекала неглубокая речка, которая подошла своей излучиной непосредственно к останцу Малый Кытчесмыльк и выработала его дугообразный край. Останец был приблизительно на 1 м выше (следовательно, высотой около 4 м) и несколько больше по площади. После срезания меандра, омывающего останец, здесь образовалось староречье (на дне которого отложился детритовый сапропель), а затем гипново-осоковое болото, на котором произрастала и вахта¹². На месте самого Синдорского озера в то время, вероятно, находилась группа водоемов, которые можно считать прототипами четырех плесов современного озера. Некоторое время старичное болото и окружающая его территория почти не покрывались отложениями: лишь местами образовались прослойки песка с растительным детритом мощностью не более 0,15 м. Слабое развитие пойменного аллювия отмечается у рек, вытекающих из озер или имеющих сильно заиленный бассейн с плоским, слаборасчлененным рельефом¹³.

По данным бурения, глинистые сапропели покрывают всю пойменную часть урочища и тянутся вниз по Вису на протяжении нескольких километров, постепенно выклиниваясь и принимая супесчаный характер. Вместе с тем ниже устья р. Симвы появляется и постепенно увеличивается в мощности песчаный пойменный аллювий, под который сапропели уходят. В сторону озера они тянутся в виде террасы высотой 0,2—0,3 м на протяжении 3 км и в 2 км от него, выше устья р. Чич, образуют уступ, ниже которого лежит болото, идущее до самого водоема.

Совершенно очевидно, что начало второй стадии ознаменовалось резким повышением уровня воды в водоемах и реках Синдора. Это привело к образованию единого Синдорского озера и подтоплению значительной территории поймы. Останцы, занятые поселениями Вис I и II, стали островами этого водоема. Истоки р. Вис теперь находились где-то к северо-востоку от устья Симвы, которая была притоком озера.

Образовавшийся большой водоем был в своей центральной части, соответствующей современному Синдорскому озеру, довольно глубоким, а на вновь затопленных территориях — значительно мельче. Здесь, в литорали, водоем отлагал богато минерализованные частицы — продукт размыва глин, из которых, по-видимому, состояли берега в северной части озера. В профундали же в это время шло преимущественно накопление детритового сапропеля — процесс, продолжающийся до настоящего времени. При этом площадь Синдорского озера значительно сократилась и стала даже меньше, чем в настоящее время, поскольку в последние столетия она несколько увеличилась за счет размывания берегов.

¹² Обнаружены листья и стебли этого растения.

¹³ М. С. Щук и н. Общая геоморфология, т. I. М., 1960, стр. 227.

При накоплении донных осадков в окрестностях устья Симвы отлагался оливково-сероватый глинистый сапропель, поверхность I Висского торфяника была слегка размыта, и нижний горизонт этого сапропеля над ним приобрел красноватый оттенок. На территории современного болота между глинистой террасой и Малым озером, а также в самом Малом озере местами накопились глинистые (суглинистые) седименты, а местами — детритовый сапропель. Так, например, в болоте близ устья р. Чич (урочище Чич-Дор) Я. Я. Гетманов на глубине 2,1 м обнаружил глинистые отложения, перекрытые детритовым сапропелем¹⁴. Близкие результаты получены при нашем бурении в юго-западной части залива Малого озера. Однако в нескольких сотнях метров от устья р. Чич в глубь болота мощность мягких отложений, легко прокалываемых буром, увеличивается до 4—5 м (работы С. Н. Тюремнова и автора в 1964 г.). Столь же значительна толщина их на участке болота близ слияния р. Вис и озера, причем глинистый сапропель здесь отсутствует¹⁵. Данные пыльцевого анализа¹⁶ не противоречат синхронизации глинистых сапропелей с детритовыми в нижних горизонтах донных отложений и свидетельствуют, что процесс накопления глинистых осадков длился продолжительно: за это время существенно изменился состав лесов.

К началу третьей стадии северный край озера проходил в 0,5 м ниже устья р. Чич. К настоящему времени крайний северный участок водоема вследствие отложения детритового сапропеля и нарастания сплавин превратился в низовое зыбунное болото. Берега Виса на протяжении 2 км от истоков имеют расплывчатые очертания и сложены преимущественно сплавинами. Речка здесь значительно полноводнее, чем ниже, с озеровидными расширениями и очень медленным течением. В сущности, это еще сильно заросший узкий участок Малого озера.

Сформировавшиеся русла Симвы и Виса не оставались неизменными. Небольшие первичные излучины, обусловленные неровностями исходной поверхности, превращались в настоящие меандры, шейки которых прорывались в половодье. Из старых русел сравнительно быстро образовывались озера-старицы, поскольку новое «короткое русло, как имеющее падение, эродирует сильнее, чем старое, более длинное, а потому втягивает в себя постепенно все большее и большее количество воды»¹⁷. Возможны также случаи, особенно в устьевой части реки, когда она прокладывает себе в пойме новый путь, который ненамного короче старого. Очевидно, что такая излучина будет обособлена через более продолжительное время, чем настоящий меандр.

Блуждание русел в урочище Кытчесмыльк оставило следы в виде старичных низинных болот с соответствующими торфяниками. Опираясь на форму и расположение торфяников, используя ретроспективный метод, можно более или менее точно проследить фазы этого блуждания.

¹⁴ Я. Я. Гетманов. Возраст и история образования болот Железнодорожного района, 1948. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 3, инв. № 187, диаграмма № 1.

¹⁵ Там же, диаграмма № 2.

¹⁶ Имеется пыльцевая диаграмма урочища Чич-Дор.

¹⁷ И. С. Щукин. Указ. соч., стр. 247.

Прежде всего следует обратить внимание на одинаковую ориентацию болот у поселений Симва I, Вис II и III, с одной стороны, и неполностью обособленной старицы у Симвы I, — с другой. Все они вершинами излучин направлены на запад. Это позволяет предполагать, что не только болото у Симвы I происходит от старицы одноименной реки, но и остальные два.

Другим указанием на принадлежность II Висского торфяника р. Симве служит ориентация обнаруженных в нем упавших рыболовных заграждений верхним краем к югу. Вряд ли приходится сомневаться, что наклон и последующее падение заграждений вызваны течением (как это наблюдается в настоящее время на реках Вис и Симва). Ветры, от которых излучина с севера была защищена лучше, чем с юга, не могли играть здесь существенную роль.

Если же II Висский торфяник относится к р. Симве, то и торфяник у Виса III может принадлежать только этой реке: между ними существует очевидная преемственная связь. Более длинное русло у Виса III, судя по конфигурации этого русла, заменено более коротким между двумя останцами.

Совсем другого типа старичное болото у I Висского торфяника. Во-первых, оно, судя по расположению, явно относится к меандровому поясу р. Вис. Во-вторых, это болото, в отличие от других, отмечено в рельефе поймы неглубокой ложчиной и более гидрофитной растительностью (хвощ), что свидетельствует о его молодом возрасте. В-третьих, болото более круто изогнуто, что явно говорит о его происхождении от настоящего меандра.

Все изложенное позволяет перейти непосредственно к выделению одиннадцати фаз в третьей стадии развития поймы урочища Кытчесмыльк.

Последней фазой является современное состояние поймы, с четырьмя старичными болотами и останцом обтекания у поселения Симва I, который образовался вследствие прорыва шейки настоящего меандра р. Симвы. Предшествующей стадией, следовательно, можно считать положение до образования нового русла и останца обтекания (рис. 5). Несколько раньше произошло отделение озерка от русла р. Вис, так как оно уже успело превратиться в болото. Время существования этого озерка и период от прорыва шейки меандровой шпоры до образования водоема отвечают фазам IX и VIII. Фаза VII должна соответствовать тому периоду, когда на месте озерка была речная излучина, подходившая с юга почти вплотную к I Висскому торфянику; в эту фазу, видимо, только начался размыв края надпойменной террасы со стоянкой Симва I.

Фазы IV—VI выделены по материалам II Висского торфяника. В период фазы VI на месте торфяника находилось староречье (не исключено, что оно просуществовало до того времени, когда был срезан меандр на р. Вис, и тогда фаза VI вообще выпадает). Фаза IV — это такое состояние, когда Симва уже проложила себе современный путь к Вису, но одновременно вода текла и по ложу II Висского торфяника. Поскольку старое и новое русла были почти равны, эта фаза могла быть продолжительной. Под фазой IV мы подразумеваем тот период в истории урочища, когда

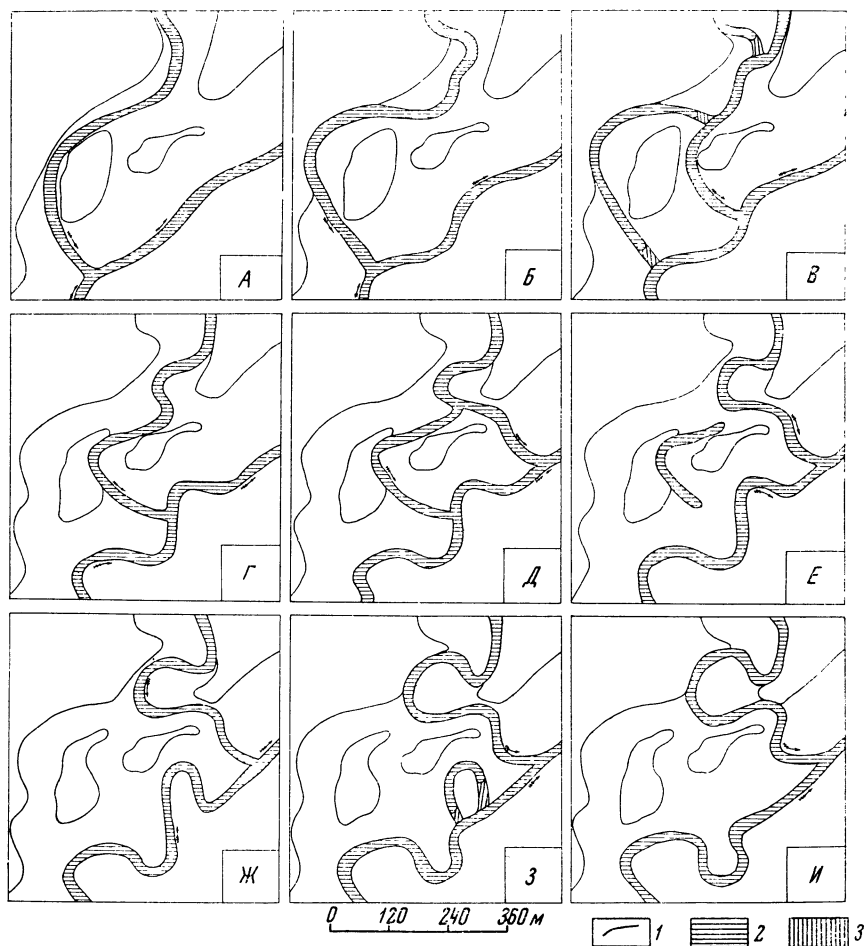

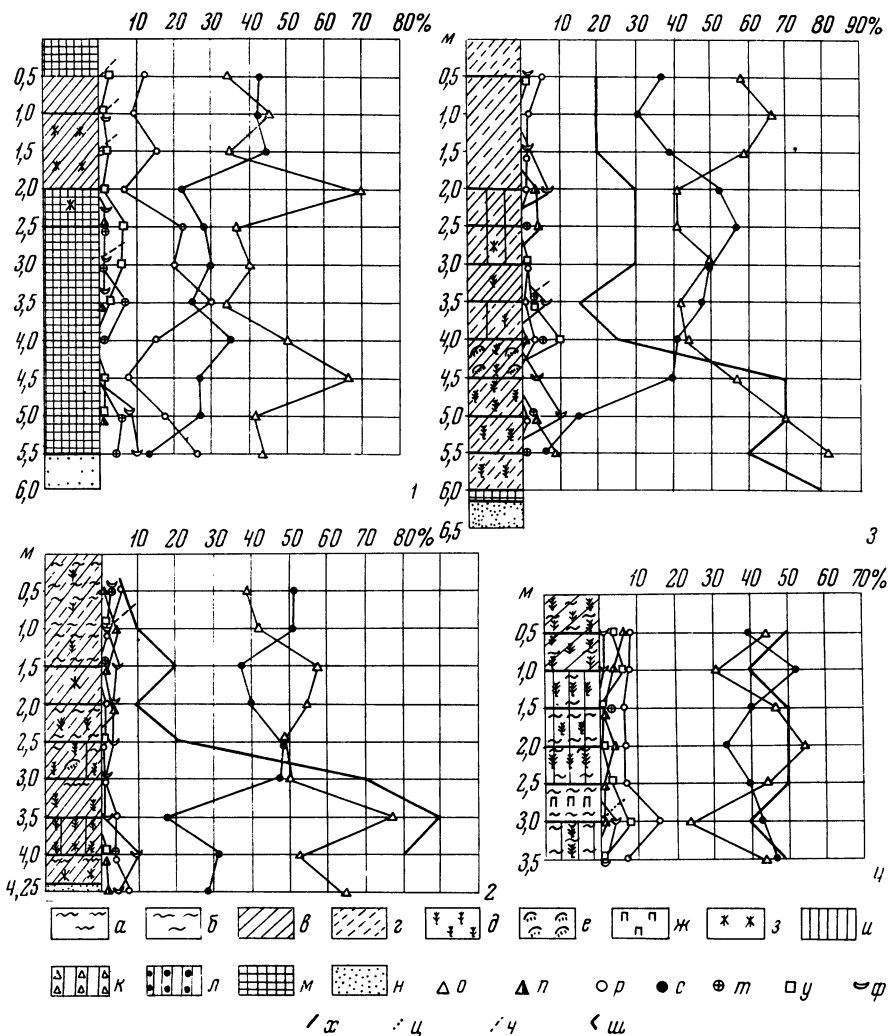
Рис. 5. Фазы развития русел Симвы и Виса в урочище Кытчесмыльк

А — I фаза; Б — Ia фаза; В — II и III фазы; Г — IV фаза; Д — V фаза; Е — VI фаза, Ж — VII фаза, З — VIII и IX фазы; И — X фаза

1 — очертания надпойменной террасы и ее останцов; 2 — вода; 3 — участки русел, позднее заполненные наносами

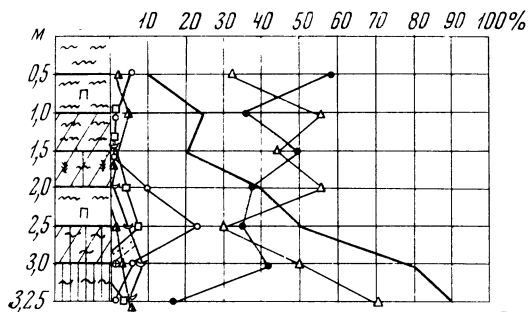
р. Симва протекала только между поселениями Вис I и II. При этом ее излучина врезалась в останец Большой Кытчесмыльк и постепенно сделала его край дугообразным (эрозия восточного края и отложения глинистых наносов у выпуклого участка русла)¹⁸. В фазе IV все остальные рассматриваемые излучины были еще очень слабо разработаны, в фазе III на месте болота у поселения Вис III была обособленная старица, а в фазе

¹⁸ М. А. Великанов. Русловой процесс. М., 1958, стр. 40—50.

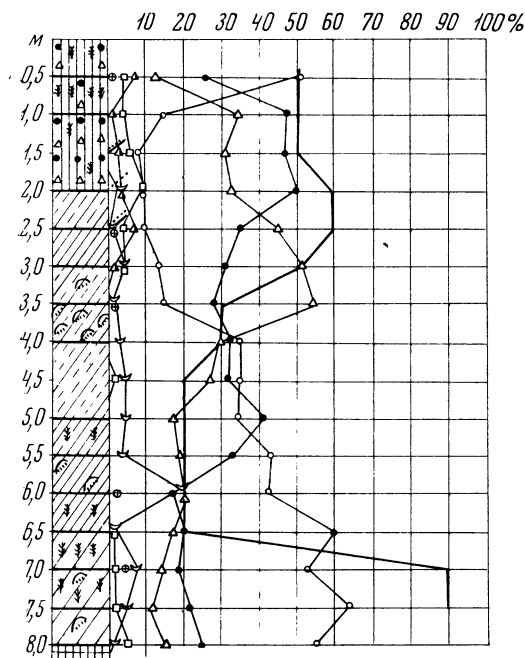

II — старица, еще соединенная с реками: Симва проложила себе короткий путь к Вису между останцами надпойменной террасы.

Фаза I началась с того, что через наполненный глинистыми осадками участок Синдорского озера реки Вис и Симва наметили свои русла. Вторая река избрала для себя как бы специально созданный для нее узкий проем между террасой и останцом Большой Кытчесмыльк. Может быть, здесь сыграл определенную роль закон Бэра-Бабинэ, согласно которому воды рек северного полушария имеют тенденцию к боковому смещению вправо. Когда у поселения Вис III сформировалась довольно крутая излучина, врезавшаяся в край надпойменной террасы, Симва про-

5

6

Рис. 6. Строение и пыльцевые диаграммы болот Вычегодского края (по Я. Я. Гетманову)

1 — Вис-Вом-Дор (скважина 5); 2 — Леблуд-Нюр (скважина 4); 3 — Кычан (скважина 3); 4 — Молла-Пов-Нюр (скважина 2); 5 — Эрид-Нюр (скважина 9); 6 — Салаты (скважина 21)

а — л — торф; а — сфагновый (верховые сфагновые мхи); б — сфагновый (низинные сфагновые мхи); в — осоковый; г — гипновый; д — травяной; е — папоротниковый; ж — пушицевый; з — хвощевой; и — древесный; к — еловый; л — сосновый; м — сапрпель (вообще); н — песок; о — ч —

пыльца: о — ель; п — пихта; р — береза; с — сосна; т — ива; у — ольха; ф — лиственница; х — дуб; ц — вяз; ч — липа; ш — кривая степени разложения торфа

ложила себе новое русло между останцами.

Сделанные наблюдения, касающиеся руслового процесса, интересны не только с геоморфологической точки зрения. Они дают нам ответ на ряд вопросов относительно формирования II Висского торфяника и заселения останцов урочища Кытчесмыльк¹⁹.

На протяжении голоцена климат бассейна Вычегды колебался. Данные пыльцевого анализа проб из различных районов СССР свидетельствуют о значительном улучшении его в сред-

нем голоцене и о некотором ухудшении в последующее время. В среднем голоцене (переходный, атлантический и суббореальный периоды по схеме Блитта-Сернандера) в составе лесов очень возрос процент дуба и вяза, липы и ольхи, резко расширился ареал этих пород к северу, и они распространились по территории Вычегодского края. Позднее роль перечисленных пород заметно уменьшается, а дуб и вяз вообще отступают к югу²⁰.

¹⁹ См. гл. II, стр. 51, 52.

²⁰ М. И. Нейштадт. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957, рис. 195—202, 209—212, 214—217.

В 40 и 50-х годах геоботаник Коми ФАН Я. Я. Гетманов²¹ обследовал болота в Коми АССР — по рекам Сысоло, средней Вычегде и Выми, а также в районе Синдорского озера. Взятые им образцы из разрезов проанализированы на пыльцу, в результате чего мы имеем в распоряжении 24 диаграммы, освещающие историю лесов и климата от пребореального периода до наших дней.

На р. Сысоло образцы взяты в ее среднем течении, на болотах Салаты близ с. Пыелдино (шесть диаграмм), Полиб-Нюр (одна) и Пойнца-Егыз (две), возле с. Вотча²². Средневычегодские болота находятся на левобережье, между устьями рек Сысолы и Выми, около с. Часово и пос. Кочечя; это Эрид-Нюр (четыре диаграммы) и Модла-Пов-Нюр (три)²³. Вымские болота расположены в нижнем течении реки, возле с. Княжпогост (болото Кыркоч, одна диаграмма) и с. Онежье (болота Ыджид-Нюр, одна диаграмма, и Канеч-Нюр, две)²⁴. В районе Синдорского озера Я. Я. Гетманов брал образцы для анализа на четырех болотах: у истоков Виса и устья р. Чич (две диаграммы), Кычан (три), Леблуд-Нюр (одна) и на р. Угьюм (одна)²⁵. Пыльцевые анализы были произведены сотрудниками Центральной торфяной опытной станции (Москва) Н. Н. Пьявченко, И. В. Властовой и П. И. Минкиной.

Из диаграммы района Синдорского озера в качестве опорных следует взять три наиболее глубокие и полные (рис. 6, 1—3) — урочища Вис-Вом-Дор (глубина 5,5 м), болот Леблуд-Нюр (4,25 м) и Кычан (3 скважина, 5,5 м)²⁶. На этих диаграммах в целом преобладает пыльца ели, которой лишь немногим уступает сосна; пыльца же березы значительный процент составляет лишь на диаграмме урочища Вис-Вом-Дор. Остальные древесные породы во всех трех случаях представлены небольшим количеством пыльнок.

---

²¹ В этой части § 2 использованы неопубликованные материалы Я. Я. Гетманова.

²² Я. Я. Гетманов. Предварительный отчет по обследованию болот Сысольского района, 1946. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 3, инв. № 158; Он же. Болота Сысольского района Коми АССР (отчет об исследовании 1946 г.). Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 4, инв. № 200; Он же. Дополнительный отчет по болоту Салаты, обследованному в 1947 г. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 3, инв. № 183; Он же. Возраст и история болот Сысольского района Коми АССР (по исследованиям 1946—1947 гг.). 1949. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 3, инв. № 180; Он же. Возраст и история образования болот Сысольского района Коми АССР. «Землеведение», н. с. т. IV (XLIV). М., 1957.

²³ Я. Я. Гетманов. Предварительный отчет о болотах Эрид-Нюр и Модла-Пов-Нюр, 1947. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 3, инв. № 182.

²⁴ Я. Я. Гетманов. Культуртехническое описание болот колхоза «1 мая» Княжпогостского сельсовета Железнодорожного района, 1948. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 3, инв. № 189; Он же. Культуртехническое описание обследованных болот колхоза «14-я годовщина Октября» Онежского сельсовета, 1948. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 3, инв. № 188.

²⁵ Я. Я. Гетманов. Возраст и история образования болот Железнодорожного района по исследованиям 1948 г.; Он же. Болота Коми АССР. Научный архив Коми ФАН, ф. 1, оп. 4, инв. № 330.

²⁶ В работах покойного Я. Я. Гетманова нет вычегодских и некоторых сысольских диаграмм, но их фотонегативы нам удалось разыскать в фотолaborатории Коми ФАН.

На взятых диаграммах прослеживаются два максимума пыльцы ели и три минимума. Кривая сосны постепенно поднимается от нижнего конца диаграммы к верхнему. Кривая пыльцы березы антагонистична по отношению к кривой ели.

Каждая из рассматриваемых диаграмм может быть разделена на три части. Первая, самая ранняя, характеризуется минимумом пыльцы ели и началом подъема ее кривой, нижним максимумом березы и уменьшением количества ее пыльцы, максимумом лиственницы. Вторая часть соответствует нижнему максимуму ели и минимуму березы, выравниванию процентного соотношения между пыльцой этих пород и сосны, почти параллельному ходу всех трех кривых и их расхождению; на среднем отрезке этой части резко увеличивается относительное количество пылинки ольхи. Третья часть диаграммы начинается верхним максимумом ели, а кончается верхним минимумом; у поверхности достигает предела количество пылинки сосны.

Вторая, наиболее значительная часть диаграмм, по максимуму пыльцы ольхи может быть отнесена к продолжительному среднему голоцену, по М. И. Нейштадту, т. е. к переходному, атлантическому и суббореальному периодам, по схеме Блитта-Сернандера, первая — к раннему голоцену, к бореальному периоду, а третья — к поздней фазе голоцена, или к субатлантическому периоду.

Для подкрепления этих выводов сравним данные пыльцевого анализа по району Синдорского озера с материалами по другим районам Вычегодского края. Вымские болота дали неглубокие диаграммы, и на них пыльца дуба или вяза не представлена. Значительно интереснее вычегодские и сысольские материалы. Из диаграмм, касающихся долины Вычегды, типичными являются одна по болоту Эрид-Нюр (9 скважина) и две по Модла-Пов-Нюру (1 и 2 скважины). Глубина скважин — всего 3,25—3,9 м и поэтому спектры бореального времени на диаграммах не представлены (рис. 6, 4, 5). В остальном кривые ели, березы и сосны ведут себя так же, как на диаграммах Синдорского района. Фазе сближения кривых ели и березы (средний минимум пыльцы ели) на диаграммах долины Вычегды соответствует подъем кривой ольхи и появление пылинки вяза. Это является дополнительным свидетельством в пользу среднегоголоценового возраста этой фазы.

Из сысольских диаграмм наиболее ценна самая глубокая, построенная на основе анализа образцов, которые взяты на болоте Салаты (глубина скважины № 21 7,25 м). Верхняя часть диаграммы от глубины 5 м хорошо совпадает с диаграммами района Синдорского озера (рис. 6, 6). Исключение составляет лишь то, что максимальное увеличение количества березовой пыльцы здесь выражено в спектре верхнего минимума ели, а не среднего. Среднему минимуму пыльцы ели и максимуму ольхи соответствует появление пылинки дуба и вяза, отсутствующих в спектрах более позднего времени. Нижнюю часть диаграммы, для которой характерно увеличение количества пыльцы березы до 65%, следует отнести к пребореальному и, может быть, субарктическому времени (начало раннего и конец древнего голоцена, по М. И. Нейштадту).

Сделанные сравнения синдорских пыльцевых спектров с другими следует дополнить сопоставлением первых с диаграммой торфяника и дельтовых отложений р. Северной Двины. Здесь следует ожидать много общего, так как Вычегодский край и долина Северной Двины относятся к области, для которой характерен один и тот же региональный тип диаграмм²⁷. Важность такого сопоставления заключается в том, что северодвинский разрез является самым мощным голоценовым разрезом в этой области (26 м), куда входят, кроме Вычегды и Северной Двины, Печора и Мезень²⁸. Бассейн р. Мезень занимает промежуточное положение между районами Синдорского озера и устья Северной Двины. Из имеющихся по этому району четырех диаграмм послеледникового времени для нас представляют интерес пыльцевые спектры поймы р. Вашки у с. Ертом²⁹: в нижней части диаграммы отмечается минимум ели, максимум ольхи и появление пыльцы дуба, что указывает на среднеголоценовый возраст.

Пыльцевая диаграмма отложений устья р. Северной Двины делится на те же отрезки, на которые расчленены спектры района Синдорского озера, и, кроме того, включает еще один, сопоставимый с нижней частью диаграммы болота Салаты. Кривые ели, березы и сосны ведут себя точно так же, как и на спектрах урочища Вис-Вом-Дор. Для спектров среднего голоцена в районе Синдорского озера характерен наиболее значительный подъем кривой ольхи — и на северодвинской диаграмме второму сверху минимуму ели отвечает максимум ольхи. Кроме того, здесь отмечено присутствие небольшого количества пыльцы широколиственных пород, которая появляется еще в самых поздних отложениях бореального возраста и исчезает в конце суббореального периода.

Опираясь на рассмотренную диаграмму, датированную М. И. Нейштадтом, а также данные пыльцевого анализа сысольских и вычегодских болот, мы можем подкрепить сделанные выводы о времени отдельных отрезков синдорских диаграмм.

Эти выводы соответствуют интерпретации, данной М. И. Нейштадтом диаграмме устья Северной Двины, но несколько расходятся с теми датировками пыльцевых спектров Северодвинского бассейна, которые предложены некоторыми другими исследователями. Так, Я. Я. Гетманов, по видимому, был неправ, отнеся в 1950 г. вычегодские спектры с максимальным количеством ольховой пыльцы и пылинками широколиственных пород исключительно к суббореальному периоду³⁰. Оснований для этого не имеется. Более того, если максимум ольхи датировать лишь суббореальным временем, то возникает неувязка между данными пыльцевого анализа с одной стороны, и степенью разложения торфа, результатами анализа на C_{14} , археологическими данными, — с другой. Не оправдана также противоположная тенденция — датировать такие спектры только атлантическим временем, как это произошло в 1941 г. при определении возра-

²⁷ М. И. Нейштадт. Указ. соч., рис. 225.

²⁸ Там же, стр. 81—84, фиг. 50.

²⁹ Э. И. Девятова, Э. И. Посева. Стратиграфия и палеогеография четвертичного периода в бассейне р. Мезени. Л., 1964, рис. 36.

³⁰ Я. Я. Гетманов. Болота Коми АССР, стр. 113—117.

ста стоянки на р. Кузнечихе (в г. Архангельске)³¹. На диаграмме этой стоянки прослеживаются три максимума пыльцы ели и три минимума, причем средний выражен слабее других³². Третий сверху минимум ели совпадает с максимумом березы и ольхи, а также с появлением и максимумом пылинки широколиственных пород, присутствующих также в спектре среднего максимума ели. Спектры с максимальным количеством пыльцы березы, ольхи и широколиственных пород следует датировать не только атлантическим временем, но отчасти и суббореальным. Зато к атлантическому периоду необходимо отнести и более ранние спектры, без пыльцы широколиственных пород. Хотя в соседнем 26-метровом разрезе эта пыльца отмечена почти во всех спектрах атлантического периода, однако процент ее ниже, чем в суббореальных отложениях. Если же учесть, что на Кузнечихе этой пыльцы совсем мало, резонно допускать ее частичное отсутствие в слоях атлантического периода.

Археологические данные также говорят о том, что третий сверху минимум ели еще относится к суббореальному времени, точнее к его первой половине. Мы уже причислили стоянку на Кузнечихе к турбинскому типу. Это памятник чистого комплекса с посудой, очень близкой борским поселениям Камы, что позволяет датировать его третьей четвертью II тыс. до н. э.³³, т. е. второй половиной суббореального времени. А так как культурный слой стоянки непосредственно перекрывает отложения с максимальным количеством пылинки березы, ольхи и смешанного дубового леса, верхнюю часть этих отложений следует отнести к первой половине суббореального периода.

Диаграммы болот по рекам Вычегде и Сисоле показывают, что пыльца широколиственных пород (дуба и вяза) во всех случаях отвечает максимуму ольхи. На диаграмме 26-метрового разреза в устье Северной Двины хорошо видно, как кривая этой породы делает резкий подъем в средней части отрезка с постоянно присутствующей пылью смешанного дубового леса, т. е. в спектрах середины среднего голоцена. Поэтому и на синдорских диаграммах границу между атлантическими и суббореальными отложениями можно проводить по спектрам, в которых пыльца ольхи достигает своего предела.

Пыльцевые спектры скважины в урочище Вис-Вом-Дор могут служить опорной диаграммой для определения возраста других диаграмм, на которых не только не представлены широколиственные породы, но и единична пыльца ольхи. Речь идет о трех составленных С. Н. Тюреновым диаграммах I Висского торфяника, находящегося всего в 2,5 км от урочища. Пробы для них были взяты нами в средней части торфяника (раскоп II) и в юго-западной (шурф № 20). Для первой диаграммы (рис. 7, I) образцы отобраны в северо-восточном углу кв. 4 — В (буром Гиллера), для вто-

³¹ Б. Ф. Земляков и И. М. Покровская. О геологическом возрасте неолитической стоянки на р. Кузнечихе в г. Архангельске. КСИИМК, вып. IX, 1941.

³² Он еще менее четко прослеживается и на диаграмме 26-метрового разреза на глубине 8 м.

³³ См. § 4, гл. III.

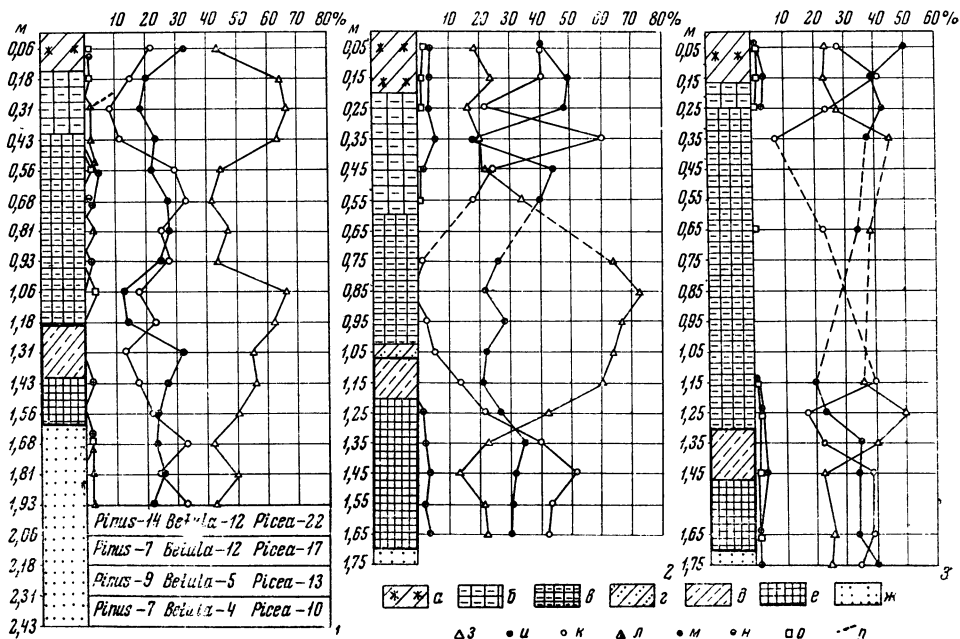

Рис. 7. Строение и пыльцевые диаграммы I Висского торфяника

1 — диаграмма 1; 2 — диаграмма 2; 3 — диаграмма 3

а — заиленный осоковый торф с хвощом; б — буроватый глинистый сапропель; в — оливково-сероватый глинистый сапропель; г — песок с растительным детритом; д — гипново-осоковый торф; е — грубодетритовый сапропель; ж — серый песок; з — п — пыльца: з — ель; и — сосна; к — береза; л — пихта; м — ива; н — сибирский кедр; о — ольха; п — липа

рой (рис. 7, 2) — в аналогичном углу кв. 5—Д, для третьей — на восточной стенке шурфа (рис. 7, 3).

По своей стратиграфии эти места несколько различались между собой. В кв. 5—Д. буроватый глинистый сапропель достигал мощности 0,4 м, в кв. 4—В — 0,2 м, а в шурфе всего 0,1 м. В последнем случае оливково-сероватый глинистый сапропель был особенно сильно минерализован и оглеен, так что в нем пыльца сохранилась только на глубине 0,6—0,7 м. Различной была в точках взятия образцов и мощность самого торфяника — от 0,4 м (в кв. 4—В) до 0,65 м (в кв. 5—Д).

Ход кривых ели, березы и сосны на всех трех диаграммах почти одинаков. Особенно сходны между собой спектры самого торфяника, причем по пыльце, как и по стратиграфии, намечаются две фазы его формирования: во время отложения грубодетритового сапропеля кривые основных лесообразующих пород шли почти параллельно, а при заторфовывании старницы происходил непрерывный подъем кривой пыльцы ели при одновременном падении кривой пыльцы березы и в меньшей степени, сосны. Верхние отрезки висских диаграмм отвечают времени накопления озер-

ных осадков и формирования осокового с хвощом торфа. Кривая ели вначале продолжает подъем, достигает максимума в нижнем горизонте глинистой толщи, затем падает до минимума и сближается с кривыми березы и сосны, с которыми она разошлась в фазе этого максимума. Некоторое время все три кривые вновь идут почти параллельно, что приурочено к средней части глинистых отложений. В их верхнем горизонте наблюдается новое увеличение количества пыльцы ели за счет уменьшения числа пылинки березы. Этот верхний максимум ели на диаграмме № 2 выражен слабо, что является ее особенностью. Наконец, завершающему этапу формирования поймы — накоплению осокового торфа — отвечает падение кривой пыльцы ели и подъем кривой пыльцы сосны.

Из всего изложенного можно сделать следующие выводы, основанные на сопоставлении висских диаграмм со спектрами урочища Вис-Вом-Дор. Осоковый с хвощом торф и верхнюю часть глинистых отложений буроватой окраски можно отнести к субатлантическому времени (по К. К. Маркову, начинается в 500 г. до н. э.). Средний горизонт этих отложений накопился в суббореальный период (2500—500 гг. до н. э.), а самый нижний имеет атлантический возраст (5000—2500 гг. до н. э.). I Висский торфяник укладывается в рамки бореального периода (по В. К. Гуделиусу и М. И. Нейштадту, 7800—5700 гг. до н. э.) и переходного (5700—5000 гг. до н. э.)³⁴.

Здесь уместно привести один археологический факт, подтверждающий, что оливково-сероватые глинистые отложения накопились в среднем голоцене. В них встречена в большом количестве неолитическая керамика II типа в чистом виде, преимущественно у самого края останца Малый Кытчесмыльк. Обломки очень крупные, что говорит против их переотложения (о том же свидетельствует нахождение отдельных черепков на значительном удалении от останца, например в шурфе № 25). В буроватом же глинистом сапропеле часто встречается в небольших обломках керамика позднелебязского, ананьинского, гляденовского и более ранних типов. Это показывает, что буроватый слой, очевидно, с переотложенными черепками накопился в субатлантическое время, а оливково-сероватый в период неолитической посуды II типа (которая хронологически отвечает концу атлантического — первой половине суббореального периода³⁵) и в более раннее время: в неуплотненные глинистые отложения обломки слегка погружались.

Обратимся теперь к вопросу о причинах подтопления местности в окрестностях устья р. Симвы.

Небезынтересно отметить синхронность существования старицы, от которой произошел I Висский торфяник, водоемов, из которых, по нашему предположению, образовалось Синдорское озеро, и анцилового озера на месте современного Балтийского моря. Затем, в атлантический период, повышается уровень в синдорских водоемах, а анциловое озеро превращается в литориновое море. Можно предполагать, что хронологиче-

³⁴ М. И. Нейштадт. Указ. соч., стр. 3—22.

³⁵ См. § 1 гл. IV.

ское совпадение этих двух процессов не случайно, и они связаны с одними и теми же явлениями. Правда, резкое повышение уровня озерных вод может быть обусловлено и местными новейшими движениями земной коры, ухудшающими сток или делающими его невозможным (прогибание озерной низины, образование поперек русла вытекающей реки антиклинального изгиба)³⁶. Однако никаких следов подобных процессов не обнаружено.

Некоторые ученые разделяют мнение об одной или нескольких послеледниковых трансгрессиях Белого и Баренцова морей. Эти трансгрессии захватывали долины нижней и средней Мезени, Пинеги, Северной Двины и Вычегды — до устья р. Выми включительно³⁷. В. С. Медведев, Г. С. Бискэ и другие авторы пришли к выводу об одной послеледниковой трансгрессии Белого моря. Г. С. Бискэ, Н. Н. Горюнова и Г. Ц. Лак основывают свое заключение на данных — 8-метрового разреза у ст. Лоухи (Северная Карелия), имеющего абсолютную отметку около 80—90 м. Здесь, на глубине 7,5 м, обнаружен слой глин с соленоводно-морскими диатомовыми. Эти авторы датируют послеледниковую трансгрессию средним голоценом и сопоставляют ее с временем литоринового моря Балтики³⁸, что на схеме Блитта-Серпандера соответствует атлантическому периоду. По И. К. Авилову, имела место одна крупная трансгрессия Белого моря, но можно допускать и другие изменения его береговой линии³⁹. Эту бурную трансгрессию И. К. Авилов синхронизирует со II литориновой трансгрессией Балтики (4500—2000 гг. до н. э.). По его данным, в Двинской губе уровень воды поднялся на 23 м, а в Онежской — на 35 м.

Послеледниковая трансгрессия должна была вызвать повышение базиса эрозии у рек Вычегодского бассейна и в частности у р. Выми. Многие геоморфологи считают, что подобное повышение неизбежно отражается на водном режиме всего бассейна, уменьшая сток⁴⁰ и, следовательно, поднимая уровень воды в водоемах, из которых вытекают реки. К выводу о повышении уровня воды в озерах во время трансгрессии пришел и советский океанолог А. В. Щитников. «В трансгрессивную фазу, — пишет он, — общая увлажненность материков увеличивается, т. е. на них происходит накопление влаги; этот процесс протекает за счет такого соотношения водного баланса океана и материков, при котором материк приобретает ее за счет потери влаги океанами и морями: уровень последних, следовательно, при этом понижается, и на материках увеличивается общий сток и повышается уровень озер»⁴¹.

³⁶ В. В. Ламакин. Современное поднятие земной поверхности на средней Печоре. «Известия АН СССР», сер. геол., 1945, № 4.

³⁷ Н. И. Николаев. Новейшая тектоника СССР, стр. 163—172, рис. 147.

³⁸ Г. С. Бискэ, Н. Н. Горюнова, Г. Ц. Лак. Голоцен Карелии. «Труды Карельского филиала АН СССР», вып. XI. Петрозаводск, 1959, стр. 57—66.

³⁹ И. К. Авилов. Мощность современных осадков и послеледниковая история Белого моря. «Труды Государственного океанографического института», вып. 31 (43). Л., 1956, рис. 13, табл. 28.

⁴⁰ М. С. Щукин. Указ. соч., стр. 221—223.

⁴¹ А. В. Щитников. Изменчивость трансгрессий и регрессий Балтики и прибалтийских побережий в свете неравенства сил тяготения. «Материалы к симпозиуму по истории озер Северо-Запада». Л., 1965.

По Ю. П. Юдину, Синдорское озеро было образовано запруженными ледниковыми водами, которые заполнили существовавшую ранее впадину невыясненного происхождения, причем запруживание вод было вызвано бореальной трансгрессией⁴². Не пытаюсь опровергнуть точку зрения Ю. П. Юдина и допускаю, что группа озер в рассматриваемом районе образовалась в ледниковое время, мы все же отводим важную роль в истории Синдорского озера трансгрессии атлантического времени.

Подтопление местности в окрестностях устья р. Симвы отразилось на режиме близлежащих болот, явившись причиной резкого снижения степени разложения торфа, которая уменьшается в рассмотренных разрезах болот Кычан (скважина № 3) и Леблуд-Нюр (скважина № 4) с 80—90% до 10—50%. Интересно, что в суббореальное время вновь отмечается увеличение степени разложения торфа до 20—30%, после чего ее кривая опять падает до минимума. Это увеличение можно рассматривать как указание на период со слабой увлажненностью.

Если взять семь диаграмм с кривыми разложения торфа по бассейну Вымы, то в целом удастся проследить следующую закономерность. В горизонтах бореального времени степень разложения 80—90%. Затем она резко снижается и в горизонтах атлантического периода составляет всего 10—15% (в одном случае 80%); меньше всего торф разложился преимущественно в середине и конце атлантического времени. Однако в суббореальное время торф снова начинает усиленно разлагаться, хотя и не в такой степени, как в нижних горизонтах (20—80% и лишь на одной диаграмме 10%). После этого степень разложения вновь падает до 5—7%⁴³.

О слабой увлажненности в суббореальное и раннее субатлантическое время говорят также явления в стратификации донных осадков озера. В скважине урочища Вис-Вом-Дор, сложенной в основном сапропелем, на глубине, соответствующей первой части субатлантического периода, появляется осоково-хвощевой, а затем и хвощевой торф, выше сменяемый сапропелевыми осадками; в толще торфа, мощностью 1,5 м степень разложения торфа увеличивается снизу вверх. Я. Я. Гетманов связал образование этой толщи с относительно сухим периодом, длившимся продолжительное время⁴⁴.

Следующий факт, красноречиво говорящий о существовании сухого периода — это торфяные прослойки между слоями оливково-сероватого и буроватого глинистых сапропелей. Эти прослойки представляют собой тонкие (0,05—0,2 м) линзы площадью от одного до нескольких квадратных метров и отмечены в квадратах 23₁—Д, 7—Е, 7—К—Н и 7—Р—С, т. е. преимущественно в северо-восточной части раскопа.

---

⁴² Ю. П. Юдин. Указ. соч., стр. 9, 10, 398.

⁴³ Степень разложения торфа находится в определенном соответствии с его ботаническим составом. В сильно разложившихся торфах бореального и раннеатлантического возраста гораздо больше травянистых и древесных остатков, чем в остальных, для которых наиболее характерны влаголюбивые гипнум и осока.

⁴⁴ Я. Я. Гетманов. Возраст и история образования болот Железнодорожного района по исследованиям 1948 г., стр. 3—5.

Необходимо подчеркнуть, что линзы стратиграфически отвечают тем частям пыльцевых диаграмм, которым в урочище Вис-Вом-Дор соответствует торф, а на болотах Кычан и Леблуд-Нюр — горизонты торфа повышенной степени разложения. И напротив к оливково-сероватому глинистому сапропелю приурочены те же спектры, которые на этих болотах характерны для торфяных горизонтов низкой степени разложения. Это обстоятельство дает возможность сопоставить диаграммы I Висского торфяника и болот синдорского района.

Четвертый факт — отсутствие деревянных изделий и местами даже пыльцы (шурф № 20) в оливково-сероватом сапропеле, хотя он находится ниже уровня грунтовых вод, и сильная уплотненность этого слоя (чего нельзя сказать о буроватом сапропеле). Приведенный факт объясним только снижением уровня грунтовых вод и выгниванием органического вещества (вначале образовались торфяные линзы, а затем произошло и высыхание сапропеля).

Можно считать, что все эти явления отражают некоторое падение уровня Синдорского озера в суббореальный период (которое позднее сменилось небольшим подъемом). По-видимому, они были вызваны снижением базиса эрозии для р. Вычегды. Причиной последнего могла быть выраженная регрессия Белого моря. О ней свидетельствует топографическое положение стоянок Двинской губы, расположенных на дюнах близ р. Галдарея. Дюны тем выше, чем дальше от моря, а «берега р. Галдарея, прорезывающей дюны, высокие в отдалении от моря, у устья понижаются и достигают уровня береговой полосы». Как доказала М. Е. Фосс, «обнаруженные у р. Галдарея стоянки на шестом и пятом ряду дюн, находящиеся в настоящее время на большом расстоянии от моря, в свое время были тоже у самого берега, и только по мере отступления моря они оказались в отдалении от него». При этом дальше и выше всех расположена стоянка с неолитической керамикой II волго-окского типа (Галдарея I)⁴⁵, затем идут поселения с посудой II синдорского типа ранней бронзы (Галдарея II) и, на третьем ряду дюн, вблизи от моря, стоянка с посудой ранне-лебяжского облика (Галдарея III)⁴⁶. Итак, в III—II тысячелетиях до н. э.⁴⁷ на Двинской губе действительно имело место значительное отступление береговой линии.

Снижение уровня вод в суббореальное время прослеживается и в долине Вычегды. Кривая степени разложения торфа на ее болотах (Эрид-Нюр, 9 скважина, Модла-Пов-Нюр, 1 и 10 скважины) имеет те же подъемы и падения, которые характерны для вымских и синдорских диаграмм. Несколько по-другому ведет себя кривая степени разложения торфа на сысольском болоте Саляты (21 скважина)⁴⁸. Какими местными явлениями вызвана данная особенность, неизвестно.

Имеются также косвенные археологические данные о том, что в суб-

⁴⁵ Достопримечательно, что в Синдоре керамика волго-окского типа также отвечает высокому уровню воды.

⁴⁶ М. Е. Ф о с с. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА. № 29, 1952, стр. 120—137, 232, 233.

⁴⁷ См. гл. IV, стр. 69—121.

⁴⁸ Данных о других хорошо датированных сысольских разрезах нет.

бореальное и отчасти субатлантическое время уровень воды в Вычегде был ниже, чем в предшествующее атлантическое. Речь идет о высоком гипсометрическом положении позднемезолитических стоянок по сравнению с поселениями второй половины III тысячелетия до н. э. — середины I тысячелетия н. э. Эта разница устанавливается при определении средней высоты над урезом межи, с одной стороны, стоянок с микролитическим инвентарем и, — с другой, поселений с орудиями из отщепов. В подсчет взяты 10 памятников первого типа и 21 — второго, т. е. все поселения вычегодской долины, кроме расположенных в стороне от Вычегды (высота которых над ее уровнем неизвестна) и невыразительных. Оказалось, что стоянки с микролитическим инвентарем в среднем расположены на 3,5 м выше, чем более поздние (9,5 и 13 м).

Таким образом, первая стадия развития поймы в урочище Кытчесмыльк относится к бореальному и переходному периодам, т. е. к раннему и самому началу среднего голоцена, по схеме М. И. Нейштадта. По-видимому, эта стадия захватывала и начало атлантического времени, к которому могут относиться прослойки песка с растительным детритом, часто встречаемые между торфяником и оливково-сероватыми глинистыми отложениями. Вторая стадия принадлежит атлантическому времени, а третья начинается около рубежа атлантического и суббореального. Помимо деления стадии на 10—11 фаз по динамике русел Симвы и Виса, можно расчленить ее на три этапа по степени увлажненности района.

Первый этап третьей стадии соответствует первым фазам истории русел до значительного снижения уровня воды в Синдорском озере, а второй совпадает со временем низкого стояния воды в нем и образования торфяных линз между оливково-сероватым и буроватым слоями. Третий этап характерен некоторым повышением уровня воды в озере, что должно было вызвать небольшую трансгрессию этого водоема до устья р. Симвы. Происходит формирование буроватого глинистого слоя в два раза меньшего по мощности, чем залегающий ниже оливково-сероватый глинистый сапропель. По-видимому, размывается край останца Большой Кытчесмыльк и его серый песок откладывается вдоль притеррасного края старицы II Висского торфяника, которая уже заполнилась озерными осадками. Позднее над этим песчаным слоем вырастает залежь осоково-древесного торфа, а над буроватым глинистым сапропелем — слой осокового с хвощом, сильно минерализованного торфа. Так как песчаный слой моложе озерных отложений II торфяника, содержащих керамику ванвиздинского типа, можно думать, что новое повышение уровня воды в Синдорском озере произошло после середины I тысячелетия н. э.

Трансгрессия озера не привела к ликвидации речных русел в урочище Кытчесмыльк, так как они были довольно глубокими, а повышение уровня воды не было очень продолжительным: мощность осадков невелика. Вполне вероятна связь между этой трансгрессией и вековым погружением приустья р. Северной Двины, о котором свидетельствует в частности залежание культурного слоя Кузнечихинской стоянки на уровне моря или даже несколько ниже⁴⁹.

⁴⁹ Б. Ф. Земляков и И. М. Покровская. Указ. соч., стр. 99.

Итак, мы попытались увязать различные источники по истории поймы близ устья р. Симвы. Все изложенные аргументы доказывают очень глубокий, бореальный возраст I Висского торфяника и найденных в нем вещей из растительных материалов.

Приведенные геологические, географические, ботанические и археологические данные находятся в полном соответствии с данными радиоуглеродного анализа образца древесины из I Висского торфяника. Для анализа было взято бревно, найденное в самой глубокой части раскопа, где общая мощность гипново-осокового торфа и грубодетритового сапропеля составляет более 1,5 м, на стыке торфа и сапропеля (глубина 0,5 м от поверхности торфяника). В том же квадрате K₁—27 выше бревна (глубина 0,2 м от древней поверхности) залегал санный полоз, а ниже (глубина 1,0 м) — лук. Поскольку бревно попало в торфяник не в речную стадию его формирования, а при переходе от озерной к болотной, становится невероятным, чтобы этот предмет затонул в более раннее время и был принесен водами. Кроме того, бревно имеет в средней части отпечаток очень твердого рифленого предмета, сделанный, по-видимому, при участии человека.

Трудно также сомневаться в надежности полученной радиоуглеродной даты, так как сохранность древесины отличная. Определенный абсолютный возраст образца — 7820 ± 80 лет⁵⁰. Следовательно, дата его — 5950—5790 лет до н. э., т. е. первая четверть VI тысячелетия до н. э.

Однако формирование толщи торфяника началось задолго до попадания туда датированного предмета и закончилось лишь после отложения торфа. В связи с неравномерностью накопления озерно-болотных отложений трудно определить скорость превращения старицы на месте I торфяника в болотный массив. С одной стороны, исследователи приводят факты очень быстрого заторфовывания водоемов (для превращения озер в окрестностях Тосно под Ленинградом в болота потребовалось 180—300 лет, оз. Königsee в Венгрии, площадью 8 га, совершенно заросло в 30 лет, а поверхность оз. Святого в бывшем Бежицком уезде Тверской губернии за 400 лет уменьшилась с 310 до 166 га)⁵¹. С другой стороны, известно, что скорость отложения седиментов и торфов в бореальное время составляет всего 0,05—0,1 см в год⁵². Далее, мы должны учитывать, что отложения нашего водоема представляют собой старичный аллювий, накопление которого может протекать сравнительно быстро, но в данном случае как сапропель, так и торф, минерализованы относительно слабо. Кроме того, в болотную стадию образования I Висского торфяника существенно изменился состав лесов. Видимо, не будет ошибкой взять нижней датой вещей из торфяника начало или середину VII, а верхней — конец VI тысячелетия до н. э.

⁵⁰ Определение сделано радиоуглеродной лабораторией ЛОИА (С. И. Руденко, Е. Н. Романова и др.).

⁵¹ Н. Я. Кац. Болота и торфяники. М., 1941, стр. 93.

⁵² В. С. Доктуровски. Торфяные болота. Минск, 1933, стр. 190, 191; Н. Я. Кац. Болота и торфяники, стр. 191—193.

Этапы голоценовой истории Синдорского района

Т а б л и ц а 1

Абсолютная дата	Климатические периоды по Блугу-Сернанде-ру	Время по М. И. Нейштадту	История заселения Синдора	Пыльцевые спектры Вычегодского края	Стадии формирования почвы в урочище Кытчесмыльк	Этапы III стадии	Статиграфия I торфяника	Стратиграфия II торфяника	Степень разложения торфа в ботах Кычан и Леблун-Нюр, %	История Синдорского озера	История Двинской губы	
1070 г. н. э.	Субатлантический	Поздний голоцен	Деревня Синдор	Падение кри-вой пыльцы ели; сосна достигает максимума; минимум березы	III	3	Осоковый с хвощом торф	Древесно-осоковый торф	7—20	Современная стадия	Трансгрессия (по И. К. Авилову)	
0							Буроватый глинистый сапропель	Стерильный серый песок				
1000 г. до н. э.	Суббореальный	Средний голоцен	Культуры			2	1	Линзы торфа	Детритовый и песчаный сапропель	20—30	Озеро с низким уровнем воды	Регрессия (по данным топографии стоянок на р. Галда-рее)
2000 г. до н. э.			Ванвиздинская	Подъем кри-вой пыльцы ели и падение кривой пыльцы березы								
3000 г. до н. э.			Неолитические	Пыльца ели, сосны и березы почти в одинаковом количестве; максимум ольхи; дуб и вяз		II	Оливково-сероватый глинистый сапропель	Серый песок	10—15	Озеро максимальной площади	Интенсивная трансгрессия (по И. К. Авилову)	
4000 г. до н. э.	Бронзового века	Сближение кривых ели сосны и березы										
5000 г. до н. э.	Переходный	Ранний голоцен	Мезолитическая культура I Виско-го торфяника	Процент пыльцы ели увеличивается, березы — снижается	I		Песок с детритом	Гипново-осоковый торф	80—90	Группа озер	Бурная регрессия (по И. К. Авилову)	
6000 г. до н. э.							Ель, сосна и береза представлены почти одинаково; максимум березы и лиственницы					Грубодетритовый сапропель
7000 г. до н. э.	Бореальный										Постепенная регрессия (по И. К. Авилову)	
8000 г. до н. э.												

Данные анализа по C_{14} облегчают также датировку II Висского торфяника, точнее озерной фации его отложений. Если поздняя дата этой фации по ванвиздинской керамике, которая составляет основную массу находок в торфянике, определяется V в. н. э., то ранняя, по-видимому, лежит в рамках II тысячелетия до н. э. Радиоуглеродная дата образца обработанной древесины из II торфяника — 3610 ± 80 лет, т. е. 1740—1580 гг., или XVIII—XVI вв. до н. э. Если более древних деревянных предметов в торфянике нет, то накопление растительных культурных остатков в нем началось в эпоху ранней бронзы и продолжалось до конца ванвиздинской эпохи. Этот процесс мог происходить только в IV, V и VI фазу истории русел Симвы и Виса, а наиболее благоприятной должна быть VI, старичная. Следовательно, предварительная дата IV—VI фаз — XVIII в. до н. э. — V в. н. э. К более раннему, неолитическому времени, вероятно, относятся I—III стадии, а к VI—XX вв. — VII—XI.

Даты I и II Висских торфяников будут корректироваться новыми радиоуглеродными анализами деревянных предметов, но существенных изменений предложенная хронологическая шкала (табл. 1), по-видимому, не потребует⁵³.

⁵³ Выводы о возрасте I и II Висских торфяников великолепно подтвердились новыми анализами, выполненными в 1967 г. радиоуглеродной лабораторией ЛОИА. Даты трех изделий из I торфяника укладываются в пределы VI тысячелетия до н. э., а весло и свая из II торфяника относятся к I в. до н. э. — V в. н. э.

Глава вторая

ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В РАЙОНЕ СИНДОРСКОГО ОЗЕРА И ИХ РАСКОПКИ

Археологические памятники района размещены по рекам Вис и Симва, а также на самом озере. Поэтому они делятся на висские, симвинские и синдорские. Это деление условно, так как главные висские поселения, I и II, находятся в устье Симвы в непосредственной близости от стоянок Симва I и II.

Берега Виса были обследованы от Синдорского озера до устья р. Тобысь (20 км по прямой и около 45 км по реке). Всего открыто пять поселений, из которых лишь одно на значительном удалении от устья Симвы, хотя русло Виса во многих местах подходит к боровой террасе.

Вис I. Поселение расположено в основном на останце Малый Кытчесмыльк, который был сплошь покрыт культурным слоем, частично переходившим в пойму. На Висе I заложены три раскопа — два целиком на останце и один в основном за его пределами. I раскоп разбит в юго-западной части останца, II — на пойме вдоль низкой стрелки на его противоположном конце, а III — между двумя первыми.

Работы на суходоле. Раскоп I, площадью 186 м² был вытянут с юго-запада на северо-восток (рис. 8). Юго-западный его край примыкал к силосной яме, а северо-восточный — к шурфу № 1 1959 г.

Стратиграфия наслоений, вскрытых раскопом (рис. 9, IV), была такова: 1) темный пахотный слой с одновременными культурными остатками, главным образом кремнем и мелкими обломками керамики (мощность 0,1—0,15 м); 2) темно-серый гумусированный песок, насыщенный крупными фрагментами керамики и другими культурными остатками; 3) желтый материковый песок. Толщина пласта темно-серого песка, который представляет собой ненарушенный культурный слой, была различной и достигала 1 м. Там, где слой имел значительную мощность, его верхняя часть — горизонт вымывания — имела более светлую окраску, чем нижняя.

На территории раскопа обнаружены остатки двух неолитических жилищ. Помещения строились на почти горизонтальной площадке и были слабо углублены в материк, но очертания их прослеживались хорошо. Полы жилищ были покрыты слоем с более или менее чистой неолитиче-

ской керамикой III типа. Отчасти попеременно с керамикой жилищ, но в целом стратиграфически выше залегала на площади раскопа неолитическая посуда II типа и раннебронзовая керамика.

В северо-западной части раскопа (в квадратах 8 — А и 9 — А) обнаружены две ямы в материке, одна из которых овальной формы (в поперечнике 2,2 м), а другая — округлой (диаметр 1 м); в песок они углублены на 0,35 м. Заполнение содержало керамику трех типов раннего бронзового века и усть-вымского типа, вследствие чего определить, с какой именно посудой ямы связаны, невозможно. Значительно больший интерес представляет очажная яма с раннебронзовой керамикой II типа, впущенная в слой, заполнявший неолитическое жилище № 2 (кв. 13 — А₁). На дне ямы обнаружена сажисто-углистая прослойка, свидетельствующая о том, что дно у ямы было круглым. В этой прослойке и залегала керамика.

В раскопе найдена керамика 9 основных типов — 3 неолитических, 3 раннебронзовых и 3 железного века. Неолитическая посуда III типа, связанная с жилищами, размещена главным образом на их площади. Это вполне понятно. Требуется объяснения тот факт, что почти аналогично залегает керамика остальных двух, по-видимому, более древних¹ неолитических типов и что более поздние обломки посуды также тяготеют к жилищным впадинам.

До постройки неолитических жилищ на поселении уже, очевидно, существовал культурный слой с неолитической посудой типов I и II. При сооружении этих жилищ он был удален с их площади и отложен вдоль краев полученных углублений. После гибели неолитических построек началось заполнение впадин окружающим грунтом, в результате чего основное количество керамики оказалось на площади жилищ.

Процесс перемещения культурных остатков от краев углублений к их центрам, несомненно, происходил, постепенно ослабевая, и в более позднее время.

Вторая причина того, что культурные остатки разного времени тяготеют к неолитическим впадинам с керамикой типа III, касается лишь бронзового и железного веков. Люди этого времени, выбирая место для навеса или шалаша, естественно, могли воспользоваться готовыми площадками. Имеются основания сомневаться в существовании на площади неолитических жилищ более поздних помещений: довольно значительно количеству керамики явно не соответствует всего один небольшой очаг.

В самом возвышенном месте островка Виса I при закладке шурфа 2 × 2 м в 1961 г. было обнаружено скопление неолитической керамики. В 1964 г. с юга к шурфу был прирезан раскоп III размерами 6 × 4 м и общей площадью 26 м². Наслоения в нем залегали так же, как в раскопе I.

У южной стенки раскопа III исследовано несколько сажисто-углистых линз неизвестного возраста, впущенных в яму и разделенных культур-

¹ См. гл. IV, стр. 74—78.

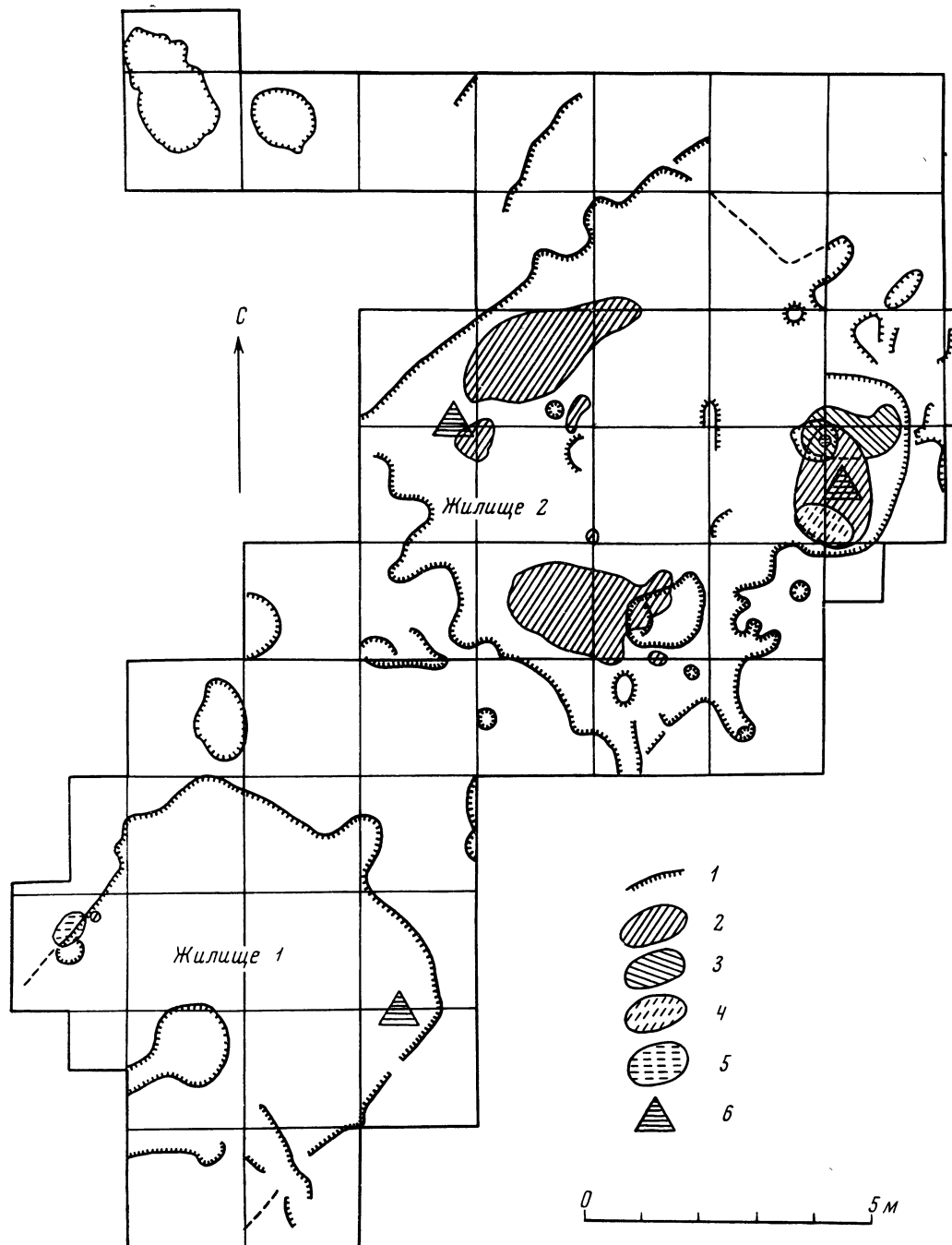
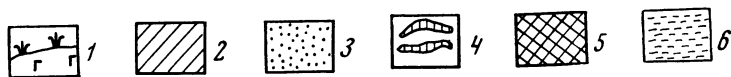
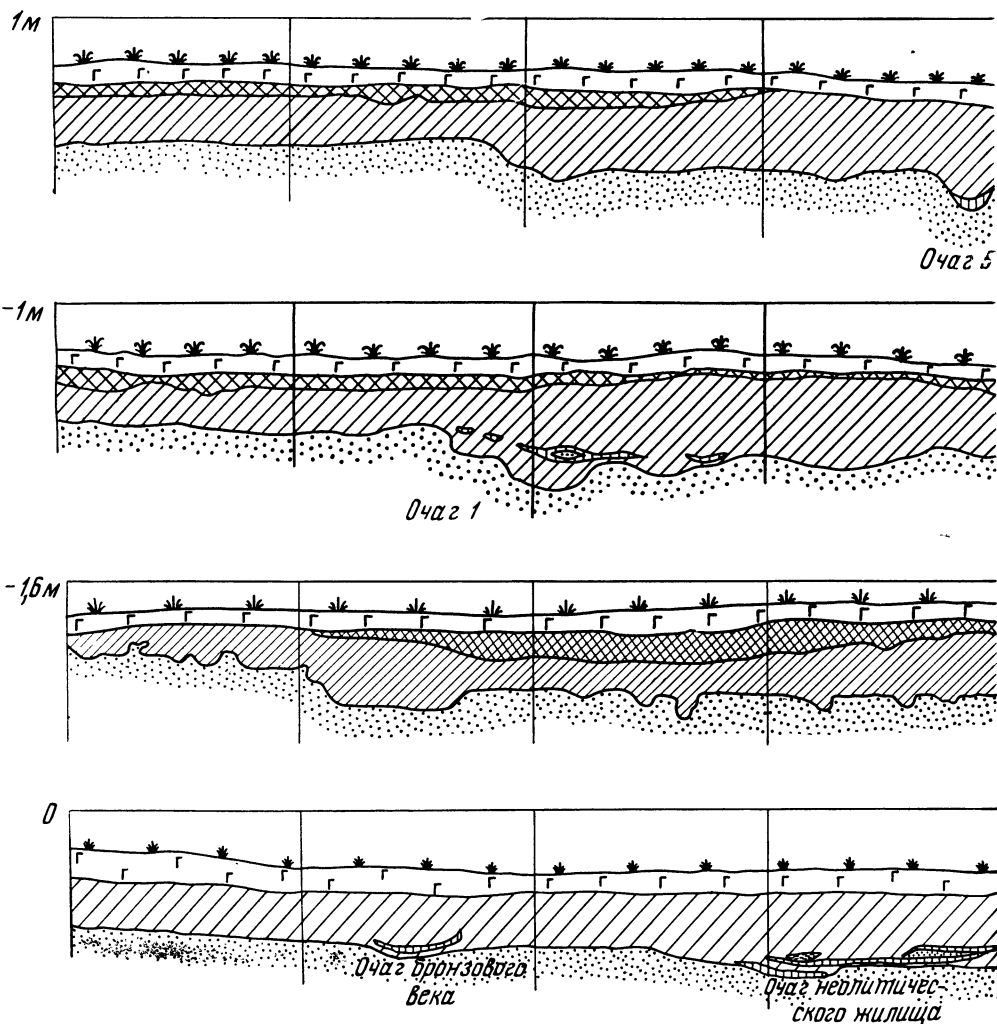
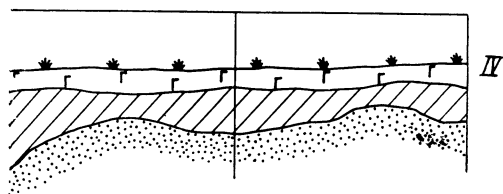
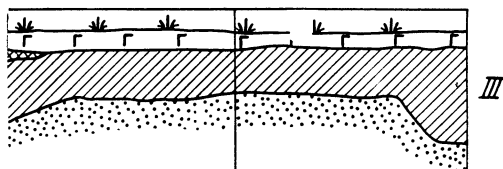
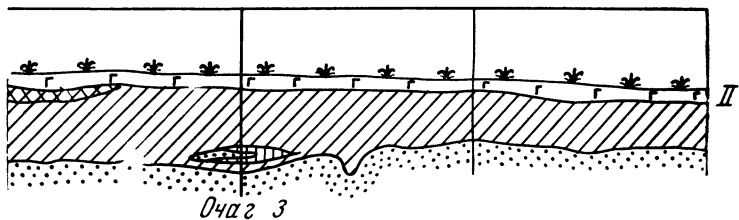
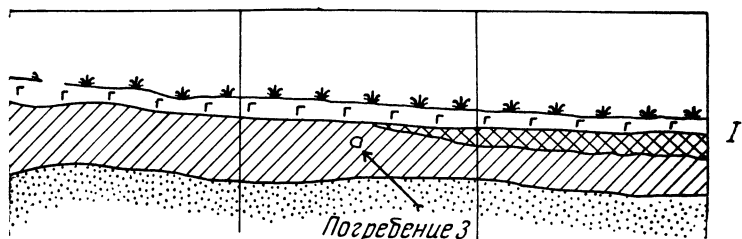

Рис. 8. План неолитических жилищ на поселении Вис I

1 — уступ в материке; 2, 4 — сажисто-углистые линзы горизонтального простирания; 3 — сажисто-углистая линза, углубленная в яму; 5 — глина; 6 — развал сосуда или очень крупной его части

ным слоем. В 1,2 м к северу от них открыта овальная в плане яма 1,5 м в поперечнике, углубленная в материк на 0,9 м и заполненная культурным слоем. В яме на уровне материка и ниже, но не на самом дне залегал неполный развал неолитического сосуда II типа (табл. VI, 1). Очевидно, яма относится к неолиту и имела хозяйственное назначение. Из других объектов, вскрытых земляными работами, следует упомянуть кострище бронзового века с керамикой I типа в северо-западном углу

0 100 см

Рис. 9. Разрезы раскопов на останках Большой и Малый Кытчесмыльк

I — профиль восточной стенки полосы 21 на поселении Вис II; II — профиль северной стенки полосы В там же; III — профиль южной стенки полосы Б₁ там же; IV — профиль восточной стенки полосы 13 на раскопе I поселения Вис I

1 — пахотный слой; 2 — темно-серый культурный слой; 3 — желтый материковый песок; 4 — сажисто-углистые линзы; 5 — зольный слой ванвиздинского жилища; 6 — глина

третьего раскопа. Между раскопами I и III был заложен шурф (17—Д) площадью 2×2 м, а к востоку от первого — 25—А и 30—А. В последнем оказались небольшие кострища с раннебронзовой керамикой II типа и неполный развал сосуда средней величины (табл. XI, 6).

В III раскопе найдено значительно меньше вещей, чем на такой же площади I раскопа. Отмечается небольшая насыщенность культурного слоя кремнем и в особенности керамикой, хотя мощность отложений зна-

чительна. Беден находками слой и далее к северо-востоку на стрелке, где он к тому же небольшой толщины. Вероятно, фактический центр поселения находился в юго-западной части останца надпойменной террасы.

На I Висском поселении (в черту которого входит и торфяник) найдено много тысяч фрагментов глиняной посуды (табл. 2), огромное количество кремня (около 37 тыс. кремней), целый ряд каменных шлифованных орудий, отходов и инструментов их изготовления (табл. 3), несколько поделок из глины и бронзовых изделий, немного железных шлаков. Если учитывать только сосуды, выделенные по венчикам, то основная масса керамики относится ко II типу эпохи ранней бронзы. Второе место занимает лебяжский тип, третье — I раннебронзовый, четвертое и пятое — II и III неолитические, шестое — ананьинский, седьмое — гляденовский, восьмое — III раннебронзовый. В небольшом количестве найдена керамика ванвиздинской культуры, I неолитического типа, валиковая и усть-вымская.

I Висский торфяник. Раскоп II вытянулся дугой по притеррасной части торфяника и юго-восточному краю останца более чем на 80 м. Такая конфигурация раскопа объясняется стремлением охватить наиболее перспективную часть старичных отложений. Всего вскрыта площадь 416 м², из которых 362 приходится на территорию торфяника.

При исследовании столь своеобразного объекта, как I Висский торфяник, возник вопрос о том, какие приемы следует применять на его раскопках. Вначале мы попытались заложить на торфянике сплошной раскоп площадью 12 м² и убедились, что вскрывать всю намеченную площадь такими сравнительно большими участками нецелесообразно. На участке пришлось работать долго, и его стенки, сложенные плавунными глинистыми и супесчаными осадками, обваливались. Крепление же стенок срубами, как это делалось при раскопках стоянки на р. Кузнечихе², было бы малоэффективным. Для такой цели понадобилось бы огромное количество леса и очень много времени, а сам процесс раскопок сильно усложнился бы из-за необходимости закладывать каждый раз раскопы прямоугольной формы. В то же время мы лишились бы возможности вести стратиграфические наблюдения на стенках раскопа, которые пришлось бы закрыть срубом. И вообще у нас было бы ограниченное количество профилей, так как при закладке сплошного раскопа фиксация стенок всех квадратов в чертежах была бы невозможна. А это крайне важно для определения стратиграфического места вещей и их относительного возраста. Наконец, в большом раскопе намного труднее бороться с водой.

При пробных раскопках и шурфовке можно было убедиться, что в торфянике нет остатков каких-либо сооружений, для изучения которых было бы желательно вскрывать значительную площадь одновременно. Учтя все обстоятельства, мы применили метод раскопок, близкий тому, который используется при исследовании больших курганов кольцевыми траншеями.

---

² В. И. Смирнов. Стоянка на р. Кузнечихе в г. Архангельске. КСИИМК, вып. IX, 1941, рис. 16.

Таблица 2

Количество глиняных сосудов разных типов с древних поселений при устье
р. Симвы

Тип	Вис I		Вис II		Вис III		Симва I		Симва II	
	по венчи- кам	всего	по венчи- кам	всего	по венчи- кам	всего	по венчи- кам	всего	по венчи- кам	всего
I неолитический (камский) . . .	15	56	—	4	3	6	—	—	—	—
II неолитический (волго окский)	97	565	48	243	27	67	—	—	—	—
III неолитический (вычегодско- вятский)	96	652	126	744	3	7	—	—	—	—
I раннебронзовый (каргополь- ский)	137	262	35	66	2	3	—	—	—	1
II раннебронзовый (синдорский)	325	2066	17	108	1	11	—	3	1	3
III раннебронзовый (турбинский)	42	153	41	131	1	5	—	—	—	—
Валиковий	14	16	16	24	1		—	—	—	—
Усть-вымский	4		26		—	1	2(?)	—	—	—
Лебяжский	184	209	27	34	—		—	—	—	—
Ананьинский	93	98	21	25	7		—	—	—	—
Гляденовский	65	107	74	84	1		—	—	2	
Ванвиздинский	21	22	3035		13	16	4		10	
Итого	1093	4210	3466	4524	59	125	6	9	14	16

При составлении таблицы не учтены мелкие обломки, кроме тех, которые принадлежат небольшим и миниатюрным сосудам. На поселении Вис II число ванвиздинских сосудов определено лишь по фрагментам с целиком представленным орнаментальным поясом.

I Висский торфяник приходилось исследовать участками площадью 2×2 м, оставляя в каждом одну-две перемычки (бровки) шириной 0,4 м. При этом грунт отбрасывали в уже вскрытые квадраты, что предохраняло их стенки от разрушения. По окончании раскопок каждого квадрата вскрывались гипново-осоковый торф и грубодетритовый сапропель, оставшиеся в перемычках. Если какое-либо деревянное изделие врезалось в стенку квадрата не более чем на 0,4 м, то оно могло быть расчищено и извлечено при устройстве небольшого подбоя. Если же предмет уходил далеко в соседний квадрат, то он сразу же раскапывался. Вскрытие гипново-осокового торфа и грубодетритового сапропеля производилось преимущественно ножами.

Исследование торфяника небольшими участками обеспечивало необходимые наблюдения. Все находимые деревянные предметы, в том числе необработанные, наносились на план с указанием глубин залегания.

Состав каменного инвентаря с висских поселений при устье р. Симвы

Кременевые предметы	Тип изделия	Вис I	Вис II	Вис III	Поро- ед	Предметы	Тип изде- лия	Вис I	Вис II	Вис III
Отпелы	—	13 000	5700	840	Кремень	Ножи	V	2	—	1
Осколки	—	7 000	3900	275			VI	1	—	—
Мелкие кремни	—	12 700	4500	400			VII	3	6	1
Отпелы с краевой ре- тушью	—	1 765	750	222			IX	5	1	—
Незаконченные и сло- манные изделия с пло- ской ретушью, вид которых неопределим	—	310	257	66			Всего	47	16	2
Заготовки скребков . .	—	41	2	3			—	38	19	25
Заготовки рубящих ору- дий и нуклеусов . . .	—	12	10	10		Резчики из отпелов	—	10	9	7
	III	24	20	3			—	1	2	—
	IV	1	8	2			—	2	1	1
	V	9	2	2			—	1	3	—
	VI	2	11	—			—	4	5	2
	VII	15	4	6			—	16	13	23
	VIII	3	4	2			—	23	6	9
	IX, XXIII, XXXI и XXXII	По 1	—	—			—	401	104	123
	XXXII X	1	1	1			—			
Наконечники стрел . .	XI	8	—	—	Песчанки	Пластины с ретушью, име- ющие вид вкладышей и ножей	—	140	78	64
	XII	5	3	1			—	24	13	9
	XIII	—	2	—			—	15	15	15
	XIV	1	3	—			—	17	11	15
	XV	4	5	—			—	4	3	3
	XVI	5	4	—			(?)	2	4	1
	XVII	—	4	—			—	603	228	220
	XVIII	—	4	1			—	29	5	2
	XIX	—	2	—			—	13	6	1
	XX	1	1	—			—	5	3	—
						бического сечения	—	3	3	—

Кремневые предметы	Тип изделия	Вис I	Вис II	Вис III	Диа- поры	Предметы	Тип изде- лия	Вис I	Вис II	Вис III
Наконечники дротиков Наконечники копий . . .	XXI	—	3	—	Прочие поро- ды	Отщепы и осколки	—	26	2	—
	XXII	—	4	—		Куски со следами пиления	—	5	—	—
	XXIV	2	1	—		Незаконченные и сломан- ные шлифованные ору- дия	—	52	8	2
	XXV	—	4	—		Шлифовальные камни . . .	—	21	14	2
	XXVI	1	3	—		Шлифованные тела	I	—	3	—
	XXVII и XXVIII	—	По 1	—			II и IX	По 2	—	—
	XXIX	—	2	—			III	2	—	1
	?	105	72	9			IV	1	1	—
	Всего	191	167	27			V и VIII	По 2	По 2	—
	—	1	1	—			VI	1	По 1	—
Скребки высокой техни- ки	I	865	341	183	Прочие поро- ды	Долота	—	12	12	1
	II	47	11	5		Топоры или тела и топо- ры-молоты	—	1	1	—
	III	23	7	5		Топоры клиновидные . . .	—	—	По 1	—
	IV	24	28	6			—	4	—	—
	V	3	6	2		Ножи	—	7	—	4
	VI	—	1	—		Пешни, кирки, подвески и гальки с пришифо- ванными краями	—	—	—	—
	Всего	962	394	200		Наконечники стрел (вклю- чая заготовки)	—	По 1	—	—
	—	—	1	—		Стерженьки крючков	—	3	—	1
	I	27	1	—		Оселки	—	4	4	1
	II и VIII III	По 2 5	По 3 —	—		Валуны с перехватом	—	2	—	—
Ножи	IV	—	2	—		Гальки с отверстиями (вклю- чая заготовки)	—	4	—	—
						Гальки с пришифованными концами	—	—	3	—

Примечание Количество скребков гляденовского и ванвиздинского типов дано в табл. 6, число пращных (?) камней — в тексте (гл. V). Камень с насыпи узкоколейной железной дороги в коллекцию поселения Вис III не включен.

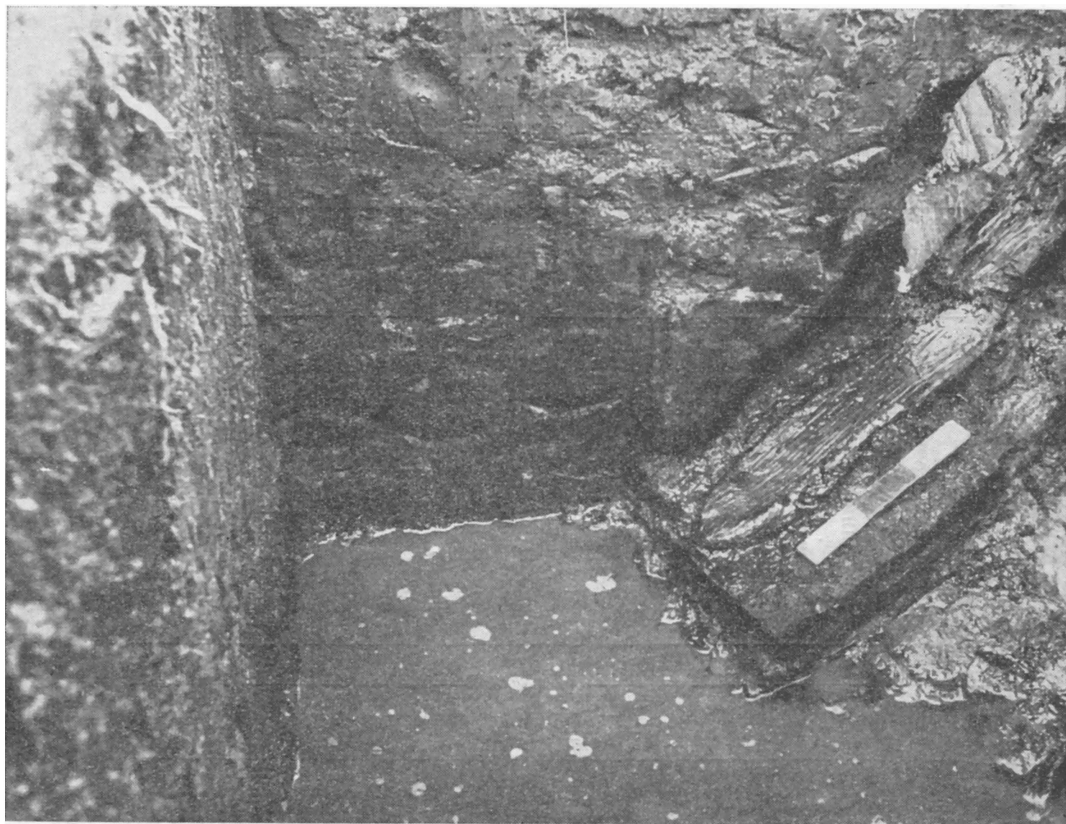

Рис. 10. Залегание санного полоза в I Висском торфянике

Стенки каждого квадрата зарисовывались. Производилась фотосъемка вещей *in situ* (рис. 10) и профилей.

Вскрытие глинистых озерных отложений, перекрывающих торфяник, проходило легко, если не считать период в начале лета, когда в квадрат могли стекать поверхностные воды, от которых можно было отгородиться небольшими насыпями. Относительно нетрудны были также раскопки гипново-осокового торфа и верхней части грубодетритового сапропеля. Хотя работы велись значительно ниже уровня реки, вода не поступала, так как не успевала за короткое время просочиться сквозь сильно спрессованные отложения. А если небольшая струя пробивалась из соседнего шурфа сквозь бровку, то воду мы собирали в небольшом дренажном «колодце», откуда ее можно было отчерпывать ведрами.

Наиболее сложным был завершающий этап исследования каждого квадрата. Если в каком-либо углу, где мощность торфяника наименьшая,

обнажалось песчаное ложе, начиналось усиленное поступление грунтовых вод. Тогда на помощь приходил ручной насос или мотопомпа М-600. Наиболее грязную воду отчерпывали ведрами. Раскопки в самом плывунном водоносном песке велись с большим трудом, в значительной степени под слоем воды, которую необходимо было почти постоянно откачивать. Углубиться в такой песок более чем на полметра было невозможно, так как яма в нем сразу же наполнялась жидкой массой.

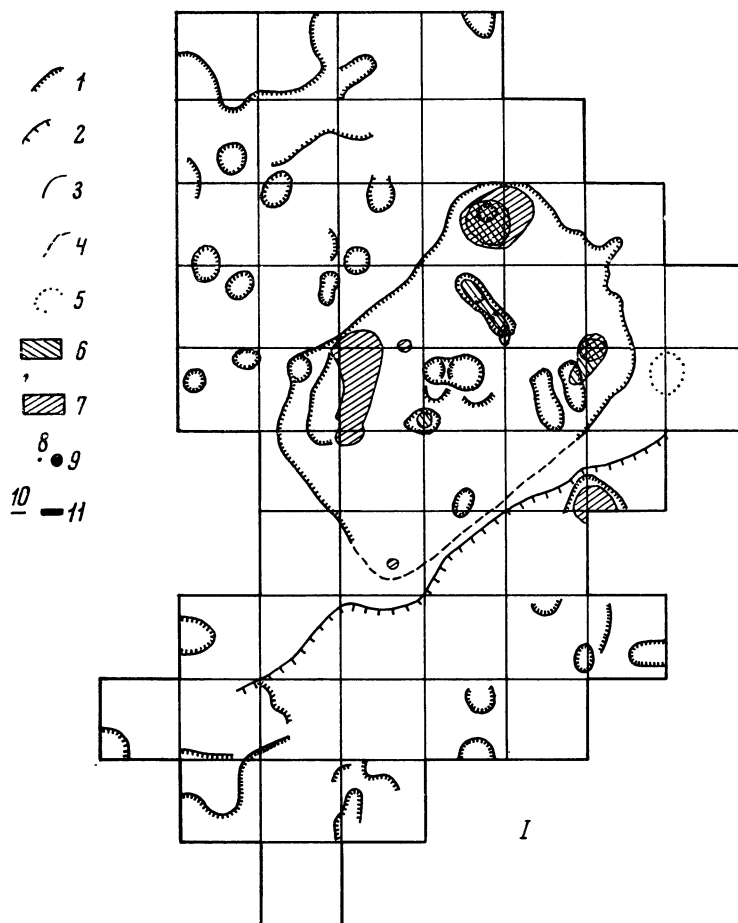
Квадрат, вскрытый до глубины 0,5—0,6 м, т. е. по верхний горизонт глинистого сапропеля, не разрушался в течение нескольких дней, так как стенки его слагал осоковый торф. Участок, на котором углубились не более чем до грубодетритового сапропеля, мог сохраняться неразрушенным от 1 до 3—4 дней, в зависимости от того, каков механический состав толщи, перекрывающей торфяник, а также от того, ограничивают ли его уже вскрытые квадраты или нет. В целях временной консервации такого участка (например на ночь) мы практиковали заливку его водой при помощи мотопомпы (с тем, чтобы предотвратить разрушение перемычек давлением жидкого грунта в квадратах и стенок под действием силы тяжести), или крепление стенок досками, между которыми устанавливались распорки. Наконец, квадрат, в котором уже показались грунтовые воды, требовал немедленного доследования, так как оставлять его до следующего дня было нецелесообразно и рискованно.

Юго-западная и северо-восточная половины раскопа заметно различаются между собой. Во-первых, отложения, перекрывавшие торфяник, в юго-западной части имели крупный механический состав не только у самого песчаного останца надпойменной террасы (как на северо-восточном конце раскопа), но и на некотором удалении от него. Это объясняется большей высотой и крутизной края последнего, его лучшей способностью поддаваться размыву. По указанной причине стенки раскопа здесь были особенно малоустойчивы против воздействия грунтовых вод. Во-вторых, на юго-западном участке озерно-болотные отложения имели гораздо большую мощность, чем на северо-восточном.

В торфянике обнаружено свыше 120 предметов из растительных материалов. Среди них выделяются: деревянные предметы, вещи из коры и различные плетеные изделия. Найдены также кремь, шлифованные топоры и «полуфабрикаты», а также несколько фрагментов костей млекопитающих; условия сохранения кости в торфянике неблагоприятны.

Вис II. II Висское поселение исследовалось двумя раскопами, из которых I был заложен на суходоле, а II — на торфянике, в месте стыка его с краем останца, в 50 м к северо-северо-востоку.

Раскопки на суходоле. Как показала шурфовка, весь останец покрыт культурными напластованиями. Мощность и насыщенность их кремнем и керамикой заметно увеличиваются к юго-востоку, т. е. в сторону снижения рельефа. В шурфах № 18, 19 и 21 находок было мало. В шурфе № 20 на песчаном материке обнаружена линза овальной формы и найдено много керамики, особенно неолитической II типа, с которой она связана. Раскоп I разбит в том месте, где толстый культурный слой, исследованный шурфом 1959 г., имел высокую насыщенность. Общая площадь раскопа — 216 м² (рис. 11).

Вскрытая свита культурных наслоений имела следующее строение (рис. 9, I—II): 1) темный пахотный слой с культурными остатками различного времени, главным образом ванвиздинского (0,1—0,15 м); 2) плотный зольный слой с небольшими сажистыми включениями, густо насыщенный фрагментами ванвиздинской керамики, обломками костей животных, грубо обработанным кремнем и пр. (0—0,3 м); 3) темно-серый гумусированный песок, содержащий культурные остатки неолита, бронзы и раннего железа — керамику, кремень, сланец, песчаник (0—1,0 м); 4) желтый материковый песок.

В раскопе поселения Вис II обнаружены остатки неолитического жилища; наслоения раннего бронзового века, усть-вымского и позднелебязско-ананьинского времени; могильник, погребения которого залегали между

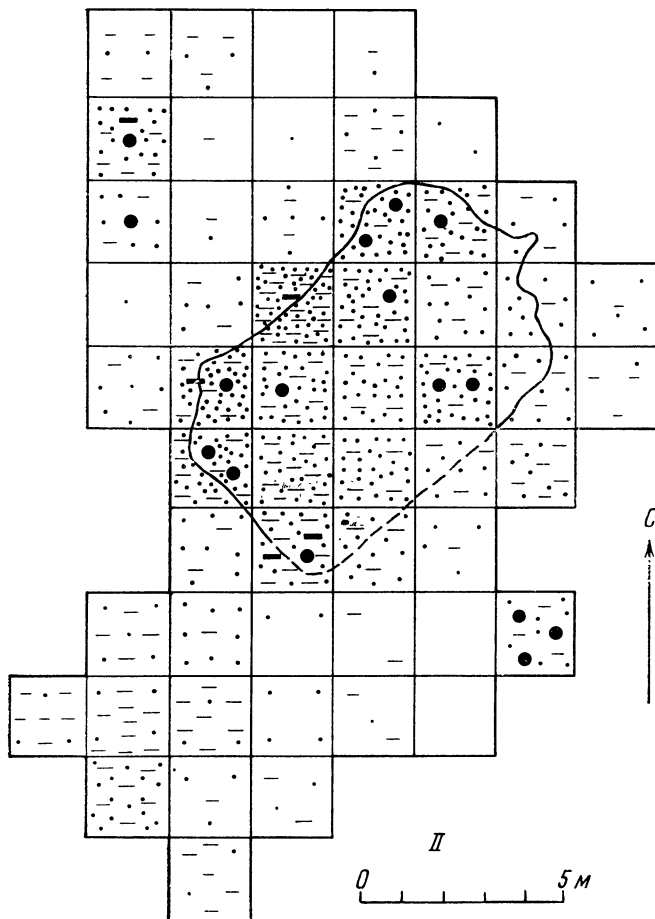

Рис. 11. Неолитические комплексы поселения Вис II

I — план жилища; II — схема размещения керамики

1 — уступ в материке; 2 — край горизонтальной площадки; 3 — очертания сажисто-углистых линз; 4 — предполагаемый контур угла; 5 — склад сломанных каменных изделий; 6 — сажисто-углистая линза, углубленная в яму; 7 — сажисто-углистая линза горизонтального простирания; 8 — керамика типа III (единичные черепки); 9 — керамика типа III (большое скопление фрагментов одного сосуда); 10 — керамика типа II (единичные черепки); 11 — керамика типа II (большое скопление фрагментов одного сосуда)

зольным слоем и материком; остатки двух жилищ ванвиздинского времени в виде больших зольных пятен.

Жилище, аналогичное по форме, размерам и ориентировке, исследованному на I поселении (№ 2), приходилось на центр раскопа. Поскольку местность круто снижается с северо-запада на юго-восток, жилище было углублено в материк не полностью (контур южного угла не прослеживается), но зато северная его часть была врезана в песок глубоко. Здесь залегал чистый слой неолитической керамики III типа. Между ним и ванвиздинским слоем была встречена в сравнительно небольшом количестве керамика II неолитического типа и разных типов бронзового и начала железного века. Стратиграфически она не расчленялась (если не считать позднебронзовую и аланьинскую посуду, залегающую несколько выше остальной), но планиграфически разные типы керамики выделить можно.

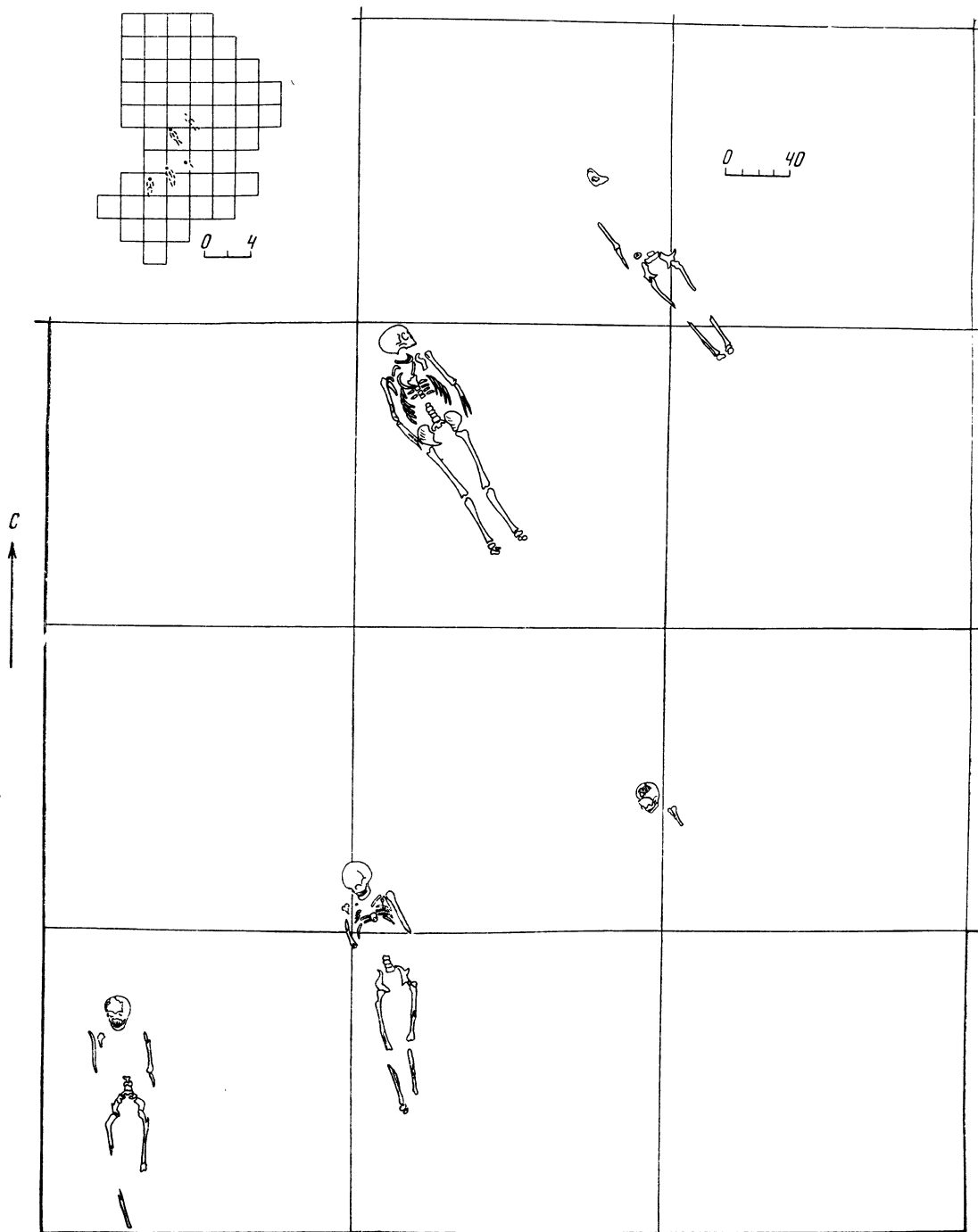

Рис. 12. План Висского могильника

В верхнем ряду погребения 1 (слева) и 2, в нижнем — 3-5 (справа налево)

В средней части раскопа, на участке, смещенном к юго-западу по отношению к неолитическому жилищу, был неожиданно обнаружен небольшой могильник. Встречены пять погребений, два из которых (№ 1 и 2) залегали на заполнении жилища, а три (№ 3—5) были перекрыты непрорезанным зольным слоем ванвиздинского времени (рис. 12). Как показали земляные работы на широкой площади, могильник, по-видимому, раскопан полностью.

Зольный слой состоял из двух больших пятен значительной мощности, соединенных узкой и тонкой полоской. Южное пятно соответствовало наземному жилищу № 1, северное — помещению № 2. Особенность зольного слоя заключается в том, что в нем сохранились кости животных и костяные изделия как обожженные, так и необожженные. Кроме того, в обломках сосудов из глины с толчеными раковинами отмечаются их невыщелоченные осколки.

На поселении Вис II, преимущественно в его суходольной части, собран большой вещественный материал (табл. 3, 4), включающий десятки тысяч обломков глиняной посуды, около 16 тыс. кремней, шлифованные каменные изделия, отходы и орудия их выделки, железные шлаки, металлургические тигли, металлические, костяные и стеклянные вещи. Господствует ванвиздинская керамика, ей резко уступает неолитическая III типа, а последней — гляденовская, встречающаяся главным образом в торфянике. Четвертое место занимает неолитическая посуда II типа, пятое — ранне-бронзовая III типа, шестое — I типа, седьмое — лебяжская, восьмое и девятое — усть-вымская и ананьинская. Наибольшим числом сосудов представлены II тип ранней бронзы и валиковая посуда.

На останце Большой Кытчесмыльк очень продолжительно человек жил только в неолитическое (керамика III типа) и ванвиздинское время; поэтому два соответствующих культурных слоя хорошо отделены друг от друга. На Малом Кытчесмыльке мощный слой ранней бронзы во многих местах нарушил неолитические напластования, а его, в свою очередь, повредил более богатый, чем на Висе II, слой лебяжской и гляденовской керамики. Кроме того, с неолитической посудой III типа смешалась многочисленная керамика II типа. Поэтому стратиграфически материал Виса II расчленяется легче, чем инвентарь поселения Вис I.

На обоих поселениях древний человек жил на протяжении тысячелетий, но центр обитания в разное время находился в различных местах (табл. 2). Так, в эпоху неолитической керамики I и II типов больше всего культурных остатков отложилось на Малом Кытчесмыльке, а в конце неолита — на Большом. Затем основной поселок вновь был перемещен на малый останец и располагался там (исключая поздний бронзовый век и отчасти период раннебронзовой керамики III типа) вплоть до раннегляденовского времени включительно. В позднее гляденовское и ванвиздинское время центр обитания опять находился на поселении Вис II. Если эти четыре этапа истории поселений сопоставить с фазами развития русел Симвы и Виса в урочище Кытчесмыльк (рис. 5), то, по-видимому, первому этапу будут соответствовать фазы I и Ia, второму — II фаза, третьему — III—V и четвертому — VI. Может быть, стремление иметь естественную

защиту от врагов и зверей заставило людей в конце неолита поселиться на окруженном водой большом останце, а позднее — на защищенном таким же образом останце Малый Кытчесмыльк.

II Висский торфяник. Раскоп II имеет площадь 64 м²; в 1 м от него к западу заложен шурф № 7 размерами 4×2 м. На торфяник приходится 60 м² площади раскопа. Последний заложен как раз на самой вершине бывшей речной излучины, от которой торфяник произошел.

Раскопки и бурение, показали, что в разрезе II Висский торфяник имеет линзовидную форму при горизонтальной верхней поверхности. Строение его следующее (рис. 4, II): 1) слой осоково-древесного торфа (степень разложения около 35%), имеющий в своей наиболее мощной части горизонт пней на глубине 0,25—0,5 м. Мощность вдоль островка 0,9 м, на восточном крае — 0,6 м, между серединой и восточным краем — 0,3 м. Торф рыхлый, изобилующий влагой, чем отличается от спрессованного торфа I торфяника. В нижнем горизонте осоко-древесного торфа залегали единичные жерди со срезами; 2) песчаный темно-серый переотложенный с островка слой, вклинивающийся от культурного слоя на островке в нижний горизонт торфяного слоя вдоль островка, отмечен лишь в южной части раскопа. Мощность его до 0,4 м, содержит единичные мелкие черепки ванвиздинской культуры; 3) коричневатый сапропель, грубодетритовый в верхней части и тонкодетритовый в нижней. Максимальной мощности (около 3 м) достигает в северной части самой глубокой, 13-й полосы раскопа³. Верхний горизонт этого слоя обильно насыщен деревянными жердями и упавшими сваями, а нижний — керамикой ванвиздинской и гляденовской культур, вертикальными сваями и деревянными изделиями, берестой со срезами и древесными грибами. Встречены кости животных, кремь и пр. В отверстиях ванвиздинских черепков сохранились кусочки веревочек, применявшихся для ремонта сосудов. Это исключает мысль о переотложении керамики с останца в позднее время; 4) слой стерильного серого песка, который вклинивается в верхний горизонт коричневатого сапропеля со стороны суходола. Прослеживается он только в северной части раскопа. Мощность его до 0,6 м. Этот слой — результат размыва берега; 5) серый песчаный сапропель, наибольшая мощность — более 1 м. Прослеживается он в полосе торфяника, прилегающей к островку. Слой густо насыщен крупными обломками керамики без каких-либо следов переотложения, изделиями из дерева, берестой со срезами и древесными грибами. В небольшом количестве найдены жерди и палки, грубо расколотый и обработанный кремь, кости животных, стеклянные бусы и пр. В кв. 12 — Г на глубине 2,3—2,5 м обнаружена углисто-сажистая линза (в плане овальной формы, размерами 0,5 × 0,35 м) с обожженными костями.

В сапропелевых отложениях и глубже, в сером песке, составляющем ложе торфяника, находились заостренные концы свай, входившие верхними концами в слой жердей. По мере удаления от берега песчаный сапропель выклинивается и замещается детритовым.

Итак, II Висский торфяник в стратиграфическом отношении резко

³ По определению С. Н. Тюрмнова.

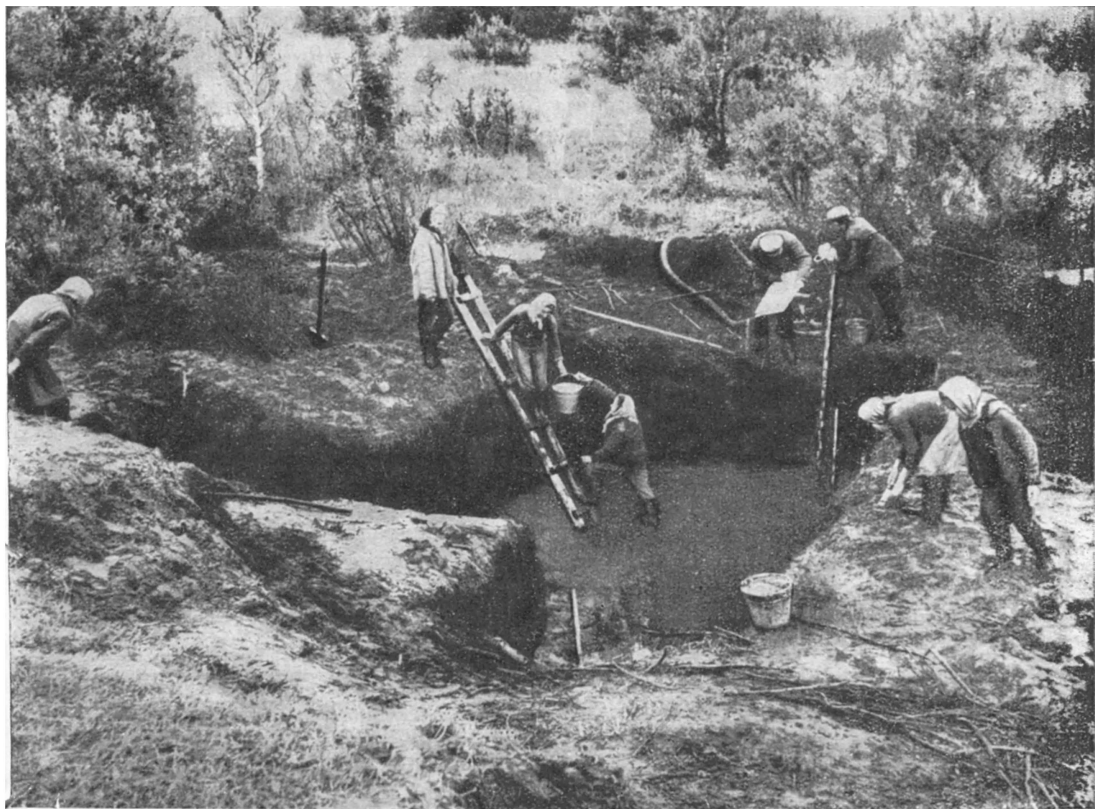

Рис. 13. Раскопки второго Висского торфяника (1963 г.). Вид с западо-юго-запада

отличается от I. Во-вторых, если II торфяник начинается непосредственно от дневной поверхности, то I — погребен. Во-вторых, торфяник Виса II сложен исключительно осадками, насыщенными водой, а I — в основном спрессованными; поэтому в отличие от него при работах на II торфянике вода начинает заливать раскоп на первых же штыках. В-третьих, стенки раскопа на II торфянике прочнее, чем на I, где они образуются в основном плывунными глинистыми отложениями; наиболее склонными к разрушению были стенки на стыке с останцом. В-четвертых, II торфяник намного больше по глубине. В-пятых, он в несколько раз богаче по количеству культурных остатков и в отличие от I Висского торфяника содержит остатки сооружений.

Особенности II торфяника определили методику его исследования. Остатки сооружений требовали проведения раскопок более крупными участками, чем на Висе I. Необходимость постоянно удалять воду из места вскрытия также заставляла раскапывать намеченную площадь

большими участками, чем 2×2 м. Относительная прочность стенок позволила нам в 1962 г. заложить и довести до песчаного ложа раскоп размерами 4×4 м, а в 1963 г. — вдвое больший по площади (рис. 13). Квадраты 10—Е и 11—Е мы вынуждены были исследовать отдельно, так как они составляли широкую перемычку, которая разделяла раскопы 1962 и 1963 гг.

В 1962 г. для удаления воды применялись ручной насос и ведра. На это уходило около 50% рабочего времени. По утрам откачивалась вода, заполнявшая раскоп наполовину. Во время раскопок вода собиралась в самом глубоком углу раскопа, в специально устроенном дренажном «колодце». Подобный «колодец» (Wassersammler) ранее использовали в Швейцарии Я. Мессикоммер⁴, а в Советском Союзе — А. Я. Брюсов⁵.

В 1963 г. вести работы на площади 32 м² без перемычек удалось только благодаря применению современных средств для откачки воды, которая в течение суток заполняла раскоп глубиной до 3 м на одну треть, а за трое суток — почти целиком. Факты опровергли мнение А. Я. Брюсова о нецелесообразности использования отсасывающих механизмов при раскопках на торфяниках⁶. Мотопомпа, смонтированная из центробежного насоса (от электропомпы мощностью 4 квт) и бензодвигателя Л—6/3, мощностью 6 л. с., позволяла очищать раскоп от воды за 1—2 часа, что делалось до начала рабочего дня.

В условиях II Висского торфяника раскоп можно было углубить до 2,8 м, а некоторые вещи извлекали и с глубины более 3 м. Этого было достаточно для почти полного археологического исследования толщи старичных отложений. Вскрытие торфяника велось по возможности до песчаного ложа, и в связи с линзовидным профилем первого, раскоп имел в разных точках различную глубину, которая увеличивалась к юго-востоку. Для работ требовались очень крепкие саперные лопаты⁷. Наблюдения за стенками раскопа и бурение позволили вычертить разрезы торфяника, что важно для выяснения истории его формирования и связи с I Висским торфяником.

В раскопе II обнаружены остатки рыболовных заграждений, в том числе сваи, вбитые в грунт. Последние свидетельствуют о том, что на территории раскопа существовал ряд таких заграждений. Безусловно, они были и далеко за его пределами. Вертикальные сваи оказались в шурфе № 17 размерами 2×2 и в 25 м к северо-востоку. Что же касается горизонтально расположенных жердей, которые могли перемещаться под воздействием течения или ветра, то они отмечены во всех шурфах, заложенных на II Висском торфянике, к юго-востоку (№ 9), востоку (№ 11, 12 и 13) и северо-востоку (№ 17 и 23) от раскопа II. Например, в шурфе № 23, размерами 2×2 м, в 50 м от раскопа на глубине 0,55—1,70 м беспорядочно залегают 17 жердей. Строение торфяника здесь было такое же, как и в

⁴ H. Messikommer. Die Pfahlbauten von Robenhausen. Zürich, 1913, стр. 42.

⁵ А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области. МИА, № 20. М.—Л., 1951, стр. 13.

⁶ А. Я. Брюсов. Методы раскопок торфяниковых стоянок М., 1963, стр. 5.

⁷ Ср. H. Messikommer. Указ. соч., стр. 41.

месте стационарных работ; правда, слои № 2 и 4 в шурфе отсутствовали, но, по-видимому, они имеются ближе к суходолу.

Инвентарь торфяника включает вещи из растительных материалов (дерево, береста, трава), кремень, шлифованные орудия и связанные с ними предметы, костяные наконечники стрел, стеклянные бусы, бронзолитейные тигли, глиняное прясло и тысячи обломков посуды. Деревянные изделия найдены в значительном количестве в раскопе и обоих шурфах размерами 2×2 м. В распределении инвентаря по площади раскопа не наблюдалось определенной закономерности, если не считать то, что мелкие неплавающие предметы (бусы) найдены лишь в полосе, примыкающей к суходолу. Инвентарь залегал в целом ниже строительных остатков. Массовый материал — керамика, кремень и деревянные вещи встречались вперемешку, вместе с кусками обработанной бересты и немногочисленными костями животных, со следами действия огня и необожженными (последние плохой сохранности, нередко тонкие и мягкие; несколько обломков происходит от тяжелых окаменевших бивней мамонта). Гляденовская керамика залежала стратиграфически ниже ванвиздинской: она найдена в сравнительно небольшом количестве и только в самом нижнем горизонте торфяника. Нельзя не отметить, что по стратификации культурных наслоений II торфяник значительно уступает I. Если в нем инвентарь залегает и в озерных и в болотных отложениях, то во II торфянике вещи сосредоточены лишь в донных осадках древней старицы.

Культурные остатки, найденные при раскопках в целом имеют столь же широкую дату, что и вещи I Висского торфяника. Но если для мезолитического времени отрезок времени продолжительностью до двух тысячелетий, относительно невелик, то для бронзового и железного веков такой период очень продолжителен. Впрочем, судя по господству в торфянике ванвиздинской керамики, можно думать, что основная масса собранных изделий, в том числе деревянных, относится к I тысячелетию н. э. О том же говорят прочие предметы — костяные наконечники стрел, стеклянные бусы и кремень⁸. Показательно относительно небольшое количество расколотого кремня (всего 172 грубых отщепа и 71 осколок), на которые приходится 126 массивных скребков небрежной выделки, ванвиздинского и гляденовского типов.

Но рыболовные сооружения на месте торфяника могли создаваться начиная со II тысячелетия до н. э. Между этими сооружениями оседали намокшие вещи из дерева, которые благодаря заграждениям не были унесены течением. К догляденовскому времени следует отнести такие находки в торфянике, как 17 скребков высокой техники, три кремня с плоской ретушью, в том числе незаконченный подтреугольный наконечник стрелы, ланцетовидный наконечник с усеченным основанием (табл. XV, 68), шлифованное рубящее орудие, куски сланца со следами шлифования, оселок с отверстием и одиночные черепки раннебронзовой посуды II и III типов.

Новые радиоуглеродные анализы, вероятно, дадут возможность разделить сооружения и деревянный инвентарь торфяника на хронологические группы.

⁸ См. гл. V, стр. 122—165.

Вис III. Памятник находится на краю надпойменной террасы, вблизи островков, занимаемых поселениями Вис I и II. Здесь, в полосе протяженностью 500 м, от деревни и почти до самой узкоколейной железной дороги, встречается подъемный материал (терраса распахивалась). В восточной части поселения найдена почти в чистом виде неолитическая керамика II типа, в западном — имеется также ананьинская и ванвиздинская. В небольшом количестве на этом поселении собрана посуда остальных неолитических и трех раннебронзовых типов. Одиночными черепками представлена усть-вымская и валиковая посуда. Очень много найдено кремня, причем довольно высок процент ножевидных пластин. Имеются шлифованные орудия из камня, отходы их изготовления и абразивные инструменты.

В восточной части стоянки, на почти горизонтальном месте, где встречено больше всего подъемного материала, вскрыта небольшая площадь — 40 м². Залегание наслоений в раскопе было следующим: 1) пахотный горизонт с культурными остатками (0,1—0,2 м); 2) темно-серый песчанистый культурный слой (0,1—0,35 м); 3) белесый стерильный песок (0—0,05 м); 4) буроватый ортштейновый горизонт и желтый песок материка. Следов каких-либо жилищ в раскопе не оказалось, и лишь в северной его части обнаружена очажная яма длиной 0,8 м, углубленная в материк на 0,22 м, имевшая сажисто-углистое заполнение с кремнем, но без керамики. В раскопе найден такой же материал, как и на поверхности.

С поселением Вис III может быть связано местонахождение кремня, обнаруженное нами в 1964 г. на поверхности насыпи узкоколейной железной дороги, идущей от ст. Синдор на р. Вис. Кремень довольно часто встречается на протяжении около 1 км, по обе стороны от столба между 3-м и 4-м км. На 4-м км помимо расколотого кремня собраны исключительно микропластины, на 3-м — пластины в целом более крупные и скребок с покатою ретушью. По сообщениям компетентных лиц, песок для насыпи брали близ западного конца поселения Вис III, для которого характерны пластины. При обследовании карьеров никаких культурных остатков не найдено. По-видимому, сформировавшийся здесь слой, богато насыщенный кремнем, был полностью снят и вывезен для ремонта дороги.

Вис IV. Стоянка находится на расстоянии 0,4 км к северо-востоку от дер. Синдор в устье ручья, на надпойменной террасе р. Вис. Терраса имеет подзолистую песчаную почву и частично покрыта сосновым лесом. По краю террасы, обращенному к речке и ручью, в местах с разрушенным подзолом собран расколотый кремень (два осколка, два мелких отщепы и один средней величины).

Вис V. В 10 км к северо-востоку от дер. Синдор на правом берегу р. Вис, у развалин барачков, обнаружена стоянка. Здесь, на краю надпойменной террасы, в месте приближения русла, на участке площадью 10×10 м со слегка поврежденной почвой обнаружено скопление расколотого кремня.

Симва I. Берега р. Симвы обследованы от устья до моста, через который проходит тракт (по прямой 2,3 км). При этом выявлены пять стоянок⁹. На

---

⁹ Г. М. Буров. Долговременные поселения на р. Вис (бассейн Вычегды). МАЕСВ, вып. I. Сыктывкар, 1962, рис. 1.

мысу, занимаемом правобережной частью деревни, в двух пунктах, примыкающих к старицам р. Симвы, обнаружен подъемный материал. Один из них находится в 50 м к северу от другого. На северном участке, в огородах, встречается кремь и керамика бронзового века в чистом виде. Южный пункт (стрелка) частично занят огородами и овощехранилищем, сильно потревожившим почву. Здесь собраны кремь и смешанная керамика — бронзового и железного веков, у овощехранилища преобладает ранний материал, а в огородах — поздний.

Керамика стоянки (табл. 2) представлена несколькими сосудами II раннебронзового типа, ванвиздинского и, по-видимому, усть-вымского (табл. XXIII, 11). Каменный инвентарь включает расколотый кремь (187 отщепов, 72 осколка, 480 мелких кремней), отщепы с краевой ретушью (34), кремни с плоской ретушью (14), пластины (13), в том числе обработанные, наконечники стрел XVI—XVIII и XXV типов (5), а также скребки как высокой техники (14), так и грубые, преимущественно железного века (табл. 6).

Симва II. В левобережной части дер. Синдор, вдоль русла р. Симвы, на протяжении около 400 м, встречается разнообразный подъемный материал сосредоточенный у края останца надпойменной террасы. На противоположном его краю был собран расколотый кремь.

Найденная керамика делится на раннебронзовую I и II типа, гляденовскую I типа и ванвиздинскую. Последней на стоянке больше всего (табл. 2), и сосредоточена она главным образом на конце мыса, вокруг дома. Некоторое количество материала (в том числе гляденовская керамика) собрано на чердаке этого дома, куда культурные остатки попали вместе с землей. Ванвиздинские черепки, вероятно вымытые из культурного слоя, обнаружены также на дне р. Симвы.

Каменный инвентарь стоянки состоит из расколотого кремня (146 отщепов, 32 осколка, 161 мелкий отщеп и осколок), кремней с краевой (33) и плоской (5) ретушью, пластин (включая орудия — 19), наконечников стрел ранних типов (2), резчика, скребков высокой (12) и низкой техники (табл. 6). Найдены также кусок железного шлака и обломок тигля для варки железа.

Симва III. Эта стоянка находится на останце надпойменной террасы левого берега Симвы, в 1 км к северу от дер. Синдор. На огибаемом рекой нераспаханном мыске с подзолистой почвой (мощность белесого песка — 0,15 м), в обрыве, обнаружен бедный культурный слой; из песка при зачистке извлечено некоторое количество кремня, в том числе три скребка высокой техники, из которых один с двумя слабо изношенными рабочими краями. На поле, которое примыкает к мысу, местные жители в 1961 г. нашли шлифованную пешню с орнаментом (табл. II, 1), у самой реки — пластину с ретушью, а близ стоянки — резчик.

Симва IV. Стоянка находится по дороге из дер. Синдор к тракту в 1,5 км к северу от деревни, у бывшей водяной мельницы. На вспаханном поле, в месте подхода речки к надпойменной террасе левого берега р. Симвы, собран небольшой кремневый материал. Среди находок — крупный отщеп с вогнутым отретушированным краем.

Симва V. При обследовании правого берега р. Симвы, примерно против стоянки Симва III, на пашне длиной около 200 м, собрано четыре кремня. Выше по течению между Симвой III и IV обнаружена V стоянка. Здесь надпойменная терраса с севера омывается рекой, которая течет с запада на восток. Вдоль бровки террасы, на вспаханном поле, встречается кремнь. Протяженность стоянки около 75 м. Найдены отщепы и осколки, пластины и незаконченное изделие с плоской ретушью.

Стоянки Синдорского озера. На озере осмотрены берега островов и мысов, а также многие другие участки побережья. Кроме того, проводилась разведка по рекам, впадающим в озеро: Угьюму, Идзясью и Гудоку. Первая речка осмотрена на протяжении 5 км, вторая — 3—4 км, а третья — 2 км. На озере в 32 пунктах открыты культурные остатки, причем эти пункты условно распределены между 11 стоянками. На р. Угьюм, в 0,3 км от моста (выше по течению) найдено несколько кремневых отщепов, лежащих на краю боровой террасы в месте подхода русла. На других речках никаких памятников не обнаружено и находок не сделано.

Местом наиболее длительного обитания на Синдорском озере является I стоянка, растянувшаяся по юго-восточному побережью м. Некраснырд. Основная масса находок сделана в пунктах III и II, расстояние между которыми около 40 м. В пункте III на основе шурфа № 3 в 1959 г. был разбит раскоп площадью 21 м². В нем, под лесной подстилкой и гумусовым горизонтом, в белесом и темно-буром мелкозернистом песке, найдено небольшое количество керамики раннего бронзового века (II и III типов, а также черепок усть-вымского сосуда). Встречено и некоторое количество кремня, в том числе скребков и изделий с плоской ретушью. Наиболее интересной находкой на стоянке был склад сломанных металлических изделий, обнаруженный еще в 1959 г. в обнажении береговой террасы. Одна часть склада обрушилась вниз, и предметы были найдены под обрывом, другая — вскрыта раскопками 1961 г.

При новом обследовании берегов озера в 1964 г. удалось собрать значительный кремневый и керамический материал в пунктах I и II.

При разведке открыты две новые стоянки на юго-западном конце озера. На отмели, имеющейся у правого мыса губы, в которую впадает г. Идзясью, собран красно-коричневый кремнь, а при закладке закопушки на боровой террасе обнаружен кремневый резчик. Этот пункт назван стоянкой Синдорское озеро X.

Новая, XI стоянка выявлена также против Идзясьюской губы, к западу от X стоянки. На правом мысу губы р. Гудок имеется отмель, где на протяжении около 100 м встречается кремнь, преимущественно красно-коричневой окраски. Кроме отщепов и осколков, найдены два скребка (один с подтесанной спинкой) и наконечник стрелы с выемкой в основании. На бровке береговой террасы, высотой 0,8 м, обнаружен обломок керамики раннего бронзового века. К стоянке XI отнесен пункт на низком островке, поперечником около 75 м, к югу от упомянутого мыса и к западу от о. Шаламди. На восточном побережье островка собрано несколько отщепов и осколков красно-коричневого кремня.

О ВРЕМЕНИ ПЕРВОГО ПОЯВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СИНДОРЕ. МЕЗОЛИТ

Вопрос о древнейших комплексах поселений Синдорского района неразрывно связан с вопросом о возрасте I Висского торфяника. Его мы попытались датировать еще в работах 1964—1966 гг. В то время не было веских доказательств глубокой древности вещей, найденных в торфянике. Напротив, имеющиеся факты свидетельствовали в пользу раннего бронзового века. На висских поселениях не были выделены мезолитические комплексы. А так как в торфяник могли попасть только изделия, которым на суходоле соответствуют синхронные вещи из материалов неорганического происхождения (кремень, керамика), находки в торфянике мы связали с раннебронзовой посудой, господствующей на поселении Вис I. Орнаменты на дереве и посуде совпадали, а три ее обломка были обнаружены на дне раскопа. Наконец, сопоставление пыльцевых диаграмм I торфяника и раннебронзовой стоянки на р. Кузнечихе (по кривой пыльцы ели) не противоречило такому же возрасту найденных деревянных предметов, поскольку в нашем распоряжении была лишь одна диаграмма из Вычегодского края.

Радиоуглеродные анализы, новые пыльцевые диаграммы, дальнейшее исследование стратиграфии голоценовых отложений в районе Синдорского озера¹, анализ каменного инвентаря висских поселений и сопоставление вещей из растительных материалов с такими же предметами — других территорий позволяют резко углубить возраст I Висского торфяника и отнести его в основном к раннему голоцену, а находки в торфянике, следовательно, к эпохе мезолита.

В I Висском торфянике собрано некоторое количество кремня. Кремневый инвентарь состоит из 16 отщепов и 41 осколка (средней величины), 3 отщепов с ретушью, 4 скребков на отщепах (табл. I, 17, 26), нуклеуса с двумя отжимными площадками (табл. I, 30), 2 поперечных сколов с нуклеусов и 19 призматических пластин, включая изделия из них. Пластины имеют ширину в пределах 1,0—2,0 см (15) и 0,5—1,0 см (4). Среди них выделяются 10 экз. без вторичной обработки (табл. I, 6, 13, 14), 5 — с крае-

---

¹ См. гл. I, стр. 8—36.

вой ретушью, 1 — с отретушированным концом (табл. I, 23) и 3 концевых скребка. Интересно, что в этом кремневом инвентаре довольно высок процент ножевидных пластин по отношению к общему количеству пластин и отщепов, если учитывать изделия из тех и других (45%).

Большое количество пластин и нуклеусов, в частности микролитических, конусовидных (табл. I, 27—29, 31—33) и карандашевидных, найдено на останце Малый Кытчесмыльк и поселениях Вис II и III, Симва I и II (табл. II). Сопоставление этих пластин с пластинами мезолитических стоянок Вычегодской долины вскрывает существенные различия в размерах тех и других. Так, на поселении Вис I экземпляров шириной до 0,5 см (включительно) — 6, шириной 0,5—1,0 см — 206, 1,0—2,0 см — 347, 2,0—3,0 см — 25. В инвентаре Виса III пластин различной ширины соответственно 0, 55, 155 и 10. На верхневыхегодской же стоянке Кузьвомын (среди необработанных пластин из материалов 1957 г.) экземпляров шириной до 0,5 см — 39, 0,5—1,0 см — 179, 1,0—2,0 см — только 62, а шире 2,0 см нет совсем².

Однако приведенные факты еще не доказывают, что мезолитические пластины с поселений Синдора были намного крупнее, чем собранные в долине Вычегды. В торфянике микропластинки находить трудно. Несомненно, некоторая часть пластин на каждом поселении относится к позднему неолиту и раннему бронзовому веку. Такие, чаще всего крупные пластины, представлены в многочисленных жилищах турбинской культуры Прикамья, а керамика турбинского типа на висских поселениях имеется. Сопровождают пластины и неолитическую посуду камского³ и волго-окского⁴ типа, тоже найденную при раскопках и разведках на поселениях Вис I—III. Наконец, пластины встречены во всех пунктах со значительным количеством подъемного материала на Синдорском озере, где, кстати, найти мезолитический инвентарь затруднительно, так как в бореальное время озеро еще не сформировалось, а уровень воды в существовавших водоемах был значительно ниже современного. Правда, в инвентаре поздних поселений пластины составляют невысокий процент по отношению к отщепам. Об этом говорит и то, что с неолитическими жилищами поселений Вис I и II стратиграфически связана лишь очень небольшая часть пластин (рис. 14). Но учитывая громадное количество кремня на висских поселениях, можно заключить, что в коллекции имеется множество поздних экземпляров.

Обращает на себя внимание неравномерное распределение керамики и расколотого кремня по площади останца Малый Кытчесмыльк. В его юго-западной части (раскоп I) на 1 м² приходится во много раз больше материала, чем на стрелке. Что же касается пластин, то они размещены приблизительно одинаково. Если на поселении в целом процент пластин

² Г. М. Буров. Двуслойная стоянка в урочище Кузьвомын на верхней Вычегде. ИКФВГО, вып. 5. Сыктывкар, 1959, стр. 163.

³ В. П. Денисов. Хуторская неолитическая стоянка. УЗПГУ, т. XII, вып. I. Пермь, 1960, рис. 13, 1—8, 12—14.

⁴ Н. Н. Гурина. Некоторые новые данные о заселении Севера Европейской части СССР. СА, 1957, № 2, рис. 2, 1, 4, 5, 7—17.

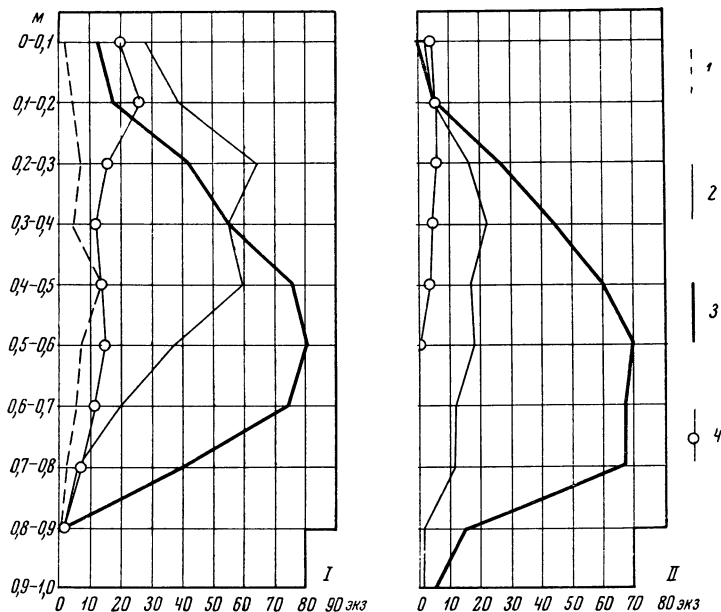

Рис. 14. Диаграммы залегания неолитической керамики и пластин в раскопах на останцах Малый (I) и Большой (II) Кытчесмыльк (на площади неолитических жилищ)

1 — посуда типа I; 2 — посуда типа II; 3 — посуда типа III; 4 — пластины (керамика исчисляется в сосудах, выделенных в каждом квадрате)

по отношению к общему количеству пластин и отщепов составляет около 4%, то, например, в траншее, пересекающей стрелку (раскоп II), он равен 21%. В восточной части памятника пластины залегают на стрелке, в торфянике и отчасти в отложениях, которые его перекрывают, но обычно не дальше, чем в 1,5 м от края (куда могли быть снесены со стрелки делювиальными потоками). Если взять крайний северо-восточный участок поселения, соответствующий полосам И—Т раскопа II, исключив квадраты, удаленные более чем на 1,5 м от края торфяника, то на 49 м² вскрытой площади будет приходиться 57 найденных и паспортизованных пластин; если же захватить всю стрелку (от полосы 5 включительно), то на 125 м² можно будет насчитать 128 пластин. На всей же остальной раскопанной площади поселения (593 м²), включая богатые раскопы I и III (232 м²), собрано лишь 254 пластины, получившие точный шифр. К этому следует добавить, что значительная часть пластин из раскопов I и III принадлежит комплексам неолита и бронзы, и пластины, найденные при стрелке, почти целиком относятся к мезолиту. Следовательно, мезолитического материала, который составляет незначительную часть в инвентаре раскопов I и III, больше всего на стрелке. Это объясняется тем, что в эпоху I торфяника стрелка была гораздо шире и выше, чем в настоящее время,

и представляла собой удобный мыс близ старицы, который и был облюбован мезолитическими людьми.

Распределение призматических пластин по территории поселения согласуется с обилием деревянных изделий в северо-восточной трети раскопа II (в полосах II—Т) и с тем фактом, что на остальной площади раскопа вещи относительно редки. Это служит одним из аргументов в пользу мезолитического возраста I Висского торфяника.

Соотношения пластин различной ширины на стрелке и остальной части поселения неодинаковы: процент экземпляров уже 1 см значительно более высок в первом случае. Данный факт также отвечает мезолитическому характеру кремня со стрелки. Видимо, размеры мезолитических пластин в Синдоре, как и на Вычегде, не были велики. Это увязывается с высокой микролитичностью кремня, собранного на 4 км узкоколейной железной дороги (поселение Вис III).

Изучение изделий из пластин показывает, что в инвентаре поселений синдорского района имеются все мезолитические типы орудий. Здесь представлены не только вкладыши с ретушью на краях, углах и концах (табл. I, 5, 8, 10—12, 19), не только относительно крупные пластины с ретушью и концевые скребки (табл. I, 7, 18, 20, 22), но и такие характерные формы, как резцы типа на углу сломанной пластины (табл. I, 1—4) и орудия в виде нешироких, но массивных изогнутых пластин с крутой ретушью на суженном и усеченном нижнем конце (табл. I, 25). Эти орудия встречаются наряду с изделиями, которые отличаются от них лишь тем, что имеют заостренный ретушью рабочий конец (табл. I, 21). Первые служили для обработки дерева и кости⁵, вторые — типичные резчики, выделенные как орудия М. Е. Фосс⁶. Можно думать, что в данном случае мы имеем дело с одним и тем же видом орудий, с резчиками, причем усеченный конец характерен для сработанных экземпляров, у которых ретушь может отчасти представлять собой микроследы работы. На поселениях Вис I, II и III встречены наконечники стрел свидерского типа (табл. XV, 7, 8, 24), которые, хотя достоверно не отмечены в камско-вычегодско-печорском мезолите⁷, однако наиболее распространены в других мезолитических культурах (свидерская, волгоокская). Между прочим, такие наконечники найдены в каргопольском озерном районе, на стоянке Ягорба⁸, и в Прибалтике, на стоянке Кунда⁹.

Вместе с тем на упомянутых поздних поселениях пластины используются только для изготовления наконечников стрел, скребков, ножей и реже вкладышевых орудий. Специфические же формы, как резцы или резчики описанного типа на этих памятниках не отмечаются. Серьезное сомнение вызывает и принадлежность к неолиту или бронзе наконечни-

⁵ Г. М. Буров. Вычегодский край (очерки древней истории). М., 1965, стр. 53, 54.

⁶ М. Е. Фосс. К методике определения каменных орудий. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 16—21.

⁷ Г. М. Буров. Вычегодский край, стр. 47—56, 157—161.

⁸ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, рис. 12, 3.

⁹ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, рис. 2.

ков свидерского типа, хотя на стоянках с неолитической керамикой их находили неоднократно¹⁰.

Кроме предметов из растительных материалов и кремня, в I Висском торфянике собраны куски сланца и битуминозного аргиллита со следами шлифования и пиления, два сланцевых отщепа, пращный(?) камень в виде шаровидной пиритовой конкреции¹¹ (табл. II, 5) и 4 шлифованных топора, бесспорно связанных с деревянными изделиями. Один топор обнаружен в северо-восточной части раскопа (табл. II, 2), а три — на его юго-западном конце, на участке, где мощность торфяника 0,75 — 1 м (3—4 м от его края), в чистом грубодетритовом сапропеле (табл. II, 3, 4, 6).

Вид найденных рубящих орудий своеобразен: ни одного шлифованного топора на суходоле не найдено, тогда как собранные на нем тесла составляют целую серию. Следовательно, топоры были формой, не характерной для неолита и бронзы Вычегодского края. Видимо, не очень много их изготовлялось и в мезолите, поскольку на останце не оказалось ни одного топора. Попадание же этих орудий в торфяник объясняется случайной причиной: три топора, из которых один совершенно целый, лежали в одном месте, будучи брошенными в старицу.

Найденные топоры относятся к трем типам. Первые два, из битуминозного аргиллита (табл. II, 2) и сланца (табл. II, 4), невелики (длина около 8 см) и en face имеют прямоугольную форму. В поперечном сечении они также прямоугольные, почти квадратные.

Топоры II и III типов крупнее (длина одного 11 см, другого — 9,5 см). Обушная часть у них сужена, так что эти орудия напоминают высокую трапецию. Топоры сильно уплощены и заметно отличаются от орудий I типа меньшей массивностью. Топор II типа (битуминозный аргиллит) характерен тем, что боковые грани у него отшлифованы лишь частично (табл. II, 3). Орудие III типа (сланец) очень тонкой выделки и с выпуклыми гранями (табл. II, 6). У него шлифована вся поверхность.

Топоры I торфяника не противоречат его мезолитическому возрасту. Исследования на Выгегде показали распространение здесь в эпоху мезолита кварцитовых топоров особого типа — с перехватом¹². В последнее время топоры как одна из наиболее характерных форм выделены в поздних этапах волго-окского мезолита¹³ (по Л. В. Кольцову, VIII—V тысячелетия до н. э.). Шлифование камня широко применялось мезолитическим населением Финляндии — носителями культуры Суомусярви (VII—V тысячелетия до н. э.) и Карелии, причем среди шлифованных орудий виднейшее место занимают топоры¹⁴. Далее, такие орудия составляют

¹⁰ А. А. Формозов. Древние историко-этнографические области Европейской части СССР. СЭ, 1958, № 5, стр. 25.

¹¹ Петрографические определения сделаны В. А. Разницыным и В. И. Чалышевым (Институт геологии Коми ФАН).

¹² Г. М. Буров. Вычегодский край, стр. 55, 56.

¹³ Л. В. Кольцов. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья. СА, 1965, № 4.

¹⁴ S. Pälssi. Ein Steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti im Kirchspiel Antrea. SMYA, XXVIII. Helsinki, 1920; A. Åyräpää. Skifferspetsarna i Östra Fennoskandi-

значительную часть инвентаря на мезолитических памятниках Эстонии. Р. Индреко выделяет 4 типа шлифованных топоров, из которых 3 представлены на стоянке Кунда-Ламмасяги.

Кундинские топоры второго типа — удлиненные, с суженным обухом и без шлифовки боковых граней¹⁵, аналогичны третьему топору из I Висского торфяника, а сплошь отшлифованные орудия третьего типа¹⁶ близки четвертому топору. По данным пыльцевого и радиоуглеродного анализа¹⁷ стоянка Кунда-Ламмасяги датируется второй половиной VII тысячелетия до н. э., т. е. даты этой стоянки и I Висского торфяника, определяемые по пыльцевым спектрам и C₁₄, почти совпадают.

Висским топорам I типа по размерам и форме аналогично рубящее орудие из местонахождения Антреа-Корпилахти на Карельском перешейке¹⁸. Топору II типа параллелью служит другое каменное орудие из Корпилахти, вполне сходное по габаритам и очертаниям en face. Эти два инструмента сближает и лишь частичная шлифовка боковых сторон¹⁹. Геологическое и палинологическое исследование условий, в которых найдены предметы местонахождения Корпилахти, показало, что они относятся к концу анцилового времени²⁰, т. е. в основном синхронны I Висскому торфянику.

Мезолитические рубящие орудия, представленные на Ульяновской стоянке и в I торфянике, — это топоры, тогда как неолитические, встреченные на висских поселениях и в частности в жилищах, — это тесла (найденные сверленные топоры-молоты не имели производственного назначения и могут рассматриваться как оружие). В связи с этим возникают два предположения. Первое из них — не является ли топором и несколько асимметричное кварцитовое орудие с другой вычегодской мезолитической стоянки (Курьядор²¹), имеющее слабо выраженный перехват в средней части? Такой перехват характерен для кварцитовых топоров вычегодских мезолитических стоянок и, между прочим, для шлифованных топоров четвертого типа в Эстонии²². Второе предположение — не относится ли к мезолитической культуре I торфяника топор, найденный на Вычегде, близ стоянки Лембю? Это орудие по форме аналогично топорам I типа торфя-

---

en. Finskt museum, LVII. Helsingfors, 1950; Н. Н. Г у р и н а. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА, № 87, 1961, стр. 26—44; Г. А. П а н к р у ш е в. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.—Л., 1964, табл. 1, 2; 3; 20.

¹⁵ R. I n d r e k o. Die mittlere Steinzeit im Estland. Kungl. vitterhets historie och antikvitets Akademiens handlingar, del 66. Uppsala, 1948, Abb. 42, 1; 44, 1, 2, стр. 140—156.

¹⁶ Там же, рис. 43, 3; 44, 3.

¹⁷ А. А. Л и й в а, Э. О. И л ь в е с, Л. Ю. Я н и т с. Радиоуглеродное датирование некоторых археологических памятников Прибалтики. «Археология и естественные науки». М., 1965, стр. 47—49.

¹⁸ S. P ä l s i. Taf. III, 13.

¹⁹ Там же, Taf. III, 1.

²⁰ H. L i n d b e r g. Die Schichtenfolge auf dem steinzeitlichen Fundplath bei Korpi-lahti, Kirchspiel Antrea, Län Viborg. SMYA, XXVIII. Helsinki, 1920.

²¹ Г. М. Б у р о в. Новые материалы по археологии бассейна р. Вычегды. ИКФВГО, вып. 7. Сыктывкар, 1962, стр. 90, рис. 3.

²² R. I n d r e k o. Указ. соч., рис. 42, 2.

ника, хотя и несколько крупнее²³. Оно изготовлено из породы того же типа, который использовался для выработки топоров на мезолитических стоянках долины Вычегды (в неолите для выделки рубящих орудий применялись другие породы).

Нами уже высказывалось мнение о синхронности I Висского торфяника с крупными каменными шлифованными орудиями, одно из которых найдено в верхнем горизонте жилищного заполнения на поселении Вис I (табл. II, 7), а другое — на стоянке Симва III (табл. II, 1). Оба орудия принадлежат к одному, неизвестному ранее, типу. Первое из них (кварцитопесчаник) представлено только рабочей частью, а второе (сланец) повреждено: у него отбит рабочий конец, т. е. как раз та часть, по которой можно судить о находке в Висе I.

Подобно некоторым неолитическим теслам, найденные изделия восьмиугольного сечения и асимметричны в продольном профиле: у более выпуклой стороны средняя грань уже, чем у противоположной. Своеобразие орудий заключается, во-первых, в необычайно большой длине (около 43 см); во-вторых, они, в отличие от тесел, не расширяются к рабочему концу, а суживаются; в-третьих, орудия орнаментированы (гравированными линиями). Указанные особенности позволяют усматривать в этих оригинальных изделиях пешни — орудия для прodelывания прорубей. Бытование специализированных инструментов для этой цели характерно для мезолитических памятников типа Кунды²⁴ (правда, здесь использовались костяные заострения под углом в 45°).

Каменные пешни синдорского района украшены с более выпуклой стороны. Орнамент состоит из зигзагов и насечек. На боковых гранях обеих пешен имеются по два зигзага, а у орудия из Виса I, кроме того, три зигзага покрывают среднюю грань. Насечками у обоих орудий расчленены ребра. По орнаментации вещи настолько близки деревянным изделиям (например, предполагаемой лыже и одному целому луку)²⁵, что нет сомнения в синхронности тех и других. Тонкость выделки пешен не противоречит такому выводу, ибо найденный в торфянике топор III типа также отличается высокой техникой.

Тот факт, что пешни и деревянные изделия орнаментированы, на наш взгляд, также подтверждает, что они относятся к мезолитическому времени. Показательно и полное отсутствие орнамента на многочисленных деревянных вещах II Висского и Горбуновского торфяников, Сарнатского поселения и других памятников развитого неолита и более позднего времени, в инвентаре которых имеются предметы из растительных материалов, в том числе луки, полозья и лыжи²⁶. То же самое характерно для случай-

²³ Г. М. Буров. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар, 1967, рис. 2, 3.

²⁴ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, рис. 45, 2; 46, 7; 47, 1.

²⁵ Г. М. Буров. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды. СА, 1966, № 1, рис. 2; 4, 2.

²⁶ На Кузнечихинской стоянке найдена орнаментированная доска, однако узор здесь не выгравирован, а выполнен краской (В. И. Смирнов. Стоянка на р. Кузнечихе в г. Архангельске. КСИИМК, вып. IX, 1941, рис. 20, стр. 95, 96).

но найденных полозьев и лыж Скандинавии, на которых орнамент обычно не встречается. Не отмечен он также (не считая скульптурных украшений) на каменных шлифованных орудиях лесной полосы СССР и Финляндии (исключение составляют зауральские желобчатые бруски бронзового века²⁷ и финляндское дисковидное орудие не выясненного возраста²⁸, украшенные косой сеткой). Можно предполагать, что и для костяных орудий (не украшенных) позднего неолита и бронзового века орнамент не характерен; отчасти об этом свидетельствуют памятники, в которых сохранились костяные изделия (Кубенино, Канинская пещера и др.)²⁹

Иное дело — мезолит и ранний неолит. К сожалению, найденные прежде деревянные вещи этого периода единичны (полоз из Хейнолы, в Финляндии, луки из Хольмгарда в Дании, изделия Нижнего Веретья)³⁰, и мы обратимся к изделиям из кости, изученным неплохо. Многие костяные орудия Шигирского торфяника, Кунды, оз. Лубана, Нижнего Веретья и Оленеостровского могильника (наконечники стрел, кинжалы, гарпуны и пр.) имеют гравированный орнамент³¹. Богато украшенные орудия (мотыги) типичны и для культуры Маглемозе³². Каменные шлифованные наконечники стрел с орнаментом нередко встречаются на ранних памятниках Норвегии и Дании, а в Оленеостровском могильнике найден орнаментированный кусок песчаника³³.

Число узоров, которые встречены на 12 украшенных деревянных вещах I Висского торфяника (луки, дугообразные рукоятки, лыжи, полоз, обруч, диск, дугообразное изделие не выясненного назначения) и двух каменных пешнях, ограничено. 9 раз отмечались зигзаги, 7 — насечки, 4 раза — косая сетка, 3 — линии, по разу — ряды V-образных фигур и косые кресты. Небезынтересно, что именно эти узоры характерны для костяных и каменных орудий перечисленных ранних памятников северной части Европы и Зауралья. Совсем другой характер носят ажурные орнаменты на костяных изделиях железного века, своеобразные как по мотивам, так и манере исполнения³⁴. Таким образом, орнаментика деревянных и каменных изделий синдорского района подтверждает их глубокий возраст.

²⁷ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. «Труды ГИМ», вып. 29. М., 1956, рис. 18, 17.

²⁸ A. Åyräpää. Die ältesten steinzeitlichen Funde aus Finnland. «Acta archaeologica». København, 1950, Abb. 29.

²⁹ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, рис. 31, 1, 7; 32, 1; 55; 56; 109, 3, 7; В. И. Каннивец. Канинская пещера. М., 1964, рис. 17, 1, 2; 18, 5, 6; 19; 20.

³⁰ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, рис. 2а, 7; 24, 1, 3—5.

³¹ R. Indreko. Указ. соч., Abb. 75, 4, 5; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, рис. 32, 14, 15; 46, 4; 49, 2; М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, рис. 17, 7; 20, 15; 25, 6; Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, № 47, 1956, рис. 35, 29; 62, 1; 63, 1; 122, 1; 123, 1, 4—7, 11, 13, 17.

³² Den Teilnehmern am V Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte, Hamburg, 1958. «Ausgrabungen und Funde». Berlin, 1958, Bd. 3, H. 4/5, Abb. 9, стр. 162.

³³ Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник, рис. 121; 122, 4; 123, 8—10, 12, 14, 16.

³⁴ А. А. Спицын. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. МАВГР, вып. 1. М., 1893, табл. VII, 10; VIII, 3, 6, 9, 11; XI, 6, 7, 31;

Орнаментация и способ обработки поверхности не позволяют проводить аналогию между мезолитическими вещами и раннебронзовой (или какой-либо другой) керамикой висских поселений, которая, как теперь выясняется³⁵, делится на типы, последовательно сменяющие друг друга. На одном и том же деревянном или каменном изделии сочетаются орнаментальные мотивы и следы отделки поверхности, характерные для разных керамических типов: насечки и зигзаги (первые известны на посуде I типа, а вторые типичны для II), насечки и штриховка (характерная для III типа). Кроме того, в 1964 г. встречены V-образные фигуры, вообще не известные на посуде Вычегодского края. Так что деревянные вещи I торфяника и по этим данным следует относить к докерамическому периоду. Два очень мелких и один средний обломок раннебронзовой посуды, оказавшиеся на дне раскопа, у самого края останца, как было установлено при анализе следов грунта на них, выпали из вышележащего пласта сероватой супеси. Отсутствие в торфянике керамики при значительном количестве прочих изделий служит серьезным аргументом в пользу принадлежности его к мезолитической культуре.

Указанием на мезолитический возраст I Висского торфяника является уже давно установленная близость между найденными в нем полозьями³⁶ и полозом из Хейнолы VII тысячелетия до н. э.³⁷ В обоих случаях полозья корытообразные, с закругленными концами и лишь с одной парой отверстий на каждом конце. Различие между ними, которое состоит в том, что у висских полозьев есть бортик, представляется несущественным, ибо среди десятков найденных в Швеции, Финляндии и Зауралье полозьев ни один не похож на хейнолинский. В эпоху неолита и в бронзовом веке на территории Финляндии³⁸ и в Зауралье³⁹ уже бытовали усложненные сани с большим количеством отверстий. Вряд ли такие сани не были известны древнему населению Привычегодья. Резонным будет сани I торфяника и Хейнолы синхронизировать.

Все изложенное можно отнести и к висским лукам с отверстием для регулирования тетивы⁴⁰. В керамический период на территории Восточной Прибалтики и Зауралья, как, впрочем, и в Западной Европе, использовались луки симметричного типа с выемками, уступчиками, выступами или заострениями для тетивы на обоих концах⁴¹. Небольшие луки такого же

В. И. Мошинская. Материальная культура Усть-Полуя. МИА, № 35, 1953, табл. II, 10, 14—19; VIII, 7; X, 7—10; XII, 2; XIV, 5—9.

³⁵ См. гл. III, стр. 98—102.

³⁶ Г. М. Буров. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды, стр. 160.

³⁷ T. I. Itkonen. Muinaissuksia ja — jalaksia. SM, XXXVII (1930). Helsinki, 1931, kuv. 5.

³⁸ T. I. Itkonen. Указ. соч., SM, XXXVII (1930); XXXVIII—XXXIX (1931—1932); 1932; XLI (1934), 1935; XLIII (1936), 1937; XLV (1938), 1939; XLVIII (1941), 1942; LIII (1946), 1947; LVI (1949).

³⁹ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы, рис. 3, 3; 5, 6; стр. 15, 24.

⁴⁰ Г. М. Буров. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды, стр. 157—159.

⁴¹ J. G. D. Clark. Neolithic Bows from Somerset, England, and Prehistory of

типа найдены во II Висском торфянике. Можно думать, что материальная культура Европейского Северо-Востока развивалась в том же направлении, что и материальная культура областей, между которыми он находился. Висские луки не представляют своеобразие Вычегодского края или Европейского Северо-Востока в неолите, либо в бронзовом веке, а являются мезолитической формой, по-видимому, характерной для обширной территории северной Евразии. Мы уже отмечали близость висской сети⁴² к сети бореального времени из Антреа-Корпилахти⁴³. Аналогия наблюдается в способе вития веревочек, их толщине, типе узла и размерах ячеек. Эта параллель тоже не случайна, а объясняется синхронностью вещей. То же самое касается и поплавок от сети. Хотя у него обломана нижняя часть, все же можно сказать, что изделие гораздо ближе длинным поплавкам из Корпилахти, с параллельными краями и закругленным верхним концом⁴⁴, чем коротким неолитическим поделкам зауральских торфяников, расширенным книзу и с усеченным верхом⁴⁵ (все рассмотренные поделки изготовлены из сосновой коры).

На глубокий возраст I торфяника указывает резкое отличие его по инвентарю от II торфяника. Бросается в глаза не только разный состав коллекций и контраст между вещами одного и того же рода (луки, сани), но и различие в приемах обработки дерева. Для II торфяника характерны мелкие изделия, для I — крупные. Люди I торфяника, в отличие от населения, оставившего вещи во II торфянике, еще не знали выработки изделий из отрезков с отходящим сучком и закалывания древесины огнем. Зато в последующее время был изжит и забыт мезолитический прием обработки поверхности зубчатым инструментом.

Итак, многочисленные доказательства вводят материал I Висского торфяника в число интересных мезолитических комплексов. До изучения этого материала мезолитические предметы из растительных материалов на территории СССР почти не были известны (единственной находкой была сеть из Корпилахти). Теперь обнаружено более 120 вещей из дерева, коры и травы этой эпохи.

Исследования показали, что уже в VII—VI тысячелетиях до н. э. на Европейском Северо-Востоке обитало население, великолепно освоившее технику выделки каменных шлифованных орудий, различных деревянных вещей и берестяной посуды, хорошо знакомое с разными способами плетения. Наряду с охотой, которая велась при помощи своеобразных луков, большую роль играло сетное рыболовство. Население уже было знакомо с простейшими средствами передвижения и перевозки (лыжи, сани и лодки).

Archery in North — Western Europe. Proceedings of the Prehistoric Society. New Series, vol. XXIX (1963). London.

⁴² Г. М. Буров. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды, стр. 162, 163.

⁴³ S. Pääsi. Указ. соч., стр. 10.

⁴⁴ Там же, Taf. VI, 22.

⁴⁵ П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, № 21, 1951, стр. 58, рис. 4, 17; В. М. Раушенбах. Указ. соч., рис. 10, 10.

Глава четвертая

НЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

По окончании переходного климатического периода, во время бурного подъема уровня вод в районе Синдорского озера (V—IV тысячелетия до н. э.) на висских поселениях, вероятно, никто не жил. В долине Вычегды тогда, по-видимому, возникли стоянки с микролитическим инвентарем. Впрочем, не исключено, что комплексы этого времени имеются и в Синдоре, но выделить их невозможно. Начиная с III тысячелетия до н. э. здесь прослеживается непрерывная или с небольшими паузами жизнь вплоть до позднего бронзового века. Можно думать, что наиболее ранние неолитические памятники в Привычегодье еще не известны.

КЕРАМИКА И ВОПРОС О ПЕРИОДИЗАЦИИ НЕОЛИТА В ПРИВЫЧЕГОДЬЕ

При типологических, планиграфических и стратиграфических исследованиях на поселениях Вычегодского края выделены три неолитических типа глиняной посуды.

К I типу (табл. III) относится сравнительно небольшая часть керамики эпохи неолита с поселений Вис I, II и III, вылепленная из глины с примесью шамота (бб сосудов). Стенки толстые. Венчики с узким торцом или заострены и во всех случаях имеют с внутренней стороны высокий утолщающийся книзу наплыв, существенно отличающийся от бортика посуды II типа и ни разу не орнаментированный. Признаком сосуда I типа служит также хорошее сглаживание поверхности, доходящее до лощения. Штриховка же зубчатым штампом не отмечена ни разу. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность сосудов. Особенностью их является и то, что керамика украшена почти исключительно зубчатыми узорами (мотивами), ямки встречены лишь на одном, к тому же не вполне типичном сосуде (с бортикообразным наплывом).

В отличие от посуды других неолитических типов, данная керамика украшена не широкими, а средними зубчатыми штампами — почти всегда

косозубыми. Среди элементов орнамента основными являются горизонтальные ряды косых оттисков, длинных со слабым и коротких с сильным наклоном. Далее идут такие узоры, как горизонтальные линии, косые и вертикальные ряды коротких зубчатых оттисков (табл. III, 4, 11, 12), горизонтальная «шагающая гребенка» (табл. III, 7), ряды горизонтальных коротких отпечатков, наклонные ряды мелких углублений (табл. III, 9) и косая сетка. Эти узоры чередуются, а нередко перекрывают друг друга (табл. III, 3, 9, 11), что является специфической особенностью данного типа посуды.

II неолитический тип, включающий вторую группу вычегодской ямочно-зубчатой керамики (по ранее употреблявшейся терминологии), представлен на поселениях Вис I, II и III. Это яйцевидные сосуды (875 экз.), имеющие почти всегда наплыв, бортик с внутренней стороны венчика (рис. 15, 1 — 6, 8; табл. IV; V; VI, 1; VII, 1). Дно у такой посуды сравнительно острое, стенки очень толстые, а в глиняном тесте отмечается примесь — толченный кварц и слюда (дресва). В единичных случаях встречается примесь шамота.

II тип неолитической керамики отличается большим разнообразием узоров, которые размещены зонально по всей внешней поверхности. На главном месте среди их элементов стоят довольно глубокие конические ямки; с внутренней стороны им, как правило, соответствуют выпуклости. При украшении посуды применялся косозубый штамп, однако в несколько раз реже, чем прямозубый. Штампы дают оттиски подпрямоугольного или реже полукруглого сечения, причем вторые, как правило, более глубокие (табл. IV, 1, 2). У косозубых отпечатков один конец нередко глубже другого и с прямыми углами; зубцы скошены сильно (рис. 15, 1, 2, 4, 8; табл. V, 2, 13, 15; VII, 1).

Во многих случаях отпечатки косозубого штампа коротки и размещены в более или менее глубоком желобке (табл. IV, 6; V, 2, 4). Встречаются желобки и с удлинёнными прямозубыми оттисками. Но наиболее характерны в них ряды овальных углублений (рис. 15, 5; табл. IV, 3; V, 14), которые часто сливаются в сплошную линию, имитирующую отпечатки зубчатого штампа или перевитой нитки («отступающая лопаточка») и оттиски личинкообразного штампа — овальные, прямозубые, полукруглые в разрезе (табл. IV, 2). Эти элементы узоров, встречающиеся и вне желобков (табл. IV, 5; V, 16), занимают четвертое и пятое место в системе орнамента неолитической керамики II типа. Реже отмечаются отпечатки перевитой веревочки, обычно с четкими оттисками прядей (табл. V, 10), и гладкие линии (табл. V, 6). В единичных случаях (табл. V, 9) использован штамп с нарезанной прямой сеткой («сдвоенный» зубчатый). Один раз были встречены оттиски, сделанные как бы концом напильника (рис. 15, 6).

Ямки размещены зонами, чаще всего в один ряд, реже — в два и более (в шахматном порядке). Число их в ряду уменьшается ближе к дну, а в центре дна часто делалось одиночное углубление. Роль ямок в системе орнамента значительная. Во-первых, большую группу сосудов II типа составляет керамика, украшенная только ямками (рис. 15, 3; табл. V, 5, 8,

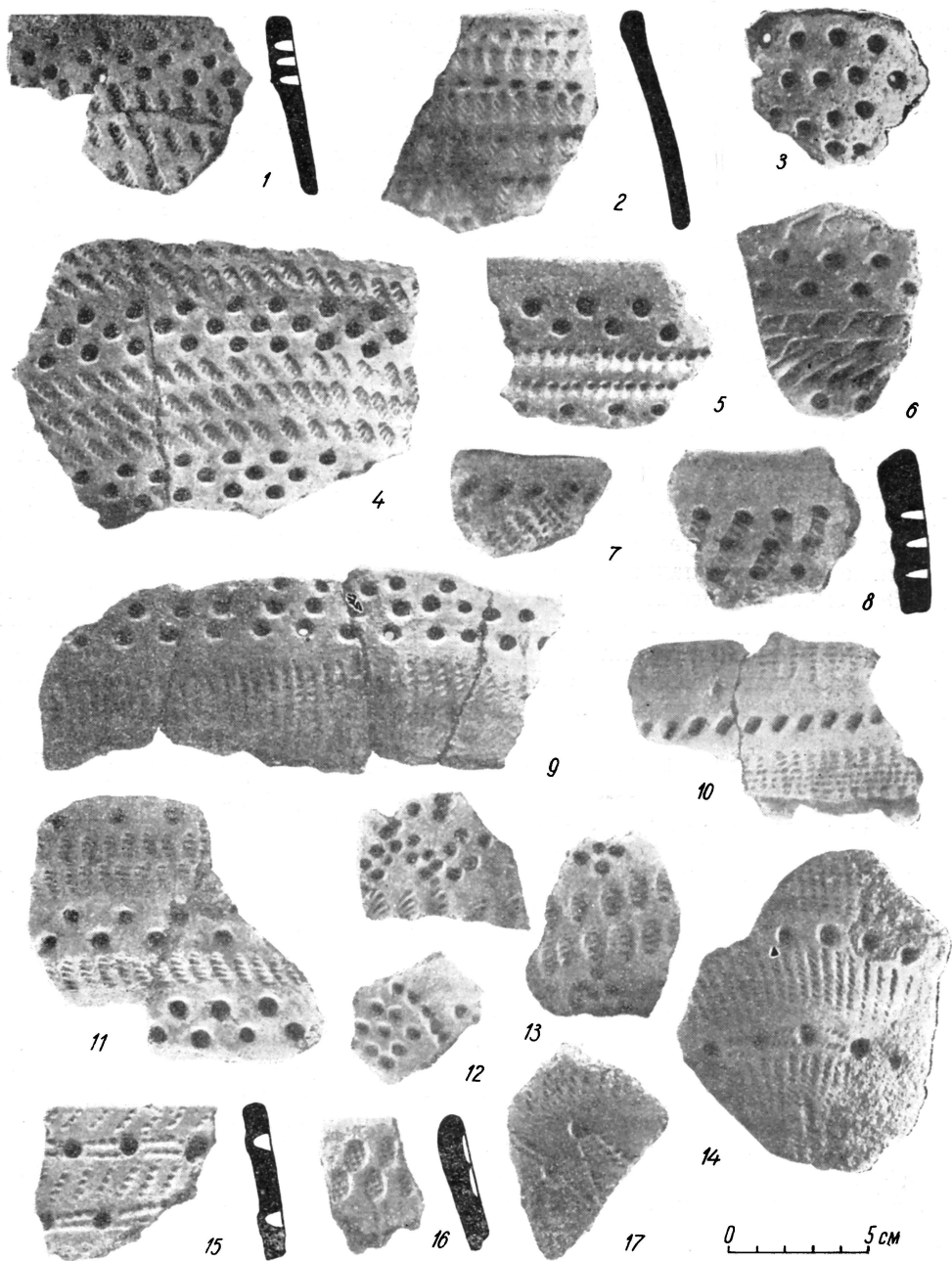

Рис. 15. Неолитическая керамика типов II (1—6, 8) и III (7, 9—17)
1—5, 9—Вис I; 6—8, 10—17 — Вис II

12; VI, 1), которые иногда расположены группами. Во-вторых, конические ямки на сосудах не заменяются другими углублениями. В-третьих, ямки сравнительно густо заполняют орнаментальное поле, в связи с частым нанесением коротких овальных отпечатков.

Для керамики II типа характерно слияние ямочного и другого орнамента. Очень часто встречаются пояски из ямок, соединенных друг с другом косыми линиями, зигзагами, косой сеткой или горизонтальной линией (рис. 15, 8; табл. IV, 1, 3, 4; V, 1, 7, 11). Как исключение отмечены двойные линии. Использовался в основном штамп, дающий оттиски полукруглого сечения. Другим, более редким приемом объединения ямочного и зубчатого узоров было нанесение ямок на фоне горизонтального ряда косых оттисков¹. Помимо совмещения в одной зоне ямочного и другого орнамента, часто наблюдается соединение ямочных зон горизонтальными полосами косых оттисков (или их наклонных рядов), либо косой сеткой (табл. V, 6, 10, 14, 16).

На керамике II типа наиболее четко встречаются горизонтальные ряды прямых или косых оттисков. Здесь совершенно отсутствует «шагающая гребенка». Заметную роль в орнаментации играют косая сетка и наклонные ряды оттисков (в последнем случае наиболее типичны овальные углубления). Горизонтальные линии (табл. V, 3), зигзаги и сдвоенные наклонные линии принадлежат к числу редких узоров.

Особенностью неолитической посуды II типа является также орнаментация торца венчика, характерная — для третьей части сосудов. Обычны поперечные оттиски зубчатого штампа и лишь в одном случае торец украшается зигзагом. Изнутри орнамент встречен только один раз. Внутренняя поверхность сосудов II и III типов нередко сглажена зубчатым штампом.

Из сосудов II типа один, с наплывом изнутри венчика, полностью восстановлен. Орнамент составляют редко расположенные ряды конических ямок (табл. VI, 1). Диаметр венчика 34 см, высота — 35 см.

Сосуды III типа, в состав которого входит первая группа ямочно-зубчатой керамики (встречены на поселениях Вис I, II и III, свыше 1400 экз.), имеют венчик с закругленным краем и круглое дно при яйцевидной форме (рис. 15, 7, 9—17; 16, 1—4, 7; 17, 4, 9—11, 21, 22; табл. VI, 2; VII, 2, 3; VIII, 1—3; IX). Стенки толстые, но в меньшей степени, чем у посуды II типа, в керамической массе прослеживаются более мелко толченые кварц и слюда. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность, а на торце и изнутри сосуда встречается лишь как редкое исключение.

Орнамент всегда размещен зонально, но на донной части узоры не во всех случаях нанесены концентрически (рис. 15, 14). В орнаменте имеются пояски из оттисков различных штампов, чередующиеся с горизонтальными рядами ямок или заменяющих их углублений. Ямки обычно неглубокие, конической или полусферической формы; здесь они играют меньшую роль, чем на сосудах II типа. Из других орнаментов преобладают

---

¹ Г. М. Буров. Долговременные поселения на р. Вис (бассейн Вычегды). МАЕСВ, вып. I Сыктывкар, 1962, рис. VII, 6.

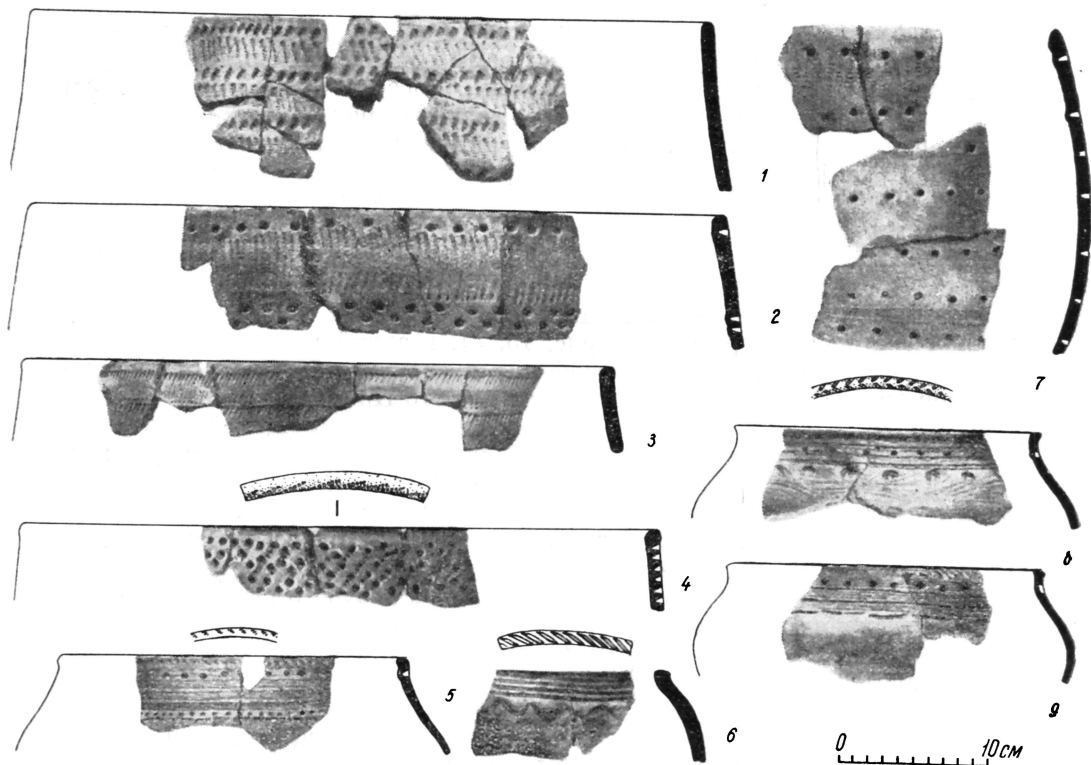

Рис. 16. Неолитическая керамика типа III (1—4, 7) и ванвиздинская посуда (5, 6, 8, 9)

1, 3 — 9 — Вис II (5, 6, 8, 9 — торфяник); 2 — Вис I

глубокие и короткие прямые или угловые отиски широких штампов — козозубого (табл. VI, 2; VII, 3; VIII, 1; IX, 1, 2) и овального кососеточного — с нарезанной косой сеткой (рис. 15, 12, 13, 16; 17, 10; табл. VIII, 3); встречаются также неглубокие гладкие ямочки неправильной формы (рис. 15, 10, 12, 13; 17, 9, 21; табл. IX, 6, 11), расположенные горизонтальными рядами, зигзагами и ромбами.

Ямки и заменяющие их углубления размещены одним, реже двумя или несколькими рядами, образуя зоны. Если рядов два и более, то они изредка соединяются горизонтальными, либо косыми двойными или одинарными отисками штампов, иногда образующими зигзаг или косую сетку (рис. 15, 14, 15, 17; табл. IX, 2—4). Узоры, заключенные между зонами углублений, наносились обычно козозубым штампом, нередко кососеточным и в виде исключения зигзаговым (с нарезанным зигзагом; табл. IX, 5) и гладким. Отиски козозубого штампа, как правило, довольно длинные, с закругленными концами; зубцы скошены умеренно. Прямоугольный,

личинко-образный и «сдвоенный» штампы, а также перевитая веревочка, по-видимому, при орнаментации посуды III типа не использовались.

Среди узоров, выполненных косозубым, кососеточным и зигзаговым штампами, главными являются горизонтальный ряд косых оттисков и «шагающая гребенка». Третье место занимают горизонтальные линии (рис. 16, 7; табл. VIII, 2). В редких случаях встречается обычный зигзаг (рис. 17, 21), косая сетка (табл. IX, 7), в том числе выполненная двойными линиями, горизонтальный ряд парных зубчатых оттисков, наклонные ромбообразные ряды отпечатков (табл. IX, 4), заштрихованные зубчатые ромбы, расположенные цепочкой (табл. IX, 8), иногда с заполнением пространства между ними рядами отпечатков (табл. IX, 10), косозубая наклонная «шагающая гребенка» (рис. 15, 7), гладкий наклонный «шагающий штамп», ряды зубчатых веерообразных фигур (табл. IX, 3) и флажковый узор (рис. 17, 11), характерный для южного Прикамья².

На одном предположительно культовом сосуде с лощеной поверхностью встречены выполненные зубчатым штампом изображения уток и, очевидно, гусей (табл. IX, 11, 12). Один сосуд диаметром по венчику 28—29 см и высотой 23 см полностью реставрирован (табл. VII, 3). Он яйцевидный, с круглым дном. Верхняя часть сосуда украшена зонами из двух рядов глубоких оттисков овального косозубого штампа, а нижняя — чередующимися рядами косых оттисков обычного косозубого штампа и неглубоких круглых ямок. Сосуд склеен из 70 обломков, по расположению которых видно, что при его лепке применялась ленточная техника (четыре ленты и дно). В верхней части сосуда, у краев трещины, имеются два сверленных отверстия для починки.

В тех местах, где находились неолитические жилища, хорошо прослеживается разность глубин, на которых залегают, с одной стороны, неолитическая керамика III типа и, с другой, прочая посуда. Первая приурочена в основном к нижним горизонтам жилищных заполнений, вторая — к верхним (рис. 14). Кроме этих данных, в пользу одновременности I и III неолитических типов свидетельствуют распространение керамики II типа на поселении Вис II (рис. 11) преимущественно за пределами жилища (в отличие от посуды III типа), залегание ее почти в чистом виде в южной части Виса I и на поселении Вис III. Можно считать, что неолитическая керамика I типа тоже бытовала самостоятельно, поскольку на поселении Вис I она представлена хорошо, а в Висе II — всего единичными сосудами; но следует учитывать, что I и II типы как бы имеют между собой контакт (примесь шамота и оттиски косозубого штампа у некоторых сосудов II типа).

Абсолютные даты выделенных типов можно вывести путем сопоставления найденной керамики с посудой смежных территорий. Сосуды I типа аналогичны неолитической посуде Хуторской стоянки в верхнем Прикамье. Сходство проявляется в составе глиняного теста, профилировке венчика, хорошей обработке поверхности, применении неширокого косозубого

---

² О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, № 99, 1961, стр. 189—191.

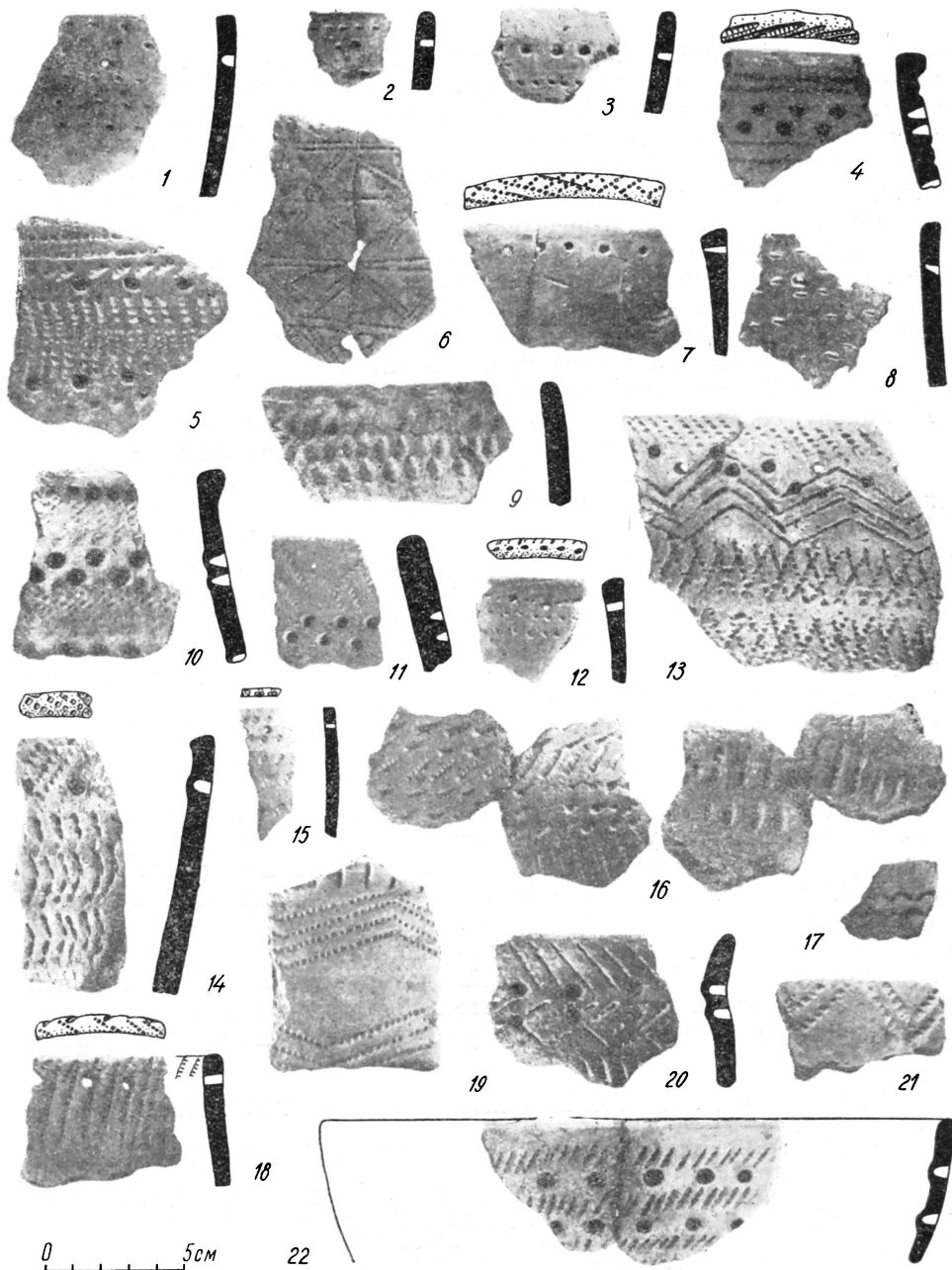

Рис. 17. Керамика неолита и бронзового века

1—3, 8 — валиковая; 4, 9—11, 21, 22 — неолитическая типа III; 5 — неолитическая неопределенного типа; 6, 7, 12, 15, 18 — раннебронзовая типа I; 13, 14, 16, 17, 19, 20 — раннебронзовая типа II; 1—3, 8—10, 12, 14, 16, 17, 20—22 — Вис I; 4—7, 11, 13, 15, 18, 19 — Вис II

штампа и слабой углубленности орнамента. Прослежена параллель и в мотивах орнамента, из которых общими являются ряды зубчатых оттисков — горизонтальные и наклонные, в том числе ромбовидные, узоры в виде «шагающей гребенки», горизонтальные линии, зигзаги, косая сетка и наклонные ряды вдавлений на фоне зубчатого орнамента. Отмечается чередование зон из длинных зубчатых оттисков, имеющих слабый наклон, и зон с короткими, сильно скошенными отпечатками. В отличие от более древней камской стоянки Боровое озеро I, на поселении Вис I не встречены прочерченные волнистые линии. От керамики более поздней Левшинской стоянки посуда I типа разнится тем, что в Левшине венчики имели утолщения далеко не во всех случаях, а орнаментальное поле заполнено гораздо реже³. Следовательно, керамика I типа принадлежит к хutorскому этапу камского неолита. Время этапа лежит в рамках III тысячелетия до н. э. (по О. Н. Бадеру, середина этого тысячелетия)⁴. Камская неолитическая посуда в Привычегодье выделяется только теперь и в прежних работах никак не публиковалась; однако О. Н. Бадер к камской культуре относит некоторую часть изданной нами керамики с висских поселений⁵.

Посуда II типа находит параллели в волго-окской ямочно-гребенчатой керамике, особенно из Вологодской и Архангельской областей. Сходство наблюдается в составе керамической массы, форме (встречается острое дно, у венчика — изнутри бортик), в орнаментации сосудов прямозубым, реже косозубым (с прямоугольными концами) и гладким штампом, насечками и отпечатками перевитой веревочки. Характерно соединение ямок зубчатыми линиями, нанесение таких узоров, как горизонтальные ряды оттисков, зигзаги, линии и косая сетка. Встречается сплошная ямочная орнаментация, причем нередко ямки размещены группами. Орнамент часто переходит и на торец⁶.

В последнее время памятники волго-окского типа относят к значительно древнему времени и ранняя дата их в Волго-Окском междуречье по радиоуглеродным и другим данным устанавливается на рубеже V и IV тысячелетий до н. э.⁷ Имеются факты и о более ранних датах северных стоянок с волго-окской керамикой. Так, стоянка Усть-Рыбежна I в южном Приладожье, культурный слой которой залегает под отложениями, связанными с озерной трансгрессией, датируется первой половиной III тысячелетия до н. э.⁸ Конечно, вычегодская керамика волго-окского типа, отличающаяся большим разнообразием узоров, не принадлежит к

³ В. П. Денисов. Хutorская неолитическая стоянка. УЗПГУ, т. XII, вып. 4. Пермь, 1960, стр. 40—50, 68, 69.

⁴ О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 169, 170.

⁵ Там же, стр. 170.

⁶ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, рис. 34—39; 71, 1; 73, 1—3; Н. Н. Гурина. Некоторые новые данные о заселении Севера Европейской части СССР. СА, 1957, № 2, рис. 3.

⁷ В. П. Третьяков. К вопросу о памятниках льяловского типа в Волго-Окском междуречье. КСИА, вып. 106, 1966 стр. 14, 15.

⁸ Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА, № 87, 1961, стр. 386—388; Г. Н. Лисицына. Вопросы палеогеографии неолита районов Северо-Запада Европейской части СССР, МИА, № 87, 1961, стр. 556—565.

числу комплексов древнейшего, льяловского этапа, но вполне может датироваться III тысячелетием до н. э., как и близкая ей посуда Усть-Рыбежны I. Верхняя дата волго-окской керамики не может выходить за пределы самого начала II тысячелетия до н. э., поскольку за неолитической посудой хронологически следуют комплексы бронзового века с XIX—XVIII вв. до н. э. Итак, I и II типы керамики датируются III и началом II тысячелетия до н. э. Вполне очевидно, что в этих рамках лежит также время распространения керамики III типа, близкой по многим признакам посуде двух остальных.

Относительный возраст различных типов неолитической керамики, если судить только по глубине ее нахождения, выяснить трудно. Даже в вопросе о посуде III типа, залегающей стратиграфически ниже остальных, возможно двоякое толкование, так как нельзя исключить заполнение верхней части жилищной впадины, выброшенным при постройке полуземлянки, культурным слоем предшествующего времени. Именно так было с мезолитическим материалом, который на площади жилищ оказался преимущественно в верхней части культурного слоя. Однако некоторые наблюдения и сопоставления заставляют нас склониться к мнению об относительно позднем возрасте керамики III типа. На месте неолитических жилищ ни разу не встретились скопления черепков, принадлежащих одному и тому же волго-окскому сосуду, в то время как развалы керамики других типов (I и II раннебронзовых, позднелебяжского, ананьинского и гляденовского) обнаружены. Характерно уменьшение количества черепков волго-окской посуды от краев жилищных впадин к их центрам, что особенно выражено на площади жилища № 2 поселения Вис I. При нанесении на план обломков сосудов других типов (I, II и III ранней бронзы, ананьинского и гляденовского) наблюдалось, напротив, тяготение керамики к центрам жилищных площадок. Такое распределение волго-окской неолитической посуды в плане легче всего объяснить прорезанием культурного слоя, насыщенного ею, более поздней постройкой с керамикой III типа. Все сказанное о волго-окской посуде можно отнести и к I типу, но здесь следует учитывать небольшое количество камской керамики на поселении Вис I.

Другое обстоятельство косвенно указывающее на молодой возраст посуды III типа — это ее гибридный характер, о чем уже говорилось раньше⁹. Так как эта керамика сложилась в результате синтеза волго-окских и камских сосудов, то, очевидно, что она сформировалась в относительно позднее время. О том же, вероятно, свидетельствуют отсутствие утолщений на венчиках и орнаментация гибридной керамики заштрихованными ромбами. Этот узор не встречен на остальной неолитической посуде, но отмечается на сосудах раннего бронзового века.

Заштрихованные ромбы, флажки и другие штрихованные фигуры 8 раз отмечены на сосудах поселения Вис II и ни разу не встречались на неолитической керамике Виса I, где только в двух случаях представлен

---

⁹ Г. М. Буров. Вычегодский край (очерки древней истории). М., 1965 стр. 166, 167.

узор в виде наклонных ромбовидных рядов отпечатков. Может быть, комплекс сосудов III типа второго памятника несколько древнее. На некоторую разновременность указывает также гораздо более низкий процент на поселении Вис II сосудов с углублениями в виде гладких ямок и угловых оттисков зубчатого штампа, отсутствие отпечатков зигзагового штампа, преимущественное использование кососеточного штампа для нанесения ямок, а не для заполнения орнаментом межъямочного пространства и наличие сосудов с гладким «шагающим штампом». Кроме того, некоторые сосуды Виса II богато украшены коническими ямками и имеют орнамент на торце (по всем остальным признакам — это керамика III типа). Если посуда поселения Вис II действительно моложе, чем керамика Виса I, то можно говорить о том, что гибридная керамика развивалась в сторону некоторого уменьшения сходства с камской и сближения с волго-окской посудой.

Видимо, не полностью синхронны и комплексы неолитической посуды волго-окского типа. На поселениях Вис I и III чаще, чем в Висе II, встречаются гладкие углубления, а на поселении Вис II, напротив, более употребительны оттиски личинкообразного штампа и перевитой веревочки. Затем для Виса I и III более, чем для II поселения, характерно соединение ямок, входящих в одну и ту же зону, косыми оттисками, зигзагами и т. д., а также связывание разных ямочных зон при помощи косой сетки. Прием же соединения таких зон косыми оттисками, наоборот, более типичен для II Висского поселения. Сделанные наблюдения не дают, однако, возможности определить хронологическое соотношение между рассмотренными волго-окскими комплексами.

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ

Основная масса орудий труда, найденных на поселениях Синдора, сделана из кремня и других пород камня. В эпохи неолита и ранней бронзы здесь господствовала техника выработки орудий из кремневых отщепов, хотя еще практиковалось и отщепление пластин¹⁰. Различные по величине серии образуют наконечники стрел и дротиков, скребки, ножи и ножевидные орудия, резчики, сверла, тесла, долота, топоры, гальки с отверстием, шлифовальные камни, абразивные инструменты с желобками и пилы. Найдены также другие каменные вещи, каждая из которых представляет особый род орудий.

К сожалению, огромный вещественный материал висских поселений не во всех случаях стратифицирован. Это затрудняет или делает невозможным выделение типов орудий, связанных с тем или иным типом керамики. Все же расчленение каменного инвентаря в настоящей главе делается, но оно требует, конечно, проверки и уточнения при дальнейших исследованиях.

Наконечники стрел и копий представлены следующими типами: I — наконечник в виде трапеции из сечения широкой призматической пластины с крутой ретушью на боковых сторонах (табл. XV, 30); II — изделия

¹⁰ См. гл. III.

свидерского типа (табл. XV, 7, 8, 24); II — широкие лавролистные (иволистные) изделия, имеющие в разрезе чечевицеобразную форму, покрытые ретушью полностью или (реже) частично (табл. XV, 4, 5, 10, 13, 14, 19, 22, 23, 32, 35, 36, 40, 45, 49); IV — близкие по форме наконечники, но узкие и массивные (табл. XV, 41); V — широкие листовидные изделия сегментовидного или треугольного сечения с частичной ретушью (табл. XV, 9, 20, 29, 38); VI — сходные по форме, но узкие и массивные, частично или полностью покрытые ретушью (табл. XV, 6, 26, 32); VII — широкие ромбовидные (часто с удлинённым концом) наконечники чечевицеобразного сечения со сплошной или неполной ретушировкой (табл. XV, 1, 12, 21, 39, 42, 47, 53); VIII — широкие ромбовидные наконечники сегментовидного или треугольного сечения с неполностью обработанной поверхностью (табл. XV, 16); IX — узкий и массивный чечевицеобразный в сечении ромбовидный экземпляр, целиком покрытый ретушью; X — подобные наконечники сегментовидного или треугольного сечения с полной или частичной обработкой (табл. XV, 3, 44); XI — треугольно-черешковые наконечники, чечевицеобразные в сечении, с длинным пером (сейминский тип), с четко выраженным или намечающимся черешком (табл. XV, 28); XII — приближающиеся к ним по форме изделия, но с коротким пером (табл. XV, 37, 62); XIII — наконечник, близкий по очертаниям к сейминскому, однако сегментовидный в разрезе и с частичной обработкой (табл. XV, 2); XIV — треугольно-черешковые экземпляры аналогичного сечения, с коротким пером и неполной ретушировкой (табл. XV, 18, 33); XV — короткие подтреугольные наконечники с более или менее выраженной выемкой в основании чечевицеобразного сечения, полностью покрытые плоской ретушью (табл. XV, 58, 63, 69); XVI — близкие по форме изделия, но средних пропорций (табл. XV, 51, 54, 55)¹¹; XVII — удлинённые подтреугольные экземпляры (ланцетовидные) с выемкой в основании (табл. XV, 70); XVIII — короткие листовидные орудия с выемкой в основании (табл. XV, 34); XIX — сходные, но средних пропорций предметы (табл. XV, 43, 66, 73); XX — удлинённые листовидные (ланцетовидные) с выемкой в основании изделия (табл. XV, 67); XXI — короткие подпятиугольные с параллельными боковыми сторонами экземпляры с выемкой в основании и отходящими в сторону шипами (табл. XV, 64); XXII — близкие по очертаниям, но более длинные наконечники (табл. XV, 50, 60, 73); XXIII — похожий на них, однако суженный к основанию, «рыбкообразный» наконечник (табл. XV, 74); XXIV — подпятиугольные наконечники средней длины, суженные к основанию с выемкой (табл. XV, 57); XXV — короткие подтреугольные с усечённым основанием изделия (табл. XV, 56); XXVI — короткие листовидные с усечённым основанием экземпляры (табл. XV, 65); XXVII — такой же наконечник средней длины (табл. XV, 48, 59); XXVIII — близкий по форме удлинённый (ланцетовидный) наконечник (беломорский тип; табл. XV, 68); XXIX — листовидные (миндалевидные) экземпляры с закруглённым основанием; XXX — короткий подпятиугольный наконечник с усечённым основанием

¹¹ Под наконечниками средних пропорций мы подразумеваем те, у которых длина в 2,5—4 больше максимальной ширины.

черешка; XXXI — сходный по очертаниям, но очень узкий и длинный (ланцетовидный) экземпляр (табл. XV, 61); XXXII — подтрапецевидный наконечник стрелы (или фигурный кремь) с выемками у основания и пера (табл. XV, 11). Наконечники стрел первых 14 типов покрыты обычной плоской ретушью, а остальные — обычной или пильчатой¹². Изделия сегментовидного и треугольного сечения изготовлены, вероятно, из призматических пластин.

Попытаемся выяснить, с каким из керамических комплексов ближе всего связан каждый тип наконечников стрел. По стратиграфическим соображениям это возможно главным образом для неолитической керамики III типа, встречающейся в жилищах. Другим обстоятельством, облегчающим выделение вещей, относящихся к III неолитическому типу керамики, является открытие склада сломанных каменных изделий у угла жилища на поселении Вис II. Здесь найдены обломки 3 крупных желобчатых шлифованных тесел и 11 в основном поврежденных кремневых наконечников стрел. Естественно считать, что на каждом висском поселении количество наконечников стрел того или иного типа в основном находится в прямой пропорциональной зависимости от числа связанных с ним глиняных сосудов. Поэтому, сравнив формы наконечников трех висских поселений (табл. 3), на которых керамика различных типов находится в разных соотношениях (табл. 2), мы получим возможность предположительно расчленить на комплексы эти кремневые изделия. Наконец, в вопросах датировки разных типов каменных изделий результаты может дать сопоставление их с наконечниками стрел тех памятников, на которых получены чистые комплексы и керамика которых аналогична найденной на висских поселениях.

Исходя из вышеизложенного, III, IV, VI, а может быть, II, VIII, XIII и XIV типы кремневых наконечников следует связать с неолитической керамикой III типа. Так, III и VI типы составляют подавляющее большинство в складе сломанных изделий, а наконечников IV и XIV типов больше всего на поселении Вис II при отсутствии в инвентаре Виса III (XIII тип близок XIV). Один наконечник II типа найден вместе с обломками каменных изделий у неолитического жилища и условно включен в состав склада, а экземпляры VIII типа происходят преимущественно с поселения Вис II. К этому следует добавить, что изделия IV, а отчасти III и XIV типов обнаружены в нижних слоях жилищных заполнений.

В комплексы неолитической керамики II типа, вероятно, входят изделия следующих типов: II, III, V, VII, VIII. Из них II — свидерский, возникший в мезолите Волго-Окского междуречья и более западных областей, естественно, может сопровождать неолитическую керамику II волго-окского типа, если не относится целиком к мезолитическим комплексам. Больше всего таких наконечников найдено в Висе I, а остальные — на

¹² К этим 32 типам вычегодских наконечников стрел, каждый из которых мог бытовать в эпоху неолита или ранней бронзы, следует присоединить еще один, представленный в инвентаре стоянки Лемью на средней Вычегде. Здесь найдены четырехшипные наконечники с треугольным пером и черешком, имеющим выемку в основании. Судя по аналогиям, такой тип может относиться к рассматриваемому времени (Г. М. Б у р о в. Вычегодский край, стр. 90).

поселениях Вис II и III. В местах неолитических жилищ обнаружены 2 свидерских наконечника в верхних горизонтах заполнений. Лавролистных чечевицеобразных в разрезе наконечников больше всего собрано в Висе I, причем на участках с жилищами преобладающая часть наконечников залегала в верхних горизонтах; подобные наконечники характерны для ямочно-гребенчатой керамики волго-окского типа¹³. Наконечники V и VII типов в основном происходят с поселения Вис I и встречаются в Висе III, где V тип является основным. Здесь же оказались 2 экз. VIII типа. Если наконечники V и VIII типов не занимают в культурном слое четкого стратиграфического положения, то 6 из 7 наконечников VII типа, найденных на площади неолитических жилищ, принадлежат верхним горизонтам.

Какие же типы наконечников стрел сопровождали посуду эпохи ранней бронзы? По-видимому, III, VII, XI и XII. Широкие лавролистные чечевицеобразные в сечении изделия найдены в III пункте Синдорского озера I, где древнейшая (почти вся) посуда датируется эпохой ранней бронзы. Такой же наконечник и широкий ромбовидный, аналогичного сечения, происходят со стоянки Симва II, ранний комплекс которой включает II керамический тип эпохи ранней бронзы. О бытовании III и VII типов свидетельствует инвентарь Ортинской стоянки на нижней Печоре, с керамикой II типа раннего бронзового века¹⁴. Что же касается треугольно-черешковых наконечников чечевицеобразного сечения, то об их изготовлении в раннем бронзовом веке говорит соотношение этих наконечников на висских поселениях: Вис I, где господствует II тип ранней бронзы, дал 80% всех находок. Поселения турбинской культуры в Прикамье, керамика которых аналогична вычегодской посуде, отнесенной к III типу ранней бронзы, также содержит лавролистные, ромбовидные и треугольно-черешковые наконечники¹⁵. То же самое касается волосовской культуры¹⁶.

Судя по комплексам Прикамья¹⁷, относящимся к турбинской культурной общности, в эпоху ранней бронзы уже могли использоваться и наконечники поздних типов — с выемкой в основании, с усеченными и с закругленными основаниями, часто с пильчатой ретушью, а также с черешком, имеющим основание или выемку. Действительно, на стоянках Синдорское озеро I (пункты II и III) и XI, где обнаружена почти исключительно керамика этого времени, с преобладанием III типа, представлены наконечники стрел с выемкой в основании, намечающейся или хорошо выраженной; имеется здесь и обломок ланцетовидного экземпляра с пиль-

¹³ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, рис. 75, 4; Н. Н. Гурина. Древнейшая история Северо-Запада Европейской части СССР, рис. 125, 7, 8, 12.

¹⁴ Н. П. Пядышев, Л. П. Хлобыстин. Новая стоянка в Печорском Запольяе. КСИА, вып. 92, 1963, рис. 23, 1—4.

¹⁵ С. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. рис. 31, 5, 10, 12, 13; 60, 1—3; 61, 6—13.

¹⁶ Н. К. Цветкова. Волосовский клад. «Труды ГИМ», вып. XXIII, М., 1957, табл. I, II.

¹⁷ О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье, рис. 31, 1—4, 7, 8; 61, 1, 2.

чатыми краями и сколом, аналогичный найденным в беломорском районе¹⁸. Подсчеты показывают, однако, что вряд ли таких наконечников было относительно много в комплексах с керамикой II типа. Так, на поселении Вис II процент экземпляров, имеющих выемку, усеченное или закругленное основание, приблизительно в два раза выше, чем на Висе I. Некоторые типы (XVII—XIX, XXI, XXII, XXV, XXVII—XXIX) в коллекции с этого поселения вообще не представлены. Другими словами, для нее не характерны формы поздних листовидных и миндалевидных наконечников¹⁹. Эту разницу следует объяснить тем, что на II поселении значительная, а может, и большая часть поздних наконечников принадлежит эпохе поздней бронзы (усть-вымское время), когда, судя по Ванвиздинской и II Чудинтойской стоянкам, бытовали исключительно такие и черешковые наконечники стрел²⁰. Характерно, что на Висе II поздние наконечники залегают в целом выше ранних.

По-видимому, на поселении Вис I часть поздних наконечников стрел тоже связана с усть-вымскими сосудами, которые здесь очень редки. Некоторые наконечники следует относить к позднебеляжской керамике (VIII—VI вв. до н. э.)²¹. К раннебронзовой керамике I и II типов с наибольшей вероятностью можно приурочить наконечники тех поздних форм, которые отсутствуют на поселении Вис II (XXIII, XXXI и XXXII). Остальные поздние наконечники висских поселений (из числа датирующихся эпохой ранней бронзы), видимо, в основном или целиком входят в единые комплексы с керамикой III типа. Этому соответствуют находы наконечников на Ортинской стоянке, где все 4 экз. ранние, и в памятниках турбинской культуры, в инвентаре которых, наряду с изделиями ранних типов, господствуют наконечники с выемкой, с усеченным и закругленным основаниями.

Кроме кремневых наконечников стрел на поселении Вис I встречен шлифованный, трапециевидного сечения (табл. XVIII, 2). Аналогичное изделие известно в инвентаре стоянки Чес-Тый-Яг в бассейне Северной Сосвы²². На поселении Вис I найдены также обломок шлифованного наконечника (или ножа) чечевицеобразного сечения и незаконченный наконечник с желобками и выемкой у основания (табл. XVIII, 12), имеющий аналогию на I Береговой стоянке²³. Возможно, все три находки

¹⁸ М. Е. Ф о с с. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, рис. 72, 11, 12.

¹⁹ Кроме того, на I Висском поселении значительно меньше наконечников со слабо выраженной выемкой в основании и с усеченным основанием, а миндалевидные совсем не найдены, в то время как наконечники с глубокой выемкой на обоих поселениях встречены почти в равном количестве.

²⁰ А. С. С и д о р о в. Археологические памятники Коми АССР. ИКФВГО, вып. 2. Сыктывкар, 1954, рис. 1; Г. М. Б у р о в. Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде. «Труды Коми ФАН», № 9. Сыктывкар, 1960, рис. 6, 13, 14; 10, 11; Он же. Вычегодский край, рис. 21, 5, 9, 20, 21.

²¹ Г. М. Б у р о в. Вычегодский край, рис. 24, 12, 13.

²² В. Н. Ч е р н е ц о в. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, табл. II, 6.

²³ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. «Труды ГИМ», вып. 29. М., 1956, стр. 49. рис. 17, 5.

принадлежат комплексу керамики II типа эпохи ранней бронзы, преобладающей на поселении, тем более, что такая же посуда встречена в Честый-Яге и на I Береговой стоянке.

Наконечники дротиков и копий на поселениях Вис I и II представлены тремя лавролистными экземплярами, у наиболее крупного из которых (с Виса I) намечается черешок (табл. XV, 27). Небольшое изделие с Виса II (табл. XV, 25) залегало в раннем горизонте жилищного заполнения и может быть включено в комплекс неолитической посуды III типа. Самый крупный наконечник близок найденному на Лебяжской стоянке в долине Вычегды, где имеется и посуда II типа эпохи ранней бронзы (вместе с позднелебяжской). Весьма вероятно принадлежность обоих изделий к комплексам этого типа, тем более, что и наконечники стрел с намеченным черешком тяготеют к нему.

Скребки. Подвляющее большинство их на поселениях синдорского района представляет собой обычные скребки из тонких отщепов, на нижнем крае которых нанесена крутая краевая ретушь, придавшая ему слабо выраженную дугообразную форму (тип I; табл. XVI, 5, 14, 15, 18, 21). Некоторые скребки снабжены двумя и более рабочими краями, противолежащими или образующими между собой угол (тип III; табл. XVI, 28, 30), либо имеют сильно выпуклую рабочую кромку (тип II; табл. XVI, 29). Некоторые скребки, с одним или двумя рабочими краями, извлечены из слоя, примыкающего к полу неолитического жилища на II Висском поселении (табл. XVI, 5, 15, 18, 28).

Среди скребков на отщепах выделяются оригинальные орудия с боковой ручкой (тип V; табл. XVI, 16, 23, 33). Они найдены в основном на поселении Вис II. Часть таких скребков обнаружена в нижнем горизонте заполнения неолитического жилища (Вис II), что вместе с данными статистики определяет наиболее вероятный возраст орудий с боковой ручкой. Один скребок (VI типа) имеет черешок (табл. XVI, 27) и находится параллельно на Волосовской стоянке²⁴.

В эпоху ранней бронзы в Привычегодье, по-видимому, уже бытовали скребки с подтесанной спинкой (IV тип), поскольку один такой скребок, с пильчатыми краями, найден в пункте III стоянки Синдорское озеро I. Имеется скребок с подтесанной спинкой и в коллекции с Мармылинской стоянки²⁵, датированной (за исключением нескольких керамических фрагментов эпохи неолита и железного века) эпохой ранней бронзы. Скребки этого типа характерны для турбинской культуры²⁶. Вместе с тем представляется бесспорным, что такие скребки в ранний период бронзового века не получили распространения. На громадное количество обычных скребков в инвентаре I Висского поселения приходится всего 24 с подтесанной спинкой (преимущественно частично, хотя иногда ретушь переходит на брюшко), в том числе два подтреугольных. Семь таких скребков вместе с 21 орудием другой формы найдено в культурном слое Виса II (табл. XVI, 19, 26, 37), но здесь большинство этих скребков особенно

²⁴ М. Е. Ф о с с. К методике определения каменных орудий. КСИИМК. вып. XXV, 1949, рис. 4, 28.

²⁵ Из раскопок М. Е. Фосса. Собрание ГИМ, инв. № 80432/14.

²⁶ О. Н. Б а д е р. Древнейшие металлурги Приуралья, рис. 96.

подтреугольных, должно быть связано с керамикой усть-вымского этана²⁷.

Ножевидные орудия и ножи. Режущие орудия неолита и бронзового века в Вычегодском крае выделялись из кремня, реже из мягких, легко шлифующихся пород. Среди форм кремневых ножевидных орудий наиболее характерной и распространенной являются серповидные (клювовидные) изделия с заостренным концом (табл. XVII, 18—20, 24, 25, 27). Тыльный конец обычно соответствует отбивному бугорку и массивен. Поверхность обработана двусторонней плоской ретушью, причем, как правило, не полностью. Размеры орудий невелики и лишь одно из них, сплошь покрытое ретушью (табл. XVII, 19), достигает габаритов обычного ножа.

Серповидные ножи на поселении Вис I исчисляются десятками; в инвентаре Виса II имеется лишь 1 экз., а на других стоянках района Синдорского озера такие орудия не найдены. Если к этому прибавить, что серповидные ножи происходят из верхних горизонтов заполнения неолитических жилищ, представится вероятной связь этих орудий с посудой II типа эпохи ранней бронзы. Данное предположение подкрепляется совместной находкой серповидного ножа и раннебронзовой керамики II типа на стоянке Варламовка (бассейн верхней Вычегды), прочая посуда которой относится уже к I — началу II тысячелетия н. э.²⁸

К числу ножей и ножевидных орудий других форм, помимо отщепов с ретушью и крупных пластин, относятся: узкие сегментовидные ножи чечевицеобразного сечения (тип II, табл. XVII, 15, 17); широкие ножи, сегментовидные (тип III, табл. XVII, 22), листовидные или неопределенных очертаний; ножи, внешне напоминающие серповидные, но изогнутые лишь слегка, с тупым концом и сегментовидные в разрезе (тип IV, табл. XVII, 13, 23); ножи чечевицеобразного сечения с треугольным черешком (листовидный, табл. XVII, 29, подпятиугольный и слегка изогнутый, табл. XVII, 11, тип V); нож-кинжал с рукоятью и слегка изогнутым клинком (тип VI, Вис I)²⁹; изделия разных размеров в виде прямоугольного треугольника с прямой или слегка выпуклой гипотенузой (тип VII, табл. XVII, 7, 14); изделия в виде прямоугольника и квадрата (тип VIII, табл. XVII, 10, 28, 31); кремневые плитки или очень массивные отщепы с покатою двусторонней ретушью по дугообразному краю (тип IX, табл. XVII, 26); орудие в виде продольно расколотого наконечника стрелы (тип X, табл. XVII, 30). Ножи II, III, V—VIII типов сплошь покрыты плоской ретушью. Изделия VII и VIII типов, бесспорно, могли использоваться не только как ножи, но и как вкладыши кинжалов, что особенно касается мелких экземпляров. Такие орудия известны по могильникам Прикамья и Прибайкалья³⁰. Находки на синдорских поселениях вкладышей из сечений ножевидных пластин, с ретушью на краях и углах указы-

²⁷ Г. М. Буров. Вычегодский край, стр. 83.

²⁸ Г. М. Буров. Археологическая разведка 1962 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища. МАЕСВ, вып. III. Сыктывкар, 1965, рис. 3, 3.

²⁹ Г. М. Буров. Долговременные поселения на р. Вис, рис. V, 1.

³⁰ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950, рис. 62; О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья, стр. 98—103.

вают на то, что, по-видимому, еще бытовали и составные орудия, близкие мезолитическим.

Из выделенных типов II тип может относиться к керамике из жилищ, так как два узких сегментовидных изделия обнаружены на полу помещения в Висе II; на этом поселении найдено три ножа, на Висе I — два. Аналогичные изделия найдены на вычегодских стоянках Ягкодж I³¹, где представлена неолитическая посуда III типа, и стоянке Дон, ранний комплекс которой скорее всего относится к неолиту (на стоянке обнаружены мельчайшие фрагменты толстостенной керамики, скребок с боковой ручкой и крупная ножевидная пластина). Правда, точно такой же нож на стоянке Чудинты II (раскоп II) датируется эпохой поздней бронзы. Широкие ножи (тип III) найдены на поселениях Вис I (четыре) и Синдорское озеро I (пункт III)³², в первом случае в верхней части заполнения неолитических жилищ и за их пределами. Возможно, на этих поселениях ножи датируются эпохой ранней бронзы и входят в комплекс керамики II типа. Черешковые ножи могут быть связаны с неолитической посудой II типа: один из них найден в южной части поселения Вис I вместе с почти чистой керамикой этого типа, другой — в верхнем слое жилищного заполнения, третий — на поселении Вис III³³. Сведения о возрасте остальных форм кремневых ножей скудны или противоречивы.

Ножи из мягких пород камня (резак) в наших коллекциях немногочисленны и либо представляют собой плитки с двусторонне заточенным краем (табл. XVIII, 6), либо напоминают мелкие топорики со скошенным лезвием (табл. XVIII, 3, 20). Особую форму представляет массивный нож из очень крупного ретушированного отщепа, у которого подшлифован край, противоположный лезвию (табл. XVIII, 21). Описанные ножи собраны на I и III Висских поселениях, а на II обнаружены не были и, может быть, соответствуют неолитической или раннебронзовой посуде II типа.

Резчики. Эти кремневые орудия имеют дугообразный продольный профиль и заостренный конец. Вычегодские резчики обычно с односторонней (со спинки) покатою, плоской или крутой ретушью (табл. XVII, 1, 2, 4, 9, 12). Изготовлены они из удлиненных отщепов (резчики на пластинах описаны в гл. III). Ретушь захватывает в большинстве случаев только края орудий, и лишь некоторые обработаны со спинки сплошь. В двух случаях (Вис I) отмечается обработка рабочего конца со стороны брюшка и даже полная ретушировка обеих поверхностей. Второй резчик является фигурным, имеет перехват, отделяющий рабочую часть от ромбовидной тыльной (табл. XVII, 3). К особому типу относится ромбовидный резчик с двумя рабочими концами (табл. XVII, 12). Другое двойное орудие отличается крупными размерами, сплошной ретушировкой спинки и слегка закругленными рабочими концами (табл. XVII, 1). Наконец, 1 экз. со стоянки Симва II, в ранний комплекс которой входит керамика II типа ранней бронзы, и случайная находка у стоянки Симва III представляют тип резчиков в виде скребка с шипом у рабочего края (табл. XVII, 2).

³¹ Г. М. Буров. Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде, рис. 9, 5.

³² Г. М. Буров. Стоянки на Синдорском озере, рис. IV, 1.

³³ Г. М. Буров. Долговременные поселения на р. Вис, табл. XXII, 4.

Резчики из отщепов составляют серии в инвентаре поселений Вис I, II и III. По данным стратиграфии, резчики встречаются и в нижних, и в верхних горизонтах жилищных заполнений, но преобладают во вторых. На стоянках долины Вычегды, относящихся в основном к эпохам поздней бронзы и раннего железа, резчики неизвестны, за исключением стоянки Ягкодж I, где представлена и неолитическая керамика III типа. Напротив, характерны они для волосовской культуры. Приведенные факты позволяют высказать догадку, что описанная форма кремневых орудий является ранней и сопутствует неолитической посуде II и III типов. По-видимому, резчики связаны и с раннебронзовой посудой II типа: эти орудия, обычно крайне редкие на зауральских поселениях, присутствуют в инвентаре стоянки Береговая I³⁴.

Сверла — орудия для проделывания отверстий, собранные на висских поселениях, снабжены узким жалом, обработанным ретушью, часто с залощением — следы изнашивания. Сверла основного типа (табл. XVI, 8, 11, 17) собраны как в нижних, так и в верхних горизонтах заполнения неолитических жилищ, и приурочить их к одному определенному комплексу нельзя. Одно сверло (Вис I) представляет собой мелкий лавролистный наконечник стрелы укороченной пропорции со следами работы (табл. XVI, 9) и может датироваться неолитом — эпохой ранней бронзы. В сверло был переделан один из наконечников с выемкой в основании с поселения Вис II: его кончик дополнительно ретушировался (табл. XVI, 7). Трижды встречены двойные сверла с резким расширением в средней части, сплошь покрытые плоской ретушью (табл. XVI, 10, 13).

Прочие изделия из кремня. В заключение характеристики кремневых орудий упомянем оригинальное изделие отличной работы в виде очень узкого необычайно удлиненного скребка, целиком покрытого плоской ретушью (Вис II). Это орудие еще более суживается к тыльному концу, на котором ретушью со стороны брюшка нанесены боковые выемки, очевидно для прикрепления рукоятки (табл. XVI, 20). Назначение и возраст этого изделия не выяснены.

Перехват имеют прочие кремневые поделки (табл. XVI, 22, 35), из которых некоторые обломки, а другие — недоделанные изделия. Одна такая вещь из Виса I имеет законченную форму и напоминает наконечник стрелы с усеченным основанием, но вместо острия снабжена боковыми выемками и специально отретушированной прямоугольной головкой. Служила ли эта поделка наконечником стрелы с поперечным лезвием или каким-то грузиком, остается неясным.

Рубящие и долбящие орудия. К вещам этой категории принадлежат тесла, долота, топоры и кирки.

В инвентаре висских поселений наиболее полно представлены тесла, которые лишь в нескольких случаях изготовлены из кремня. Выделяется тесло линзовидного сечения (Вис II) с желобчатым рабочим краем, близкое найденному на стоянке Ягкодж I³⁵ и, может быть, относящееся по вре-

³⁴ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы, стр. 35, 36.

³⁵ Г. М. Буров. Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде, рис. 9, 1.

мени к неолитической керамике III типа. Очень интересно мелкое желобчатое тесло из осколка дугообразного профиля, естественно гладкое с выпуклой стороны и покрытое краевой ретушью с вогнутой.

Как правило, тесла сделаны из более мягких пород путем предварительной обтески и последующего шлифования. Для выработки шлифованных орудий наиболее широкое применение имел метаморфизованный сланец тиманского типа различной окраски; несколько реже использовались слабо метаморфизованная мелкообломочная брекчия (или гравелит), включающая кремнисто-глинистые обломки, и легкая опоковидная осадочная порода. В единичных случаях встречены орудия из кварцитопесчаника и породы типа гнейса³⁶.

Почти все тесла отличаются великолепной техникой. Они делятся на ряд типов: I — палыштабовидные удлиненные, расширяющиеся книзу орудия, овальные или прямоугольные (с закругленными углами), сечение которых снабжено широким плоскодонным желобом, проходящим через весь инструмент (табл. XIX, 1, 4); в верхней части наблюдается поперечный желобок для привязывания; II — восьмигранное с двумя очень узкими гранями и шестигранное тесла, слабо расширенные к рабочей кромке и напоминающие кельты ананьинского типа (табл. XX, 8, 11); III — близкие к описанным, но сильно расширенные к лезвию (табл. XX, 13); IV — шестигранные тесла с одной почти плоской (задней) и другой ребристой (передней) стороной (табл. XX, 4, 7); V — слабо расширенные к лезвию тесла, прямоугольные в разрезе (табл. XX, 3, 9, 15); VI — такое же четырехгранное орудие с сильным расширением (табл. XX, 5); VII — более удлиненное тесло, почти квадратного сечения, с боковыми желобками в средней части для прикрепления рукояти (табл. XX, 1); VIII — тесла валикообразные, овального сечения, без желоба (табл. XIX, 5—7; XX, 10, 14); IX — валикообразные тесла со слабо выраженным желобом у лезвия (Вис I³⁷); X — трапецевидное в разрезе изделие, напоминающее тесла русско-карельского типа (Вис II³⁸); XI — короткое скребковидное орудие (табл. XIX, 2) — круммейсель (Krummeißel); XII — круммейсель удлиненных пропорций (табл. XIX, 3). Тесла I типа очень крупные, а остальные — средних и мелких размеров.

Тесла I типа (3 экз.) найдены лишь на поселении Вис II, в составе склада сломанных вещей, это дает право связывать их с неолитической керамикой III типа. К этой посуде приурочены рубящие орудия II и V форм, поскольку такие тесла найдены при очагах жилища на поселении Вис I. Далее, в комплексы керамики III типа могут, очевидно, входить валикообразные тесла, одно из которых оказалось в нижней части заполнения неолитического жилища (три найдены за пределами помещений).

Тесла III и близкого ему по пропорциям VI типов, возможно, оставлены создателями неолитической посуды II типа. Одно восьмигранное расширенное тесло происходит из Виса III, другое найдено в верхнем гори-

³⁶ По определению В. И. Чалышева (Институт геологии Коми ФАН).

³⁷ Г. М. Бу р о в. Долговременные поселения на р. Вис, рис. VI, 2.

³⁸ Там же, рис. VI, 1.

зонте жилищного заполнения на поселении Вис I, третье — здесь же, но на поверхности. Расширенное тесло прямоугольного сечения оказалось в южной части этого поселения, где упомянутая керамика составляет основную массу черепков.

Коттевидные долота (2 экз.) извлечены из верхнего горизонта культурного слоя на поселении Вис II, в одном случае над впадиной неолитического жилища. Такие орудия характерны для Финляндии, Карелии, Эстонии и Вологодской области³⁹; точные узкие хронологические рамки для этих орудий установить трудно, но, как правило, они сопровождаются ямочно-гребенчатой керамикой, хотя и с примесью посуды другого времени. О возрасте тесел остальных форм что-либо определенное сказать трудно. Так же обстоит дело и с единичными мелкими узкими шлифованными орудиями квадратного или овального сечения, которые условно названы долотами (табл. XX, 2, 6).

Одно шлифованное рубящее орудие найдено во II Висском торфянике. Оно удлиненных пропорций, сегментовидного сечения, но почти симметричное в профиле. Учитывая, что в неолитическое время на месте II торфяника, по-видимому, не было даже речного русла, можно предположить относительно отнести это тесло или топор к раннему бронзовому веку.

Из синдорского района происходят два обломка боевых сверленных топоров — молотов. Один из них (табл. XX, 12) обнаружен на поселении Вис II, в слое, прилегающем к полу неолитического жилища, другой, очевидно, более поздний, подобран на стоянке Синдорское озеро I⁴⁰. Боевой топор с пестикообразным обушком был ранее случайно найден на берегу средней Вычегды (д. М. Додзь)⁴¹. Все эти предметы должны датироваться в пределах неолита и эпохи ранней бронзы, равно как и другое проушное орудие из Вычегодского края (с. Керчемья) — кирка шестиугольного сечения с небольшим круглым отверстием, — очевидно, оружие типа клевцов. В неолитическом жилище на поселении Вис I обнаружена удлиненно-овальная кирка из валуна специально подобранной формы, у которого один из концов отшлифован, а другой обработан точечной ретушью; ею же в средней части орудия намечен перехват. Если возраст кирки определяется легко, то принадлежность к определенным комплексам двух изделий (табл. XVIII, 7), выработанных из валунов укороченных пропорций (поселение Вис I), остается невыясненной. Эти вещи, также снабженные перехватом (молоты, или, возможно грузила), находят себе параллели в материалах поселений турбинской культуры⁴² и других памятников времени от неолита до раннего железного века⁴³.

³⁹ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, рис. 60, I—4, 104, 3, 5, 6; Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР, рис. 18, 20—27.

⁴⁰ Г. М. Буров. Стоянки на Синдорском озере. МАЕСВ, вып. I. Сыктывкар, 1962, рис. III, 1.

⁴¹ Г. М. Буров. Вычегодский край, рис. 20, 12.

⁴² В. М. Коногорова (Ширинкина). Жилища 3—8 поселения Камский Бор II. ОКВЭИА, вып. 2. М., 1961, рис. 15, 1; О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье, рис. 35, 3; 44, 9.

⁴³ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего По-

Некоторые прочие орудия. К изделиям из относительно мягких пород камня относятся также стерженек составного рыболовного крючка (табл. XVIII, 4) и обработанные гальки (табл. XVIII, 5). Первый найден на поселении Вис III, что позволяет предполагать связь его с неолитической керамикой II типа. В нижней части этот вполне симметричный стерженец имеет скос для прилегания острия и боковые насечки для его привязывания, а в суженной верхней — перехват для прикрепления лесы.

Среди обработанных галек встречаются удлинённые экземпляры со шлифованными концами. Особый тип образуют чечевицеобразные грузила или наворачия, представленные серией на поселении Вис I (табл. XVIII, 5). В числе находок — незаконченные и сломанные во время выделки экземпляры. Как установлено Н. Н. Гуриной на материалах Прионежья, процесс проделывания отверстия состоял из двух операций: первоначально в гальке выбивались (с обеих сторон) выемки, а уже затем просверливалось отверстие⁴⁴. Наши материалы показывают, что в Вычегодском крае при обработке галек использовались те же приемы⁴⁵.

Для изготовления рассматриваемых изделий из Синдора использовались кварцитовые, кварцевые и гранитоидные чечевицеобразные морские гальки. Как полагает В. И. Чалышев, просмотревший каменные орудия висских поселений, эти гальки по своему петрографическому составу и форме идентичны галькам из нижнего триаса, встречающимся на реках Адзье и Большой Сыни. Такие гальки, широко распространенные в триасовых отложениях Печорского Приуралья, западнее не отмечались⁴⁶. Не исключено, что висские чечевицеобразные гальки привозные.

По М. Е. Фосс, дисковидные гальки с отверстием бытовали на протяжении III и II тысячелетий до н. э. и не могут служить опорой для точных датировок⁴⁷. Принимая эту точку зрения, мы все же допускаем, что на конкретной ограниченной территории время бытования этих поделок может быть более ограниченным, что гальки с отверстием характерны не для всех, а для некоторых культурных общностей. Имеются основания предполагать, что в Вычегодском крае эти гальки соответствуют эпохе ранней бронзы, точнее керамике II типа. Из висских поселений просверленные гальки дано Вис I, из прочих вычегодских — стоянка Лебяжск, где в ранний комплекс входит именно эта посуда. Дисковидные гальки

воляжя и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Труды Марийской археологической экспедиции», т. I. Йошкар-Ола, 1960, рис. 19; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, табл. VI, 6; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, табл. LII, 1; А. К. Вассар. Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа. Muistsed asulad ja linnused, I. Tallinn, 1955, табл. XXIII, 6.

⁴⁴ Н. Н. Гурина. Поселения неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. МИА, № 20, 1951, стр. 105—107.

⁴⁵ Г. М. Буров. Вычегодский край, рис. 22, 5.

⁴⁶ В. И. Чалышев. О границе пермских и триасовых отложений в бассейне р. Адзвы. «Труды Института геологии Коми ФАН», вып. 2. Сыктывкар, 1962, стр. 51, 52; В. И. Чалышев и А. И. Данилов. Конгломераты верхней Перми и нижнего триаса реки Большой Сыни в Северном Приуралье. «Труды Института геологии Коми ФАН, вып. 4. Сыктывкар, 1963, стр. 113, 114; В. И. Чалышев и Л. М. Варюхина. Биостратиграфия триаса Печорской области. Л., 1966.

⁴⁷ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, стр. 43, 44.

Рис. 18. Северо-восточная часть неолитического жилища № 1 на поселении Вис I. Вид с северо-запада

с отверстием случайно найдены также в районах, примыкающих к Вычегодскому краю — на верхней Мезени (с. Чернутьево) и в Печорском Приуралье (на р. Щугор), что говорит о распространенности их в древности на Северо-Востоке Европейской части СССР.

Абразивные и полировальные орудия. Кроме целых шлифованных орудий, на поселениях найдены многочисленные обломки и заготовки, а также куски камня со следами пиления и шлифовки (табл. 3).

Для выделки таких орудий использовались многочисленные шлифовальные камни, остававшиеся во время работы неподвижными: плитки, массивные куски, валуны. Часть их получена из мягких пород и предназначена для полирования каменных или костяных предметов, остальные — из мелко- или среднезернистого песчаника — для более грубой обработки. Плитки обычно изношены с обеих сторон. На шлифовальных камнях чаще всего имеются следы прямолинейного движения, причем рабочая поверхность в результате изнашивания сделалась слегка вогнутой в поперечном сечении. На некоторых камнях наблюдаются следы кругового движения при чашеобразной рабочей поверхности. Шлифовальные орудия этих же двух типов встречены на древних поселениях Финляндии ⁴⁸.

Особую группу каменных изделий составляют куски песчаника с желобами (табл. XVIII, 1, 14, 15, 19), некоторые из которых напоминают «выпрямители стрел» катакомбной культуры (табл. XVIII, 15). Как доказано С. А. Семеновым, все такие изделия являются абразивными инструментами для вытачивания костяных изделий ⁴⁹. Для резания сланца

⁴⁸ T. Ailio. Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde im Finnland, I, Helsingfors, 1909, Abb. 48, 49.

⁴⁹ С. А. Семенов. Первобытная техника. МИА, № 54, 1957, стр. 170—174; Он же. Происхождение абразивной техники и ее значение в древнем хозяйстве. КСИА. вып. 86. 1961.

и других поделочных пород камня в Привычегодье применялись песчаниковые пилы двух основных типов — плоские небольшой толщины, в виде плиток с заостренным краем (табл. XVIII, 10) и массивные ромбического или треугольного сечения (табл. XVIII, 8, 11).

Основные типы шлифовальных орудий использовались на протяжении всей эпохи шлифования камня. По находкам на полах неолитических жилищ устанавливается бытование шлифовальных плиток, абразивных инструментов с желобками и плиточных пил на этапе неолитической керамики III типа.

Итак, по всем согласующимся данным, с неолитической керамикой III типа с большей или меньшей уверенностью можно связать следующие формы каменных изделий: II—IV, VI, VIII, XIII и XIV типы кремневых наконечников стрел, лавролистные наконечники дротиков, скребки с одним или двумя рабочими краями, в том числе с боковой «ручкой», узкие сегментовидные ножи, тесла I, II, V и VIII типов, сверленные боевые топоры, кирку с точечной ретушью, кремневые резчики, шлифовальные плитки, абразивные инструменты с желобками и песчаниковые плитчатые пилы. Керамике II типа, вероятно, сопутствуют II, III, V, VII и VIII типы наконечников, скребки на отщепах, кремневые черешковые и плитчатые шлифованные ножи, тесла III, VI, XI и XII типов, стерженек рыболовного крючка.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА

При раскопках были исследованы три жилища, связанные с посудой III типа, два — в Висе I и одно — на поселении Вис II.

Жилища Виса I имели прямоугольную форму и были вытянуты с северо-востока на юго-запад (рис. 8). Находились они на расстоянии 4 м друг от друга, причем так, что юго-восточные стены помещений были на одной прямой линии. Обнаруженные основания жилищ ориентированы по длине останца, располагаясь ближе к его северо-западному краю, но примерно на одинаковом расстоянии от краев горизонтальной площадки (юго-восточный уступ останца более пологий, чем северо-западный).

Юго-западный конец помещения № 1 не прослежен, поскольку он не был впущен в материк и отчасти срезан силосной ямой. Этим может объясняться наличие большого количества неолитической керамики в выбросе из ямы и отсутствие в юго-западной половине раскопа очагов. Северо-восточная стенка длиной 6 м имела в уступе пологий выем (рис. 18), а северо-западная — небольшую нишу. На уступе северо-западной стены обнаружено скопление серой глины без следов обжига, имевшее около 0,7 м в поперечнике, а рядом с ним — очень мелкая сажистая линза. У противоположной стены жилища, внутри него, лежал развал двух крупных керамических фрагментов.

Раскопки позволили точно определить очертания дома № 2, слегка углубленного в желтый материковый песок. Жилище имело прямоугольную, почти квадратную форму при средней длине 7,8 м, ширине 6,2—7,4 м и площади около 55 м². В уступах северо-восточной и юго-западной стен прослежены два удлиненных (более 1 м) выема. Выемы-ниши мень-

Рис. 19. Северо-западный край неолитического жилища на поселении Вис. II. Вид с запада.

ших размеров выявлены в уступах северо-западной и юго-западной стен. Часть северо-восточной стены уступа не имела. В жилище обнаружены три очага, из которых первый (№ 1) приурочен к середине северо-западной стены, второй (№ 2) — к южному углу, а третий (№ 3) — к восточному.

Очаг № 1 представлял собой три темноокрашенные сажисто-углистые неуглубленные линзы, расположенные в непосредственной близости друг от друга. Самая крупная из них, удлиненной формы, имела в поперечнике 3 м, а другие две по 0,7 м. У края очага, в самом углу жилища, залегал развал нижней части сосуда (табл. VIII, 3).

Очаг № 2 — это в основном линза неправильной формы, имевшая в поперечнике 3 м. Восточный край ее примыкал к углублению, в которое линза, однако, не спускалась. Между кострищем и материком залегала линза, видимо, преднамеренно подсыпанного желтого песка, а под ней — тонкий горизонт культурного слоя. Рядом находилось мелкое кострище, поперечником всего 0,35 м. При очаге № 2 оказалось большое количество черепков, значительная часть которых представляла четыре сосуда (табл. VIII, 1).

Уступ юго-восточной стены помещения в средней части несколько заходит внутрь, образуя в закругленном восточном углу удобную, хорошо углубленную ячейку для очага № 3. Он представлял собой три тонкие сажисто-углистые линзы, лежавшие отчасти одна под другой и разделенные прослойками культурного слоя (следовательно, разновременные). Нижняя, интенсивно окрашенная линза (1,7 м в поперечнике) была приурочена к яме расплывчатого профиля (0,8 м в поперечнике, 0,35 м глубиной), в которую опускалась своим западным концом. Средняя, более светлая линза (2,1 м в поперечнике) характерна тем, что в ее центре на-

ходился развал сосуда, впоследствии полностью склеенный (табл. VII, 3); в северной части линзы обнаружен кусок серой глины. Верхняя линза (около 1 м в поперечнике) тоже имела слабую окраску; своим южным краем она сливалась со средней. В очаге № 3 и возле него лежали три шлифовальные плитки.

Неолитическое жилище II Висского поселения было приурочено к средней части раскопа I (рис. 11 и 19). При постройке этого сооружения на склоне останца, обращенном к югу-юго-востоку, была сделана горизонтальная площадка. Поэтому если юго-восточный край постройки оказался углубленным в материк на 0,35 м, то противоположный базировался непосредственно на материке. Уступ углубления довольно четко обрисовывал контур помещения, исключая его южный угол, очертания которого легко восстанавливались графически, тем более, что вдоль юго-восточной стенки жилища проходил край его горизонтальной площадки: далее к юго-востоку материк сравнительно круто спускался в сторону поймы.

Исследованное жилище имело прямоугольную форму при ориентации северо-восток — юго-запад и размерах $8,8 \times 5,8$ м; следовательно, площадь его была примерно 50 м². В середине уступа северо-восточной стенки обнаружен выем, дающий пологий выход наружу. В центре помещения, а также в юго-западной части, у северо-западной и юго-восточной стенок, найдены небольшие углубления. На площадке жилища оказались шесть очагов, четыре из которых находились по углам помещения (№ 1—3,6), а два — в его центре (№ 4 и 5). Очаг № 5 представлял собой яму, нижняя часть которой была заполнена сажисто-углистым песком, а № 1 и 6 — неуглубленные кострища. Три остальные очага подвергались переделке (№ 2—4). На раннем этапе огонь разводился в ямах, на позднем — непосредственно на полу: ямы имели сажисто-углистые заполнения, их перекрывали прослойки желтого песка (по-видимому, подсыпанного специально), на которых залегали более поздние сажисто-углистые линзы.

Очаг № 1 состоял из двух неодинаковых по размеру кострищ, расположенных рядом. Из них большее достигало длины 2,75 м, а меньшее имело в поперечнике всего 0,25 м. С запада к очагу примыкала яма вытянутых пропорций. При нем находились развалы крупных фрагментов от четырех сосудов. У очага № 2, устроенного в четко выраженном закругленном углу нижнее кострище имело в поперечнике 1 м, а верхнее 1,75 м; здесь были скопления черепков от трех сосудов. Очаг № 3 состоял из линзы длиной 1 м, спускавшейся одним концом в удлиненное углубление, и округлого кострища диаметром 0,75 м; к этому месту было приурочено второе углубление аналогичной формы, и два керамических развала. Следующий очаг, № 4, представлял собой яму в форме удлиненного овала со слабо выраженной перегородкой в средней части. Дно ямы покрывала сажисто-углистая прослойка длиной 1,7 м. Над южным краем ямы прослежена овальная линза, имевшая в поперечнике 0,5 м. Из собранных при исследовании очага обломков керамики целый ряд принадлежит одному сосуду. Кроме того, развал обнаружен в очаге № 6, поперечник которого — всего 0,25 м. Очаг № 5 — это круглодонная яма (0,75 м в поперечнике), на дне которой залегала сажисто-углистая линза с обломками сосуда (рис. 16, 7).

Вряд ли все описанные очаги бытовали одновременно; они бы занимали слишком много места в жилище. Такого количества очагов не наблюдается в помещениях на поселении Вис I.

Близ середины юго-восточной стенки жилища, на склоне материка, обнаружена небольшая горизонтальная площадка, на которой находилось кострище с неолитической керамикой. Вероятно, оно представляет собой летний очаг за пределами помещения. У самого восточного угла жилища находился склад обломков кремневых наконечников стрел и фрагментов илифированных тесел, который может быть связан с жилищем.

Таким образом, неолитические жилища Вычегодского края представляли собой прямоугольные в плане постройки (удлиненные или почти квадратные), слегка углубленные в землю для того, чтобы на склоне была получена горизонтальная площадка для пола. Площадь каждого из них составляла около 50—55 м.² Все три сооружения были ориентированы с северо-востока на юго-запад, причем на I Висском поселении наблюдалось расположение их на одной линии — как на памятниках турбинской культуры, однако без соединительного коридора. Уступы коротких стен в средней части имели пологие выемы длиной около 1 м; подобные выемы характерны для жилищ турбинской культуры и, по мнению О. Н. Бадера, соответствуют входам в помещение⁵⁰. Небольшие ниши у жилищ I поселения, возможно, являются местами для хранения припасов⁵¹. Своеобразной крупной нишей для очага служил закругленный угол, отмеченный у двух жилищ; в аналогичных нишах размещены печи на Сигитминском скальном поселении эпохи ранней бронзы в Дагестане⁵². В висских жилищах залежали остатки нескольких очагов, устроенных в основном у стен и преимущественно в углах. Очаги представляли собой кострища и ямы с сажисто-углистым заполнением. Возле некоторых из них обнаружены крупные удлиненные углубления неправильной формы, возможно, своего рода ячейки для сидения; другие, небольшие и круглые углубления (Вис II) — вероятно, столбовые ямы. Крупные размеры висских жилищ и расположение очагов у стен позволяют предполагать, что у построек были вертикальные стены и какие-то крыши. Определенными параллелями этим жилищам могут служить прямоугольная полуземлянка Хutorской неолитической стоянки в Верхнем Прикамье и, в особенности, некоторые сооружения турбинской культуры⁵³.

ТРИ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ ЭТАПА РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Явных следов жилых сооружений эпохи ранней бронзы пока нигде не было обнаружено и лишь небольшие кострища с керамикой II типа на поселении Вис I (раскопы I и III, шурф 30—А) позволяют допускать некоторую возможность их существования на вскрытых площадях, в виде наземных или слабо углубленных в культурный слой помещений.

⁵⁰ О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье, стр. 149.

⁵¹ В. П. Денисов. Хutorская неолитическая стоянка, стр. 39, рис. 6.

⁵² Раскопки Г. М. Букова и В. И. Канивца в 1956—1957 гг.

⁵³ О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье, рис. 40, 101.

Для эпохи ранней бронзы в Привычегодье характерны сосуды с тонкими стенками яйцевидной, но открытой формы, украшенные по всей поверхности, не с орнаментально выделенным венчиком. Все они были отнесены нами в свое время к синдорскому этапу развития материальной культуры. В настоящее время этот этап подразделяется на три периода, каждому из которых отвечает определенный тип глиняной посуды.

331 сосуд с поселений Вис I, II и III и один из Симвы II (вторая группа зубчатой керамики) выделяются в весьма своеобразный I тип (рис. 17, 6, 7, 12, 15, 18; табл. VII, 5; X), для которого характерно хорошее сглаживание поверхностей и даже лощение (штриховка не встречена ни разу); в глиняное же тесто, в отличие от камской неолитической посуды, добавляли мелко толченые кварц и слюду. Вторая специфическая особенность данных сосудов — это орнаментация их одним рядом сквозных проколов под венчиком, третья — тонкостенность и высокий процент небольших сосудов, четвертая — использование в подавляющем большинстве случаев очень узкого и длинного зубчатого штампа (табл. X, 4, 7—10). Далее, I тип выделяется тем, что одним из основных элементов его орнамента служат прямые насечки, обычно нанесенные на ребрах торца (рис. 17, 12; табл. X, 2, 6). Шестой признак — наличие в значительном количестве сосудов без орнамента снаружи или по торцу и, напротив, большой процент посуды, украшенной изнутри (табл. VII, 6). Седьмая своеобразная черта — повышенный процент сосудов, украшенных косой сеткой, восьмая — наличие сосудов, орнаментированных беспорядочными наклонными рядами зубчатых отпечатков (табл. X, 8, 9), девятая — частое расположение елочкой оттисков, входящих в горизонтальные ряды (табл. X, 7, 10).

Проколы имеют почти все сосуды. Один экземпляр — с ямками, а два — полностью без орнамента и отнесены к I типу с известной долей сомнения (табл. X, 5). Насечки занимают второе место после зубчатых узоров в системе орнаментации торцов, но на внешней поверхности встречаются как исключение (рис. 17, 12). Основная часть орнаментального поля украшена оттисками зубчатых штампов и в нескольких случаях (рис. 17, 15; табл. VII, 5; X, 1) отпечатками перевитой веревочки (или нитки). Среди сосудов 3—4% составляют украшенные штампами средней ширины — прямозубыми (рис. 17, 18; табл. X, 2) и фигурнозубыми (табл. X, 3).

Зубчатые и веревочные оттиски образуют следующие узоры, перечисляемые в порядке их распространенности: горизонтальный ряд косых оттисков (258 случаев), косая сетка (21), горизонтальные линии (19, рис. 17, 6; табл. VII, 5; X, 1), узкий зигзаг (18), беспорядочные наклонные ряды отпечатков (6). Кроме того, в единичных случаях представлены широкий зигзаг и цепочка заштрихованных ромбов (табл. X, 10). Торец обычно плоский, с выраженными ребрами и чаще украшен зубчатыми узорами (рис. 17, 7, 18; табл. VII, 5; X, 4, 7, 8, 10), чем насечковыми, но значительно реже теми и другими вместе или не орнаментирован (табл. X, 5).

Керамика II типа известна по материалам поселений Вис I, II и III, Синдорское озеро I и Симва II и I (рис. 17, 13, 14, 16, 17, 19, 20; табл. XI; XII; XIII, 1, 3—14). Только близ устья Симвы найдены обломки 2193 таких сосудов с закругленным или острым дном (первая группа зубчатой

керамики). Торец венчика скошен внутрь, горизонтально уплощен или скошен наружу (табл. XI, 5; XII, 10). В единичных случаях от торца венчика кверху отходит ушко — плоский полуовальный рельефный выступ (табл. XII, 4; XIII, 10). Известны также обломки двойных выступов (табл. XI, 3, 9). В плотной керамической массе основной части посуды — примесь кварца и слюды, более мелко толченых, чем у неолитической керамики. Остальные сосуды были вылеплены из глины с добавлением толченых раковин, впоследствии выщелоченных и придавших обломкам пористую структуру (рис. 17, 13, 14; табл. XI, 4; XII, 1, 8, 9). Поверхность сосудов II типа сглажена лучше, чем у неолитической керамики II и III типов. Незначительная часть их изнутри имеет штриховку зубчатым штампом, которая более часта на сосудах из глины с толчеными раковинами.

Керамика II типа украшена ямками, оттисками различных штампов и очень мелкими округлыми углублениями, причем на одном и том же сосуде сочетаются узоры, нанесенные различными инструментами. Ямки обычно круглой, но нередко неправильной или овальной формы (табл. XI, 2, 4; XIII, 6, 7). Штампы для нанесения орнамента (средней ширины) — прямозубые, фигурнозубые и гладкие. Первые и третьи делятся на прямые, дугообразные и кружковые. Оттиски фигурнозубых штампов обычно слегка искривлены (рис. 17, 14; табл. XI, 6, 10; XII, 2, 5, 12; XIII, 3, 6, 12, 14); по распространенности они уступают лишь отпечаткам прямых прямозубых. Оттиски дугообразных зубчатых штампов (зубчатые «арочки», 28 случаев) занимают четвертое место (табл. XII, 2, 6, 9), если не считать ямки (после мелких углублений, 41 случай). Зубчатые кружки встречаются на керамике II типа трижды (табл. XII, 11) и ни разу не отмечены на другой древней посуде Вычегодского края. Гладкие оттиски, кроме «арочек» (четыре сосуда) представлены единично (рис. 17, 17; табл. XIII, 1).

Ямки имеются на всех сосудах, но размещены лишь под венчиком одним или (примерно в три раза реже) двумя рядами; во втором случае ямки находятся друг под другом или в шахматном порядке и увязаны с зубчатым орнаментом (рис. 17, 13, 20; табл. XI, 6; XII, 2, 12; XIII, 6). Фигурнозубым штампом наносились горизонтальные и наклонные ряды оттисков, а прямым прямозубым — и другие элементы орнамента. Наиболее распространенным узором (почти на каждом сосуде) является горизонтальный ряд косых или вертикальных отпечатков, второе место занимает узкий зигзаг (табл. XI, 1, 5; XIII, 3, 10), третье — горизонтальные линии, четвертое (85 случаев) — «шагающая гребенка» (табл. XII, 1; XIII, 9), пятое (80) — косая сетка (табл. XI, 5, 7; XII, 7; XIII, 1, 9), шестое (50) — различные ромбы, седьмое (24) — наклонные ряды отпечатков, восьмое и девятое (5) — широкий зигзаг (табл. XII, 3) и фигуры в виде птичьей лапы (табл. XI, 1; XIII, 5).

Ромбы в каждом орнаментальном поясе расположены в один ряд, обычно цепочкой (табл. XI, 5, 10; XII, 7, 10; XIII, 3, 10, 13), или в два и более ряда, образуя своеобразную сетку (табл. XII, 2; XIII, 3, 11). На некоторых сосудах в каждом из ромбов сделан горизонтальный оттиск (табл. XI, 10; XII, 7; XIII, 10, 11), либо (если ромбы приурочены к внешней поверхности венчика) ямка (табл. XI, 5). Другие ромбы иногда имеют косую штриховку (табл. XII, 10; XIII, 8) или образуют фигуры, отделенные друг от

друга линиями (табл. XIII, 3). На одном сосуде ромбы соприкасаются не только углами, но и сторонами.

Оттиски дугообразных и кружковых штампов обычно размещены горизонтальными рядами. «Арочки», как правило, обращены выпуклостью вверх, реже сделаны наклонно. Мелкие круглые углубления также в основном нанесены горизонтальными рядами (табл. XIII, 4): лишь в единичных случаях отмечены наклонные ряды и зигзаг.

Для керамики II типа характерна густая и нарядная орнаментация; узоры во всех случаях переходят на торец венчика, а нередко спускаются и на внутреннюю поверхность (рис. 17, 16; табл. XI, 4, 5; XII, 1, 8, 9, 10; XIII, 1, 6, 9, 10, 13), причем чаще всего можно наблюдать повторение тех же узоров, которые украшают сосуд извне.

Один остродонный сосуд II типа из глины с неорганической примесью удалось реставрировать (табл. XI, 6); он орнаментирован рядами оттисков фигурно- и прямозубого штампов (диаметр венчика — 23 см, высота — 21,5 см). Некоторые сосуды II типа очень небольших размеров (табл. XIII, 12, 14). Интересно, что для их украшения применялись специальные миниатюрные палочки и штампы.

Для III типа посуды ранней бронзы (третьей группы зубчатой керамики), который встречен на поселениях Вис I, II и III (289 сосудов), а также Синдорском озере I, характерен следующий комплекс признаков (табл. VII, 4; XIV). Венчик имеет сильно приплюснутый торец (с выступающими внутрь и наружу узкими бортиками), который во всех случаях орнаментирован. Подавляющее большинство сосудов вылеплено из глины с примесью раздробленных раковин, придавших керамической массе пористость, и лишь некоторая часть посуды по составу теста аналогична основной массе керамики II типа (табл. VII, 4; XIV, 4, 6, 7, 10, 14). У большинства сосудов — полосчатое сглаживание поверхности зубчатым штампом (табл. XIV, 5, 7, 15), наиболее частое изнутри. Для III типа не характерны ямки под венчиком. При орнаментации использовался прямозубый довольно широкий, но короткий зубчатый штамп (табл. XIV, 1—3, 5, 7, 8, 13), а наряду с ним гладкий (оттиски имеют вид насечек; табл. XIV, 4, 10, 11, 14, 15) и перовитая веревочка (табл. XIV, 6, 9, 12), отпечатки которой занимают третье место среди узорных элементов. Очень часто зубчатые, гладкие и веревочные оттиски наносились штампом, поставленным своей плоскостью под острым углом к поверхности (табл. VII, 4; XIV, 4, 5, 7, 10, 11). Орнамент более однообразный и гораздо менее густой, чем на остальной керамике эпохи ранней бронзы. Второе место среди узоров после горизонтального ряда занимают часто встречаемые наклонные ряды оттисков (табл. XIV, 3, 5, 7, 8, 10), а другие элементы орнамента редки.

Из прочих узоров на посуде иногда встречаются вертикальные, наклонные и горизонтальные прерывчатые линии из коротких оттисков, сделанных последовательно (табл. VII, 4; XIV, 13), и зубчатые зигзаги. Единично представлены гладкие кружки и копытообразные оттиски, зубчатая косая сетка (табл. XIV, 13) и редкие вертикальные отпечатки прямосеточного штампа. Торец украшен чаще всего одним рядом поперечных зубчатых, веревочных или гладких вдавлений. В единичных случаях встречены два ряда оттисков (табл. XIV, 10), зубчатая косая сетка и гладкий полу-

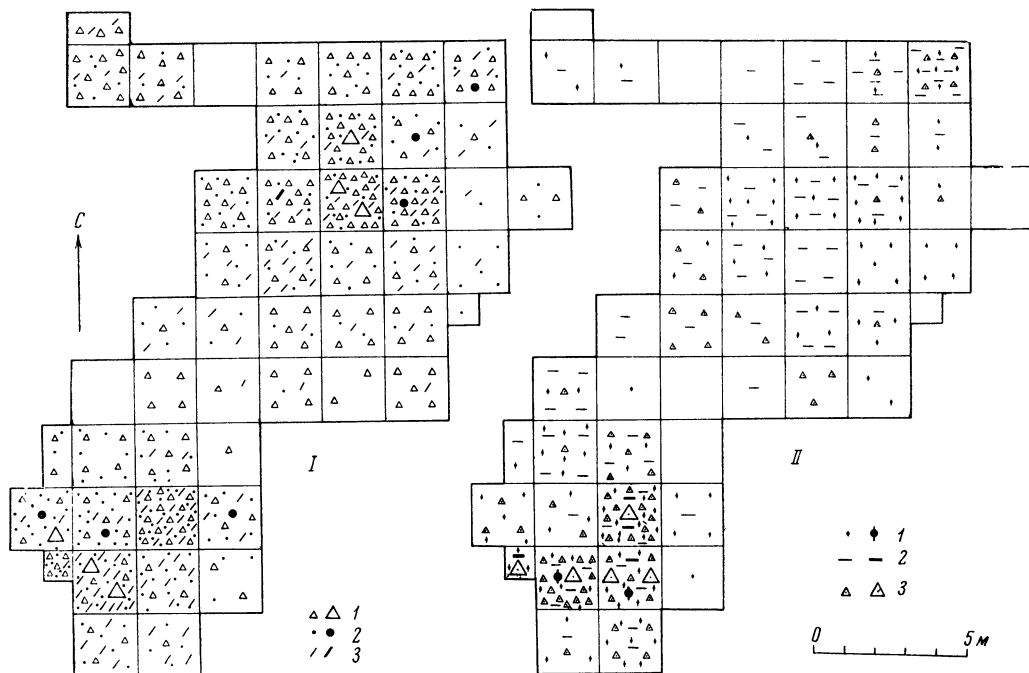

Рис. 20. Схема размещения керамики в раскопе I на поселении Вис I

I — посуда раннего бронзового века: 1 — тип I; 2 — тип II; 3 — тип III
II — посуда раннего железного века: 1 — позднелебязская; 2 — ананьинская; 3 — гляденовская

круг (на посуде с кружком), а также продольные линии, нанесенные зубчатым штампом, перевитой и даже простой веревочкой. Изнутри орнамент на сосудах отмечен лишь в нескольких случаях, непосредственно под бортиком торца.

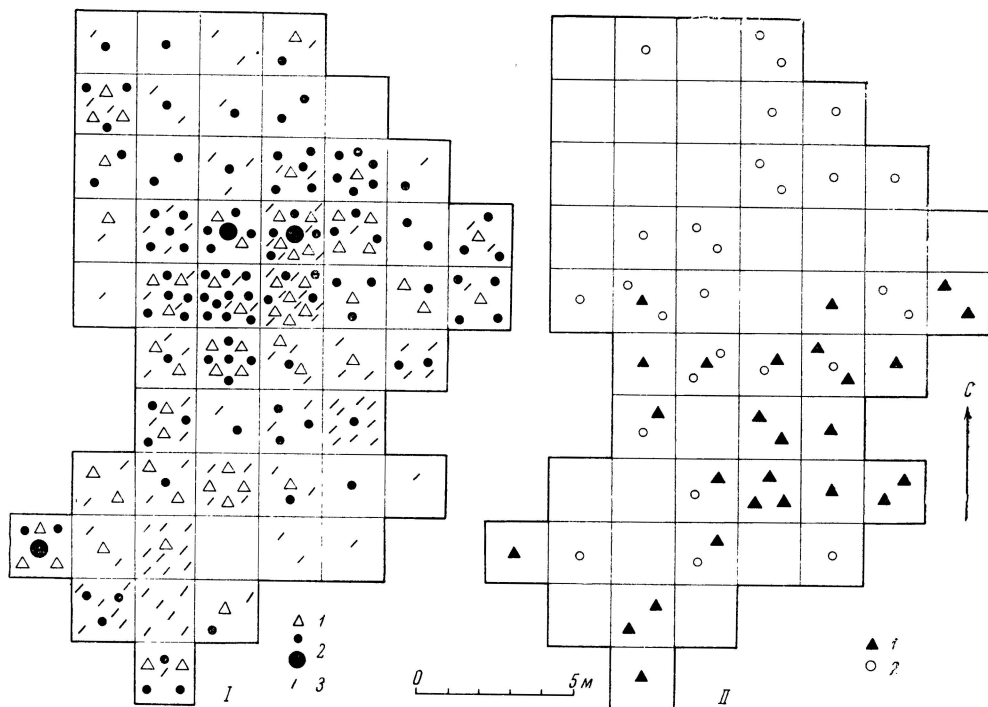
Один сосуд III типа, вылепленный из глины с примесью кварца и слюды, удалось реконструировать (табл. VII, 4). Он украшен двойными рядами оттисков зубчатого штампа, между которыми тянутся парные вертикальные линии из оттисков с едва выраженными зубчиками. Диаметр венчика и высота — около 24 см.

Все три типа посуды ранней бронзы хронологически разные. Границы распространения посуды каждого из них в плане не совпадают. Так, в раскопе I на поселении Вис I керамика II типа наиболее часто встречалась на площади неолитического жилища № 1, а в южном углу помещения № 2 и между жилищами (полоса Д₁) она почти отсутствовала (рис. 20, I). Обломки же посуды I типа залегали на всей этой площади равномерно и лишь в кв. 9—Ж₁ наблюдалось скопление. Если в северной части раскопа керамика II типа была распределена равномерно, то черепки сосудов I типа составляли скопление в кв. 11—Б₁ и 12—А₁. Обломки керамики III типа планиграфически выделяются на площади жилища № 1: они

Более четко посуда II и III типов разграничивается на поселении Вис II (рис. 24, *Г*), где II тип занимает в основном среднюю часть раскопа I и самые юго-западные его квадраты (22—Г₁, 23—В₁ и 24—Б₁), а III — главным образом южную часть. Керамика же I типа здесь одинаково часто встречается на обоих участках.

Керамика III типа ранней бронзы вполне аналогична встречаемой на поселениях борского этапа турбинской культуры Прикамья (Выстелишна, Бор V и др.). Общими являются и состав глиняного теста, к которому добавлялись толченые раковины (впоследствии выщелоченные), и форма,

I — посуда раннего бронзового века: 1 — тип I; 2 — тип II; 3 — тип III
II — посуда бронзового века: 1 — усть-вымская; 2 — валиковая

в том числе Г-образная профилировка венчика, и негустая орнаментация посуды — отпечатками зубчатого, гладкого, прямосеточного штампов и узорами в виде оттисков перевитой веревочки. Плоскость штампа часто ставилась под углом к поверхности, которая сглаживалась зубчатым инструментом. Среди узоров обычны горизонтальные ряды оттисков (наклонных или горизонтальных) и линии, но встречаются и наклонные ряды. Ямки под венчиком редки, а «шагающая гребенка» не встречена ни разу. Торец, а иногда и внутренняя поверхность венчика украшены⁵⁴. Итак, III тип керамики в основном синхронен с борским этапом и относится примерно к XIV—XIII вв. до н. э.

Между керамикой турбинского типа висских поселений имеется различие, видимо, хронологического порядка; в Висе II более, чем в два раза, чаще встречаются сосуды с отпечатками перевитой веревочки. Является ли это показателем относительно раннего или позднего возраста, сказать трудно.

II тип раннебронзовой керамики, как уже упоминалось, контактирует с III и, следовательно, должен быть близок ему хронологически. Кроме того, некоторыми чертами посуда II типа напоминает турбинскую гаринского этапа (во многих случаях орнаментальное выделение венчика одним или двумя рядами ямок, узор в виде «шагающей гребенки», гребенчатые зигзаги и косая сетка, не говоря о горизонтальных и наклонных рядах оттисков)⁵⁵. Это отдаленное сходство разных культур может быть объяснено прежде всего хронологической близостью, затем, вероятно, какими-то связями.

Прямыми параллелями вычегодской посуде II типа служат керамические комплексы Галичской стоянки, стоянок Умиление (Костромское Поволжье)⁵⁶ и Мармылино (близ устья р. Юг)⁵⁷; к глиняному тесту чаще всего добавлялась дресва, торец скошен внутрь и орнаментирован, а под венчиком прослеживается ряд круглых или удлинённых ямок. Орнамент, покрывающий всю внешнюю поверхность, в основном зубчатый и состоит из горизонтальных и наклонных рядов вертикальных и косых оттисков, зигзагов и косой сетки, а также из мелких углублений. Отмечены кружковый орнамент и ряды фигур в виде птичьей лапы. Вся эта керамика, по М. Е. Фосс, датируется XIII—XII вв. до н. э.⁵⁸ Аналогичную посуду с другого памятника (Галдарея II на Белом море) М. Е. Фосс по геологическим данным относит к несколько более раннему времени — второй четверти II тысячелетия до н. э.⁵⁹

⁵⁴ О. Н. Бадер, А. В. Кокорев. Поселения у малого Борового озера. ОКВЭИА, вып. I (1959) М., 1960, рис. 5—10; О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье, рис. 42, 51—55, 59.

⁵⁵ О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье, рис. 8—11.

⁵⁶ М. Е. Фосс. Новые памятники в районе галичской культуры. КСИИМК, вып. XVII, 1947, рис. 26, 2, 3, стр. 64—68; Она же. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, рис. 30, 2.

⁵⁷ Собрания ГИМ, инв. № 80432 и Великоустюгского краеведческого музея, инв. № V.

⁵⁸ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, стр. 262.

⁵⁹ Там же, стр. 125—127.

Очень близка вычегодская керамика II типа также к сосудам I Береговой стоянки на Горбуновском торфянике, которые тоже имеют круглое или острое дно. В глине содержалась неорганическая примесь. Орнамент нанесен по всей поверхности прямозубым штампом средней ширины, а ямки расположены только под венчиком. Из узоров наиболее часты ряды прямых или косых зубчатых оттисков и зигзаг, далее идут горизонтальные линии, «шагающая гребенка» и штрихованные ромбы⁶⁰.

Стоянка Береговая I датируется по находке матрицы для отливки орнаментированного кельта сейминского типа. По-видимому, на синхронность керамики II типа и сейминских кельтов указывает также совпадение узоров на тех и других (цепочка заштрихованных ромбов). В свете последних работ О. Н. Бадера, орнаментированные кельты сейминского типа оформились во II половине XVI — первой половине XV в. до н. э. и использовались в Приуралье до начала XVI в.⁶¹ Вопрос о несколько более позднем бытовании сейминских кельтов остается открытым. Следовательно, возраст I Береговой стоянки может быть определен XVI—XIV вв. до н. э., а керамика II типа относится ко времени около середины II тысячелетия до н. э. Косвенным свидетельством тому, что II тип раннебронзовой керамики предшествует III, служит отсутствие или незначительное количество в комплексах II типа наконечников стрел поздних форм⁶².

Раннебронзовая керамика II типа на поселении Вис II по сравнению с посудой I поселения чаще имеет заостренный венчик и орнамент из зубчатых «арочек». Кроме того, здесь значительно выше процент сосудов из глины с толчеными раковинами (30 и 10%). Не исключено, что последнее обстоятельство указывает на более молодой возраст этого комплекса.

Менее всего данных об абсолютном возрасте сосудов I типа, хотя их стратиграфическое положение, особенности формы, принципы орнаментации и контакт этой керамики с посудой II типа позволяют датировать I тип в пределах раннего бронзового века. Кроме применения фигурнозубого штампа, I и II типы керамики сближают также состав глиняного теста и орнаментация косо заштрихованными ромбами, появляющимися еще на неолитической посуде смешанного типа. Вместе с тем керамика II типа не испытала никакого влияния со стороны турбинской. Все факты позволяют предполагать, что посуда I типа непосредственно предшествует керамике II типа. Этому не противоречит чашеобразная форма некоторых сосудов I типа, поскольку такая форма зародилась еще в позднем неолите (рис. 17, 22, табл. IX, 7).

Между керамикой I типа висских поселений имеются мелкие различия, которые прослеживаются только статистически. В Висе II несколько чаще встречаются насечки, косая сетка, горизонтальные линии и зигзаги, выше процент сосудов с отпечатками штампа средней ширины, но зато торец реже украшается поперечными зубчатыми оттисками. Кроме того,

⁶⁰ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы, стр. 34—36, рис. 9, 8, 9, 13—15; 11, 9, 12, 13.

⁶¹ О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 135—151.

⁶² См. стр. 80—82.

менее часто отмечаются сосуды без орнамента на внешней поверхности или по торцу либо украшенные не только извне, но также изнутри. По-видимому, указанные различия указывают на некоторую разновременность комплексов посуды I типа на висских поселениях.

К комплексам раннего бронзового века относятся различные каменные вещи, которые мы попытались выделить (на стр. 78—90). С посудой II типа эпохи ранней бронзы предположительно составляют комплексы такие вещи, как кремневые наконечники стрел III, VII, XI, XII, XXIII, XXXI и XXXII типов, шлифованные наконечники, лавролистный наконечник копья с намечающимся черешком, скребки с одним или двумя рабочими краями, с более или менее выпуклой рабочей кромкой, скребки с подтесанной спинкой, серповидные ножики, широкие ножи, резчики и сверленные чечевицеобразные гальки. К раннебронзовой посуде III типа можно предположительно отнести те же формы кремневых наконечников, которые связываются с посудой II типа, и часть других — с усеченным основанием, закругленным или имеющим выемку. Распределение по комплексам других каменных изделий, даже предположительное, весьма затруднено.

К ВОПРОСУ О МЕТАЛЛООБРАБОТКЕ В РАННЕМ БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Древнейшим металлическим изделием, найденным в Вычегодском крае, по-видимому, является широко известный в литературе сыктывкарский медно-бронзовый кельт, украшенный ромбами с перекрестной штриховкой. Его возраст в соответствии с разработанной О. Н. Бадером новой хронологией сейминско-турбинских могильников, следует удревнить и приблизить к дате Усть-Гайвинского могильника (XV—XIV вв. до н. э.)⁶³, в котором найден аналогичный кельт⁶⁴.

Не исключено, что сыктывкарскому кельту синхронен бронзовый листовидный (ланцетовидный) нож с усеченным основанием из Виса II (табл. XXI, 12). Этот предмет может быть отнесен к турбинскому типу, хотя и не является законченным. Турбинские ножи первоначально отличались, а затем проковывались и оттачивались⁶⁵. Висская находка представляет собой нож, не прошедший вторичную обработку, но имеющий тем не менее характерную турбинскую форму. Аналогичные изделия, в том числе и со следами литейных швов, известны в Турбинском и Сейминском могильниках, а также среди случайных находок.

Поскольку сейминские кельты имеют сравнительно узкую дату, то сыктывкарский кельт должен быть скорее всего приурочен к раннебронзовой керамике II типа. Сложнее обстоит дело с ножом. Он может, очевидно, быть связан как с ней, так и с более поздней посудой (раннебронзовой III типа или усть-вымской). Ножи турбинского типа найдены даже совместно с лебяжской керамикой (в Канинской пещере), дата которой вряд ли значительно выходит за пределы I тысячелетия до н. э.

⁶³ О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья, стр. 135—152.

⁶⁴ О. Н. Бадер. Усть-Гайвинский могильник и Подгремячинское местонахождение турбинского типа на Каме. УЗПГУ, т. IX, вып. 3. Харьков, 1953, рис. 2, 1

⁶⁵ О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья, стр. 81—83.

Нож с Виса II подвергнут спектральному полуколичественному анализу⁶⁶. Он показал (табл. 4), что орудие изготовлено из оловянной бронзы, содержащей в качестве естественных примесей свинец, мышьяк, сурьму, серебро, золото, никель, висмут, кобальт и другие элементы, которые могут проникнуть в образец из почвы⁶⁷ и которые мы здесь и ниже во внимание не берем.

Определение источника меди, шедшей на изготовление бронзовых предметов, по данным спектрального анализа затруднено тем, что в состав бронзы введено более или менее значительное количество олова, имевшего свои естественные примеси. В тех случаях, когда оно составляет в сплаве около 3%, олово может сильно повлиять на состав спектра⁶⁸. Поэтому, пользуясь некоторыми элементами-примесями как индикаторами, следует большее значение придавать отсутствию того или иного элемента, чем его наличию.

Присутствие в составе бронзы, из которой выплавлен нож, таких элементов, как мышьяк и сурьма, позволяет лишь допускать, что для изготовления ножа использована медь, выплавленная из сульфидных или окисленных руд⁶⁹. Именно такая медь шла в большинстве случаев на выделку вещей сейминско-турбинских типов⁷⁰. Но где упомянутые руды разрабатывались, мы не знаем. Можно только заметить, что для производства вычегодских металлических вещей бронзового века не могли применяться североуральские медно-цинковые руды типа Сотчем-Иольского месторождения на р. Илыч в Печорском Приуралье. Как показали спектральные анализы, во всех рудах Илычского рудного поля, в том числе и в окисленных, всегда содержится в значительных количествах цинк⁷¹. В вычегодском же металле бронзового века этот элемент в подавляющем большинстве случаев отсутствует.

К бронзе описанного ножа по составу примесей близок металл слитка с поселения Вис I (табл. XXI, 2I), но отличается низким содержанием олова (около 1%) и отсутствием следов золота. По-видимому, олово здесь не является преднамеренной примесью. Спектры слитка, как и ножа, находят

⁶⁶ Мы переходим к рассмотрению древней истории металлургии в Северном Приуралье, которую уже освещали другие авторы на материалах Печорского края (А. В. Шмидт, А. А. Иессен. Олово на Севере Европейской части СССР. ИГАИМК, вып. 110, 1935; В. В. Данилевский. Историко-технологические исследования древних бронзовых и золотых изделий с Кавказа и Северного Урала. ИГАИМК, вып. 110, 1935; В. И. Канивец. Канинская пещера. М., 1964, стр. 65—72, 88, 89, 106, 107). Вводимый в научный оборот материал из бассейна Вычегды позволяет по-новому подойти к разрешению некоторых проблем, в особенности в связи с тем, что в нашем распоряжении наряду с единичными предметами имеются и бесспорные комплексы (Ульяновское погребение — три пробы, синдорский склад — пятнадцать проб, вавиздинский слой Виса II — восемь проб, висская находка бронзовых изображений — четыре пробы).

⁶⁷ Е. Н. Черных. Исследования состава медных и бронзовых изделий методом спектрального анализа. СА, 1963, № 3, стр. 152.

⁶⁸ Там же, стр. 150.

⁶⁹ Ю. М. Абрамович. К вопросу о происхождении металлургического сырья в Прикамье во II тысячелетии до н. э. УЗПГУ, т. XI, вып. 3. Харьков, 1956.

⁷⁰ О. Н. Бадер. Древнейшие металлургии Приуралья, стр. 162.

⁷¹ М. Г. Трущелев. Медно-свинцово-цинковые месторождения на р. Илыч (западный склон Северного Урала). М., 1960, стр. 75, 76, рис. 28.

Данные спектрального полуколичественного анализа выходовых

Номер пробы	Памятник	Предмет	Cu	Sn	Pb
1	Вис I	Плоское изделие	$\overset{+}{n}$	0,00 n	Сл.
2	То же	Слиток	$\overset{+}{n}$	$\bar{n}$	$\bar{n}$
3	Вис II	Нож	$\overset{+}{n}$	$\overset{+}{n}$	0, n
4	То же	Копье	$\overset{+}{n}$	$\overset{+}{n}$	0, n
5	»	Бляха	$\overset{+}{n}$	$\overset{+}{n}$	0, n
6	Синдорское озеро I	Кельт	n	n	0, n
7	То же	Бляха № 1 (1959 г.)	n	n	0, n
8	»	Бляха № 10 а — в	n	n	$\bar{n}$
9	»	Бляха № 2 (1959 г.)	n	n	0, n
10	»	Бляха № 2а (1959 г.)	n	n	0,0 n
11	»	Бляха № 5	n	$\overset{+}{n}$	0, n
12	»	Бляха № 6	n	$\overset{+}{n}$	0, n
13	»	Бляха № 7	n	$\overset{+}{n}$	0,0 n
14	»	Бляха № 8а	n	$\overset{+}{n}$	0, n
15	»	Бляха № 8б, 9, 9а	n	$\overset{+}{n}$	0, n
16	»	Бляха № 10	n	$\overset{+}{n}$	0, n
17	»	Бляха № 3	$\bar{n}$	$\overset{+}{n}$	0, n
18	»	Бляха № 4	0, n	$\overset{+}{n}$	0,0 n
19	»	Плоское изделие	0, n	$\overset{+}{n}$	0, n
20	»	Биспиралевидная бляшка	0, n	n	n
21	Ульяновское погребение	Бляшка	n	—	0,00 n
22	То же	Шило	n	0,00 n	0,00 n
23	»	Проволочное изделие	n	0,00 n	0,0 n
24	Чудинты I	Нож	n	n	0,01—0,1
25	Мылдино	То же (?)	n	n	0, n
26	Ягкоджты	Бляха	n	>10	0,05—0,1

Примечание. Анализ выполнен Т. И. Ивановой (№ 1—23, 25) и Г. Е. Юшковой (№ 24, 26) в Институте геологии Коми ФАН. Содержание элементов выражено в процентах. Знак $\overset{+}{n}$ — основа, $\bar{n}$ — около 1%.

изделий бронзового и раннего железного веков из цветных металлов

Zn	As	Sb	Ag	Au	Ni	Bi	Co
—	Сл.	—	0,00 n	—	—	—	0,00 n
—	0,0 n	0,0 n	0,00 n	—	0,0 n	0,0 n	0,00 n
—	0, n	0, n	0,0 n	0,00 n	0,0 n	0, n	0,00 n
—	0,0 n	0,0 n	0,0 n	0,00 n	0,00 n	0,00 n	0,00 n
—	0,0 n	0,00 n	0,0 n	Сл.	0,0 n	0,00 n	0,00 n
—	0, n	0,0 n	+	+	0, n	0,0 n	0,00 n
—	0,0 n	—	+	—	0,0 n	0,0 n	0,00 n
—	0,0 n	—	0,00 n	—	0,00 n	0,0 n	0,00 n
—	0,0 n	—	+	—	0,00 n	—	—
—	0,0 n	—	+	—	0,0 n	—	—
—	0,0 n	—	0,00 n	—	0,00 n	0,00 n	—
—	0,0 n	—	0,0 n	—	0,00 n	0,00 n	0,00 n
—	0,0 n	—	0,0 n	—	—	0,00 n	—
—	0,0 n	—	—	—	0,00 n	—	0,00 n
—	0,0 n	—	—	—	0,00 n	0,0 n	0,00 n
—	0,0 n	0,0 n	—	—	0,00 n	0,0 n	—
—	0,0 n	—	0,00 n	—	0,00 n	0,00 n	—
—	0,0 n	—	0,00 n	—	—	—	—
—	0,0 n	0,00 n	0,0 n	—	—	0,00 n	—
0,0 n	0, n	0,0 n	0,0 n	—	—	0,0 n	—
—	—	—	+	—	0,00 n	—	—
—	0, n	—	+	—	—	—	—
—	—	—	+	—	0,00 n	—	—
—	0,01—0,1	0,01—0,1	0,005—0,05	—	0,05—0,5	0,0005—0,005	—
—	0, n	0, n	+	+	0, n	0,0 n	—
—	0,1—0,3	—	—	—	0,01—0,05	0,1—0,5	0,01—0,05

параллель в слое бронзового века Канинской пещеры (если не учитывать отсутствие следов кобальта)⁷².

Совсем из другого металлургического сырья получено медное изделие, обломок которого найден на поселении Вис I (табл. XXI, 20). В этом предмете можно предположительно видеть обломок плоского топора, не обработанного ковкой, и поэтому с натеками металла на краях. Аналогичный фрагмент найден в Канинской пещере⁷³.

По составу примесей предмет из Виса I примыкает к медным вещам абашевского типа из инвентаря Ульяновского погребения на средней Вычегде⁷⁴. Во всех случаях естественных примесей — индикаторов — в меди мало: все предметы содержат свинец и серебро, вещи из погребения, кроме того, — никель, проволоочное изделие — еще и олово, плоское орудие и длинное шило — олово и мышьяк. Аналогичный химический состав имеет и небольшое медное шило из Уньинской пещеры⁷⁵, датирующееся бронзовым веком (из примесей-индикаторов отмечены только свинец, серебро и олово).

По характеру спектров висское изделие, ульяновские предметы и уньинское шило близки к медным вещам, встречающимся на борских поселениях Прикамья (Басенький Борок, Бор V⁷⁶, Бойцовское VI и VII)⁷⁷. Бляшка вполне аналогична, проволоочное изделие и уньинское шило⁷⁸ отличаются от борских предметов только наличием примеси олова, а плоское орудие и ульяновское шило — присутствием мышьяка и кобальта. По мнению О. Н. Бадера, металл борского времени выплавлен из медистых песчаников. То же самое следует сказать о висской, ульяновских и уньинской вещах.

Весьма интересен тот факт, что борские вещи, как и ульяновские, принадлежат к абашевским типам. Это обстоятельство позволяет конкретизировать предложенную нами ранее дату Ульяновского погребения (вторая половина II тысячелетия до н. э.). С наибольшей вероятностью его можно синхронизировать с раннебронзовой керамикой III типа, которая совпадает по времени с борским этапом турбинской культуры и прямо аналогична его посуде. Другим указанием на относительно ранний возраст погребения служит близкое сходство своеобразной восьмилепестковой бляшечки-розетки его инвентаря с украшением из Второй Виловатовской курганной группы⁷⁹.

⁷² В. И. К а н и в е ц. Канинская пещера, табл. 2, № 8, 10, 16.

⁷³ Там же, стр. 63, рис. 22, 3.

⁷⁴ Г. М. Б у р о в. Вычегодский край, стр. 91—94.

⁷⁵ В. И. К а н и в е ц. Первые результаты раскопок в Уньинской пещере. МАЕСВ, вып. I. Сыктывкар, 1962, стр. 130, прил. I. табл. III.

⁷⁶ О. Н. Б а д е р. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье, табл. 21, 28.

⁷⁷ О. Н. Б а д е р. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы. ОКВЭИА, вып. 2. М., 1961, табл. 40.

⁷⁸ Эта вещь по форме также находит аналогию в борских поселениях Прикамья (О. Н. Б а д е р. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы, рис. 67, 5).

⁷⁹ А. Х. Х а л и к о в. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. МИА № 97, 1961, рис. 28.

Итак, в истории Вычегодского края и Прикамья выделяется своеобразный период (от XIV до XIII—XII вв. до н. э.), когда применялись металлические изделия из чистой меди (в связи с недостатком олова), выплавленной из медистых песчаников. После этого и, по-видимому, в предшествующее время применялись бронзовые вещи, во втором случае, как и металл Турбинского могильника⁸⁰, привозные. Возможно, уже в раннем бронзовом веке вычегодские племена умели отливать орудия труда из полученных путем обмена меди и бронзы.

ОБ ИСКУССТВЕ, УКРАШЕНИЯХ И ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НЕОЛИТА И РАННЕЙ БРОНЗЫ

На поселениях Вис I и II найдены различные вещи, представляющие древнее искусство. В жилище II Висского поселения обнаружены фрагменты культового сосуда с изображением водоплавающих птиц (табл. IX, 11, 12). В композиции присутствуют фигурки уточек, выполненные при помощи зубчатого штампа. Они находят многочисленные параллели на древней керамике Финляндии, Северо-Запада Европейской части СССР и Среднего Урала. Висская находка существенно расширяет ареал подобных изображений к северо-востоку⁸¹.

Кроме утиных фигурок, в состав композиции входят другие, также однотипные изображения, к сожалению, фрагментарные. Они резко отличаются от изображений уток по форме и нанесены узким штампом. Можно думать, что на сохранившихся черепках показаны туловища гусей. К такой мысли приводит сопоставление рисунков на керамике с фигурами уток, гусей и лебедей на петроглифах Онежского озера⁸². Если вывод правильный, то здесь мы впервые встречаемся с рисунком гуся на глиняном сосуде. До сих пор по керамике были известны только изображения уток и, в одном случае (Кузнечиха), лебедей⁸³.

С культом водоплавающей птицы, у которой недоразвит задний (первый) палец, могут быть связаны и узоры в виде трехпалых следов птичьей лапы, встречаемые на сосудах II типа эпохи ранней бронзы. Такие узоры известны также на керамике более поздних культур, в состав которых вошел зауральский компонент (лебяжская, ванвиздинская) и отмечены среди тамг обских угров.

Кроме птиц, на древней культовой керамике Привычегодья изображался и человек. Так, на стоянке Лопью найден фрагмент сосуда, по-видимому, II типа ранней бронзы, с выполненной при помощи зубчатого штампа

⁸⁰ О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья, стр. 163.

⁸¹ Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР, рис. 25, стр. 144—150.

⁸² Н. Н. Гурина. Поселения эпохи неолита и раннего металла на восточном берегу Онежского озера, стр. 111; В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря, ч. 1. М.—Л., 1936, табл. 1, 3, 6; 5, 3.

⁸³ Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР, стр. 144.

фигуркой «пляшущего человечка»⁸⁴. Она находит аналогии на петроглифах Карелии и Урала⁸⁵.

В Вычегодском крае из-за специфики природных условий нет наскальных изображений. Здесь петроглифы гравировались на поверхности небольших каменных плиток, одна из которых имеется в инвентаре Виса I (табл. XVIII, 9). Нарисованная здесь фигура представляет собой солярный знак. Довольно близкой параллелью ей является изображение солнца на скале Нижний Балабан по р. Нижний Тагил: в обоих случаях от замкнутой кривой отходят лучи, а внутреннее пространство заполняют пересекающиеся линии и отдельные штрихи⁸⁶. Вопрос о принадлежности висской плитки к определенному комплексу остается открытым.

Другая форма древнего изобразительного искусства на территории Привычегодья — это миниатюрная кремневая скульптура. Найденные здесь фигурка рыбы из Ягкоджа I и млекопитающего из Виса II уже опубликованы (табл. XVI, 2)⁸⁷. Иную группу кремневых фигурок составляют, по классификации С. Н. Замятнина, символические изображения. Два из них найдены на висских поселениях, причем одно (Вис I) представляет собой великолепно отретушированную лунницу, точно повторяющую форму полумесяца (табл. XV, 1). Параллелями ей служат, с одной стороны, фигурный кремль из Волосова, который, однако, шире и с выемками для привязывания, с другой — лунные символы на петроглифах Онежского озера⁸⁸. Вторая кремневая фигурка (Вис II) менее совершенна в техническом отношении (табл. XVI, 3), однако представляет собой более сложную лунницу, с выступом, и вполне аналогична другому изображению из Волосова⁸⁹. Различные варианты лунниц с одним выступом составляют целую серию⁹⁰.

Фигурные кремни характерны для борского этапа турбинской культуры⁹¹. По мнению П. Н. Третьякова, кремневые фигурки Европейской части СССР соответствуют поселениям турбинской культурной области⁹². Следовательно, весьма вероятна связь описанных предметов искусства с посудой III типа эпохи ранней бронзы.

В культурном слое I Висского поселения найдены два керамических предмета, которые примыкают к посуде II типа. Первое изделие — прониз-

⁸⁴ Г. М. Буров. Археологическая разведка в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища, стр. 141—143.

⁸⁵ В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. САИ, ВЧ-12. М., 1964, табл. XIV, рис. 2, 6.

⁸⁶ Там же, рис. 7, 3; табл. XX.

⁸⁷ Г. М. Буров. Вычегодский край, стр. 106, 108.

⁸⁸ С. Н. Замятнин. Миниатюрные кремневые скульптуры. СА, X, 1948, рис. 6, 1, 5, 6.

⁸⁹ Там же, рис. 6, 12.

⁹⁰ Там же, рис. 6, 2, 8, 9, 11, 17; А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области. МИА, № 20, 1951, рис. 13, 2.

⁹¹ О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 57.

⁹² П. Н. Третьяков. У истоков этнической истории финно-угорских племен. СЭ, 1961, № 2, стр. 90.

ка из пористого черепка в виде прямоугольного треугольника с отшлифованными краями и биконическим сверленным отверстием в центре (табл. XXI, 13). Второй предмет сделан из сырой глины, а затем обожжен (табл. XXI, 19). Он миндалевидный, с проколотым еще до обжига отверстием и насечками по краям. Аналогиями этой поделке служат многочисленные вещи из крупного гравия и мелкой гальки, найденные в 1959 г. Е. М. Берс в погребении № 6 на р. Аять, у Аятского озера в Зауралье (погребение датируется в пределах эпох неолита и ранней бронзы)⁹³. Правда, наряду с зубчатыми поделками, там имелись и гладкие. Мы склонны рассматривать найденную вещь не только как украшение (пронизку), но и как зубчатый штамп. При помощи этой поделки удобно наносить короткие, средние и длинные оттиски, причем в последнем случае ее следует вращать как колесико на оси в виде натянутой тонкой веревочки или нити. Очевидно, аятские гребенчатые и гладкие поделки составляли одновременно и ожерелье и набор штампов. В пользу того, что висский штамп относится к раннебронзовой керамике II типа говорит его ранняя зауральская параллель и близкое сходство зубчатых оттисков на этой посуде с отпечатками штампа на пластилине, которые при средней ширине имеют прямые зубчики и на других висских сосудах неолита — бронзы аналогов не находят.

К неолиту и бронзовому веку, по-видимому, относится также каменная подвеска с поселения Вис I (табл. XVIII, 16).

Висский могильник. На крайнем Северо-Востоке Европейской части СССР очень слабо изучены погребальные памятники древнее X—XIV вв. Открыты, раскопаны и опубликованы только Ульяновское одиночное погребение бронзового века и I Веслянский могильник ванвиздинской культуры. В этих захоронениях не найдено черепов, так как в Ульянове костяк не сохранился, а в I Веслянском могильнике был погребен пепел покойников, подвергнутых кремации. Но и неплохо исследованные в Вычегодском крае могильники позднего железного века, для которых типичен обряд трупосожжения, также не дали полноценного краниологического материала. Особого внимания заслуживает Висский грунтовой могильник с костяками дованвиздинского времени, перекрытыми зольным слоем ванвиздинского жилища № 2. Можно думать, что именно этот слой, который до распахки останца занимал большую площадь и был более мощным, обеспечил консервацию костной ткани, а за отрезок времени между совершением захоронений и постройкой жилищ, костяки не разрушились. Вместе с ними в слое бронзового и раннего железного века сохранились единичные мелкие неопределимые кости животных, вероятно дованвиздинского периода.

На могильнике обнаружены пять безынвентарных погребений, впущенных в культурный слой, на площади неолитического жилища и к югу от него (рис. 12). Очертания могильных ям, поскольку они были вырыты в культурном слое, проследить не удалось. Костяки залегали на глубине от 0,35 м (№ 3) до 0,5 м (№ 5), северные — горизонтально, южные — с небольшим наклоном, в соответствии с более крутым падением дневной

⁹³ Собрание музея при кабинете археологии Уральского университета.

поверхности. Покойники лежали в вытянутом положении, на спине, с руками, протянутыми вдоль туловища — двумя параллельными рядами, ориентированными с юго-запада на северо-восток. По определению Т. С. Кондукторовой, в первом ряду захоронены мужчина 40—50 лет (погребение № 1) и молодой субъект, пол которого не определен из-за отсутствия лицевой части черепа и грудины (№ 2), во втором — ребенок 12—13 лет (№ 3), мужчина (?) 25—35 лет (№ 4) и женщина 20—25 лет (№ 5). Расстояния между рядами и отдельными погребенными в каждом ряду колебались около 2 м. В северо-западном ряду покойники были ориентированы головой на северо-запад, в юго-восточном на север-северо-запад.

Сохранность костяков средняя, кости непрочные, в самом лучшем состоянии было погребение № 1, поскольку принадлежало пожилому субъекту. Многие кости, в том числе все фаланги конечностей, отсутствовали, а от погребения № 3 сохранились только череп и левая плечевая кость. Разрушение костяков связано главным образом с работой кротов, о чем свидетельствуют их ходы в культурном слое. Погребение № 3, по-видимому, потревожено ванвиздинским жилищем, врезавшимся в его южную часть.

Вряд ли следует сомневаться в принадлежности Висского могильника людям, постоянно обитавшим близ устья Симвы. Они бесспорно имели могильники, для которых останцы являются идеальным местом. По стратиграфическим данным, погребения должны быть отнесены к посленеолитическому времени. Связывать их с гляденовской культурой трудно, так как для нее характерен обряд трупосожжения⁹⁴. Более вероятен ананьинский возраст висских погребений, согласующийся с рядом особенностей обряда захоронения⁹⁵, но одна существенная черта отличает Висский могильник от ананьинских — отсутствие в нем инвентаря. Эта черта сближает могильник с одной из групп погребений на Караваевской стоянке в Вологодской области (№ 1, 3, 6, 11)⁹⁶, где лишь при одном из костяков оказалась вещь (каменное кольцо), которая вполне может относиться и к культурному слою стоянки. Покойники лежали в этом слое приблизительно на такой же глубине, как в Висском могильнике, и в аналогичном положении. Кроме того, погребения были размещены в ряд и имели одинаковую ориентировку, правда, отличающуюся от той, которая отмечена на Висском могильнике. Два других караваевских захоронения в культурном слое (№ 4 и 5) близки висским и по ориентировке⁹⁷. Обе группы погребений на Караваихе по ряду признаков (положение и размещение костяков в плане, наличие или отсутствие на них охры и т. д.) заметно от-

⁹⁴ В. Ф. Геннинг и В. А. Оборин. К вопросу о гляденовской культуре. УЗПГУ, т. XII, вып. I. Пермь, 1960, стр. 167—171.

⁹⁵ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 28—44, 111—125; О. Н. Бадер. Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры. УЗПГУ, т. XII, вып. III. Пермь, 1960, стр. 132—137.

⁹⁶ А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области, стр. 51; О н же. Караваевская стоянка. «Сборник по археологии Вологодской области». Вологда, 1961, стр. 74, 151, 152.

⁹⁷ А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области, стр. 53.

личаются от остальных несинхронных им групп, а также от расположенного в том же районе Кубенинского могильника⁹⁸.

Безынвентарные (?) погребения, совершенные по обряду трупоположения, открыты также в культурных слоях Федоровской стоянки в районе Чухломского озера⁹⁹ и Языковской на верхней Волге¹⁰⁰. В обоих случаях покойники лежали на спине, в вытянутом положении, с руками вдоль туловища. Федоровские костяки были обращены черепами на север (два) и восток (одно), а языковские, хотя и были ориентированы на юг, по крайней мере в одном случае залежали рядом. Эти особенности, сближающие их с погребениями Караваевского и Висского могильников, наводят на мысль о принадлежности всех четырех памятников одной культурно-этнической общности, которой не могла быть ананьинская культура, не распространяющаяся так далеко к западу. Остается предположить, что Висский могильник относится к бронзовому веку и связан с синдорской, турбинской (турбинско-волосовской) или поздняяковско-усть-вымской культурной общностью. Все они захватывали и Вычегодский край, и Верхнее Поволжье, и район, расположенный к северу от него¹⁰¹. Такая датировка согласуется с выводами исследователей Караваевского и Языковского могильников об их раннем возрасте.

Краниологический материал из Висского могильника (четыре черепа) позволил Т. С. Кондукторовой сделать ряд интересных выводов:

1. Для населения, оставившего могильник, характерна брахикrania, выраженная у черепов из погребений № 5 (черепной указатель 86,2), № 1 (80,0) и № 3. Четвертый череп — мезокранный на границе с брахицефалией (79,5). Рельеф выражен хорошо (№ 1), средне (№ 4), ниже среднего (№ 5) или вовсе не выражен (№ 3).

2. У единственного черепа с сохранившимися лицевыми костями (№ 1) — сочетание некоторых признаков: малый симотический указатель (30,5), малый угол выступания носа (22°), средняя уплощенность лица (назо-маларный угол — 142°, зиго-максиллярный — 129°) и неглубокая клыковая ямка (4 мм), — указывают на небольшую монголоидность. У этого черепа лоб сильно наклонный, лицо относительно широкое (средняя ширина 108 мм, верхняя — 115 мм) при большом скуловом диаметре (152 мм) и средней высоте лица (верхняя — 73 мм, полная — 113 мм). По указателю глазницы — средне высокие (35,5 см), нос — средне широкий (28 мм).

3. Обращает внимание несоответствие между малой стертостью зубов и выраженной облитерацией швов на черепах из погребений № 1 и 4, принадлежащих субъектам старше 25 лет. По-видимому, это является следствием особого пищевого режима.

Налет монголоидности не противоречит сопоставлению Висского могильника с погребениями Языковской и Караваевской стоянок. Слабая

⁹⁸ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 215, 216.

⁹⁹ О. Н. Бадер. Неолитические погребения на верхней Волге. СА, III, 1937.

¹⁰⁰ Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР, стр. 94.

¹⁰¹ См. гл. VI.

стертость зубов даже у мужчины 40—50 лет соответствует характеру той пищи, которая имелаась в распоряжении древнего охотничье-рыболовецкого населения Вычегодского края.

Валиковая керамика

Оригинальным типом глиняной посуды, бытовавшей в Синдоре, является валиковая, найденная на поселениях Вис I, II и III, а также Синдорское озеро II (западный мыс о. Вомлосди). Главным образом по обломкам венчиков выделено 45 сосудов, из которых на озере представлены четыре. Отличительные особенности этого своеобразного типа посуды (табл. XXIV) заключаются в следующем: примесь шамота к глиняному тесту; ярко выраженная красновато-кирпичная окраска керамической массы (у большинства сосудов); хорошее сглаживание поверхности (без какой-либо штриховки), особенно внешней, доходящее в отдельных случаях до великолепного лощения; плоскодонность: украшение сосудов валиками и рядами мелких гладких углублений; полное отсутствие других элементов в орнаменте, за исключением ямок под венчиком у некоторых сосудов. Толщина стенок колеблется от 0,4 до 1,5 см.

Большая часть найденной валиковой посуды составляет выраженное единство, производит впечатление единого комплекса и объединена в первую группу (рис. 22, 6, 7; табл. XXIV, 1—9, 11, 13—17). Остальные четыре сосуда (табл. XXIV, 10, 12), найденные вдоль стыка I Висского торфяника с останцом, в глинистом сапропеле и гумусированном культурном слое (шурфы № 5, 25—А, 30—А и 11—II) существенно отличаются от керамики первой группы и условно выделены во вторую.

Для посуды первой группы характерен прямой, изредка слегка отогнутый венчик; торец горизонтально утолщен или скошен внутрь, а иногда снабжен более или менее выраженным бортиком, который выступает наружу. Дно небольшое, с закраиной, причем толщина стенок ко дну увеличивается. В целом сосуды имеют баночную форму. По характеру орнаментации группа делится на пять подгрупп, причем первая выделена только на поселении Вис II. Ее сосуды, которых насчитывается восемь (рис. 22, 6, 7; табл. XXIV, 5, 9, 13, 14), украшены одним высоким налешным валиком, расположенным под венчиком, на 2—3 см ниже торца. Керамика второй подгруппы (восемь экземпляров) орнаментирована несколькими или одним низким рельефным валиком (табл. XXIV, 3, 8, 11), третьей подгруппы (четыре) — одним или двумя желобками (табл. XXIV, 4, 6, 17). Для остальных двух подгрупп характерно отсутствие рельефных элементов в орнаменте, а для пятой и наличие одного ряда круглых или клиновидных ямок под венчиком. Сосудов четвертой подгруппы три (табл. XXIV, 1, 2), а пятой — семь. Последние найдены только на поселениях Вис I и Синдорское озеро II (рис. 17, 1—3, 8).

Посуда первой группы богато украшена рядами углублений (включая насечки) овальной, круглой и клиновидной формы, а в одиночных случаях сегментовидной, полулунной и в виде многоугольника (табл. XXIV, 7). Ими покрыты прежде всего торец, венчик, валик, плечики,

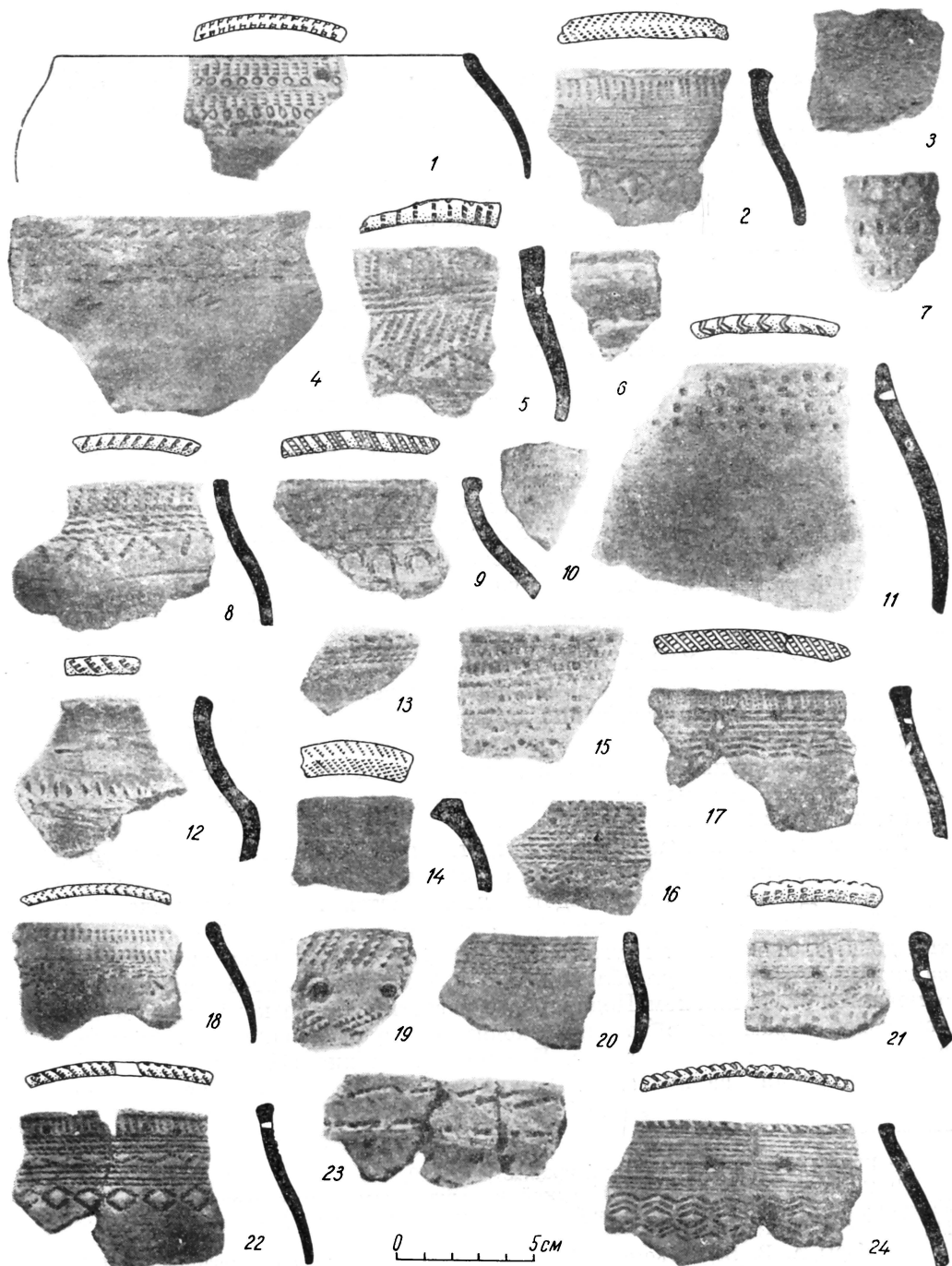

Рис. 22. Керамика бронзового и железного веков

1, 2, 5, 8, 9, 11—14, 16—18, 20—22, 24 — ванвиздинская; 3, 19 — усть-вымская; 4 — гляденовская; 6, 7 — валиковая; 10 — раннебронзовая типа I (?); 15 — позднелебяжская; 23 — ананьинская
1—9, 11—22, 24 — Вис II (4, 11, 18, 22, 24 — торфяник); 10, 23 — Вис I

придонная часть тулова и дно (табл. XXIV, 15, 16). У одних сосудов большая часть тулова орнамента не имеет, чему соответствуют 16 обломков без углублений, другие, видимо, украшены по всей поверхности (табл. XXIV, 1).

Торец чаще всего орнаментирован одним рядом насечек по внешнему ребру или бортику. В других случаях торец не имеет орнамента, покрыт сверху косой насечкой, снабжен насечкой по внешнему и внутреннему ребру (табл. XXIV, 14) либо только по внутреннему.

Все наlepные валики украшены прямой или косой насечкой, рельефные — одним или двумя рядами углублений, расположенных в шахматном порядке. Один из краев желоба, приравниваемый к валику, также расчленен насечкой. В единственном случае желобок — гладкий (табл. XXIV, 17).

Венчик, плечики, тулово, и, у одного сосуда, межваликовое пространство покрывают узоры, состоящие из одинарных и двойных горизонтальных и косых рядов мелких углублений. Одинарные (22 случая) и горизонтальные ряды (25) встречаются несколько чаще, чем двойные (17) и косые (17). На одном венчике отмечена фигура, отдаленно напоминающая птичью лапу (табл. XXIV, 9). На внешней поверхности дна обнаружены ряды углублений, пересекающие его по диаметру.

Валиковая керамика второй группы характерна очень бедной орнаментацией и представлена четырьмя сосудами различных форм. Первый сосуд имеет резко согнутый венчик с уплощенным торцом и выраженные плечики (табл. XXIV, 10). На венчике, в 1,5 см ниже торца, имеется гладкий наlepной валик, а в месте перехода венчика в плечики — два горизонтальных ряда чрезвычайно мелких клиновидных углублений. По-видимому, от аналогичного сосуда происходит обломок тонкого доньшка сравнительно крупного диаметра без закраины и узоров (табл. XXIV, 12). Остальные сосуды — с закругленным торцом и без орнамента, причем один из них — небольшая миска.

Валиковая керамика, которая представляет в Привычегодье чужеродное явление, уже сопоставлена нами с сосудами бронзового века Приднепровья и Дона¹⁰². Особое сходство наблюдается между вычегодской и южной многоваликовой керамикой, датирующейся серединой II тысячелетия до н. э. И в том, и другом случае сосуды украшаются несколькими валиками и гладкими углублениями, а зубчатый элемент в орнаменте не отмечается¹⁰³. В нижнем Поднепровье известны также комплексы многоваликовой керамики, в которые входят и сосуды с одним валиком под венчиком (балка Сухенька в с. Бердино¹⁰⁴, Бабино III¹⁰⁵).

Вычегодская валиковая керамика не может относиться к концу

---

¹⁰² Г. М. Буров. Вычегодский край, стр. 89, 90.

¹⁰³ С. С. Березанская. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине. СА, 1960, № 4; П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы М., 1964, стр. 82—110.

¹⁰⁴ Сборы А. В. Бодянского в 1942 г. Фонды Института археологии АН УССР.

¹⁰⁵ Раскопки 1954 г. А. В. Добровольского. Фонды Института археологии АН УССР.

бронзового века, а скорее всего датируется второй половиной II тысячелетия до н. э. Самые поздние сосуды с несколькими валиками встречаются на приднепровских поселениях сабастиновского типа, времени около рубежа II и I тысячелетий до н. э.¹⁰⁶, но здесь валики уже выполнены жидкой глиной¹⁰⁷.

Нами высказывалось предположение, что посуда стоянки Синдорское озеро II связана с весьма своеобразным красно-коричневым кремнем, который господствует на всех стоянках Синдорского озера (за исключением пунктов I—IV на м. Некраснырд и пункта I на о. Весътас-ди)¹⁰⁸. В самом деле, весьма вероятно, что своеобразному кремню отвечает не менее оригинальная керамика. По-видимому, и на висских поселениях красно-коричневые кремневые орудия и отходы их производства, составляющие невысокий процент в кремневом инвентаре, отвечают валиковой посуде.

Красно-коричневый кремневый инвентарь синдорских стоянок весьма архаичен: в состав его, наряду с наконечниками стрел с выемкой в основании и с усеченным основанием, входят лавролистные наконечники, покрытые ретушью частично, нуклеусы для снятия пластин, пластины и изделия из них, в том числе трапеция. Такой кремень вполне может относиться ко второй половине II тысячелетия до н. э.

Усть-вымское время

К поздней поре бронзового века в районе Синдорского озера бесспорно относятся комплексы усть-вымской керамики с поселений Вис II, Вис I и Синдорское озеро I. Основная масса материала происходит с останца Большой Кытчесмыльк, где эта и валиковая посуда четко разделяются в плане: усть-вымская посуда занимает юго-восточную часть раскопа I (рис. 21, 2), а валиковая — в основном северную и шурф № 19. Аналогичная картина наблюдается в раскопе I Виса I, где усть-вымская посуда залегала двумя небольшими скоплениями в квадратах 9—10—А и 13—А₁—Г₁, а валиковая — преимущественно в квадратах 10—З₁, 11—12—Д₁ и 13—Б₁.

Усть-вымские сосуды имеют стенки средней толщины, прямой или отогнутый венчик и чаще всего хорошо выраженные плечики. Одним из главных элементов орнамента, который занимает только верхнюю часть, являются зубчатые узоры, выполняемые штампом средней ширины, причем среди узоров необычно часты горизонтальные линии. Большинство сосудов орнаментировано изнутри. Керамика по формам делится на две группы. К первой из них (табл. XXII; XXIII, 1—6, 8, 10—14) относятся сосуды, у которых венчик на всем протяжении имеет одина-

¹⁰⁶ Д. Я. Гелегін. До питання відносної хронології пам'яток пізньої бронзи Нижнього Подніпров'я. «Археологія», т. XII. Київ, 1961, стр. 14.

¹⁰⁷ А. В. Добровольский. Перше Сабастинівське поселення. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. IV. Київ, 1952.

¹⁰⁸ Г. М. Буров. Стоянки на Синдорском озере, стр. 62, 63, рис. VII, 9—12.

жовую толщину и снабжен уплощенным под прямым углом к венчику торцом. Сосуды второй группы (табл. XXII, 7, 9) имеют заостренный венчик с очень сильно выраженным утолщением изнутри, достигающим максимума в месте перехода к плечикам, где образуется ребро.

Сосуды первой группы на поселении Вис II вылеплены из глины с добавлением толченых кварца и слюды (девять), раковин (пять) или шамота (пять; у двух отмечаются и отдельные ячейки от исчезнувших раковин). Поверхность 12 сосудов изнутри сглажена зубчатым штампом (табл. XXII, 6; XXIII, 1), а пять из них имеет штриховку и снаружи (табл. XXII, 2). Одним из главных элементов орнамента служат крупные круглые ямки с соответствующими выпуклостями на противоположной стороне, наносившиеся в один ряд, в основном (14 случаев) на венчике, значительно чаще изнутри (табл. XXII, 3, 4, 6; XXIII, 1, 3, 8), чем снаружи (два сосуда; табл. XXII, 2). У пяти сосудов ямки имеются под венчиком, снаружи (рис. 22, 19; табл. XXIII, 5, 6, 12), в том числе у одного с ямками изнутри. Лишь у единственного экземпляра ямки отсутствуют (табл. XXII, 1).

Часть посуды украшена зубчатыми узорами. Среди них первое место занимают ряды косых оттисков (13 случаев), второе — горизонтальные линии (семь), третье и четвертое — зигзаги и ряды фигур в виде ромбов или параллелограммов из тройных или парных оттисков (табл. XXIII, 1, 6, 12). Один сосуд украшен цепочкой заштрихованных ромбов (табл. XXIII, 5). Из других элементов орнамента на керамике первой группы отмечаются оттиски гладкого штампа (три сосуда украшены рядами косых оттисков; табл. XXIII, 8, 10) и своеобразного двузубого (на одном сосуде они размещены рядами, на другом — дополняют зубчатый зигзаг).

У сосудов в большинстве случаев украшались торец и внутренняя поверхность венчика. Лишь у пяти-семи экземпляров торец и четырех-пяти венчик (изнутри) не имеют орнамента. Для торца наиболее характерен ряд косых зубчатых оттисков (10 случаев) и только два раза встречены зигзаги (табл. XXII, 4; XXIII, 8). Изнутри, помимо ямок, отмечены ряд косых оттисков и реже — горизонтальные линии.

В коллекции из Виса II сосуды первой группы представлены тремя подгруппами, различающимися по форме. Для первого варианта (табл. XXII, 1, 4, 6; XXIII, 8, 10) характерен прямой венчик и выраженные плечики, часто очень резко, для второго (табл. XXII, 3) — отогнутый венчик и слабо выраженные плечики, для третьего (рис. 22, 19; табл. XXIII, 1, 6, 12) — очень высокий, слабо и плавно отогнутый или прямой венчик без плечиков (или с едва намеченными). Для первой и второй подгрупп типично расположение ямок только на венчике; лишь у одного сосуда они имеются под венчиком, но в дополнение к тем, которые находятся выше¹⁰⁹. Только на посуде первой подгруппы отмечаются горизонтальные зубчатые линии, как правило, чередующиеся с рядами косых оттисков и зигзагами. Ряды же фигур в виде ромбов (параллелограммов), напротив, обычны лишь для третьей подгруппы. Сосудов первой подгруп-

¹⁰⁹ Г. М. Буров. Долговременные поселения на р. Вис, рис. XVIII, 6.

ны восемь, второй — лишь два, третьей — семь. Два сосуда (табл. XXIII, 5), представленные мелкими обломками, отнести к определенной подгруппе трудно.

Сосуды второй группы усть-вымского типа изготовлены из глины с примесью толченных раковин (пять; табл. XXIII, 7, 9) или шамота (два). Штриховка поверхности или ямки не встречены ни разу. На всех сосудах имеется зубчатый орнамент, выполненный штампом, в целом более узким, чем тот, которым украшена первая группа. Характерны чрезвычайно короткие, даже двузубые оттиски. На двух сосудах отмечены очень короткие гладкие отпечатки. Орнамент состоит из трех узоров: горизонтальных линий (украшающих все сосуды), чередующихся с ними рядов зубчатых или гладких оттисков (не менее шести случаев) и зигзагов из таких же оттисков (пять случаев). На внешней поверхности орнамент начинается рядом отпечатков. Из пяти учитываемых сосудов лишь один, содержащий в керамической массе шамот, не украшен с внутренней стороны.

Керамика усть-вымского типа иногда имеет текстильные отпечатки, о чем свидетельствуют два неорнаментированных обломка стенок (рис. 22, 3).

Усть-вымские сосуды, найденные на поселении Вис I, кроме одного (табл. XXIII, 4), относятся к третьей подгруппе первой группы (табл. XXII, 7; XXIII, 2). Этот сосуд, от которого сохранился пористый обломок, принадлежит первой или второй подгруппе и орнаментирован по венчику (снаружи) зубчатым зигзагом и горизонтальными линиями. Сосуды третьей подгруппы (три) вылеплены из глины с примесью кварца и слюды. Один из них имеет ромбовые фигуры на плечиках (табл. XXII, 5) и почти полностью идентичен сосуду с Виса II (табл. XXIII, 6). Если признать, что вся усть-вымская керамика из Виса II составляет комплекс, то следует прийти к выводу о некоторой одновременности этого комплекса и соответствующей посуды I Висского поселения.

На I стоянке Синдорского озера найдены два усть-вымских сосуда; один из них, вылепленный из глины с примесью кварца и слюды¹¹⁰, относится к первой группе, а второй, из теста с шамотом, украшенный узкими горизонтальными зубчатыми линиями, которые чередуются с рядами коротких косых оттисков, — возможно, ко второй (табл. XXIII, 14). В раннем комплексе Ванвиздинской стоянки имеются лишь два сосуда с реконструированной верхней частью оба первой подгруппы первой группы. К ней же принадлежит усть-вымский сосуд со стоянки Ягкодж I¹¹¹. Таким образом, из групп усть-вымской керамики Вычегодского края основной является первая.

Усть-вымская керамика представляет собой типичную посуду бронзового века. Наиболее близкие аналогии она имеет на поселениях позд-

¹¹⁰ Г. М. Буров. Стоянки на Синдорском озере, рис. III, 11.

¹¹¹ Г. М. Буров. Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде, рис. 10, 1, 8, 9.

няковской культуры Волго-Окского бассейна. Из них очень интересны Акозинское и Поздняковское. На этих памятниках находят себе параллели и первая¹¹², и вторая¹¹³, и третья¹¹⁴ формы усть-вымской посуды первой группы. На висских поселениях не найдено ни одного усть-вымского плоского днища, что позволяет предполагать существование круглодонных сосудов. Но наряду с ними, по данным Ванвиздинского поселения, были и плоскодонные. И та, и другая керамика бытовала на упомянутых поселениях поздняковской культуры.

На усть-вымской и рассматриваемой поздняковской посуде прослежены аналогичные узоры. Ямки встречаются изнутри на венчике, реже снаружи под ним, а многие сосуды их вовсе не имеют. Прочий орнамент преимущественно зубчатый и состоит главным образом из чередующихся горизонтальных линий, зигзагов и рядов отрисков¹¹⁵. Поверхность часто сглажена крупным зубчатым штампом, а текстильные отпечатки почти не встречаются. Последний признак позволил О. Н. Бадеру и А. Х. Халикову определить время Поздняковского, Акозинского и Подборновского поселений XIII—XII вв. до н. э., тогда как другие памятники этой культуры, на которых текстильная керамика распространена или господствует, эти авторы относят к самому концу II — началу I тысячелетия до н. э. Такой вывод согласуется с нашей датировкой усть-вымской керамики последней четвертью II тысячелетия до н. э.

Усть-вымские поселения в отличие от раннебеляжских стоянок совершенно не связаны с вычегодско-печорскими памятниками железного века и должны быть датированы предбеляжским временем. Хотя поселения усть-вымского типа имеют аналогии на западе, юго-западе и юге, а стоянки беляжской культуры тяготеют к востоку¹¹⁶, все же мало вероятно, чтобы те и другие сосуществовали и граница их ареалов проходила через Вычегодский край: памятники усть-вымского облика открыты на верхней Вычегде, среди стоянок озьягского (раннебеляжского) типа, а поселения озьягского облика, по-видимому, относящиеся к беляжской культуре, известны на Двинской губе. Можно думать, что на всей или большей части территории Коми АССР между стоянками раннего бронзового века и беляжской культуры имеется хронологический разрыв. Такое предположение согласуется с отсутствием в Припечорье, как и на Вычегде, памятников, отражающих переход от раннебронзовой культуры к беляжской, хотя стоянок последней обнаружено немало.

С керамикой усть-вымского типа на поселениях Вис I и II могут быть

---

¹¹² А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы «Труды Марийской археологической экспедиции», т. I. Йошкар-Ола, 1960, рис. 78, 1, 2, 4; табл. LXVII, 9, 16; LXVIII, 4—7, 9—13.

¹¹³ Там же, табл. LXVII, 13.

¹¹⁴ Там же, рис. 78, 3; табл. LXVII, 1, 2, 12; LXVIII, 1—3.

¹¹⁵ Встреченный на поселении Вис III обломок керамики с узором в виде заштрихованных треугольников, обращенных вершинами книзу, находит аналогию в орнаментике этих и других поздняковских поселений, что позволяет относить его к усть-вымскому времени, чему не противоречат другие особенности фрагмента.

¹¹⁶ См. гл. VI.

связаны кремневые наконечники стрел с выемкой в основании, с усеченным основанием и черешковые, прежде всего следующих типов¹¹⁷: XI, XII, XV—XXII, XXIV—XXX. Сюда же должны быть отнесены все или почти все скребки с подтесанной спинкой и многие обычные.

О металлургии в позднем бронзовом веке. Из металлических изделий к усть-вымскому комплексу Виса II может относиться бронзовый наконечник копья, снабженный тонким округлым в разрезе стержнем, который доходил почти до самого острия (табл. XXI, 1). Конец изделия имел плоскоромбическое сечение. Особенность наконечника заключается в том, что края пера были заметно утолщены (хотя, в конечном счете, и заострены). Эта деталь позволяет отнести находку к раннему типу прорезных втульчатых наконечников копий. Перо такого наконечника имело два больших сегментовидных отверстия, прилегавших к стержню, причем края их также были утолщены¹¹⁸.

Ранние прорезные наконечники распространены в Среднем Поволжье и на Южном Урале; кроме того, единично они представлены в Верхнем Прикамье, на Украине, Нижнем Дону и Северном Кавказе, в Казахстане и Верхнем Приобье¹¹⁹. Датируются эти изделия концом II — началом I тысячелетия до н. э.¹²⁰ Среди них висский наконечник, насколько можно судить по фрагменту, выделяется лишь немного большей шириной утолщения по краю. Правда, прорезные втульчатые наконечники встречаются и в ананьинских могильниках. Но эти поздние наконечники заметно отличаются от ранних тем, что у них втулка доходит почти до самого острия, стержень поэтому массивен, а перо часто орнаментировано¹²¹. Отнести висский предмет к числу ананьинских наконечников нельзя.

Если возраст найденного наконечника копья лежит в пределах эпохи поздней бронзы, то он может входить только в комплексы усть-вымской, валиковой или раннелебяжской (озьягской) керамики. А так как на II Висском поселении бытовала только первая и вторая, весьма вероятно, что наконечник связан с усть-вымской или валиковой посудой.

По данным спектрального анализа (табл. 4), вещь отлита из бронзы, которая по характеру примесей-индикаторов полностью идентична металлу описанного выше ножа¹²². По-видимому, наконечник близок ему и по виду использованного металлургического сырья.

На поселении Вис II найдена также форма для отливки украшения в виде двух соприкасающихся окружностей. Сходная матрица, но с крестом в каждой окружности происходит со 2-го Карасьего озера близ Свердлов-

¹¹⁷ См. стр. 81, 82.

¹¹⁸ Ф. Д. Нефедов. Журнал раскопок, произведенных в Прикамье летом 1894 г. МАВГР, т. III. М., 1899, табл. 13, 28; Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, № 90, 1960, табл. VIII. 3.

¹¹⁹ Б. Г. Тихонов. Указ. соч., табл. IX.

¹²⁰ Там же, стр. 34—36.

¹²¹ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, табл. I, 1; XX, 1, 15, 22.

¹²² См. § 5.

Данные спектрального полуколичественного анализа литейных тиглей из Вычегодского края

Номер пробы	Поселение	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Ag	Ni	Co
1	Вис I	Тигель	0,0n	0,0n	0,00n	0,00n	0,00n	—	0,00n	—
2	Вис II	То же	0,0n	0,n	0,0n	0,00n	0,00n	Сл.	0,00n	—
3	То же	»	0,0n	0,n	0,0n	0,0n	0,0n	—	0,00n	0,00n
4	»	»	0,n	—	0,0n	n	—	+	0,0n	0,00n
5	»	Тигель- лячка	0,0n	0,0n	0,00n	0,00n	0,00n	—	0,00n	—
6	Чудинты II (раскоп I)	Тигель	0,1— 0,5	0,01— 0,05	—	—	—	—	0,001— 0,005	0,001— 0,005
7	Лебяжск	То же	0,0n	—	—	—	—	+	0,00n	—
8	Мыелдино	»	0,0n	0,0n	—	—	—	—	0,00n	—
9	Озъяг II	Тигель (гляденов- ский)	0,0n	0,00n	—	—	—	—	0,0n	—
10	То же	Тигель (ванвиздин- ский)	0,0n	0,0n	—	—	—	—	0,0n	—
11	Ванвиздино	Тигель	0,0n	0,00n	0,0n	n	—	—	0,00n	—

Примечание. Анализ выполнен Т. И. Ивановой (№ 1—5, 7—11) и Г. Е. Юшковой (№ 6). Sb, Bi и Au во всех образцах отсутствуют.

ска и, по В. М. Раушенбах, датируется концом II — началом I тысячелетия до н. э.¹²³ Возможно, висская форма входит в усть-вымский комплекс.

Второй этап позднего бронзового века (раннелебяжский, или озъягский) в районе Синдорского озера металлическими изделиями не представлен. Найденный на верхней Вычегде плоский и широкий листовидный раннелебяжский нож с небольшим черенком (Чудинты I)¹²⁴ близок по составу примесей прорезному копыю. Особенностью является только отсутствие золота и кобальта. Почти аналогично ножу из Чудинты I по составу металла плоское орудие начала железного века из Мыелдина.

Целая группа бронзовых и медных предметов вместе с лебяжской керамикой найдена в Канинской пещере. По данным спектрального анализа¹²⁵, предмет из Чудинты I близок значительной части из них. Из элементов-индикаторов в обоих случаях встречены только свинец, мышьяк,

¹²³ В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы, рис. 19, 5.

¹²⁴ Г. М. Буров. Из результатов археологической разведки 1957 г. на верхней Вычегде. ИФС, вып. 5. Сыктывкар, 1960, стр. 104, рис. 3, 5.

¹²⁵ В. И. Каневец. Канинская пещера, табл. 2, № 4, 5, 13, 16, 17, 20.

сурьма, серебро, никель и висмут. Присутствие мышьяка и сурьмы в составе даже медных предметов свидетельствует о выплавке металла из сульфидных или окисленных руд.

На поселении Вис II обнаружен фрагмент толстостенного тигля, снабженного выемкой в стенке для сливания расплавленного металла. Вещь находит близкую параллель на Лебяжской стоянке в Печорском Приуралье¹²⁶ и, возможно, относится к позднему бронзовому веку. Обломки тигля предположительно лебяжского типа происходят со стоянки Чудинты II (раскоп I). С его внутренней поверхности был соскоблен образец для спектрального анализа, подтвердившего, что в тигле плавилась оловянная бронза: отмечены медь (0,1—0,5%) и олово (0,01—0,05%), а также никель, присутствующий во всех образцах, взятых с тиглей Вычегодского края, и более редкий кобальт (табл. 5).

Итак, в позднем бронзовом веке на Вычегде бесспорно была развита техника отливки металлических предметов, хотя местные металлурги, возможно, пользовались исключительно готовыми привозными сплавами.

Предмет из Чудинты I отдаленно напоминает довольно архаические орудия из бронзы¹²⁷, в частности, ножи срубного типа¹²⁸. Ранние параллели имеют и бронзовые ножи турбинского типа (с усеченным черенком) из Канинской пещеры¹²⁹. Однако если в том и другом случае металлические предметы составляют единые комплексы с лебяжской керамикой, можно говорить о доживании форм листовидных ножей до самого железного века. Кстати, железные ножи в ананьинских погребениях появляются лишь в VI в. до н. э.¹³⁰ Поэтому медно-бронзовый листовидный нож, сходный с чудинтйским, из Ананьинского могильника (раскопки и сборы Ф. Д. Нефедова) вполне может принадлежать раннеананьинскому погребению¹³¹. По-видимому, листовидным ножом является плоское бронзовое изделие верхневычегодской стоянки Мыелдино начала железного века (найден обломок).

---

¹²⁶ В. И. Каневец. Древние поселения Южно-Печорской равнины. МАЕГВ, вып. III. Сыктывкар, 1965, рис. 50.

¹²⁷ Г. М. Буров. Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде. 1960, стр. 114.

¹²⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, рис. 12, 14.

¹²⁹ В. И. Каневец. Канинская пещера, стр. 61—63.

¹³⁰ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, стр. 61.

¹³¹ Ф. Д. Нефедов. Указ. соч., табл. 18, II.

Глава пятая

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

ПОЗДНЕЛЕБЯЖСКИЕ И АНАНЬИНСКИЕ ПЛЕМЕНА

Типологический анализ и планиграфические наблюдения позволили выделить два этапа истории населения Вычегодского края в VIII—III вв. до н. э. Первый из них (VIII—VI вв. до н. э.) соответствует поздней стадии лебяжской культуры, второй — средней и поздней стадии ананьинской культуры¹.

Позднелебяжское время документируется почти исключительно керамикой, которой в районе Синдорского озера найдено во много раз больше, чем на всех других памятниках Коми АССР, взятых вместе. На поселениях Вис I и II выделено 243 сосуда (табл. XXV, XXVI; XXVII, 5); неорнаментированные стенки при расчленении материала в счет не брались.

Позднелебяжские сосуды имеют котлообразную форму при отогнутом венчике с уплощенным торцом, который в единичных случаях скошен наружу, делая венчик заостренным (рис. 22, 15; табл. XXV, 2; XXVI, 9). От 5 до 33% сосудов имеют на венчике рельефное утолщение, которое в большинстве случаев может быть названо валиком, а не «воротничком» (табл. XXV, 9, 14; XXVII, 5). У одного экземпляра прослежен плоский полуовальный выступ у венчика, вполне аналогичный отмеченному на керамике II типа ранней бронзы (табл. XXV, 10). В глиняное тесто добавляли толченые кварц и слюду, и лишь 5—9% сосудов (табл. XXV, 7, 13, 14, 16; XXVI, 4) содержало в керамической массе толченые раковины (кроме того, единичные сосуды имеют раковины наряду с неорганической примесью). Характерны тщательное сглаживание поверхности (только в отдельных исключительных случаях встречена штриховка зубчатым штампом), слабое углубление орнамента, аккуратность в его нанесении, очень богатая, нарядная и разнообразная орнаментация, но лишь в верхней части сосуда.

---

¹ Г. М. Буров. Вычегодский край (очерки древней истории). М., 1965, стр. 111—118, 174—180.

Все сосуды украшены ниже венчика одним горизонтальным рядом небольших по диаметру, но непомерно глубоких круглых ямок, размещенных чаще группами (по три или две), чем с равными интервалами. В нескольких случаях от ямок спускаются на плечики вертикальные ряды таких же углублений (табл. XXV, 3; XXVI, 15; XXVII, 5). От ямок часто отходят косые зубчатые оттиски, что является характерной лебяжской чертой (табл. XXV, 2, 8, 16).

Среди прочих, неямочных, элементов орнамента на первом месте стоят отпечатки строенной обычно тонкой веревочки, на втором — оттиски прямозубого штампа средней ширины (в единичных случаях представлен косозубый, известный также на раннеleбяжских сосудах из Чудинты II²; табл. XXVI, 10). на третьем — оттиски змеевидного штампа (табл. XXV, 3, 4, 6, 9, 11, 14; XXVI, 1, 3, 7, 8, 12, 14—16; XXXVII, 5) и на четвертом — гладкие прямые отпечатки (табл. XXV, 16). Встречены также гладкие дугообразные вдавления (табл. XXV, 13). Один и тот же сосуд бывает чаще всего украшен веревочными и зубчатыми узорами, менее часто только зубчатыми и реже сочетанием веревочных зубчатых и змеевидных. Единично встречаются также экземпляры, орнаментированные веревочными и змеевидными узорами, веревочными, зубчатыми и гладкими, зубчатыми и змеевидными, только веревочными или змеевидными. Известны также сосуды с одними лишь ямками (табл. XXV, 18).

Большая часть посуды украшена не только извне, но и по торцу, а несколько сосудов несут орнамент и на внутренней поверхности венчика (табл. XXV, 17; XXVI, 4). Торец украшен преимущественно поперечными — прямыми и косыми — оттисками зубчатого штампа. Затем отмечены продольные отпечатки веревочки (табл. XXV, 2, 14; XXVII, 5), такие же или косые оттиски змеевидного штампа (табл. XXV, 11; XXVI, 1, 3), зубчатые продольные оттиски или зигзаги (табл. XXVI, 16; XXVI, 4, 8, 9, 13, 16) и насечки.

В украшении венчика особенно ярко проявилось разнообразие орнаментальных приемов позднеleбяжской керамики. Из различных комбинаций разных узоров, таких, как горизонтальные веревочные, змеевидные и зубчатые линии, горизонтальные же зубчатые и змеевидные зигзаги, зигзаг из вертикальных и косых оттисков зубчатого штампа, косая зубчатая сетка, вертикальные или косые зубчатые, змеевидные гладкие и веревочные отпечатки — на венчиках выполнены орнаменты 29 вариантов. Из них главные: 1) ряд вертикальных (наклонных) оттисков зубчатого штампа, ниже которого проходят горизонтальные веревочные отпечатки; 2) только веревочные отпечатки; 3) лишь ряд зубчатых оттисков; 4) вертикальные гладкие отпечатки выше горизонтальных веревочных. Вертикальные гладкие и зубчатые оттиски иногда перекрещиваются с веревочными.

Орнаментальный фриз завершается различными узорами, из которых излюбленными были горизонтальные змеевидные или веревочные линии,

---

² Г. М. Буров. Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде. Труды Коми ФАН, № 9. Сыктывкар, 1960, рис. 5, 7, 13.

зубчатый зигзаг и ряд косых или вертикальных зубчатых оттисков. Встречены также: ряды горизонтальных зубчатых (табл. XXVI, 17) или змеевидных, косых веревочных (табл. XXV, 5), змеевидных (табл. XXV, 4) или гладких отпечатков; зигзаги, нанесенные змеевидным штампом (табл. XXV, 11; XXVII, 5); зубчатый зигзаг из вертикальных и косых оттисков. По одному разу отмечены косая зубчатая сетка, ряд зубчатых косых крестов (табл. XXV, 7) и фигуры в виде птичьей лапы, выполненные при помощи зубчатого и змеевидного штампа (табл. XXV, 6, 19).

Анализируя позднелебяжскую керамику висских поселений, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что некоторая, небольшая ее часть, украшенная только ямками и зубчатым орнаментом либо одними ямками, в основном аналогична раннеleбяжской (озъягской) посуде (табл. XXV, 8, 15, 18; XXVI, 10, 11). Это сходство усиливается тем, что отмеченная серия сосудов имеет преимущественно ямки с равными интервалами, чем отличается от большей части посуды из веревочным орнаментом. Возможно, данная серия в основном принадлежит к несколько более раннему времени, чем остальная посуда, но в рамках второй стадии лебяжской культуры.

Второй вопрос, возникающий при выделении позднеleбяжских комплексов — это связь лебяжской керамики с ананьинской. Планиграфические наблюдения показали, что посуда этих двух типов на висских поселениях не составляет единых комплексов. На Висе I в раскопе III найдены обломки семи позднеleбяжских сосудов при отсутствии ананьинских. Аналогичная картина наблюдается в шурфе 30 — А и на юго-западном конце раскопа II (полоса 33), где собраны фрагменты 12 сосудов. А в раскопе I позднеleбяжская керамика залегала двумя скоплениями, соответствующими неолитическим жилищам, в то время как ананьинская керамика встречена и между ними, а над впадиной жилища № 2 зона ее распространения по отношению к нему сильно смещена к северо-западу. На поселении Вис II (раскоп I) скопления черепков обоих типов не совпадают в плане. Наконец на Висе III оказались семь ананьинских венчиков при отсутствии лебяжской посуды.

Сопоставление позднеleбяжской керамики I и II Висских поселений позволяет высказать предположение о более молодом возрасте комплекса из Виса II по отношению к посуде поселения Вис I. Как известно, в раннеleбяжское время «валиков» у сосудов не было. В коллекции из Виса I посуда с «валиками» составляет лишь 5%, а на Висе II — 33%.

С Мыелдинской стоянкой, часть керамики которой близка позднеleбяжской из Синдора, с ней может быть связана часть скребков высокой техники и наконечников стрел с усеченным основанием или имеющих выемку. На Мыелдинской стоянке хорошо представлены скребки с подтесанной спинкой, но в Висе I, где собраны фрагменты 209 позднеleбяжских сосудов, таких скребков всего 24, причем хорошо выраженных лишь два. Это позволяет предполагать, что для типичных позднеleбяжских комплексов скребки с подтесанной спинкой не характерны. Также сравнительно немного на I Висском поселении поздних кремне-

вых наконечников стрел, число которых значительно выше на Висе II, где посуды позднелебяжского типа примерно в шесть раз меньше, чем на поселении Вис I. Видимо, в VIII—VI вв. до н. э. входят в более широкое употребление костяные наконечники стрел,— в связи с дальнейшим распространением металлических орудий,— а может быть, и бронзовые, что приводит к сокращению производства кремневых наконечников.

Собственно ананьинское время в Привычегдье, как и вообще на Севере, начинается не в VIII, а примерно в V в. до н. э., когда произошло передвижение некоторой части населения Прикамья в бассейны Вычегды и Печоры. Наиболее хорошо датированный материал ананьинской культуры в бассейне Вычегды — это тоже керамика, известная в Синдоре по таким памятникам, как Вис I, II и III.

Посуда (рис. 22, 23; табл. XXVII, 1—4; XXXVIII) по форме напоминает позднелебяжскую, но рельефное утолщение по венчику имеет подавляющее большинство сосудов и оно, как правило, представляет собой «воротничок». Иногда с внутренней стороны ему отвечает уступ, и тогда венчик утолщен слабо. Торец обычно уплощен, но встречаются и заостренные венчики — без торца. В тесто значительно чаще (10—24%), чем при изготовлении позднелебяжской керамики, вводили толченые раковины. Сосуды грубее изготовлены, поверхность хуже сглажена, причем в четверти (Вис I) или половине (Вис II) случаев она покрыта зубчатой штриховкой, встречающейся чаще всего изнутри (табл. XXVII, 3; XXVIII, 7, 11). Орнамент вдавлен глубоко, сравнительно бедный, однообразный и размещен не так густо, как на лебяжской посуде; изнутри он бывает лишь изредка.

На ананьинских сосудах также встречаются ямки под венчиком («воротничком»), но далеко не во всех случаях: примерно каждый пятый сосуд ямок не имеет (табл. XXVIII, 3, 6—8, 10). Правда, иногда они заменяются глубокими отпечатками зубчатого или гладкого штампа (табл. XXVII, 3; XXVIII, 9, 14). Размещены ямки, как и на позднелебяжской посуде, преимущественно группами, причем иногда чередуются группы из трех ямок с парами (табл. XXVII, 4). И форма ананьинских ямок иная: они значительно крупнее по диаметру, но очень неглубокие.

Торец ананьинских сосудов чаще всего без орнамента, а встречающийся орнамент — это поперечные, реже продольные отпечатки зубчатого штампа и, в единичных случаях гладкие отпечатки (насечки). Одна часть керамики — без орнамента либо украшена только ямками (табл. XXVII, 4), другая, преобладающая — покрыта узорами из отпечатков тонкой веревочки, отпечатков зубчатого и гладкого штампов. Типы орнамента, встречающегося на венчике («воротничке») немногочисленны. Наиболее характерны: горизонтальные отпечатки строенной веревочки (табл. XXVIII, 6), два ряда косых или горизонтальных отпечатков зубчатого штампа (табл. XXVII, 3; XXVIII, 2, 3, 5, 9, 13—15) и сочетание из веревочной (вверху) и зубчатой (внизу) зон (табл. XXVIII, 10). Четвертое место занимают сосуды без орнамента на венчике, и затем — следующие мотивы: один ряд косых или горизонтальных отпечатков зубчатого штампа (табл. XXVII, 1, 2; XXVIII, 11), ряд гладких отпечатков ниже которого —

отпечатки веревочки; то же самое, но с зубчатыми отрисками (табл. XXVIII, 16), вместо гладких, горизонтальные веревочные отпечатки, окаймленные рядами зубчатых отрисков; один или два ряда гладких углублений (табл. XXVIII, 4).

Плечики ананьинских сосудов украшены аналогичными узорами. Следует отметить только встреченные дважды волнистые отпечатки строенной веревочки, причем в одном случае волнообразная линия дополняется двумя рядами мелких округлых углублений (табл. XXVIII, 12).

Ананьинские комплексы Синдора относятся к северному (верхнекамско-чусовскому, по А. В. Збруевой, или северокамскому, по О. Н. Бадеру) варианту одноименной культуры. Сравнение их по керамике с твердо датированными поселениями этого варианта, Галкинским городищем VI—V вв. до н. э. и Конецгорским селищем IV—III вв. до н. э.³, показывает, что керамика синдорского района ближе к сравнительно богато украшенной посуде Галкинского городища.

Может быть, комплекс Виса II несколько древнее, чем ананьинская керамика I Висского поселения, поскольку сочетает более ярко выраженные ананьинские черты с некоторыми особенностями, заставляющими вспомнить о лебяжской культуре. Так, в Висе II выше процент сосудов из теста, в которое были введены толченые раковины, и со штриховкой изнутри. Но в то же время на этом поселении относительно больше сосудов с орнаментом на торце и внешней поверхности венчика, с рядами косых отрисков или ямками.

Из каменных орудий с ананьинской посудой, вероятно, следует связать два оселка продолговатой четырехгранной формы с отверстием на конце. Они найдены на поселении Вис I (табл. XVIII, 18) и во II торфянике. Такие бруски весьма характерны для ананьинской⁴ и некоторых других культур скифо-сарматского времени. По-видимому, обломком подобного оселка является предмет с Виса I, имеющий на конце отверстие, но овальный в разрезе (табл. XVIII, 17).

Поскольку для гляденовской культуры, которая происходит от ананьинской, характерны кремневые скребки, нет сомнения, что подобные орудия изготовлялись и на ананьинских поселениях Вычегодского края. Неясно только, следует их видеть среди найденных орудий высокой техники или среди массивных скребков с сильно выпуклым рабочим краем и коркой, характерных для гляденовской культуры.

---

³ А. В. Збруева. Галкинское городище. МИА. № 1, 1940; Она же. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 216—260.

⁴ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, табл. XIII, 17—19; А. Х. Халиков. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. «Труды Марийской археологической экспедиции», т. II. Йошкар-Ола. 1962, табл. VIII, 4—6.

В лебяжско-ананьинское время широко применялись бронзовые и, видимо, железные орудия труда. О занятии цветной металлургией особенно ярко свидетельствует склад сломанных металлических изделий на берегу Синдорского озера. При раскопках установлено, что вещи залежали в пределах круга диаметром около 0,6 м вместе с двумя обломками ананьинского сосуда (табл. XXI, 3). В состав склада входили следующие фрагментированные вещи: шестигранный кельт прямоугольной формы (табл. XXI, 18), плоская поделка с ровным отогнутым краем (табл. XXI, 14), бляшка, украшенная рельефной спиралью (табл. XXI, 15), не менее 12 плоских и круглых полированных блях с орнаментом или без него. Бляхи относятся к четырем типам. Изделия II типа полированы лишь с одной (орнаментированной) стороны, а остальные — с обеих.

Шесть блях, выделяемых по форме и данным спектрального анализа (инв. № 2, 2а, 6, 7, 8а, 8б, 9, 9а), кажется без орнамента. Толщина их 0,8—1,5 мм, диаметр измерен у трех экземпляров (5—7 см). У одной из блях прослежен кольцевой желобок, у другой край утолщен (табл. XXI, 16), у третьей — скошен, у четвертой имеется отверстие возле края (табл. XXI, 10).

Следующие три бляхи II типа (инв. № 3—5) имеют орнамент из углубленных линий. Первая из них, значительной толщины (2 мм), украшена концентрическими окружностями, от самой большой из которых отходят полуовальные или полукруглые фестоны (табл. XXI, 4). Линии сравнительно толстые и глубокие, по-видимому, литые. Вторая бляха аналогична первой, но немного тоньше и орнаментирована только концентрическими линиями (табл. XXI, 5). У третьего экземпляра (мелкий фрагмент средней части) — линии нечетки.

Бляха, представляющая III тип, — одна из наиболее крупных (диаметр 8,8 см, толщина 1,5—3 мм). От нее сохранилась большая часть (табл. XXI, 11). Бляха украшена коническим выступом в центре, кольцевым валиком вокруг него и зоной накольчатого орнамента между валиком и краем. В этой зоне пространство, свободное от точек, дает контур многолепестковой розетки.

Одиннадцатая и двенадцатая бляхи (или три-четыре экземпляра; инв. № 10, 10а, 10б, 10в) толщиной всего 0,5—0,8 мм характерны тем, что на них острым предметом выгравированы (довольно небрежно) различные фигуры (табл. XXI, 2, 6, 7, 8). В трех случаях — «лесенка» и в одном — концентрические овалы (?) со штрихом в центре (табл. XXI, 7). Вещи относятся к IV типу.

Бронзовое изделие IV типа обнаружено также на поселении Вис II (табл. XXI, 9). Это очень крупная бляха, имеющая диаметр около 14 см; толщина в центральной части невелика (0,8—0,9 мм), но по краю проходит широкий валик, усиленный узким кольцевым желобком. В центральной части выгравированы три концентрических круга, в самый малый из которых вписана какая-то, видимо, розеткообразная фигура. Бляха имеет близкую параллель в Канинской пещере. Здесь из одной или двух блях,

украшенных аналогичным узором, приготовлены две овальные бляшки с отверстием в центре⁵.

Из описанных предметов датирующими являются кельт и бляшка со спиралью. Первый принадлежит к ананьинскому типу и вполне аналогичен другим ананьинским кельтам по форме. В орнаменте также имеются общие черты: средние грани кельта украшены «усиками» в виде парных параллельных рельефных линий, как у кельтов могильника Релка⁶, который А. В. Збруева датировала V—IV вв. до н. э.⁷, и одного из кельтов Ананьинского могильника VIII—IV вв. до н. э. Правда, синдорский кельт своеобразен тем, что боковые края его средних граней украшены двумя параллельными линиями, а не одной, как у аналогов.

Вторая вещь, судя по всему, представляет собой обломок биспиралевидной бляшки, параллелью которой могут служить украшения из Аю-Зиловского раннеананьинского могильника на средней Волге. Одно из них найдено в погребении, датированном, по А. Х. Халикову, VII—VI вв. до н. э.⁸ Указанные аналогии позволяют относить синдорский склад сложенных металлических изделий к позднелебяжскому или среднеананьинскому времени, т. е. к той эпохе, к которой принадлежат лебяжская и ананьинская керамика Синдора.

Описанные металлические предметы были подвергнуты спектральному анализу (табл. 4). Оказалось, что кельт и бляха с поселения Вис II выплавлены из бронзы, полностью идентичной металлу ножа турбинского типа и прорезного копья⁹. Две бляхи без орнамента, найденные в 1959 г., также бронзовые, но среди примесей отсутствуют сурьма, золото, висмут и кобальт.

Большая часть вещей с берега Синдорского озера изготовлена из сплава олова с медью, причем основой служило олово, а легирующим металлом — медь. Сюда входят бляхи, которые собраны в 1961 г., кроме № 4. Для сплава во всех случаях характерна примесь свинца и мышьяка, а в металле многих предметов обнаружены серебро, никель и висмут, реже кобальт; сурьма отмечена лишь у бляхи с прочерченным орнаментом с озера. По сочетаниям этих элементов выделяются шесть групп вещей.

Оставшиеся три предмета содержат медь в количестве, составляющем лишь десятые доли процента. Это позволяет считать, что медь — не искусственная присадка, а примесь. Две вещи, бляха и плоская поделка — оловянные, а третья, биспиралевидная бляшка, — из сплава олова со свинцом. Олово, кроме меди, включает в небольших количествах такие элементы, как свинец, мышьяк и серебро, сурьму и висмут. В сплаве имеется, кроме того, и цинк.

⁵ В. И. К а н и в е ц. Канинская пещера. М., 1964, рис. 30, 17, 18.

⁶ Ф. Д. Н е ф е д о в. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, про изведенных летом 1893 и 1894 гг. МАВГР, т. III. М., 1899, табл. 10, 4, 5; 14, 2, 6.

⁷ А. В. З б р у е в а. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА. № 30, 1952, стр. 29.

⁸ А. Х. Х а л и к о в. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. табл. XIII, 4; XIV, 4, стр. 64, 65.

⁹ См. гл. IV, стр. 69—121.

Наличие в синдорском комплексе предметов из чистого олова чрезвычайно важно, так как может быть поставлен вопрос о его происхождении. Кроме того, мы получаем какие-то данные и о характере меди: те элементы, которые входят в состав олова, в бронзу и другие сплавы могли быть внесены им, а не медью. А это значит, что при выплавке предметов синдорского склада могла быть использована даже медь без всяких естественных примесей, что, конечно, возможно, только теоретически. Но из приведенных фактов следует важный вывод: поскольку в оловянно-медном сплаве почти во всех случаях отсутствует сурьма, а мышьяк и другие элементы могли быть внесены вместе с оловом, весьма вероятно, что применялась медь, полученная из медистых песчаников.

Итак, в начале железного века Вычегодский край хорошо снабжался оловом, в чистом виде либо в сплаве с медью. Если в древности не были известны месторождения олова в области Урала¹⁰, то одним из вероятных центров, поставлявших олово вычегодским металлургам, мог быть восточный Казахстан, где открыты древние выработки касситерита — основного вида оловянной руды. Эти выработки датируются временем примерно от начала II тысячелетия до н. э. по III в. н. э. В образце касситерита из района выработок (Калбинский хребет) при спектральном анализе, кроме олова, обнаружены никель, свинец и мышьяк. По характеру примесей¹¹ образец отличается от оловянной бляхи только тем, что вместо серебра присутствует никель¹².

Другим возможным центром-поставщиком является Средняя Азия. В Узбекистане, в Зирабулак-Зиаэтинском оловянно-рудном районе, на силикатно-сульфидном месторождении Кермине, касситерит по составу примесей полностью совпадает с оловом, из которого выплавлена плоская поделка¹³. Может быть, и здесь существовали древние выработки.

В комплексе металлических предметов с Синдорского озера выделяется оловянно-свинцовое изделие. На территории Коми АССР это одна из двух вещей ананьинско-гладыновского времени, содержащих цинк (из числа подвергнутых анализу). Приготовление для нее оловянно-свинцового сплава, по-видимому, предполагает использование свинцовой руды с примесью цинка. Не исключено, что уже в позднебеляжско-ананьинское время эпизодически применялись североуральские сульфидные свинцово-цинковые руды типа месторождения Шантым-Прилук на р. Илыч. В спектре этих руд нет ни одного элемента-индикатора, который бы отсутствовал в синдорском сплаве и, наоборот, в сплаве нет примесей, не объяснимых из спектров синдорского олова (плоская поделка) и шантым-прилукской руды¹⁴.

¹⁰ Производительные силы Коми АССР, т. I. М., 1953, стр. 372—374, 403, 404.

¹¹ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 170.

¹² Следы меди здесь во внимание не приняты, так как для плавки олова и бронзы, очевидно, служили одни и те же тигли.

¹³ М. П. Материков, Н. К. Маршукова, А. Б. Павловский. Оловоносность Средней Азии. «Труды Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья», вып. 13 (новая серия). М., 1964, стр. 19.

¹⁴ М. Г. Трущелев. Медно-свинцово-цинковые месторождения на р. Илыч (западный склон Северного Урала). М., 1960, стр. 73—76, рис. 28.

Металлический лом на берегу Синдорского озера был собран с целью переплавки. Доказательства местного литья в ананьинское и лебяжское время имеются на стоянках Вычегодского¹⁵ и Печорского¹⁶ бассейнов. Следы металла, соскобленные с внутренней поверхности тигля из Мыелдина и подвергнутые спектральному анализу, включали в небольших количествах медь и олово, что может свидетельствовать о плавке оловянной бронзы (табл. 5).

По химическому составу синдорским бляхам из сплавов олова и меди почти идентичны уже приведенные в качестве параллелей канинские бляшки с выгравированным орнаментом (правда, проанализирована только одна)¹⁷. От аналогичной бляхи из Виса II они отличаются только отсутствием в спектре следов сурьмы, а от трех блях из склада (с на кольчатый орнаментом и без всяких узоров) — лишь более высоким процентом меди.

Металл синдорских изделий из олова и олова со свинцом находит себе аналогию в Уньинской пещере, среди тонких пластинок, возможно, обломков блях¹⁸. Таких обломков найдено 22, но подвергнуто спектральному анализу только три — оловянный, оловянно-свинцовый и оловянно-свинцово-медный. Первый (№ 67-а) отличается от оловянной поделки с отогнутым краем лишь отсутствием сурьмы, примесь которой не характерна для сплавов синдорского склада. Второй уньинский обломок (№ 72), напротив, разнится от синдорской оловянно-свинцовой бляхи только примесью сурьмы, а третий, кроме того, присадкой меди, также типичной для вещей синдорского комплекса.

Проследив близость сплавов, из которых изготовлены предметы синдорского склада и некоторые вещи Канинской и Уньинской пещер, а также установив сходство самих вещей, мы приходим к выводу об их одновременности и считаем возможным датировать уньинские предметы на оловянной основе не средневековьем, а началом железного века.

ГЛЯДЕНОВСКОЕ ВРЕМЯ

Этап II в. до н. э. — III в. н. э. в районе Синдорского озера представлен на поселениях Вис I и II, а также небольшим количеством обломков посуды, на стоянке Симва II.

На I Висском поселении гляденовская керамика встречена главным образом на площади неолитического жилища № 1, над его юго-восточной половиной (рис. 20, II). Здесь залежали, в частности, развалившиеся крупные части пяти сосудов (пять скоплений черепков) и большой кусок плака.

При выделении гляденовских сосудов брались только орнаментированные крупные и средние обломки (от верхней части сосуда). Всего насчитывается 107 сосудов с резным и ямчатым орнаментом — I типа

¹⁵ Г. М. Буров. Вычегодский край, стр. 97, 98, 117.

¹⁶ В. И. Канивец. Канинская пещера, стр. 66.

¹⁷ Там же, табл. 3, № 16.

¹⁸ В. И. Канивец. Первые результаты раскопок в Уньинской пещере. МАЕСВ. вып. I. Сыктывкар, 1962, стр. 119, приложение 1.

(табл. XXIX, 1—4, 6—8; XXX, 4—6, 8, 11, 13). Сосуды имеют отогнутый венчик, в одном случае очень сильно и резко (табл. XXX, 4). Торец уплощен, но не без бортика. Большая часть сосудов украшена «воротничком» ананьинского типа (табл. XXIX, 1, 4, 7; XXX, 4, 13). В глиняное тесто вводились дробленые кварц и слюда, несколько реже — толченые раковины. Поверхность сглажена, иногда почти залощена, а у трех сосудов изнутри она имеет штриховку зубчатым штампом, как у ананьинской керамики.

Для всей посуды характерно отсутствие орнамента на торце и его относительное единообразие. Основные элементы орнамента — резные углубления, отпечатки тонкой веревочки правого витья и тонкие каннелюры или уступчики. Резной орнамент — это преимущественно ряды косых удлинённых углублений, немного реже — горизонтальных. Отмечены сложный зигзаг (каждое звено которого состоит из нескольких последовательных нарезок: табл. XXIX, 6) и простой (табл. XX, 11), а также, по разу, парные и тройные углубления. Нарезки сделаны под углом к поверхности. Веревочка в большинстве случаев тройная и лишь изредка вдвоенная. Кроме того, несколько сосудов украшено рядами мелких ямочек или дугообразных вдавлений («арочек»; табл. XX, 6). Четыре имеют большие круглые ямки на венчике (табл. XXIX, 4), а один — кружковые оттиски (табл. XXX, 5).

По характеру орнаментации сосуды делятся на три группы и могут быть отнесены к трем подтипам, из которых два уже были выделены нами. Сосуды первого подтипа (26) украшены ямчато-резным и веревочным орнаментом, второго (61) — только ямчато-резным, а третьего — ямчато-резным и тонкими каннелюрами или уступчиками (20).

На сосудах первого подтипа с поселения Вис I (табл. XXX, 4, 5, 13) орнамент обычно делится на два пояса, из которых один на венчике, а другой — на плечиках. Первый состоит из отпечатка веревочек и окаймляющих его двух рядов резных или ямчатых углублений, второй — из двух веревочных и трех ямчато-резных зон. Для первого подтипа характерны также следующие особенности: основная часть посуды изготовлена из глины с раковинами; лишь два сосуда украшены горизонтальными углублениями; на экземпляре этого подтипа имеются кружковые оттиски.

Керамика второго подтипа (табл. XXIX, 3, 4, 6—8; XXX, 6, 11) выделяется еще тем, что большая часть ее вылеплена из теста с неорганической примесью; горизонтальные резные углубления почти столь же часты, как и косые; ни разу не встречен простой зигзаг, но в четырех случаях отмечался сложный; именно на этой посуде обнаружены крупные ямки, группы нарезок и «арочки».

В третий подтип вошли сосуды, у которых преимущественно нет «воротничка». Каннелюры и уступчики на этой керамике занимают то место в системе орнаментации, которое на посуде первого подтипа отведено для отпечатков веревочки (табл. XXIX, 1, 2, XXX, 8). Этот рельефный и веревочный орнамент исключают друг друга как равнозначные.

Все особенности описанной посуды I Висского поселения позволяют датировать ее раннегладеновским временем. Это профилировка венчика,

который отогнут и чаще всего с «воротничком», деление орнамента у сосудов первого подтипа на два пояска; относительное единообразие в приемах орнаментации; отсутствие узоров на торце. Правда, в комплексе сравнительно невысокий процент составляют сосуды первого подтипа, но следует иметь в виду, что третий подтип может рассматриваться как вариант первого. В сумме керамика этих подтипов составляет значительную цифру (46 из 107 сосудов).

В бассейне Вычегды гляденовскому комплексу Виса I аналогична посуда поселений Озъяг II, Иб и Чудинты I. Интересно, что на сосуде из Чудинты I также встречены резные фигуры в виде арочек¹⁹. В Печорском Приуралье ближайшими параллелями рассмотренному комплексу служат поселения Пидж II, V, VII и IX²⁰, причем на V Пиджском поселении представлен сосуд с уступчиками — третьего подтипа. В Верхнем Прикамье аналогом является Скородумское селище.

Совсем другой характер носит гляденовская керамика на поселении Вис II. Она собрана в небольшом количестве при раскопках на останце, но главным образом — при исследовании торфяника, в его самом нижнем горизонте. Из найденных там 72 сосудов $\frac{1}{8}$ вполне аналогична керамике Виса I. Шесть сосудов могут быть отнесены к первому, два — ко второму и один — к третьему подтипу I гляденовского типа. Остальные 63 экземпляра, второго подтипа, составляют особый комплекс (рис. 23, 4; табл. XXX, 1—3, 7, 9, 10, 12, 15, 16), значительно отличающийся от раннегляденовской посуды I Висского поселения.

У этих сосудов венчик не отогнут, а торец часто имеет отходящий наружу бортик. «Воротничка» нет. По профилировке верхней части керамика аналогична ванвиздинской посуде. Наблюдается параллель и в трактовке торца, который во всех случаях (57 обломков венчиков) орнаментирован: чаще всего пальцевыми вдавлениями, немного реже — косой насечкой (табл. XXX, 1, 3, 7, 15, 16) и в одном случае — двумя рядами насечек, расположенных елочкой. Резко увеличился процент сосудов, украшенных горизонтальными резными углублениями и простыми зигзагами; число тех и других, взятых в отдельности, примерно равно количеству сосудов с рядами косых нарезок. Но особенно заметно вырос процент сосудов с парными резными углублениями, которые сами составляют орнамент либо выступают как один из его элементов (табл. XXX, 1, 9, 10, 12). Этот узор господствует на гляденовской посуде из торфяника. «Арочки» или кружки не встречены ни разу. Зато появились новые узоры: прямоугольные фигуры из двух-трех рядов горизонтальных углублений (три случая; табл. XXX, 15, 16), волнистая линия из нарезок и зубчатый зигзаг (отмечены по разу; табл. XXX, 10). У четырех сосудов внешняя поверхность покрыта беспорядочной штриховкой (табл. XXX, 2, 9).

¹⁹ Г. М. Буров. Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде. рис. 8, 1.

²⁰ В. И. Каневец и В. Е. Лузгин. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. МАЕСВ, вып. I. Сыктывкар, 1963, рис. 46, 1, 2, 4, 6; 48; 49, 7, 8; 50; В. И. Каневец. Древние поселения Южно-Печорской равнины. МАЕСВ, вып. III. Сыктывкар, 1965, рис. 7, 16, 17; 9.

По компоновке узоров посуда делится на несколько групп. Основную ее массу составляют керамика, украшенная рядами углублений, часто с расположенными ниже двойными или тройными нарезками либо зигзагами (табл. XXX, 1, 7, 12), и керамика с парными резными углублениями. Реже встречаются сосуды с простыми зигзагами (табл. XXX, 2, 3) или с орнаментом, в состав которого входят прямоугольные фигуры, ряды нарезок и сложный зигзаг (табл. XXX, 15, 16). Остальные узорные комбинации (их насчитывается шесть) представлены одиночными сосудами.

В завершение характеристики основного комплекса торфяниковой керамики I гляденовского типа отметим, что здесь немного преобладают сосуды из теста, в которые вводились толченые раковины. На одном экземпляре изнутри отмечено полосчатое сглаживание зубчатым штампом.

Рассматривая гляденовский керамический комплекс II Висского торфяника, следует иметь в виду, что некоторые включенные в него сосуды отделены от ванвиздинских условно, хотя и по вполне конкретным особенностям. Так, керамика, украшенная только парными резными углублениями (не считая ямок под венчиком), отнесена к гляденовской, а сосуды с прочими парными углублениями, выполненными торцом палочки или лопаточкой, — к ванвиздинской. Основанием для такого разделения служит то, что резные узоры гораздо более характерны для гляденовской культуры, чем для ванвиздинской, причем орнамент из парных нарезок отмечен на сосудах поселений Пожегдин II²¹ и Помоздино. Что же касается посуды с парными углублениями, сделанными палочкой или лопаточкой, то эта посуда, вылепленная преимущественно из глины с примесью кварца и слюды, нередко с зубчатым орнаментом на торце и очень часто с ямками под венчиком, может быть условно определена как ванвиздинская. Необходимо также учитывать, что в гляденовский комплекс, возможно, входят некоторые сосуды, украшенные по венчику прямыми, а по плечикам — волнистыми и подковообразными отрисками толстой веревочки, без ямок ниже венчика: такая керамика, известная как гляденовская II типа (группы) на поселениях Ягкодзты, Дон, Помоздино и других, весьма характерна для ранней стадии ванвиздинской культуры²² и условно включена в ее комплекс.

На суходоле II Висского поселения обнаружены черепки 12 сосудов, из которых семь (из северо-восточного угла раскопа I) аналогичны керамике Виса I, а остальные (из средней части раскопа и шурфа № 7) — основной массе гляденовской посуды торфяника. Среди первых — пять первого подтипа, один второго и один третьего (табл. XXIX, 5), среди вторых — четыре второго и один первого. Он украшен чередующимися зонами резного и веревочного орнамента (табл. XXX, 17). К этой керамике близки два сосуда первого подтипа со стоянки Симва II (табл. XXX, 14).

Основная часть гляденовской посуды II Висского торфяника датируется относительно поздним временем. Об этом свидетельствуют все те чер-

²¹ Г. М. Буров. Археологическая разведка 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища. МАЕСВ, вып. III. Сыктывкар. 1965, рис. 8, 1; 9, 1.

²² Г. М. Буров. Вычегодский край, стр. 118—132, 139—143.

ты, которыми эта часть отличается от сосудов I Висского поселения. В бассейне Вычегоды параллели описанному комплексу имеются на поселениях Ягкодж II и Пожегдин II, в Печорском Приуралье — на стоянках Палью V²³, Пидж I и IV, а также в Уньинской пещере, в Верхнем Прикамье — на Турбинском селище, Усть-Сылвинском городище и Гляденовском костыше.

На поселении Вис I собрано 452 массивных кремневых скребка грубой выделки, часто с остатками корки и в большинстве случаев с сильно выпуклым рабочим краем (табл. 6). Такие скребки могут быть связаны с гляденовской керамикой, что отмечалось в 1964 г. О. Н. Бадером²⁴ и в 1965 г. В. И. Канивцом²⁵. Прежде эти авторы были склонны относить подобные скребки к более раннему времени²⁶. Мы, основываясь главным образом на вычегодских материалах, отстаиваем принадлежность массивных скребков с сильно выпуклым рабочим краем к гляденовским комплексам начиная с 1959 г.²⁷ Учитывая, что на поселении имеется в небольшом количестве ванвиздинская керамика, некоторую часть грубых скребков, особенно со слабо выпуклым рабочим краем, следует датировать послегляденовским временем.

О том, что типологическое расчленение скребков на грубые и высокой техники не произвольно, а соответствует действительности, говорит не только сопоставление их с кремневым инвентарем вычегодских и других поселений чистого комплекса, но и стратиграфия. Подсчеты показывают, что грубые массивные скребки с сильно выпуклым рабочим краем, которые следует называть скребками гляденовского типа, резко преобладают в пласте 0—0,1 м, а орудия высокой техники — в более глубоких горизонтах.

В районе Синдорского озера не найдено ни одного изделия из цветного металла, которое бы датировалось гляденовским временем. Одна из таких вещей, бронзовая полированная бляха, найдена на поселении Ягкоджты (верхняя Вычегода)²⁸. Помимо косвенных аналогов, с одним центральным отверстием²⁹, она имеет и прямой, с двумя отверстиями по краям³⁰. Металл содержит более 10% олова и естественные примеси: свинца, цинка, мышьяка, никеля, висмута и кобальта (табл. 4). Наличие цинка отличает данный сплав от бронзы ананьинско-гляденовского времени (из синдорского склада и Канинской пещеры) и сближает со сплавами ванвиздин-

²³ В. Е. Лузгин. Археологическая разведка в бассейне Илыча в 1963 г. МАЕСВ, вып. III. Сыктывкар, 1965, рис. 17, 1—4; 18, 1—4; 19; 20.

²⁴ О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964, стр. 20—26.

²⁵ В. И. Канивец. Древние поселения Южно-Печорской равнины, стр. 99.

²⁶ О. Н. Бадер. Новые раскопки Турбинского I могильника. ОКВЭИА, вып. I (1959). М., 1960, стр. 69—71; В. И. Канивец и В. Е. Лузгин. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине, стр. 80.

²⁷ Г. М. Буров. Из результатов археологической разведки 1957 г. на верхней Вычегоде. ИФС, вып. 5. Сыктывкар, 1960, стр. 104—118; Он же. Вычегодский край в каменном, бронзовом и раннем железном веке. Сыктывкар, 1963, стр. 13. Автореф. канд. дисс.

²⁸ Г. М. Буров. Памятка краеведа-археолога. Сыктывкар, 1960, рис. 9, 3.

²⁹ Г. М. Буров. Вычегодский край, стр. 129.

³⁰ В. И. Канивец. Канинская пещера, рис. 34, 14.

Соотношение грубых массивных скребков из кремня на поселениях близ устья Симвы

Скрепки	Вис I	Вис II (останец)	Вис II (торфчаник)	Вис II (в целом)	Вис III	Симва II	Симва I
С одним слабо выпуклым рабочим краем	142	273	77	350	62	5	3
С двумя смежными рабочими краями	—	22	6	28	—	—	—
С двумя рабочими краями, расположенными друг против друга	—	9	4	13	2	—	—
Подчетырехугольные с тремя рабочими краями	4	13	1	14	—	—	—
Квадратные с четырьмя рабочими краями	—	2	—	2	—	—	—
Всего со слабо выпуклыми рабочими краями	146	319	90	409	64	5	3
С одним сильно выпуклым рабочим краем	306	105	38	143	31	3	1

ской культуры, от которых он разнится отсутствием таких характерных элементов, как сурьма, серебро и золото.

О местном бронзовом литье в гляденовское время свидетельствуют толстостенные тигли вычегодских памятников и, возможно, поселения Вис I, на котором найдены четыре обломка, а также глиняная матрица для литья овальной рифленной (?) подвески с Помоздинского поселения. Следы металла на внутренней поверхности тигля с раннегляденовского поселения Озъяг II, содержат некоторое количество меди и олова (табл. 5). Свинца или цинк не отмечаются, что говорит о плавке оловянной бронзы.

На поселении Вис I собрано 18 фрагментов тиглей для варки железа и девять кусков железного шлака, из которых один сохранил форму сосуда-тигля диаметром не менее 15 см. Найдены также несколько вещей из железа, которые скорее всего входят в гляденовский комплекс, но могут относиться и к ванвиздинскому. Это узкий, но длинный нож без уступчика от клинка к черенку со стороны горбатой спинки, обломок крупного широкого ножа и большой наконечник стрелы с приближенно-ромбовидным пером. Целый нож близок ванвиздинскому ножу IV типа из Виса II и орудиям Гляденовского костыща³¹. Такие ножи имеют некоторое сходство с найденными в ананьинских могильниках³²: в обоих случаях нет уступчика и спинка выпуклая.

³¹ Собрание музея при кабинете археологии Пермского университета.

³² А. Х. Халиков. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа, табл. VII.

Таблица 7
Данные спектрального полуколичественного анализа железных изделий и шлаков из Вычегодского края

Номер пробы	Поселение	Предмет	Fe	Zn	Sn	As	Cu	Ni	Co
1	Вис I	Наконечник стрелы	+ n	—	—	—	0,00n	0,00n	—
2	То же	Нож (фрагмент)	+ n	—	—	—	0,00n	0,00n	0,00n
3	Вис II	Дужка	+ n	0,0n	0,00n	—	0,0i	0,n	0,0n
4	То же	Обломок рубящего орудия	+ n	—	—	—	0,00n	—	—
5	»	Нож № 34	+ n	—	—	—	0,00n	0,00n	—
6	»	Нож № 35	+ n	с.л.	0,00n	—	0,00n	0,00n	—
7	»	Нож № 36	+ n	0,0i	0,00n	—	0,00n	0,0n	0,00n
8	»	Нож № 104	+ n	0,00n	0,00n	—	0,00n	0,0i	0,00n
9	»	Нож № 105	+ n	—	0,00n	—	0,00n	0,0n	0,00n
10	»	Нож № 103	+ n	—	—	—	0,00i	0,00n	0,00n
11	»	Нож № 187	+ n	—	—	—	0,0n	0,0i	0,00n
12	»	Нож № 188	+ n	—	—	—	0,00i	0,0i	0,00i
13	Ягкоджаты	Шило	>10%	—	—	—	0,05—0,1	0,001—0,005	0,001—0,005
14	Озьяг III	Нож № 71	+ n	—	—	0,00n	0,0i	0,00i	—
15	То же	Нож № 72	+ n	—	—	0,00i	0,0i	0,n	0,00n
16	Кузьвомын	Скоба	>10%	—	—	—	0,01—0,05	0,01—0,05	0,01—0,05
17	Чудинты II (раскоп III)	Скреповидное орудие	>10%	—	—	—	0,001—0,005	0,001—0,005	0,001—0,005
18	Вис I	Шлак	n	—	—	0,00i	0,00n	0,0i	—
19	Вис II	»	n	—	0,00n	0,00i	0,0i	0,n	0,00n
20	Озьяг II	»	n	—	—	0,00i	0,0i	0,00i	—
21	Озьяг III	»	n	—	0,0i	0,00i	0,0i	0,0n	0,0n
22	Кузьвомын	»	>10%	—	—	—	0,01—0,5	1,001—0,005	—

Примечание. Анализ выполнен Т. И. Ивановой (№№ 1—12, 14, 15, 18—21) и Г. Е. Юшковой (№№ 13, 16, 17, 22) в Институте геологии Коми ФАН.

Наконечник стрелы своеобразен тем, что его перо имеет сегментовидное сечение и представляет собой как бы два неравных равнобедренных треугольника, совмещенных основаниями. Большая длина — у задней части пера, которая ближе к черешку получает в разрезе форму прямоугольника (табл. XXXIII, 15).

Железные предметы с поселений Ягкоджты, Озъяг III и Вис I также подвергнуты спектральному анализу (табл. 7). Оказалось, что из элементов, которые следует учитывать при сопоставлениях, в металле содержатся медь, никель (кроме одного образца) и, не во всех случаях, кобальт. Кроме того, в железе ножей со стоянки из Озъяга III отмечаются следы мышьяка. Аналогичный химический состав имели куски железного шлака из Виса I и Озъяга II, вероятно, относящиеся к раннегляденовскому времени (следы меди, никеля и мышьяка). От этих кусков отличается шлак позднегляденовского поселения Озъяг III, содержащий примесь олова, которое типично для ванвиздинских железных предметов³³. В основном для гляденовского времени характерно железо из руды с малым количеством естественных примесей.

Можно думать, что варка железа производилась из легко доступных болотных и дерновых руд, представленных пористыми и песчанистыми бурыми железняками, которые залегают в полуболотных впадинах линзами и пластами мощностью 0,05—0,7 м. Эти руды распространены преимущественно в поймах рек Сысольского бассейна, залегают на поверхности или под торфяником³⁴. На базе болотно-дерновых руд работали основанные в середине XVIII в. Нювчимский, Кажимский и Нючпасский металлургические заводы, причем добыча болотных руд производилась зимой, когда к ним был хороший доступ³⁵.

ВАНВИЗДИНСКИЕ ПЛЕМЕНА. ОСОБЕННОСТИ ЖИЛИЩ И КЕРАМИКИ

Следы обитания ванвиздинского населения прослеживаются на поселениях Вис II, Вис I и III, Симва II, Синдорское озеро VI и Симва I. Основная масса материала собрана на первом из них и делится на две коллекции — с суходола и из торфяника. Первая коллекция связана с ванвиздинскими жилищами.

Жилища ванвиздинской культуры относились к наземному типу и почти не были углублены в землю (культурный слой предшествующих эпох). Их контуры определяются по очертаниям зольного слоя, который представляет собой два очень больших пятна (рис. 9, I—III; 23).

³³ См. выше, стр. 136.

³⁴ Производительные силы Коми АССР, т. I. М., 1953, стр. 416, 417.

³⁵ Л. Н. Жеребцов. К изучению культуры и быта горнозаводского населения Коми края (вторая половина XIX — начала XX вв.). ИФС, вып. 7. Сыктывкар, 1962, стр. 121.

Мощность южного пятна увеличивалась от краев к центральной части до 0,3 м. В плане оно имело вытянутую прямоугольную форму при длине 11 м и ширине 4—5 м. Ориентация — северо-восток — юго-запад.

От северного конца пятна тянулась зольная полоса шириной около 1,4 м и мощностью не более 0,1 м, связывавшая его с северным пятном, которое представляло собой прямоугольный треугольник, ориентированный катетами на юг и восток. Длина восточного и южного края составляла примерно по 10 м; максимальная мощность — 0,2—0,25 м — приходилась на центр, площадью около 6 м². Южная часть восточного края сильно выступала, и здесь прослеживалось утолщение зольного слоя, так что на площади около 2 м² его мощность превышала 0,1 м. Отсюда и начиналась полоса, шедшая к южному пятну.

Вряд ли приходится сомневаться, что южное пятно соответствует длинному прямоугольному помещению площадью около 50 м², ориентированному с северо-востока на юго-запад (№ 1). Жилище существовало продолжительное время, его очаги находились в различных местах и часто переносились с одного места на другое, в результате чего образовался зольный слой, в основном дающий очертания постройки. Зольная полоса позволяет предполагать, что вход в жилище был с северо-востока.

Треугольные очертания северного пятна, видимо, свидетельствуют не об аналогичных контурах второго жилища (№ 2), а лишь о том, что последнее было по форме близким к квадрату, но очаги располагались лишь в его юго-восточной части. Жилище было ориентировано стенами по сторонам света. В южной части восточной стены, вероятно, был пристроен тамбур-коридор с дверью, выходившей к югу.

Зольная полоса между двумя пятнами была натоптана обитателями жилищ. Возможно, между помещениями существовал и крытый переход, как между жилищами турбинской культуры.

Западный и северный углы, где слой уже почти выклинивается, не вскрыты. Поэтому не исключено, что к западу и северу имеются следы других вавиздинских построек.

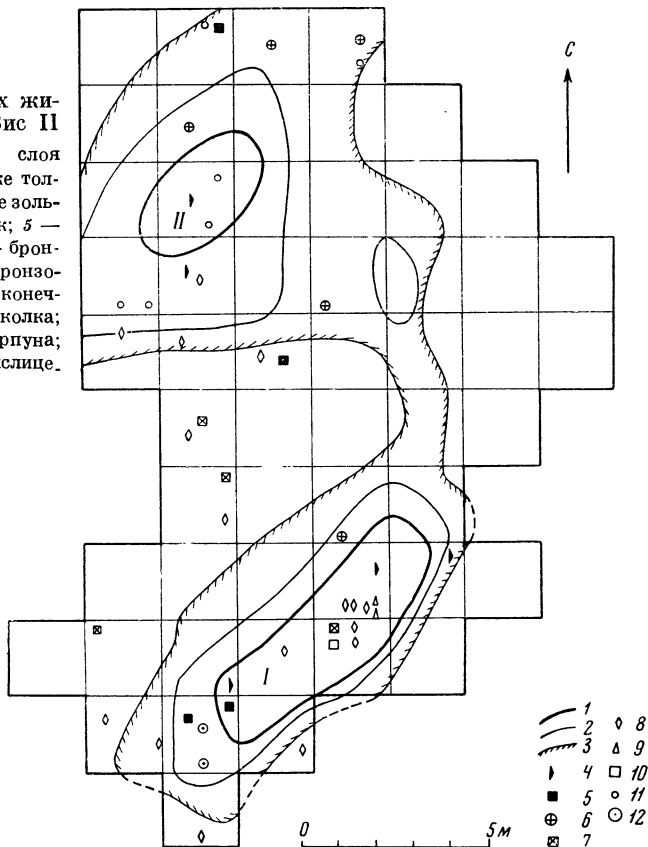
Исследованные жилища различаются между собой по характеру найденного инвентаря, хотя в обоих из них обнаружена масса керамики. В помещении № 1 были сосредоточены в основном орудия труда, а в жилище № 2 — главным образом украшения. В жилище № 1 и возле него найдено 11 костяных наконечников стрел и наконечник гарпуна, две костяные проколки, три железных ножа, бронзовый слиток, неудачно отлитая фигурка ящера, удильный крючок и два пряслица; в кв. 20 — А₁—Б₁ отмечено скопление (склад?) костяных изделий; из украшений оказалась только одна подвеска-серьга. Во втором же помещении и у его края залегало четыре бронзовых украшения, щипчики, которые, возможно, служили для выпивания волос, и шесть стеклянных бусин; из орудий труда собраны лишь пять костяных наконечников стрел и два железных ножа.

Весьма вероятно, что обнаруженные помещения представляли собой две камеры одного сооружения: жилище № 1 — мужская половина, а жилище № 2 — женская. Двухкамерное помещение с мужской и женской частью исследовано О. Н. Бадером на гаринском поселении Бор I в Чусов-

Рис. 23. План ванвиздинских жилищ (I, II) на поселении Вис II

1 — контур участка зольного слоя мощностью более 0,2 м; 2 — то же толщиной 0,1—0,2 м; 3 — очертание зольного слоя; 4 — железный нож; 5 — прочие железные предметы; 6 — бронзовое украшение; 7 — прочие бронзовые предметы; 8 — костяной наконечник стрелы; 9 — костяная проколка; 10 — костяной наконечник гарпуна; 11 — стеклянная бусина; 12 — пряслице.

ском Прикамье. В женской половине, в отличие от мужской, было сравнительно мало орудий, особенно стрел, но много сосудов ³⁶.

Жилые сооружения ванвиздинской культуры до настоящего времени выявлены только в Синдоре. Синхронные жилища (IV—V вв.) не известны ни в Верхнем Прикамье, ни в Нижнем Приобье. Не изучены также жилища переходного и фоминского этапов верхнеобской культуры, близкой по керамике ванвиздинским памятникам. Поэтому имеется возможность сопоставить висские помещения лишь с позднеломоватовскими, гляденовскими и одинцовскими жилищами. Последние ³⁷ представляют собой небольшие землянки и мало похожи на ванвиздинские наземные сооружения. Гораздо интереснее сравнение ванвиздинских жилищ с верхнекамскими. Для позднего этапа ломоватовской культуры, как и для ванвиздинской,

³⁶ О. Н. Бадер. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, № 99, 1961, стр. 50—53.

³⁷ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка МИА, № 48, 1956, стр. 114.

характерны крупные наземные прямоугольные постройки площадью около 80 м² (Зародятское селище)³⁸.

Подобные же, но более крупные жилища бытовали в Верхнем Прикамье в гляденовскую эпоху. Такое помещение площадью около 100 м² исследовано на Скородумском селище. Интересно, что оно, как и висское жилище № 1, очень удлиненных пропорций (длина 16 м, ширина — 6—7 м)³⁹.

Зольные пятна Виса II можно сравнить с сажисто-углистым слоем на верхневыхегодском гляденовском поселении Пожегдин II, очертания которого приблизительно оконтурены⁴⁰. Чем объяснить образование здесь сплошного интенсивно окрашенного слоя, насыщенного культурными остатками и имеющего ограниченную площадь (160—190 м²), если не существованием жилого сооружения? Оно было довольно крупным, превышало по размерам скородумскую постройку, но значительно уступало более древнему ананьинскому жилищу на Конецгорском селище (это последнее имело длину свыше 40 м при ширине 6—7 м)⁴¹. Жилище Пожегдина II представляется прямоугольным помещением длиной около 17 м и шириной около 10 м, ориентированным с северо-запада на юго-восток, с тамбуром-коридором у юго-западной стены.

Ванвиздинская коллекция с останца включает тысячи обломков керамики. Только по тем крупным и средним фрагментам шеек, у которых полностью прослеживается орнаментальный пояс, выделено 1376 сосудов. Еще тысяча сосудов представлена обломками венчиков и плечиков. В действительности, учитывая, что каждый черепок чаще всего соответствует отдельному сосуду, в нашем распоряжении имеются фрагменты нескольких тысяч сосудов. При дальнейшем статистическом описании коллекции во внимание приняты только упомянутые 1376 сосудов.

Развивая данную нами ранее классификацию ванвиздинской глиняной посуды, мы выделяем новую ее форму, которая прежде была представлена лишь одним миниатюрным сосудом из Кузьвомына. Речь идет о весьма немногочисленных чашах, которые даже в такой богатой коллекции, как с останца Большой Кытчесмыльк, составляют всего 7 экз. Они вылеплены из глины с добавлением толченых кварца и слюды (дресвы). Сосуды преимущественно без орнамента и ни разу не украшены ямками. По форме чаши делятся на две группы: низкие, в виде мисок, и высокие. Как и среди остальной ванвиздинской посуды, среди чаш имеются крупные экземпляры (толщина стенок более 0,5 см, диаметр свыше 15 см) и небольшие (толщина стенок 0,3—0,5 см, диаметр венчика — в пределах 5—15 см). Крупные чаши первой группы представлены одним сосудом без всякого орнамента, небольшие — двумя экземплярами, из которых один украшен по венчику (снаружи) и торцу одним рядом оттисков зубчатого штампа.

³⁸ О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958. стр. 157.

³⁹ Там же, стр. 115.

⁴⁰ Г. М. Буров. Археологическая разведка 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища, стр. 147—149.

⁴¹ А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, стр. 219—225.

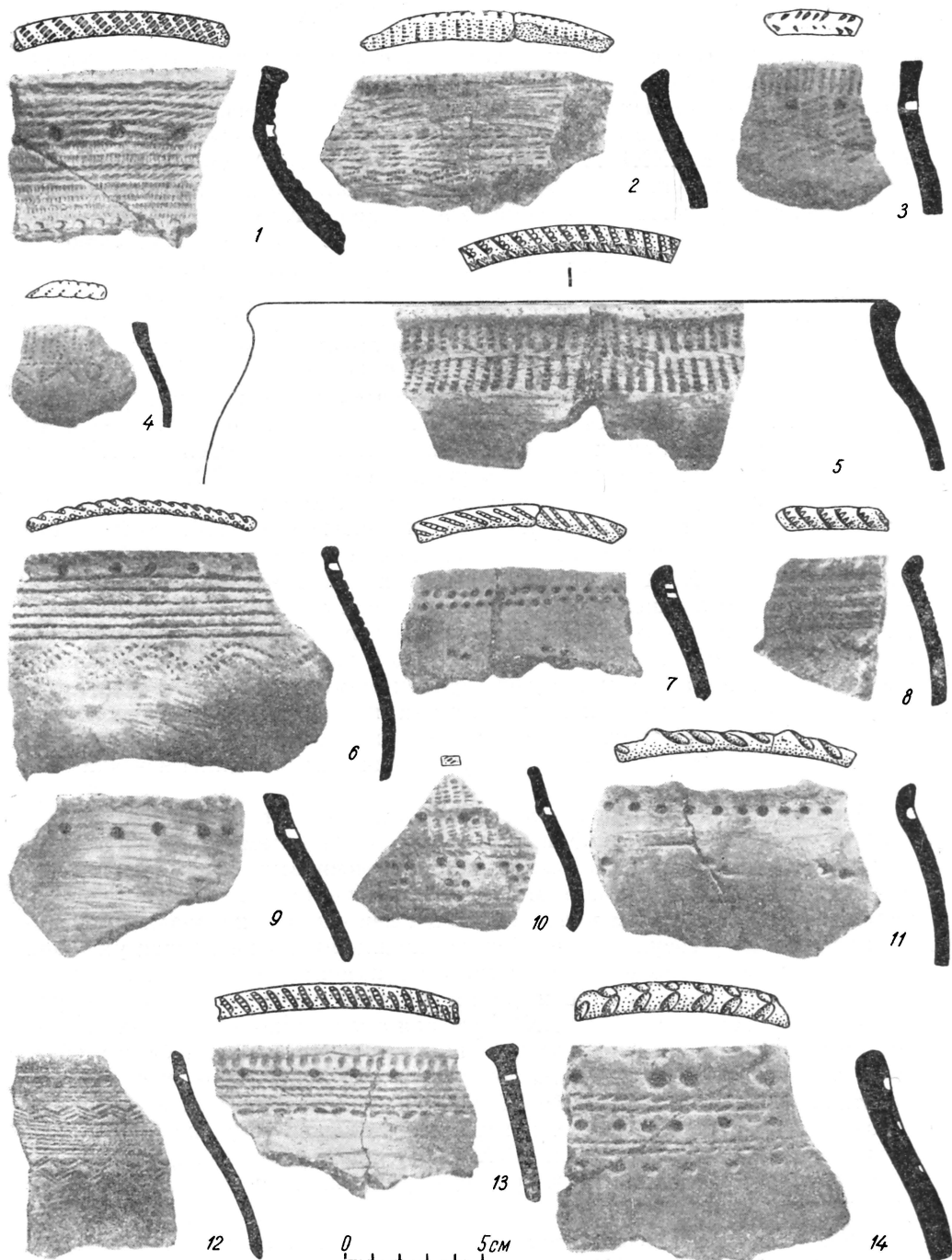

Рис. 24. Керамика ванвиздинской культуры с поселения Вис II
1, 6—12, 14 — торфяник

Крупных чаш второй группы две: неорнаментированная (табл. XXXI, 5) и украшенная по торцу и венчику парными рядами оттисков зубчатого штампа, расположенных елочкой, мелких — две без орнамента.

Остальные сосуды с останца (рис. 22, 2, 5, 8, 9, 12—14, 16, 17, 20, 21; 24, 2—5, 13; табл. XXXI, 7, 8, 11, 12; XXXII, 6, 13, 18) имеют более или менее выраженные плечики. Встречаются экземпляры, у которых заметного перехода от венчика к плечикам нет (табл. XXXI, 12) и, наоборот, с почти цилиндрическим венчиком (табл. XXXI, 8), но типичной является форма, у которой переход от венчика к плечикам лишь намечен. Иногда сосуды имеют острое ребро (табл. XXXI, 13). Торец преимущественно уплощен (реже закруглен) и скошен внутрь, но часто совпадает с горизонтальной плоскостью. У одного сосуда сильно утолщен венчик (табл. XXXII, 13).

По составу керамической массы выделяются три основных группы посуды: 1) из теста с примесью дресвы (слюдистого кварца?); 2) из глины с добавлением дробленых раковин (рис. 22, 2, 9, 24; табл. XXXII, 6); 3) из теста, включавшего и ту и другую примесь (табл. XXXI, 7) ⁴². Количественно резко преобладает первая группа, однако в разной степени у сосудов крупных и небольших, которых насчитывается 134. Если среди первых посуда из глины с примесью раковин составляет всего 13,7, то среди вторых (табл. XXXI, 7, 11; XXXII, 6) она достигает 35,8%. Это, видимо, объясняется лучшей способностью раковины раздробляться на мельчайшие кусочки, необходимые для изготовления небольших тонкостенных сосудов. Осколки раковин сохранились в керамической массе различных черепков по-разному: в одних случаях осколки сохранены полностью (керамика из зольного слоя), в других они имеются лишь частично, в той или иной мере уже выщелочены (там, где были обломки, остались только мелкие ячейки и поры), в третьем случае толченые раковины исчезли полностью.

Поверхность сосудов изнутри сглажена, а снаружи в большинстве случаев покрыта беспорядочной штриховкой (за пределами орнаментальной зоны). Почти все сосуды с выраженными плечиками орнаментированы, причем подавляющее большинство украшено по торцу и снаружи. Встречается керамика с одним рядом ямок под венчиком и неорнаментированным торцом, но у сосудов, более богато украшенных извне, торец украшен во всех случаях. Отмечены экземпляры с орнаментом только на торце.

Торец чаще всего украшен двумя рядами насечек, расположенных елочкой (378 сосудов; табл. XXXI, 8) ⁴³ или аналогично размещенными оттисками зубчатого штампа средней ширины с прямыми зубцами (355; табл. XXXI, 12). Встречаются также: один ряд поперечных зубчатых отпечатков (234; табл. XXXI, 7; XXXII, 6), пальцево-ногтевые вдавления (125), два ряда параллельных поперечных оттисков (65; рис. 22, 1), ряд поперечных насечек (36; табл. XXXII, 13), два ряда таких насечек, расположенных параллельно (16), три ряда зубчатых оттисков, размещенных

⁴² В единичных случаях отмечены толченый полевой шпат и дробленый сланец.

⁴³ Такой орнамент, видимо, часто наносился двузубым штампом, но выделить сосуды с его оттисками трудно.

елочкой (два) и один ряд продольных отпечатков (один; табл. XXXII, 5). У 98 сосудов торец орнамента лишен. Пальцево-ногтевой орнамент наиболее часто встречается у керамики, украшенной одними ямками.

У небольших сосудов соотношение орнаментов на торце отличается от того, которое характерно для крупных и всей посуды в целом: экземпляров с двумя рядами зубчатых оттисков, размещенных в елочку, меньше, чем тех, которые орнаментированы одним рядом, а сосудов с двумя рядами оттисков, расположенных параллельно друг другу, гораздо больше, чем сосудов с пальцево-ногтевым орнаментом. По-видимому, это своеобразие обусловлено небольшой шириной торца у тонкостенной посуды.

Узоры, встречаемые на внешней поверхности сосудов, не спускаются ниже плечиков. Они состоят из следующих элементов, перечисляемых в порядке их значимости: 1) ямки; 2) оттиски зубчатого штампа; 3) отпечатки простых веревочек — обычно тройные; 4) оттиски своеобразного двузубого, вилчатого штампа (рис. 22, 16; табл. XXXII, 13), чаще всего с зубчиками, удаленными друг от друга и имеющими клиновидную, круглую или квадратную форму; 5) отпечатки гладкого штампа (включая резной орнамент; табл. XXXI, 8); 6) кружковые оттиски (рис. 22, 1); 7) неглубокие ямочки круглой и неправильной формы (табл. XXXI, 9; XXXII, 25); 8) отпечатки вилчатого штампа, каждый зуб которого имеет два зубчика. По одному разу встречены ряд оттисков прямосетчатого («сдвоенного», или решетчатого) штампа (рис. 22, 17), ряд двойных гладких угловых вдавлений (табл. XXXII, 5) и каннелюры (XXXII, 18).

Ямки обычно с соответствующими выпуклостями изнутри (имеются у 946 сосудов) всегда расположены в один ряд под венчиком, обычно с равными расстояниями друг от друга. Лишь в трех случаях они размещены парами. Форма ямок, как правило, цилиндрическая. Кроме обычных ямок, трижды отмечены вдавления, сделанные углом зубчатого штампа (как на неолитической посуде III типа), дважды — квадратные, по разу — прямоугольные, овальные и в виде насечек. На 25 сосудах ямки, в сущности, представляют собой проколы по сырой глине, но они часто имеют коническую форму, а на некоторых сосудах отдельные проколы сделаны не палкой. Эти ванвиздинские проколы, которые мы рассматриваем суммарно с ямками, отличаются от цилиндрических проколов раннебронзовой керамики I типа.

Среди зубчатых узоров наиболее распространенными являются ряды вертикальных или наклонных оттисков (322) и одинарные, двойные или тройные зигзаги (269). Остальные мотивы встречаются реже. Это горизонтальные линии (23); цепочки из ромбов (18; рис. 22, 22), вертикальные ряды горизонтальных оттисков (17; рис. 24, 3); ряды косых отпечатков в виде разомкнутого зигзага (4; рис. 22, 8); парные косые оттиски (3); ряды фигур в виде трехпалой птичьей лапы, обращенные лучами вниз и разделенные вертикальными оттисками (2; рис. 22, 5) или направленные лучами вверх (1; рис. 24, 4); ряды изолированных ромбов, полых (2) или с вертикальным штрихом внутри (1; рис. 22, 2)⁴⁴; ряды крестовых фигур (1),

⁴⁴ Такие ромбы встречены также на обломке плечиков (табл. XXXI, 9).

и зигзаг, нисходящие звенья которого продолжены книзу (2; табл. XXXI, 7). На одном сосуде обнаружены отпечатки дугοобразного зубчатого штампа (рис. 22, 20).

Из узоров, выполненных гладким штампом, на первом месте по распространённости стоят зигзаги (27), на втором — ряды оттисков (17; рис. 22, 12), на третьем парные косые вдавления (5). Дважды встречены цепочки полых ромбов и один раз группы из трех вдавлений.

Если среди узоров из гладких оттисков преобладают зигзаги, то из узоров, выполненных двузубым штампом, резко преобладают ряды вертикальных отпечатков (145), в то время как зигзаги отмечены только семь раз. Кроме того, в пяти случаях сосуды украшаются зонами из вертикальных рядов, а по одному разу встречены цепочки ромбов и треугольные фестоны («городки») из шести вертикальных оттисков.

Из перечисленных узоров зубчатого, гладкого и двузубого орнаментов ряды вертикальных оттисков встречаются как на венчике, так и на плечиках, начиная орнамент, завершая его или занимая среднее положение. Зигзаги и ромбы обычно соответствуют самой нижней зоне, но изредка встречаются в средней части орнамента. Горизонтальные линии наиболее характерны для средних зон, а парные оттиски — только для завершающей, равно как и фигуры в виде птичьей лапы и кресты. Вертикальные ряды обычно приурочены к средней или нижней части орнамента.

Господствующим веревочным узором являются горизонтальные отпечатки (266), причем веревочки виты либо одним способом, либо разными (правого и левого вития). Примерно в 10 раз реже отмечаются волнистые отпечатки, а еще реже (12) оттиски в виде подковки, обращенной выпуклостью вверх (рис. 22, 9), а в одном случае — влево. Кроме того, дважды отпечаток единичной веревочки пересекает цепочку зубчатых ромбов (рис. 22, 21), а на одном сосуде встречены ряды коротких косых оттисков. Если горизонтальные отпечатки покрывают венчик и верхнюю часть плечиков, то остальные веревочные узоры составляют завершающий пояс орнаментального фриза.

Основной узор кружкового орнамента — это ряды оттисков (42); в единичных случаях они размещены парами (2) и по три (1). Мелкие круглые ямочки также чаще всего образуют горизонтальный ряд (13), но встречаются и группами (4), образуя треугольники, обращенные вершинами книзу (фестоны из шести, табл. XXXII, 5, в одном случае из трех ямочек). На одном сосуде каждая ямочка находится внутри отдельного ромба, входящего в состав цепочки. Горизонтальные ряды кружков или ямочек встречаются во всех зонах орнамента, а фигуры в виде групп вдавлений быва- ют приурочены только к его завершающей зоне.

Один и тот же сосуд бывает украшен орнаментом, в состав которого входит один, два, три или четыре элемента (например, ямочный, зубчатый и т. д.). Отмечен даже сосуд, на котором имеются пять элементов, ряды двузубых оттисков, ямок и ямочек, горизонтальные оттиски веревочек и зубчатый зигзаг. Если подсчитать все представленные в коллекции комбинации из семи основных и четырех второстепенных элементов, то получится весьма значительная цифра — 50. Среди крупных и рассмат-

риваемых суммарно всех сосудов наиболее часто встречаются следующие варианты орнамента внешней поверхности (условно считая вариантом и отсутствие орнамента): только ямки, ямки и зубчатые оттиски; отсутствие орнамента; ямки, зубчатые и веревочные отпечатки; зубчатые оттиски; ямки и двузубые оттиски; зубчатые и веревочные отпечатки; ямки, зубчатые, двузубые и веревочные отпечатки. Иное соотношение у небольших сосудов. Здесь лучше всего представлены такие сочетания элементов орнамента и в такой последовательности; зубчатые и веревочные отпечатки; отсутствие орнамента; только ямки; только зубчатые оттиски. Здесь проявилась особенность небольших сосудов — сравнительно редкая орнаментация ямками (у крупных сосудов ямки встречены в 904 случаях из 1235, а у мелких лишь в 42 из 134).

Если принять во внимание не только число элементов орнамента, но и каждый узор (мотив) в отдельности (зубчатый зигзаг, зубчатый ромб, гладкий зигзаг и т. д.), а также порядок расположения узоров на поверхности сосуда, то количество сочетаний составит цифру 133. Математически легко доказать, что это далеко не предел и что при раскопках могут быть найдены сосуды с новым вариантом орнамента. Такой вывод согласуется с тем фактом, что почти половина вариантов представлена одиночными сосудами (64), а насчитывающих пять и более сосудов — лишь 24.

Необходимо подчеркнуть, что среди ванвиздинских сосудов с останца отмечены экземпляры с ранними чертами и без таковых. Показателями архаики являются орнаментация венчика извне веревочными отпечатками, торца — елочными узорами, плечиков — веревочными волнистыми и подковообразными линиями; отсутствие ямок под венчиком и добавление в глиняное тесто дробленых раковин⁴⁵. При выделении из числа сосудов двух групп по признаку орнаментации венчика веревочными отпечатками или рядом вертикальных зубчатых, гладких либо двузубых оттисков (в эти две группы вошла основная масса керамики), оказалось, что в группе с веревочной орнаментацией венчика гораздо выше процент сосудов, обладающих всеми прочими архаичными чертами. Установлено также, что в этой группе гораздо чаще встречаются гладкие оттиски, но значительно реже двузубые. По-видимому, и эти особенности можно рассматривать, как датирующие. Кстати, отпечатки двузубого штампа очень характерны для ванвиздинских поселений среднего возраста (Ванвиздино, Кузьвомын).

Трудно ответить на вопрос, являются ли две условно выделенные группы синхронными или первая из них бытовала несколько раньше. Но, учитывая долговременный характер ванвиздинского поселка на Висе II, следует склониться ко второму предположению.

Как и на поселении Кузьвомын⁴⁶, на останце найдена керамика, близкая харинской (рис. 22, 12).

Еще в большем количестве, чем на суходоле, ванвиздинская посуда собрана во II Висском торфянике, хотя площадь там вскрыта гораздо меньшая; по-видимому, битую посуду выбрасывали в старицу, существовавшую

⁴⁵ Г. М. Буров. Вычегодский край, стр. 141—143.

⁴⁶ Там же, стр. 135—137.

на месте торфяника. Эта керамика (рис. 16, 5, 6, 8, 9; 22, 11, 18, 22, 24; 24, 1, 6—12, 14; табл. XXXI, 2—4, 6, 10, 13, 14; XXXII, 1—5, 7—9, 11, 12, 14, 15, 16) во многом аналогична собранной на суходоле. Среди выделенных 1659 сосудов насчитывается 22 чаши — 17 низких (семь крупных; восемь мелких; табл. XXXII, 11, 14; две миниатюрных, табл. XXXII, 8) и пять высоких (все мелкие). Внешняя поверхность у низких чаш украшена лишь в двух случаях (небольшой сосуд с зигзагами; табл. XXXII, 14, и миниатюрный с углублениями), у высоких — в трех (горизонтальные отпечатки веревочки, на одном экземпляре в сочетании с гладкими и двузубыми отпечатками). Торец украшен поперечными зубчатыми отпечатками, не орнаментирован, расчленен пальцевыми вдавлениями или насечками, расположенными в елочку. Одна низкая чаша представляет собой днище небольшого сосуда с зашлифованными краями. В тесто вводили толченые кварц со слюдой либо раковины.

Остальные 1637 сосудов по форме и составу глиняного теста близки керамике с останца, хотя в тесте несколько реже отмечаются исключительно толченые раковины (10,2% крупных и 20,4% мелких сосудов). Торец орнаментирован теми же узорами, что и керамика останца, но на первом месте стоит один ряд поперечных зубчатых отпечатков (560), а на втором — пальцево-ногтевые вдавления. Елочка же из зубчатых отпечатков (253) и насечек (164) занимает третье и четвертое места. Зато чаще торец лишен орнамента (150) или расчленен одним рядом насечек (86).

Торфяниковая керамика также богато украшена снаружи. Элементы орнамента образуют 53 комбинации, а мотивы 220 сочетаний; из которых по пять и более сосудов насчитывают 34. По своей значимости элементы образуют такой же ряд, как и элементы орнамента на сосудах с останца, за исключением того, что отпечатки гладкого штампа (рис. 22, 24; 24, 12, 13) встречаются значительно чаще, чем двузубого. Своеобразие проявляется также в том, что в торфянике заметно ниже процент ванвиздинской керамики с ямками (60,9%). Гораздо больше (141, вместо 10, и шесть, вместо одного) сосудов с парными и тройными углублениями — гладкими (рис. 24, 7), ямчатыми (рис. 24, 11; табл. XXXII, 2), кружковыми (рис. 16, 6) и зубчатыми (табл. XXXI, 10; XXXII, 4), но меньше (94, вместо 162) украшенных двузубым штампом (табл. XXXI, 2). Значительно ниже в торфянике и процент сосудов с зубчатыми узорами, особенно с рядами вертикальных или наклонных отпечатков (247 экз.), зигзагами (271) и цепочками ромбов (12). Но зато в торфянике намного больше посуды с гладкими отпечатками (102, вместо 52), хотя зигзаги отмечаются реже (семь, вместо 27). Процент сосудов с горизонтальными веревочными отпечатками (322 экз.) приблизительно такой же, как на останце, волнистые отпечатки (60; рис. 16, 6) встречаются значительно чаще, а «подковки» (8; рис. 16, 8) — реже.

В торфянике не найдена керамика с каннелюрами, отпечатками прямосеточного, четырехзубого вилочатого или уголкового штампа, но зато собраны несколько сосудов с оригинальными элементами орнамента, не представленными в коллекции с суходола. Это экземпляры с отпечатками крестового штампа (6; табл. XXXII, 12) и штампа в виде четырехпалой звериной лапы (4; рис. 24, 9), с узорами в виде птичьей ноги (2; рис. 22, 18; табл.

XXXII, 15) и отсеченных пальцев птичьей лапы (1; табл. XXXII, 9), а также с рельефными выступами у торца (рис. 24, 11).

Пониженный процент сосудов с ямками, оттисками двузубого и зубчатого штампов, за счет распространения гладкого орнамента, узоров в виде парных (тройных) вдавлений и волнистых веревочных отпечатков является ранней особенностью торфяниковой керамики, сближающей ее с архайской группой посуды, найденной на останце, и, в конечном счете, с гляденовскими сосудами. Относительно небольшое количество сосудов с «елочкой» на торце, по-видимому, говорит не о том, что этот орнаментальный мотив уже вытесняется другими, а лишь о том, что он еще не достиг своего максимального распространения. По всем данным, ванвиздинская керамика из торфяника хронологически непосредственно следует за найденной в нем же гляденовской.

Следовательно, в торфяник попадала керамика преимущественно не из тех жилищ, которые исследованы раскопками, а из каких-то других, более ранних.

В целом ванвиздинский комплекс поселения Вис II может быть отнесен к ранневанвиздинскому времени (IV—V вв. н. э.), что отвечает дате, устанавливаемой по металлическим и костяным вещам⁴⁷.

Ванвиздинские керамические комплексы других поселений Синдора: Вис I, Вис III, Симва II, Синдорское озеро IV и Симва I невелики (табл. 2) и не дают возможности для широких сопоставлений (табл. XXXI, 1; XXXII, 10, 17). Но в целом они близки посуде II Висского торфяника, хотя некоторые из них могут быть несколько моложе ее.

МЕТАЛЛУРГИЯ ВАНВИЗДИНСКОГО ВРЕМЕНИ. ОБРАБОТКА ДЕРЕВА И ДРУГИХ МАТЕРИАЛОВ

В IV—V вв. отмечается дальнейший рост производительных сил в Вычегодском крае. Особенного развития достигает металлургия.

Цветная металлургия Вычегодского края в ванвиздинское время вступила в новый этап своего развития, на что указывает даже качественный анализ сплавов. Спектральному анализу были подвергнуты (табл. 8) образцы четырех изображений пермского звериного стиля с поселения Вис I и девяти предметов из Виса II: фигурки ящера, рыболовного крючка, щипчиков, браслета, бусины, прорезной каплевидной подвески, двух калачикообразных подвесок-серег и слитка, т. е. всех ванвиздинских вещей из Синдора (табл. XXXIII, 2, 7—12, 17, 22). Наряду с элементами, обычными в более ранних образцах (олово, свинец, мышьяк), теперь в составе примесей постоянно присутствуют цинк, сурьма, серебро, никель, висмут, кобальт и золото (последних двух нет соответственно в металле крючка и слитка). Ранее эти элементы встречались лишь иногда или далеко не во всех случаях.

Отмеченные изменения связаны с тем, что в ванвиздинское время входят в употребление изделия из новых сплавов. Перечисленные предметы представляют бронзы четырех типов: свинцово-оловянно-цинковую, оло-

⁴⁷ Г. М. Б у р о в. Вычегодский край, стр. 135—137.

**Данные спектрального полуколичественного анализа бронзовых предметов
ванвиздинской культуры с поселений Вис I и II**

Посе- ления	Предмет	Cu	Sn	Pb	Zn	As	Sb	Ag	Au	Ni	Bi	Co
Вис I	Изображение («Мяндаш» на ящере)	+ <i>n</i>	+ <i>n</i>	+ <i>n</i>	<i>n</i>	0, <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>
То же	Изображение (птица) . .	+ <i>n</i>	+ <i>n</i>	+ <i>n</i>	<i>n</i>	0, <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>
»	Изображение («Мян- даш» и ящер)	+ <i>n</i>	+ <i>n</i>	+ <i>n</i>	<i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>
»	Изображение (ящер) . .	+ <i>n</i>	<i>n</i>	+ <i>n</i>	<i>n</i>	0, <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>
Вис II	Слиток	+ <i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	+ <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	—	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>
То же	Щипчики	+ <i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>
»	Подвеска-серьга (1960 г.)	+ <i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	+ <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>
»	Подвеска-серьга (1962 г.)	+ <i>n</i>	<i>n</i>	<i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>
»	Крючок	+ <i>n</i>	0, <i>n</i>	<i>n</i>	+ <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	—
»	Изображение (ящер) . .	+ <i>n</i>	+ <i>n</i>	0, <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>
»	Браслет	+ <i>n</i>	<i>n</i>	0, <i>n</i>	0, <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>
»	Каплевидная подвеска	+ <i>n</i>	+ <i>n</i>	0, <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	сл.	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>
»	Бусина	+ <i>n</i>	+ <i>n</i>	0, <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>	0, 00 <i>n</i>	0, 0 <i>n</i>

Примечание. Анализ выполнен Т. И. Ивановой.

вянную, оловянно-свинцовую и цинково-свинцовую латунь. Из бронзы первого типа отлиты все изображения пермского звериного стиля из Виса I, щипчики и калачикообразная подвеска из раскопок 1960 г. К этому же типу относится металл ванвиздинского слитка. Правда, в бляшках с Виса I цинка меньше, чем других компонентов, а в металле со II поселения (подвеска и слиток) олово и свинец — в меньших количествах, чем цинк. Идентичные спектры четырех предметов с поселения Вис I позволяют предполагать, что они были отлиты одним и тем же мастером. Оловянная бронза израсходована на изготовление фигурки ящера, браслета, прорезной подвески и бусины, оловянно-свинцовая — на выделку подвески, найденной в 1962 г., а латунь — для литья проволоки, из которой сделан крючок.

Переход к использованию сложных бронз был, очевидно, обусловлен освоением полиметаллических свинцово-цинковых руд Северного Урала (в то время как медь и олово могли оставаться привозными). Именно благодаря этому в сплавах появляются в значительном количестве цинк и свинец. Серьга из раскопа 1962 г. показывает, что в распоряжении древних металлургов, изготовивших ее, был и чистый свинец. По-прежнему,

независимо от того, добавлялись ли к меди цинк со свинцом, она легируется оловом. Исключение составляет только рыболовный крючок.

Применение в I тысячелетии н. э. бронз с высоким процентом свинца и цинка не является местной особенностью Вычегодского края, но характерно и для других районов Европейского Северо-Востока (Печорское Приуралье ⁴⁸, Большеземельская тундра) ⁴⁹.

Повсеместно на Северо-Востоке среди естественных примесей к бронзам I тысячелетия н. э. отмечается золото, редкое в составе вычегодских изделий ананьинско-гладеновского времени, но представленное в вещах бронзового века, на литье которых шла медь, выплавленная, очевидно, из сульфидных или окисленных руд (нож турбинского типа и прорезное копье). Интересно было бы определить, с какой рудой вносится этот элемент в состав сплавов. Отсутствие следов золота в рассмотренных выше спектрах касситерита и полиметаллических руд не дает основания связывать появление элемента с присадкой олова или цинка со свинцом. В то же время примесь золота имеется и у единичных медных предметов из Канинского и Хейбидя-Пэдарского жертвенных мест. Поэтому одним из источников или единственным источником примеси золота следует считать медную руду. Вероятно, в ванвиздинскую эпоху у вычегодских металлургов была та же медно-рудная база, что и в позднем бронзовом веке.

На поселениях ванвиздинской культуры, главным образом в бассейне Вычегды собрано значительное количество бронзолитейных тиглей рюмкообразной формы. Большие всего их (не менее 18) имеется в коллекции из Виса II (табл. XXXIII, 23, 24). Образцы внутреннего слоя трех тиглей из Виса II и одного из Ванвиздина, по данным спектрального анализа (табл. 5), включали медь, свинец и цинк, причем некоторые в значительном количестве: два образца содержали $n\%$ цинка, а один из них, кроме того, и $0, n\%$ меди. Далее, во всех случаях, кроме одного, представлено олово — до $0, n\%$. Наконец, в отдельных образцах обнаружены следы мышьяка, висмута, серебра и кобальта. При анализе всех тиглей отмечается никель. Следовательно, в ванвиздинских тиглях плавился металл совсем не того химического состава, который имела бронза более древних тиглей со стоянок Мыеддино и Озьяг II.

По спектрам рюмкообразные тигли близки ванвиздинским металлическим изделиям и подтверждают мысль о местном изготовлении, если не всех, то значительной части найденных бронзовых предметов.

К описанной группе бронзолитейных тиглей по данным спектрального анализа примыкает толстостенный тигель с поселения Вис I. Одно из двух: или этот тигель связан с немногочисленной на поселении ванвиздинской керамикой (сходный тигель найден во II торфянике; табл. XXXIII, 20) или принадлежит к более крупному раннегладеновскому комплексу и представляет редкий случай использования полиметаллической руды в предванвиздинское время.

⁴⁸ В. И. К а н и в е ц. Первые результаты раскопок в Уньинской пещере, приложение 1; О н же. Канинская пещера, табл. 4.

⁴⁹ Г. А. Ч е р н о в. Хейбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре. СА, XXIII, 1955, стр. 298, 299.

Обломок тигля, найденный у ванвиздинского кострища на стоянке Озъяг II, напротив, включает только следы меди и олова (не считая никеля) и свидетельствует о плавке оловянной бронзы либо о своей принадлежности к другому, гляденовскому или лебяжскому комплексу.

На поселении Вис II, в стороне от ванвиздинских жилищ (шурф № 2), найден глиняный тигель-лялька. Это тонкостенный овальный сосудик длиной 6 см, с носиком и двумя противостоящими отверстиями в верхней части для шарнирного соединения с ручкой (табл. XXXIII, 25), очевидно, из железной проволоки. Такой сосудик можно было подвесить и расплавить в нем бронзу. Затем держа тигель одной рукой за ручку и наклоняя другой через какой-нибудь посередник, металлург наливал расплавленный металл в матрицы. Тигель-лялька может быть отнесен к основному ванвиздинскому комплексу, так как по данным спектрального анализа и толщине стенок аналогичен рюмкообразным тиглям.

На поселении Вис II найдено некоторое количество ранневанвиздинских вещей из железа, среди которых ножи, обломок рубящего орудия (табл. XXXIII, 1, 3—6, 14), проволочная дужка с ушками на конце, скоба с двумя изгибами и узкая пластинка, суженный конец которой спирально завит.

Железоделательное производство ванвиздинского времени явилось продолжением черной металлургии гляденовских племен. Спектральный анализ 12 железных изделий из Кузьвомына, Чудинты II (раскоп III) и, в основном, из верхнего слоя Виса II (табл. 7) свидетельствует о том, что большая часть предметов содержит только те примеси, которые отмечались у гляденовских орудий (медь, никель, обычно кобальт). Но несколько вещей выделяются тем, что в их спектрах присутствуют также олово и цинк (ножи № 35, 36, 104 и проволочная дужка) либо олово без цинка (нож № 105). Аналогичная картина наблюдается в данных анализа шлака: образец с поселения Кузьвомын из естественных примесей включает только медь и никель, а кусок шлака из Виса II — также олово, мышьяк и кобальт.

Железные вещи (двух видов) с включением меди и в большинстве случаев никеля и кобальта, с примесью цинка (или цинка с оловом) и без него, найдены в пещерах Печорского Урала; правда, мышьяк здесь не встречен⁵⁰. В связи с отсутствием точных данных о химическом составе местных болотно-дерновых руд, в настоящее время трудно ответить на вопрос, связана отмечаемая разница с использованием различных месторождений или с частым попаданием в шихту сырья (либо отходов) бронзолитейного производства. На второе предположение наводит тот факт, что появление цинка в спектрах вещей из железа и цветных металлов, кажется, происходит примерно одновременно.

Большую роль в быту ванвиздинцев играли сооружения и вещи из дерева. Наиболее распространенным орудием обработки дерева и других материалов является железный черенковый нож, имеющий лезвие только по

⁵⁰ В. И. Кан и в е ц. Первые результаты раскопок в Уньинской пещере, приложение 1, № 44, 47, 50; О н ж е. Канинская пещера, табл. 4. № 18—23.

одному краю, с уступчиками от черенка к лезвию. Клинок получил форму прямоугольного треугольника. У некоторых ножей сохранились остатки рукояти. Ванвиздинские ножи, найденные на Висе II, относятся к пяти различным типам.

Орудия I типа имеют два уступчика к черенку, как у лезвия, так и у спинки. В коллекции представлены два экземпляра средних размеров (табл. XXXIII, 1, 4; инв. 105, 187), из которых один снабжен отверстием на конце черенка (инв. № 187), видимо, для прикрепления рукояти. Нож с таким отверстием найден в Канинской пещере, но он относится ко II типу⁵¹. Орудия I типа бытовали на территории Вычегодского края, по крайней мере, от конца гляденовской эпохи (Озъяг III)⁵² вплоть до XII—XIV вв. (Карыйбйвское городище⁵³). Эти ножи в указанное время были распространены очень широко как в смежных областях (Прикамье, Припечорье⁵⁴), так и в более отдаленных.

Орудия II (харинского) типа отличаются от орудий I типа только тем, что имеют на обеих сторонах клинка продольный желобок. В висской коллекции их два (табл. XXXIII, 3; инв. № 36, 104)⁵⁵, средней величины. Такие ножи весьма характерны для эпохи великого переселения народов и встречены в Верхнем Прикамье, на Вятке⁵⁶, в Прибалтике и на других территориях.

К III типу относятся тоже два ножа с желобками по клинку, но без уступчика со спинки: тыльный край этих орудий совершенно прямой (табл. XXXIII, 5; инв. № 35, 106). Оба ножа небольших размеров. IV и V типы характеризуются одиночными орудиями. У первого из них, небольшого ножа, нет желобков и уступчика со спинки, образующей тупой угол с тыльным краем черенка (табл. XXXIII, 13; инв. № 188). Второй нож, крупных размеров, с непомерно коротким черенком, несущим хорошо выраженные следыковки (табл. XXXIII, 14; инв. № 34), по форме спинки аналогичен орудию IV типа, но с дугообразным уступом со стороны лезвия.

Для обработки дерева служили также рубящие орудия, которые в Висе II представлены лишь одним обломком лезвия (вероятно, таким же фрагментом является сильно окислившийся кусок железа). Обломок (табл. XXXIII, 6) может принадлежать как втульчатому или проушному топору, так и плоскому или втульчатому теслу, поскольку в синхронных культурах смежных территорий известны рубящие орудия всех четырех типов⁵⁷.

Наряду с металлами и деревом широко применялась в хозяйстве ванвиздинских племен кость. Найдены обломки костей животных со срезами

⁵¹ В. И. Кан и в е ц. Канинская пещера, рис. 35, 3.

⁵² Г. М. Б у р о в. Вычегодский край, рис. 19, 102.

⁵³ Э. А. С а в е л ь е в а. Некоторые материалы по средневековой археологии Вычегодского края. МАЕСВ, вып. I. Сыктывкар, 1962, табл. III, 1—3, 5, 6, 8.

⁵⁴ В. И. Кан и в е ц. Канинская пещера, рис. 35, 1.

⁵⁵ Г. М. Б у р о в. Вычегодский край, рис. 26, 1.

⁵⁶ В. Ф. Г е н и н г. Азелинская культура III—V вв. ВАУ, вып. 5. Свердловск, 1963, XVII, 5.

⁵⁷ Там же, рис. 9, табл. XVI.

и другими следами обработки. Один фрагмент имеет ряд глубоких выемок, сделанных, по-видимому, железным ножом. Костяные орудия включают наконечник гарпуна, представленный обломком (табл. XXXIV, 16), серию наконечников стрел (табл. XXXIV, 1—12) и две проколки из металлоидов млекопитающих (табл. XXXIV, 13, 14), в том числе лошади (табл. XXXIV, 13).

Проколки вполне типичны для различных эпох и территорий; один конец представляет собой эпифиз, другой заострен⁵⁸. Изделия залощены от употребления, причем следы изнашивания особенно хорошо выражены на рабочих концах. Проколки использовались при шитье одежды и обуви из шкур и кожи.

Для обработки шкур в ванвиздинское время применялись грубые массивные кремневые скребки. В вычегодско-печорско-верхнекамской области такие орудия сохраняются вплоть до конца ванвиздинской эпохи, т. е. приблизительно до VIII в. н. э. Бытование грубых массивных кремневых скребков в I тысячелетии н. э., выявленное нами на поселениях гляденовской и ванвиздинской культур, имело место и на стоянках бичевнического типа⁵⁹ (Бичевник I⁶⁰). Возможно, что длительное сохранение кремневых скребков является специфической особенностью лишь вычегодско-печорско-верхнекамской области. Кремневые скребки выиграли в конкуренции с костяными или металлическими из-за простоты обработки и высокой твердости, а также многовековой традиции охотничье-рыболовческого хозяйства.

Грубые массивные скребки найдены на всех ванвиздинских поселениях близ устья Симвы (табл. 6). На Висе II такие скребки собраны как в судоходной, так и в торфяниковой (табл. XVI, 34, 36) части, причем в зольном слое и торфянике они безраздельно господствовали, а ниже этого слоя составляли невысокий процент среди скребков различных типов.

Как уже установлено на материалах Вычегодской долины, для ванвиздинской культуры наиболее характерны скребки со слабо выпуклым рабочим краем, образующим углы с боковыми, причем для выделки таких орудий часто применялись мелкие плоские кремневые гальки⁶¹. Этот своеобразный вид изделий в отличие от основных кремневых орудий гляденовской культуры мы будем называть скребками ванвиздинского типа. Скребки данного типа составляют большинство и среди массивных скребков с поселений Вис II и III, Симва I и II, превышая по численности скребки гляденовского типа более, чем в два раза. На поселении же Вис I, где ванвиздинской посуды намного меньше, чем гляденовской, господствуют орудия с сильно выпуклым рабочим краем.

Для скребков ванвиздинского типа (как, впрочем, и для гляденовских) характерно то, что они сильно варьируют по размерам — от 1 до 8,5 см в

---

⁵⁸ Ср., например: А. А. Спицин. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. МАВГР, вып. I, М., 1893, табл. VI, 1, 7, 13.

⁵⁹ См гл. VI.

⁶⁰ В. И. К а н и в е ц. Древние поселения Южно-Печорской равнины, стр. 87—92.

⁶¹ Г. М. Б у р о в. Вычегодский край, стр. 133, 134.

поперечнике. Многие орудия снабжены не одним, а двумя, тремя или даже четырьмя рабочими краями; в последних двух случаях скребки имеют подчетыреугольную, чаще всего квадратную форму. Два рабочих края располагаются друг против друга или смежно, образуя угол. Ванвиздинские скребки с двумя и тремя рабочими краями известны по верхневычегодскому поселению Кузьвомын⁶².

На существование у ванвиздинских племен ткачества указывают пряслища, изготовлявшиеся преимущественно из глины. Глиняное пряслище, в виде низкого конуса, найдено во II Висском торфянике (табл. XXXIII, 21) и находит себе параллель в поделке с Ванвиздинского поселения, имеющей, однако, точечный орнамент⁶³. Вероятно, к ванвиздинскому времени относится короткоцилиндрическое глиняное пряслище, найденное за пределами зольного слоя (табл. XXXIII, 16). По форме оно аналогично каменному изделию из этого слоя (табл. XXXIII, 19). Четвертое пряслище сделано из обломка штрихованной стенки ванвиздинского сосуда (табл. XXXIII, 18); имеются также две заготовки аналогичных поделок (табл. XXXIII, 27).

Об изготовлении веревочек в ванвиздинское время свидетельствуют многочисленные отпечатки их на глиняных сосудах. Веревочки были двухрядные, правого и левого витья. Они играли важную роль не только в украшении керамики, но и в ее починке.

Сосуды ванвиздинской культуры, как и посуда всех более древних типов (рис. 15, 9; табл. III, 4, 9; VII, 2, 3; VIII, 1; XI, 6; XIII, 3; XIV, 6; XXII, 1, 5; XXIV, 2, 6; XXV, 2; XXVI, 4; XXVIII, 1, 10; XXIX, 8), подвергалась ремонту при помощи отверстий, которые высверливались близ трещины или излома (рис. 22, 1, 22, 24; 24, 11). В такие отверстия иногда вставлялись металлические скобки. Так, скобка из железной проволоки обнаружена в сосуде со стоянки гляденовской культуры Пожегдин II⁶⁴. В районе Синдорского озера металл в керамике не обнаружен ни разу, что наводит на мысль об использовании для ремонта сосудов простых веревочек, известных еще в мезолитическое время. В неолите веревочка была единственным средством для починки глиняной посуды при помощи сверлин. Неоднократно находки кусочков веревочек в отверстиях ванвиздинских черепков из II Висского торфяника доказывают применение растительных материалов при ремонте посуды в I тысячелетии н. э.

Другим способом закрепления трещин в ванвиздинское время была замазка их сырой глиной с последующим обжигом. Такой прием прослежен не только на некоторых ванвиздинских сосудах, но и на одном ананьинском (табл. XXVII, 1). В тех редких случаях, когда у сосуда отслаивалась часть поверхности у венчика, последний подвергался беспорядочной штриховке при помощи какого-то твердого предмета (рис. 24, 2).

⁶² Г. М. Буров. Двуслойная стоянка в урочище Кузьвомын на верхней Вычегде. ИКФВГО, вып. 5. Сыктывкар, 1959, рис. IV, 1.

⁶³ Г. М. Буров. Вычегодский край, рис. 27, 5.

⁶⁴ Г. М. Буров. Археологическая разведка 1963 г. в зоне затопления будущего Усть-Куломского водохранилища, стр. 156.

Не только крупная, но и мелкая ванвиздинская посуда нередко имеет на внешней поверхности нагар. По-видимому и в этой, столовой посуде в ряде случаев приготавливалась или подогревалась пища.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ, ОХОТА И СКОТОВОДСТВО

Главными отраслями хозяйства, дававшими вычегодским племенам IV—V вв. пищу, были рыболовство и охота, но уже отмечаются и зачатки скотоводства. Безусловно, немалую роль играло также собирательство. Прямых данных о существовании земледелия у нас нет.

О занятии ванвиздинских племен района Синдорского озера рыболовством свидетельствуют долговременный характер их поселка на Висе II и 20 костей рыб в зольном слое, не говоря уже о вещах из II Висского торфяника.

Одна из находок в раскопе I Виса II говорит о том, что ванвиздинцы занимались, в частности, ловлей рыбы на удочку. Это латунный крючок (табл. XXXIII, 8), который, хотя и найден за пределами зольного слоя, тем не менее может быть отнесен к ванвиздинскому комплексу, ибо легирование меди цинком характерно именно для этого времени⁶⁵. Крючок изготовлен из отрезка круглой проволоки, тонкой у поддева и толстой у цевья⁶⁶, имеющего непропорционально большие размеры. Головка сделана в плоскости крючка. Жало снабжено бородкой. Высота поддева (5 мм) и ширина крючка (9 мм) очень невелики и не соответствуют значительной его длине (43 мм). Крючок мог служить для ужения мелкой и средней рыбы.

На висских поселениях найдена костяная жерлица для ужения рыбы, без видимых следов обжига. По указаниям рабочих, она взята на Висе III, где, возможно, была законсервирована в ванвиздинском кострище (принадлежность к ананьинскому или более ранним комплексам менее вероятна, из-за плохой сохранности костяной ткани в грунтовых условиях Синдора). Жерлица представляет собой фрагмент трубчатой кости длиной 11 см с заостренными концами и округлым отверстием в центре для прикрепления лесы (табл. XXIV, 15). Аналогичная жерлица известна по свайному поселению Бодман в Швейцарии⁶⁷. Там же найдена жерлица другого типа — с боковыми выемками для привязывания лесы, но без отверстия; сходное изделие происходит из Канинской пещеры⁶⁸.

Для добывания крупной рыбы применялись гарпуны с костяными наконечниками. Обломок одного из них имеется в коллекции (табл. XXXIV, 16).

На охоте ванвиздинцы использовали лук со стрелами, наконечники которых были костяные или железные. Серия костяных наконечников собрана в зольном слое на Висе II и в торфянике. К сожалению, целых

⁶⁵ См. § 5.

⁶⁶ О терминологии частей крючка см.: В. С. Сабунеев. Спортивная ловля рыбы. Л., 1963, рис. 5.

⁶⁷ Н. Reinert. Pfahlbauten am Bodensee. Ausburg — Stuttgart, 1922, Taf. 11, стр. 47.

⁶⁸ В. И. Канников. Канинская пещера, рис. 17, 1.

и слабо поврежденных экземпляров, позволяющих относить их к определенным типам, имеется лишь шесть. Остальные шесть изделий с останна представлены обломками (табл. XXXIV, 4—6, 9). Оттуда же взяты мелкие фрагменты четырех костяных изделий, в которых можно предположительно видеть наконечники.

Найденные наконечники стрел относятся к пяти типам. I из них представлен крупным экземпляром ромбического сечения с расширением в средней части, ближе к насаду (табл. XXXIV, 1). По-видимому, от такого же наконечника сохранился обломок (табл. XXXIV, 2). Один наконечник этого типа найден в Кузьвомыне⁶⁹. II тип включает небольшой ромбовидный наконечник, который намеревались сделать уплощенным шестигранного сечения; но поскольку на изготовление наконечника пошла тонкая трубчатая кость, он получился с глубоким желобом вместо одной из средних граней⁷⁰. К III типу относятся два мелких ромбовидных наконечника, имеющих подпрямоугольное сечение (табл. XXXIV, 7, 8), к IV — небольшой ромбовидный наконечник, ромбический в разрезе (табл. XXXIV, 3) и к V — также небольшой грубый трехгранный экземпляр (табл. XXXIV, 11; два последних найдены в торфянике). По-видимому к III и V типам принадлежит и по одному из тех экземпляров, от которых имеются фрагменты.

Костяные наконечники стрел выделенных типов, кроме III, находят параллели в Канинской и Уньинской пещерах Печорского Приуралья, где имеются ванвиздинские комплексы⁷¹, а также в других синхронных памятниках. Наконечники III типа своеобразны. Четыре обломка висских наконечников, как и описанный экземпляр II типа, имеют в разрезе форму сплюснутого шестиугольника, нарушенную более или менее выраженным желобком (табл. XXXIV, 4, 6, 9). Они могут происходить как от наконечников II типа, так и других типов. К одному из них относится наконечник с р. Носим (в восточной части Вычегодского края). Он по размерам и очертаниям близок к наконечникам I типа, но почти на всем протяжении шестигранный⁷². Для того чтобы завершить обзор вычегодских костяных наконечников стрел ванвиздинской культуры, упомянем еще небольшое лавролистное изделие линзовидного сечения с Ванвиздинского поселения⁷³, находящее себе аналогии в Канинской пещере⁷⁴.

Таким образом, костяные наконечники стрел ванвиздинской культуры, найденные на поселениях Вис II, Кузьвомын и Ванвиздино, а также, видимо, на р. Носим, варьируют не только по форме (не менее шести типов), но и по размерам. Это указывает на их специализацию.

⁶⁹ Г. М. Буров. Памятка краеведа-археолога, рис. 8, 3.

⁷⁰ Г. М. Буров. Вычегодский край, рис. 26, 12.

⁷¹ В. И. Канивец. Первые результаты раскопок в Уньинской пещере, табл. IV, 4, 5, 7, 9; VI, 2, 6, 8, 10; Он же. Канинская пещера, рис. 38, 3, 7, 8; 39, 1, 3—7; 42, 3, 6, 11.

⁷² Г. М. Буров. Археологические памятники Вычегодской долины. Сыктывкар, 1967, рис. 2, 4.

⁷³ Собрание КРКМ.

⁷⁴ В. И. Канивец. Канинская пещера, рис. 41, 1, 2.

Имеются основания предполагать, что в распоряжении ванвиздинского населения было и другое метательное оружие — праща. Об этом свидетельствуют четыре пращных (?) камня из II Висского торфяника, приближающиеся по форме к цилиндру или шару (табл. XXXIII, 28, 29). Эти предметы изготовлены путем шлифования из песчано-пиритовых конкреций, имеющих большой удельный вес: массивность улучшала метательные свойства камня. Одна шаровидная конкреция без обработки найдена в зольном слое Виса II.

О характере охоты ванвиздинских племен можно судить по фаунистическим остаткам, сохранившимся в зольном слое жилищ и во II Висском торфянике, в котором они, бесспорно, сопутствуют керамике.

Остеологический материал с суходола и из торфяника взаимно дополняют друг друга: на суходоле не встречены кости выдры, куницы, соболя, волка и лисицы, а в торфянике — кости домашних животных и рыб (табл. 9). Млекопитающие ванвиздинского времени представлены также на верхневыхгодском поселении Кузьмовын. Рассмотренный суммарно остеологический материал, включающий 271 определимую кость млекопитающих и птиц (не менее 49 особей), а также кости рыб, впервые дает достаточное представление об охоте и других занятиях ванвиздинского населения. Ранее опубликованный фаунистический материал по Верхнему Припечорью, хотя количественно во много раз превосходит вычегодский, включает, однако, костные остатки разных культур и происходит не с поселений, а из жертвенных мест⁷⁵, где соотношение костей может соответствовать не только характеру хозяйства, но и особенностям культа.

Охота велась на зверей и птиц. Среди первых, если судить по количеству особей, на первом месте стоит бобр, на втором — куница, на третьем — северный олень, на четвертом — бурый медведь; далее лось, соболь и выдра, а также другие животные. Совершенно аналогичное соотношение особей бобра, куницы, северного оленя и бурого медведя в фаунистическом материале Уньинской пещеры, что подчеркивает определенную закономерность древней охоты в Северном Приуралье. Совсем иную картину дает Канинская пещера, где млекопитающие образуют другой ряд: бурый медведь, водяная полевка, белка, бобр, лось, заяц, северный олень и россомаха, куница и пр. Может быть, основная часть остеологического материала относится здесь к эпохам, когда на характер жертвоприношений сильно влияли культ медведя, лося и других животных.

Большое значение охоты на бобра, куницу, северного оленя и бурого медведя подчеркивается также находками их костей на других, более ранних и более поздних поселениях Вычегодского края. Так, все четыре особи млекопитающих из I Висского торфяника представляют бобров и оленей. Единственная особь с Ульяновской стоянки (поздний комплекс) — медведь, с гляденовского поселения Ягкодзты — бобр. На другом гляденовском поселении, Пожегдин II, кости млекопитающих принадлежат трем бобрам, медведю и кунице или соболу. На Карыбйвском городище XII—XIV вв. из двух особей, одна — олень.

⁷⁵ В. И. К а н и в е ц. Канинская пещера, стр. 119—126.

**Костные остатки млекопитающих с поселений ванвиздинской культуры
(Вис II и Кузьвомын)**

Животные	Вис II (гор- фяник)	Вис II (оста- нец)	Вис II (всего)	Кузь- вомын	Суммарно			
					коли- чество костей	%	коли- чество особей	%
Бобр	20 (3)	69 (7)	89 (10)	43 (5)	132	50,40	15	35,73
Куница	12 (6)	—	12 (6)	—	12	4,58	6	14,29
Северный олень	10 (1)	29 (2)	39 (3)	1 (1)	40	15,27	4	9,52
Бурый медведь	32 (2)	2 (1)	34 (3)	—	34	12,98	3	7,14
Лось	2 (1)	10 (1)	12 (2)	—	12	4,58	2	4,76
Соболь	12 (2)	—	12 (2)	—	12	4,58	2	4,76
Выдра	1 (1)	—	1 (1)	1 (1)	2	0,76	2	4,76
Лисица	6 (1)	—	6 (1)	—	6	2,29	1	2,38
Волк	1 (1)	—	1 (1)	—	1	0,38	1	2,38
Белка	—	—	—	1 (1)	1	0,38	1	2,38
Заяц	—	—	—	1 (1)	1	0,38	1	2,38
Собака (?)	—	2 (1)	2 (1)	—	2	0,76	1	2,38
Лошадь	—	4 (1)	4 (1)	—	4	1,52	1	2,38
Корова	—	2 (1)	2 (1)	—	2	0,76	1	2,38
Овца или коза	—	1 (1)	1 (1)	—	1	0,38	1	2,38
Всего	96 (18)	119 (15)	215 (33)	47 (9)	262	100	42	100

Примечание. Определения сделаны И. Е. Кузьминой (Зоологический институт АН СССР). В левой части таблицы указано количество костей и, в скобках, число особей.

Если сопоставить представителей фауны млекопитающих не по числу особей, а по количеству костей, то соотношение существенно изменится. На поселениях ванвиздинской культуры второе и третье место займут северный олень и бурый медведь, а куница станет в один ряд с соболем и лосем. Видимо, это явление не случайно. Если мы сравним проценты костей и особей каждого млекопитающего, представленного в Уньинской и Канинской пещерах, то проследим определенную закономерность. Те звери, которые дают только пушнину (лисица, волк, песец, барсук, куница, росомаха, выдра, белка и др.), по числу особей составляют более высокий процент, чем по количеству костей. Для млекопитающих же, мясо которых заведомо употреблялось в пищу (лось, северный олень, заяц), характерны противоположные показатели. То же самое отмечается у фауны вычегодских ванвиздинских охотников: куниц, соболей и лисиц относительно больше при подсчете по особям, а северных оленей — по костям⁷⁶.

⁷⁶ Заяц составляет исключение.

Не объясняя прослеженной закономерности, мы все же можем думать, что к группе животных, дававших древнему населению Северного Приуралья как мех, так и мясо, принадлежали не только копытные и заяц, но также бурый медведь и бобр: и в пещерах Печорского Урала, и на поселениях Вычегодского края каждая особь этих зверей представлена повышенным количеством костей.

Особенно велика была роль бобра, на которого весьма интенсивно охотились вплоть до XIX в., когда это животное в Привычегодье было полностью истреблено. Охота еще недавно велась с применением обычной палки. Бурого медведя, видимо, убивали чаще всего в самой берлоге, а ловля оленей производилась по насту и глубокому снегу, как это делали в прошлом веке коми⁷⁷.

В ванвиздинское время могли существовать зачатки скотоводства. Материал, имеющийся в настоящее время, позволяет считать, что скотоводством, действительно, занимались, но роль его была небольшой. Найденные на поселении Вис II кости лошади, коровы и овцы (или козы) составляют лишь 2,66 % общего количества костей млекопитающих, а по числу особей домашние животные занимают только 7,14 %.

Нет оснований сомневаться в том, что найденные кости лошади, коровы и овцы полностью или почти целиком принадлежат ванвиздинскому слою поселения. Из одной кости лошади изготовлена проколка, найденная в зольном ванвиздинском слое. В нем же обнаружены кости других домашних животных, кроме, возможно, овец (козы). Важно также, что кости лошади, коровы и овцы в небольшом количестве имеются в Канинской и Уньинской пещерах. Существование у ванвиздинского населения собаководства весьма вероятно, так как домашние животные у них уже были.

Рассмотрим теперь охоту и скотоводство ванвиздинских племен в сравнении с хозяйством населения других территорий. Если сопоставить процентное соотношение особей диких и домашних животных в Северном Приуралье и соответствующий показатель ветлужских городищ раннего и среднего железного века, дьяковских городищ и черняховских селищ, то легко заметить, что по относительному количеству диких зверей ванвиздинские поселения ближе всего к ветлужским, хотя и от них отличаются гораздо меньшим процентом домашних животных⁷⁸.

Другим важным показателем охотничьей добычи является соотношение копытных и прочих зверей, добывавшихся в первую очередь ради пушнины. На поселениях ванвиздинской культуры дикие копытные составляют лишь 14,29 % общего числа особей (19,85 % количества костей). Невысок их процент и в пещерах Печорского Урала (16,1 % в Уньинской и 11,87 % в Канинской). Основная масса костей и особей приходится на пушных зверей (табл. 10). По этому принципу ванвиздинская культура гораздо ближе к культурам лесной полосы (например, к дьяковской),

⁷⁷ Ф. А. Арсеньев. Зыряне и их охотничьи промыслы. М., 1873, стр. 49—51.

⁷⁸ В. И. Цалкин. Животноводство и охота в лесной полосе Восточной Европы в раннем железном веке (по материалам раскопок дьяковских, верхнеокских и южновских городищ). МИА, № 107, 1962, стр. 59—63.

Соотношение костных остатков млекопитающих различных групп на поселениях Вычегодского края

Группа животных	Ванвиздинские поселения				Все поселения			
	количество костей	%	число особей	%	количество костей	%	число особей	%
Пушные	167	63,75	29	69,05	179	59,47	36	64,29
Дикие копытные	52	19,85	6	14,29	77	25,58	11	19,64
Бурый медведь	34	12,98	3	7,14	36	11,96	5	8,92
Домашние копытные	7	2,66	3	7,14	7	2,33	3	5,36
Прочие	2	0,76	1	2,38	2	0,66	1	1,79
Всего	262	100	42	100	301	100	56	100

чем к южным (например, к черняховской), в фаунистических комплексах которых из диких зверей господствуют копытные⁷⁹.

Как уже отмечалось, важнейшим промысловым зверем для ванвиздинских охотников был бобр. Он занимает также одно из первых мест в фаунистических комплексах железного века верхней Волги, Северо-Запада Европейской части СССР и воронежской лесостепи (в дьяковских городищах — 34% особей диких зверей, в мерянских памятниках — 54,2%, в памятниках северо-западных славян — 46,6%)⁸⁰. В Поветлужье бобр во второй половине I тысячелетия до н. э. составлял, по данным среднего слоя Одоевского городища, 55% всех диких животных, а в более позднее время (верхний слой) — 33%⁸¹ (из других зверей здесь, как и в Привычегодье, важную роль играли куница, бурый медведь и лось, но северный олень почти отсутствовал). Аналогичный состав костных остатков и на других ветлужских городищах I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. (Богородское, Чертово)⁸². Незначителен процент бобров в памятниках Белоруссии и Украины, а также (что весьма интересно) на городищах и селищах ананьинской культуры (верхнекамских и вятских)⁸³.

Высокий процент диких животных с резким преобладанием пушных зверей в фаунистических комплексах Вычегодского края свидетельствует о том, что ванвиздинские племена располагали значительным количеством пушнины, которая, безусловно, служила важнейшим продуктом обмена.

⁷⁹ Там же, стр. 64, 65.

⁸⁰ Там же, стр. 63, 64.

⁸¹ О. Н. Бадер. Городища Ветлуги и Унжи. МИА, № 22, 1951, стр. 153.

⁸² А. Н. Формозов. Материалы к истории фауны Приветлужья. МИА. № 22, 1951.

⁸³ В. И. Цалкин. Указ. соч., стр. 61, 62.

По сравнению с млекопитающими небольшое место в охотничьей добыче ванвиздинского населения занимала авиафауна, остатки которой найдены на поселении Вис II. Кости птиц составляют лишь 3,3% общего количества костей тех и других животных. Такой же процент их в Уньинской пещере. В своеобразном Канинском святилище относительное число птичьих костей еще меньше (1,6%)⁸⁴. На гляденовском поселении Пожегдин II 21 звериная кость приходится на три птичьих (две особи — глухарь и тетерев).

В фаунистическом комплексе из птиц имеются только промысловые — представители отрядов гусиных и куриных: глухарь (две кости от двух особей), тетерев (одна кость), утки дикие (четыре кости от двух особей), гусь и лебедь (по одной кости). Все птичьи кости, кроме одной глухаря, происходят из торфяника. Остатков водоплавающей птицы (дикие утки, гусь, лебедь) в два раза больше, чем боровой (глухарь, тетерев). Это соотношение не случайно: оно характерно и для Уньинской пещеры. Водоплавающие с древнейших времен играли существенную роль в хозяйстве племен Вычегодского края, что нашло отражение в неолитическом и более позднем искусстве (сосуды III неолитического типа с изображением птиц, керамика синдорской, лебяжской и ванвиздинской культур с узорами в виде птичьей лапы, бронзовая бляха из Усть-Вымского клада железного века и пр.).

УКРАШЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД, ИСКУССТВО И МИФОЛОГИЯ

Памятники ванвиздинской культуры дали материал, освещающий и те стороны жизни вычегодского населения, которые по более древним данным изучены слабо.

На поселении Вис II найдены ванвиздинские украшения. Весьма распространенным видом их были бусы. Бусины и пронизки, найденные в пределах поселения Вис II, делятся на крупные и бисер.

В зольном слое обнаружена большая бочонкообразная стеклянная бусина, украшенная двумя спиральными фигурами, между которыми находится звездочка (табл. XXXIV, 26, 26a). Стеклянные, но неорнаментированные бусины ванвиздинского времени, бочонковидная, и эллипсоидная, известны по I Веслянскому могильнику⁸⁵. Во II Висском торфянике оказалась стеклянная золоченая двучастная пронизка в виде неразделенных бусин бочонковидной формы (табл. XXXIV, 32); позолота как обычно, покрыта тонким слоем стекла. Пронизка имеет параллели в Старой Ладогe и других памятниках I тысячелетия н. э.⁸⁶ Кроме стеклянных бусин, в состав ванвиздинских ожерелий входили и сердоликовые (Ван-

---

⁸⁴ В. И. Канивец. Канинская пещера, табл. 7.

⁸⁵ Э. А. Савельева. Первый веслянский могильник. ИФС, вып. 8. Сыктывкар, 1963, стр. 93, 94 рис. V, 2, 3.

⁸⁶ Ф. Д. Гуревич. Древнейшие бусы Старой Ладогы. СА, XIV, стр. 173, рис. 3.

виздино, I Веслянский могильник)⁸⁷. Бусины ванвиздинского времени нанизывались на бронзовую основу, которой служила, например, тонкая проволока (кусочек найден в бусине из Ванвиздина) или тончайшая гривна, свитая из двух узких полосок (остатки обнаружены вместе с бусиной из зольного слоя).

Бисер, найденный как на суходоле II Висского поселения, так и в торфянике изготовлен из стекла, за исключением одной бусины из красной пасты (табл. XXXIV, 18). Простые стеклянные бисеринки (12 штук), желтого и сине-голубого цвета, — в основном короткоцилиндрической формы, причем некоторые экземпляры имеют скошенные основания (табл. XXXIV, 17, 19, 21, 23, 24, 27, 30). Три плоско-выпуклых бисеринки (табл. XXXIV, 22, 25, 29) и одна — длиннотрубчатая (табл. XXXIV, 28). Кроме того, в торфянике встречена пятичастная золоченая пронизка (табл. XXXIV, 31), состоящая из неразрубленных бусинок бочонкообразной формы.

Поселение Вис II — не единственный памятник ванвиздинской культуры, давший стеклянный бисер. Сине-голубой бисер обнаружен А. С. Сидоровым на самом Ванвиздинском поселении⁸⁸. Все типы бисера находят широкие аналогии в памятниках I тысячелетия н. э. Стеклянный синий, желтый и золоченый, простой и многочастный бисер встречен, например, в Старой Ладогге⁸⁹. Стеклянный золоченный и синий, а также красный пастовый бисер найден на городище III—VI вв. н. э. Ножа-Вар в Чувашии⁹⁰.

Кроме стеклянно-пастовых бусин на II Висском поселении, в раскопе I, найдена бронзовая, ребристая, колечкообразная (табл. XXXIII, 2). Такие бусины надевались на толстую металлическую основу. Доказательством этому служит железная гривна с бронзовой проволочной обмоткой и аналогичными бусинами с городища Ножа-Вар⁹¹. Ребристые бронзовые бусины также имеют широкое распространение.

Другой вид украшений (из зольного слоя) — бронзовые калачиковидные подвески-серьги в форме несомкнутого проволочного колечка, обмотанного узкой лентой (табл. XXXIII, 10, 11). Концы серьги снабжены ушком и крючком для скрепления. Близкие украшения, однако с ровными концами, обнаружены в могильниках III—V вв. Прикамья.

В ванвиздинском слое Виса II оказался бронзовый круглопроволочный браслет с несомкнутыми концами (табл. XXXIII, 7). Сходное украшение дал I Веслянский могильник. Наряду с браслетами круглого сечения в

---

⁸⁷ Э. А. Савельева. Первый веслянский могильник, стр. 93, рис. V, 4; А. С. Сидоров. Археологические памятники вымского района АССР Коми (по материалам обследования 1928 г.), 1937. Научный архив ЛОИА, д. 9, ф. 35, оп. № 2, стр. 11.

⁸⁸ А. С. Сидоров. Археологические памятники вымского района АССР Коми, стр. 11.

⁸⁹ Ф. Д. Гуревич. Указ. соч., стр. 172, 173.

⁹⁰ Н. В. Трубникова. Городище Ножа-Вар в Чувашии. СА, 1965, № 4, рис. 5.

⁹¹ Там же, рис. 6.

Привычегодье бытовали и сделанные из плоских пластин⁹². Браслеты обоих типов — нередкая находка на поселениях и могильниках ванвиздинско-ломоватовского времени⁹³.

В раскопе I найдена также бронзовая каплевидная подвеска (табл. XXXIII, 9). Она полая, прорезная, с ушком для привешивания и двумя валиками под ним. Близкая подвеска найдена в Деменковском могильнике VI—IX вв. в Прикамье. Такие подвески нанизывались вместе с бусинами на нитку или шнурок и служили шейным украшением⁹⁴.

Кроме ванвиздинских украшений, собранных на поселении Вис II, следует упомянуть еще одно из дер. Синдор, поступившее к А. С. Сидорову в 20-е или 30-е годы. Это, по его словам, «полая фигурка кричащей птицы — пронизка, известная в Камском бассейне в составе украшений женской одежды от VIII—IX вв. н. э.»⁹⁵. Можно думать, что речь идет о литых пронизках VI—IX вв., которые изображают сидящую птицу с поднятой звериной головой и открытой пастью; они снабжены вертикальной трубкой, примыкающей к середине спины⁹⁶. Возможно, пронизка найдена на поселении Вис I, где встречаются ванвиздинская керамика, вероятно, синхронная ей, и бронзовые изображения III—VI вв. Иного типа птицы-пронизки, с закрытой пастью, без ушей и с трубкой, проходящей через шею, тоже известны в Вычегодском крае; одна из них происходит из с. Онежья, другая — из I Веслянского могильника. В технике полого литья выполнены также подвески — «медведки» из дер. Ванвиздино⁹⁷.

В I Веслянском могильнике найдены и другие украшения, бытовавшие в Привычегодье в ванвиздинское время: бронзовая овальная подвеска с двумя ушками, инкрустированная стеклянными вставками, бронзовое колечко и прочее. Там же обнаружены пряжки, остатки ремня и набивные бляшки от него⁹⁸. По материалам могильника мы можем судить о погребальном ритуале ванвиздинских племен: покойников сжигали на стороне и пепел погребали в ямах подпрямоугольной формы, куда складывали без определенного порядка инвентарь; могильные ямы преимущественно располагались рядами⁹⁹.

Случайные находки вещей I тысячелетия н. э. в бассейне Вычегды позволяют предполагать о существовании здесь других ванвиздинских могильников. Таким или более поздним могильником с обрядом трупосожжения можно предположительно считать «чудские ямы» (в бывшей Помоздинской волости), в которых были найдены пепел и орнаментиро-

⁹² Э. А. Савельева. Первый веслянский могильник, рис. IV, 3, 9.

⁹³ В. Ф. Геннинг. Азелинская культура IV—V вв., табл. II, 12, 14.

⁹⁴ В. Ф. Геннинг. Деменковский могильник — памятник ломоватовской культуры. ВАУ, вып. 6. Свердловск, 1964, стр. 105, табл. III, 3, 4.

⁹⁵ А. С. Сидоров. Археологические памятники вымского района АССР Коми, стр. 8.

⁹⁶ Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований у Приуральской чуди. МАВГР, т. III. М., 1899, рис. 71; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, табл. XVI, 4—6.

⁹⁷ Г. М. Буров. Вычегодский край, стр. 144.

⁹⁸ Э. А. Савельева. Первый веслянский могильник, рис. IV, 5, 10; V, 5, 6, 8, 9.

⁹⁹ Там же, стр. 94, рис. 2.

ванная керамика¹⁰⁰. Ванвиздинский обряд захоронения имеет наиболее близкую аналогию в синхронных памятниках фоминского этапа верхне-обской культуры¹⁰¹.

Предметы искусства и культа, относящиеся к ванвиздинскому времени, — это бронзовые изображения пермского звериного стиля. Комплекс бронзовых бляшек найден на поселении Вис I. Две композиции, по-разному трактующие один и тот же мотив (ящера и антропоморфное существо), изображение птицы с человеческим лицом на туловище и фигурка ящера — все эти предметы III—VI вв. н. э. уже опубликованы, сопоставлены со своими аналогами и датированы¹⁰².

Пятое изображение имеется в инвентаре Виса II. По своим очертаниям оно (табл. XXXIII, 12) аналогично фигурке ящера из Виса I, хотя имеет более рельефно выраженное ухо, что делает эту вещь похожей на бляшку из жертвенного места Подбобыка на р. Колве¹⁰³. Для изображений из Подбобыки, Виса I и II характерны общие детали на лицевой стороне — ряд вертикальных углублений, как бы показывающих ребра, и черточки, которыми отмечены конечности, шея и рот. Но в отличие от других фигурок ящера, на бляшке с поселения Вис II вовсе не показаны глаз и ноздря, а по животу проходит дугообразная линия. Все штрихи имеют неправильные очертания, а тыльная сторона бляшки очень неровная. Это говорит о литье в одиночной матрице небрежной выделки. Такое явно неудачное изделие вряд ли получено в результате обмена. Скорее всего, оно изготовлено на месте и подтверждает наше соображение о том, что предметы пермского звериного стиля отливались и в Привычегодье (часть из них, видимо, поступала с Камы).

А. В. Шмидт предположил два способа использования плоских блях: как привески каких-то шаманских одежд и как приношения божеству¹⁰⁴. Большой этнографический материал, собранный у обских угров К. Ф. Карьялайненом, не увязывается с такой точкой зрения. Исследователь считает, что антропоморфные фигурки Западной Сибири представляют собой изображения самостоятельных местных духов, а зооморфные — их помощников; фигурки хранились в святилищах, на жертвенных местах; лишь в редких случаях и только изображения животных можно считать приношениями божествам¹⁰⁵.

Мифологию населения, которое создало бронзовые изображения пермского звериного стиля, в той или иной мере пытались восстановить многие исследователи, начиная с конца прошлого века (И. И. Толстой, Н. П. Кон-

¹⁰⁰ С. В. Мельников. Археологические поиски в Яренском уезде. ЗРАО, т. VIII, 1856, стр. 124.

¹⁰¹ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка, стр. 99—114, рис. XLVIII.

¹⁰² Г. М. Буров. Вычегодский край, стр. 146—150.

¹⁰³ А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗОРСА, т. VIII, вып. I. СПб., 1906, рис. 407.

¹⁰⁴ А. В. Шмидт. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. Сб. МАЭ, т. VI. Л., 1927.

¹⁰⁵ K. F. Karjalainen. Die Religion der Jugravölker, II. Folklore fellows communications, vol. XI, 44. Porvoo, 1922, стр. 73.

даков, Ф. А. Теплоухов, Д. Н. Анучин, И. Н. Смирнов, А. А. Спицын, Я. Апфельгрэн-Кивало, А. В. Шмидт, А. П. Смирнов, С. В. Иванов, В. В. Чарнолуский и др.). Весьма интересно сопоставление этих изображений с лопарской легендой об олене-человеке Мяндаше, сделанное исследователем быта и фольклора лопарей В. В. Чарнолуским¹⁰⁶.

Согласно легенде, у женщины-олени, Мяндаш-девы, родился сын Мяндаш. Вместе с ними жили его младшие братья — «мяндаш-парнь». Мяндаш женился на «дочери человеческой», и у них появился младенец. Однажды он замочил «постелю» (оленью шкуру), а его мать, вопреки запрету Мяндаша, не бросила ее в воду, а повесила сушить. И тогда Мяндаш и его братья, покинув «дочь человеческую», ушли в тундру.

Большая часть композиций пермского звериного стиля неплохо иллюстрирует изложенную легенду, если сделать поправку на то, что в лесной полосе мог сложиться культ лося, а не оленя¹⁰⁷. Это позволило В. В. Чарнолускому предположить существование у древних племен Приуралья мифа, близкого к тому, который сохранился у лопарей. Впрочем, как еще ранее было показано А. П. Смирновым¹⁰⁸, легенда об олене-человеке, правда другая, записана и гораздо ближе к ареалу изображений пермского звериного стиля у марийцев. Согласно легенде, это существо (Вадыш), напоминающее своим именем лопарского Мяндаша, ходит ночью вокруг селений и пасет скот, а вся природа перед ним благоговееет.

В соответствии с предложенной В. В. Чарнолуским интерпретацией изображений пермского звериного стиля, на одной из бляшек с поселения Вис I¹⁰⁹ изображен «Мяндаш», на образке из дер. Эжол мы видим «Мяндаш-деву», на бляшке с оз. Донты показана «дочь человеческая», которая в ожидании жениха держит «руки на коленях», и которую ласкают два «мяндаш-парнь»¹¹⁰.

Из легенды, записанной у лопарей, трудно, однако, объяснить образ ящера, на котором едут «Мяндаш», его жена и младенец и которому посвящены также специальные изображения, найденные, в частности, на висских поселениях. Нам представляется спорным мнение В. В. Чарнолуского по вопросу о ящере, в котором он видит «хозяина моря». Из приведенных аргументов даже наиболее веский (рыбы в полости живота) не убеждают в том, что перед нами именно морское чудовище. Во-первых, область распространения предметов пермского звериного стиля периода расцвета не выходит к морю. Во-вторых, ящер — постоянный помощник «Мяндаша» и членов его семейства, так что вряд ли он трактовался древними мастерами как существо, живущее только в воде.

¹⁰⁶ В. В. Чарнолуский. Легенда об олене-человеке. М., 1965.

¹⁰⁷ Культ лося существовал у племен лесной полосы с глубокой древности, чему соответствуют многочисленные его изображения и преобладание в Канинском святилище костей этого животного над остатками оленя.

¹⁰⁸ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья, стр. 263.

¹⁰⁹ Г. М. Буров. Вычегодский край, рис. 26, 3.

¹¹⁰ А. С. Сидоров. Археологические памятники Коми АССР. ИКФВГО, вып. 2. Сыктывкар, рис. 4, 2, 9.

Здесь мы должны согласиться с С. В. Ивановым, рассматривающим фигурки ящера как фантастические изображения мамонта, кости которого находил древний человек: многие ящеры имеют рог-бивень¹¹¹. Бивни мамонта часто использовались манси, изготавливавшими из них рукояти для ножей и другие поделки¹¹². Аналогичное явление имело место и в древности, что подтверждается находками обломков бивней мамонта во II Висском торфянике¹¹³ и Канинском пещерном святилище¹¹⁴. В представлении манси, живших на Сосьве, мамонт — существо, обитающее как под водой, так и под землей¹¹⁵. Этому соответствует этимология его названия («ма хар» — земляной бык). Мамонт в мифологии сосьвинских манси — существо злое и появление его предвещает несчастье людям той страны, в которой он живет. Однако могущественный «Мяндаш», видимо, покорил себе ящера-мамонта и тот, как показано в многочисленных композициях, покорно служит хозяину.

Культовые изображения «Мяндаша» и других человеко-лосей называют, что древние обитатели Приуралья имели развитую мифологию, включавшую тотемические представления. О том же свидетельствуют и фигурки птиц с туловищем в виде человеческого лица.

Совпадение основных мотивов легенды о «Мяндаше» у лопарей и древнего населения Западного Приуралья говорит о ее широком распространении в I тысячелетии н. э. Поэтому не удивительно, что предметы пермского звериного стиля могли одновременно удовлетворять потребности разных племен — ломоватовских и ванвиздинских.

---

¹¹¹ С. В. Иванов. Мамонт в искусстве народов Сибири. Сб. МАЭ, вып. XI. М.—Л., 1949.

¹¹² A. Kannisto. Materialien zur Mithologie der Wogulen. Mémoires de la Société finno-ougrienne, 113. Helsinki, 1958, стр. 235.

¹¹³ По определению И. Е. Кузьминой.

¹¹⁴ В. И. Канивец. Канинская пещера, стр. 129.

¹¹⁵ A. Kannisto. Указ. соч., стр. 234, 235.

Глава шестая

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В СЕВЕРНОМ ПРИУРАЛЬЕ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА

История населения Вычегодского края прослеживается с мезолита. До работ в Синдоре мезолитические памятники были открыты и выделены в долине Вычегды.

Наличие кварцитовых топоров с перехватом и без следов шлифования на стоянках по Вычегде, а на мезолитических поселениях района Синдорского озера — шлифованных топоров и пешен, — позволяет предполагать различие между этими памятниками. Видимо, о том же свидетельствуют наконечники стрел свидерского типа, хорошо представленные на висских поселениях, но достоверно не известные на мезолитических стоянках долины Вычегды. Можно думать, что I Висский торфяник и соответствующие ему суходольные комплексы висских поселений примыкают к мезолитическим культурам балтийского круга, для которых характерны шлифованные орудия и наконечники стрел из пластин (Кунда, Суомусярви). Стоянки же вычегодской долины принадлежат к камско-вычегодско-печорскому мезолиту, в котором техника шлифования камня и бесспорные наконечники свидерского типа не отмечались. Вряд ли те и другие мезолитические памятники Привычегодья синхронны. Скорее речь может идти о смене культуры I Висского торфяника позднемезолитической культурой южного происхождения, памятники которой в бассейне Вычегды, вероятно, относятся ко времени после VI тысячелетия до н. э. Если мезолитические стоянки долины Вычегды отнести к атлантическому времени, то станет понятным их относительно высокое гипсометрическое положение¹.

В главе III выделены три этапа заселения района Синдорского озера в неолите. Видимо, они относятся ко всему Вычегодскому краю. I неолитический тип керамики иначе может быть назван камским (рис. 25, 1). Возможно, это древнейшая посуда висских поселений: на территории Северо-Восточной Европы наблюдается распространение керамики II типа, тогда

¹ См. гл. I, стр. 33.

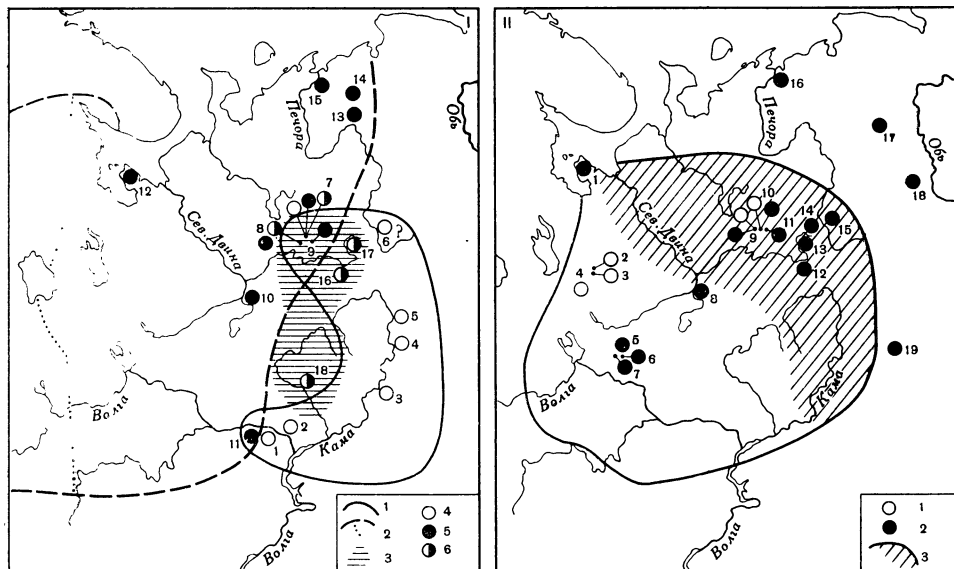

Рис. 25. Культурно-этнические области, в которые Вычегодский край входил в неолите и раннем бронзовом веке

I — неолит: 1 — Криушинское; 2 — Обсерватория III; 3 — Кряжское; 4 — Боровое озеро I; 5 — Хуторское; 6 — Усть-Ляга; 7 — Вис I; 8 — Вис II; 9 — Вис III; 10 — Мармылино; 11 — Чебоксары; 12 — Галдарей I; 13 — Миш-Вань; 14 — Шренк-Ярей; 15 — Нарьян-Мар; 16 — Керчемья; 17 — Ягкодж I

1, 4 — камская культура; 2, 5 — культурно-этническая область ямочно-гребенчатой керамики и граница (по М. Е. Фосс) между волго-окским неолитом и неолитом западных областей; 3, 6 — вычегодско-вятская культура; 4-6 — поселения

II — ранний бронзовый век: 1 — Галдарей II; 2 — Попово; 3 — Ольга; 4 — Караванха; 5 — Федоровское; 6 — Галичское; 7 — Умиление; 8 — Мармылино; 9 — Вис I; 10 — Вис II; 11 — Синдорское озеро I; 12 — Лебяжск; 13 — Варламовка; 14 — Затон I; 15 — Усть-Ляга I; 16 — Ортино; 17 — Чес-Тый-Яг; 18 — Сортинья I; 19 — Береговая I

1 — поселение каргопольского типа; 2 — поселение синдорского типа; 3 — культурно-этнические области турбинской (турбинско-волосовской) и борской керамики (ареал показан штриховкой)

как ареал камской неолитической посуды сокращался (трехслойная стоянка Обсерватория III).

II волго-окский неолитический тип посуды, несомненно, должен быть связан с крупным движением племен, которыми были заняты обширные пространства Европейского Севера. На востоке волго-окские племена встретились с камскими, и их граница наметилась в Казанском Поволжье, Вятском и Вычегодском бассейнах.

В последних двух пограничных районах из двух компонентов сформировалась своеобразная культура керамики III неолитического типа, представленная на Вятке стоянкой Буй I (ранний комплекс). Буйская керамика, имея ряд общих черт с камской, все же существенно отличается от нее

(на что обратил внимание еще в 1958 г. В. П. Денисов)² и в то же время прямо аналогична бытовавшей в бассейне Вычегды посуде III неолитического типа (Вис I и II, Керчемья, Ягкодж I). Сосуды стоянки Буй I тоже изготовлены из глины с примесью кварца и слюды, имеют уплощенный или закругленный венчик, украшены оттисками косозубого штампа. Среди узоров — «шагающая гребенка», горизонтальные ряды оттисков и линии. Эта новая поздненеолитическая культура, которая наиболее полно характеризуется материалами поселений района Синдорского озера, вероятно, будет названа вычегодско-вятской. Очевидно, к ней принадлежит ближайшая к Бую I стоянка Чернашка на Каме (неолитический комплекс), которую О. Н. Бадер резонно относит к концу неолита³. Сосуд из Чернашки не имеет утолщения у венчика и украшен при помощи косозубого штампа. Орнамент состоит из рядов конических ямок, чередующихся с рядами отпечатков штампа и «шагающей гребенкой».

В эпоху ранней бронзы Вычегодский край и смежные территории последовательно входили по крайней мере в две культурно-этнические общности (рис. 25, II). Одна из них — турбинская, включающая Камский, Волго-Окский и Северодвинский бассейны⁴. Границы этой области расширены за счет включения в нее южной части Припечорья⁵. Несколько поселений Севера могут быть отнесены к борскому этапу турбинской культуры (стоянки Коми АССР, Кузнечиха), распространявшейся, оказывается, в высоких широтах.

Другая культурно-этническая область, которая, по нашему мнению, соответствует единой археологической культуре, захватывает огромные территории по обе стороны Урала, от Галичского озера и Белого моря на западе до р. Северной Сосьвы и Горбуновского торфяника на востоке. По центральному крупному памятнику (Вис I в районе Синдорского озера) назовем ее синдорской.

На территории Коми АССР памятники синдорского типа впервые были обнаружены в 1959 г. и в 1961 г. осмыслены как археологическая культура раннего бронзового века⁶. В 1962 г. предварительно намечен круг поселений этого типа (Вис I и II, Симва II, Лебяжск, Мармылино, стоянки первого этапа беломорской культуры, по М. Е. Фосс и др.), характеризующих четко выделяющимися сосудами типа «первой подгруппы зубчатой керамики»⁷. В этом же году две небольшие стоянки синдорского типа (Усть-Ляга I и Затон I) найдены на верхней Печоре В. Е. Лузгиным и

² В. П. Денисов. Новые археологические памятники на р. Вятке. СА, 1958, № 3, рис. 4, 3—12, стр. 114, 119.

³ О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция в 1956 г. КСИИМК, вып. 74. 1959, стр. 111, рис. 48, 1.

⁴ Г. М. Буров. Вычегодский край, рис. 30.

⁵ В. И. Канисев. Древние поселения Южно-Печорской равнины. МАЕСВ вып. III. Сыктывкар, 1965, рис. 2, 14.

⁶ Г. М. Буров. Основные итоги и проблемы изучения археологии Вычегодского края. ВАУ, вып. 1. Свердловск, 1961, стр. 101.

⁷ Г. М. Буров. Долговременные поселения на р. Вис (бассейн Вычегды) МАЕСВ, вып. 1. Сыктывкар, 1962, стр. 17, 18, 26, 37.

В. И. Канивцом, которым эти памятники через год датированы первой половиной II тысячелетия до н. э. и сближены с поселениями турбинской культуры в Прикамье, одновременными поселениями бассейна Вычегды и беломорского побережья⁸. В том же 1963 г. мы причислили к памятникам рассматриваемого типа Ортинскую стоянку на нижней Печоре⁹, по данным Л. П. Хлобыстина¹⁰.

В 1965 г. все выделенные памятники синдорского типа были картографированы как культурно-этническая общность¹¹. Одновременно В. И. Канивец высказался о принадлежности стоянок синдорского типа в пределах Коми АССР и Ненецкого национального округа к «еще не названной археологической культуре, которая тяготеет к относительно высоким широтам и является северной параллелью турбинской культуры»¹².

Область распространения поселений синдорского типа следует расширить дальше к юго-западу, за счет включения в нее стоянок галичского типа (Галичская, Умилине, Федоровская)¹³.

В литературе нашло отражение мнение Л. П. Хлобыстина о близости сосудов Ортинской стоянки и стоянок на р. Северной Сосьве — Чес-Тый-Яг и Сортинья I¹⁴. Мы полностью разделяли и разделяем эту точку зрения, а также считаем, что чрезвычайно близкое сходство керамических комплексов нижней Печоры, Северной Сосьвы и Вычегодского края возможно только при их синхронности и принадлежности к одной археологической культуре.

Аналогия между керамикой синдорского типа Вычегодского края и бассейна р. Северной Сосьвы проявляется в формах и орнаментации, которая покрывает всю внешнюю поверхность и торец, скошенный внутрь или горизонтальный. Внешняя поверхность хорошо сглажена, а внутренняя бывает сглажена зубчатым инструментом. Ямки расположены в один-два ряда под венчиком. При орнаментации использовались штампы средней ширины, прямо- или фигурнозубые. Среди узоров на первом месте — ряды горизонтальных оттисков, на втором — зигзаг. Реже отмечены горизонтальные линии, косая сетка, наклонные ряды оттисков, зубчатые «арочки». Иногда встречаются отпечатки гладкого штампа и мелкие ямки, расположенные рядами¹⁵. Единичные черепки с волнистым прочерченным орнаментом из Чес-Тый-Яга производят впечатление относящихся к другому комплексу. Различие комплексов района Синдорского озера и бассейна

---

⁸ В. И. Канивец и В. Е. Лузгин. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. Сыктывкар, 1963, рис. 17, 6; 32, 1, 2, 5, 6; стр. 76, 77.

⁹ Г. М. Буров. Вычегодский край в каменном, бронзовом и раннем железном веке, 1963. Канд. диссерт.

¹⁰ Н. П. Пядышев, Л. П. Хлобыстин. Новая стоянка в Печорском Заполярье. КСИА, вып. 92, 1962.

¹¹ Г. М. Буров. Вычегодский край (очерки древней истории). М., 1965, стр. 73, 74, 167, 168, рис. 30.

¹² В. И. Канивец. Древние поселения Южно-Печорской равнины, стр. 95, 96.

¹³ См. гл. IV, стр. 100.

¹⁴ Н. П. Пядышев, Л. П. Хлобыстин. Указ. соч., 75.

¹⁵ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 12—18.

Северной Сосьвы, заключающееся в отсутствии у вторых «шагающей гребенки», не принципиально, так как и на первых процент ее низок. При этом надо учесть, что на стоянках бассейна Северной Сосьвы представлены десятки сосудов синдорского типа, а на поселениях района Синдорского озера — тысячи.

Нам остается еще аргументировать распространение керамики синдорского типа вдоль восточного склона Урала к югу, до г. Нижний Тагил. В данном случае можно опереться на I Береговую сторону Горбуновского торфяника¹⁶. Целый ряд керамических фрагментов, несомненно, относящихся к синдорскому типу, опубликован А. Я. Брюсовым. Здесь имеются сосуды и с оттисками фигурнозубого штампа, и с косой сеткой, и с кружковыми отпечатками, а у одного отмечен рельефный выступ у венчика¹⁷.

Таким образом, висские поселения, расположенные в центре ареала памятников синдорского типа, позволяют объединить в одну общность поселения западных и восточных областей. В свете вышеизложенного памятники синдорского типа по керамике могут быть причислены к культуре зауральского круга. Этот вывод подкрепляется аналогией в некоторых рассмотренных раньше типах каменных и других изделий (шлифованные наконечники стрел, кремневые резчики, овальные зубчатые штампы и пр.).

Наиболее редким типом посуды ранней бронзы является тип I, известный основными своими чертами только в районе Синдорского озера. Но одна из разновидностей этой керамики представлена в районе озер Лача и Воже (Архангельская обл.) и названа керамикой каргопольского типа. Речь идет о небольших и средних тонкостенных сосудах хорошего обжига, украшенных сплошными проколами под венчиком, ребра торца которого орнаментированы насечками (устье р. Кинемы, Попово, Ольга, Каравайха)¹⁸. М. Е. Фосс отнесла эту керамику к позднему этапу каргопольской культуры, а А. Я. Брюсов предполагал более глубокий ее возраст, ссылаясь на залегание посуды каргопольского типа под двухметровой толщей торфа суббореального периода. По-видимому, и эта керамика датируется эпохой ранней бронзы. Приведенная параллель сосудам I типа, хотя и частично, все же указывает на то направление, куда могла распространяться эта керамика.

В позднем бронзовом веке в Привычегодье, по-видимому, начинается приток нового населения, изготовлявшего керамику усть-вымского типа. Вывести эту посуду непосредственно из предшествовавшей ей керамики турбинского типа трудно. Постараемся наметить тот центр, из которого в бассейн Вычегды проникла усть-вымская этническая группа. Глиняная

¹⁶ См. гл. IV, стр. 101.

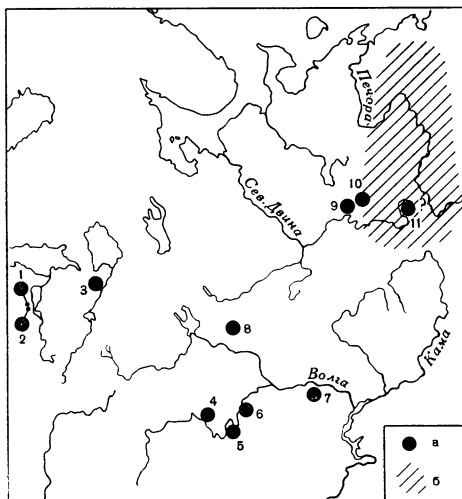
¹⁷ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, рис. 41, 2—8; 42, 4—7. В подписях к рисункам опубликованная керамика распределена между тремя стоянками (шестой разрез Горбуновского торфяника, I и II Береговые). Однако здесь, видимо, допущена опечатка, так как некоторые из черепков изданы позднее В. М. Раушенбах с другим паспортом (В. М. Раушенбах. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. «Труды ГИМ», вып. 29. М., 1956, рис. 9, 8, 13; 11, 12).

¹⁸ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА. № 29, 1952, рис. 46, 6; 47, 1, 2; А. Я. Брюсов. Караваяевская стоянка. «Сб. по археологии Вологодской области». Вологда, 1961, стр. 102, 103, рис. 36, 37.

Рис. 26. Культурно-этнические области, в которые Вычегодский край входил в позднем бронзовом веке

1 — Кулламяги; 2 — Акали; 3 — Усть-Рыбежна II; 4 — Алканово; 5 — Подборное; 6 — Поздняково; 7 — Акозино; 8 — Федоровское; 9 — Ванвиздино; 10 — Вис II; 11 — Ягкодж I
а — поселения поздняковского-усть-вымской общности; б — ареал левяжской культуры в раннюю стадию ее развития

посуда, аналогичная усть-вымской и близкая ей по времени, известна не только в области поздняковской культуры (сложившейся из местного волоховского, срубного и фатьяновско-балановского компонентов), но и к северо-западу от нее (рис. 26). Это текстильная керамика Прибалтики. Особенно хорошо она представлена на поселении Усть-Рыбежна II в Ленинградской области¹⁹. Здесь сосуды также имеют резкую профилировку или без выраженного венчика и плечиков. Поверхность сглажена, покрыта зубчатой штриховкой или отпечатками ткани. Встречаются ямки изнутри и снаружи под ним, а также весьма характерные сочетания из зубчатых параллельных линий, зигзагов и рядов косых оттисков. Интересно, что именно с этой керамикой на Северо-Западе Европейской части СССР идут скребки с подтесанной спинкой²⁰, которые на Вычегде наиболее характерны для памятников усть-вымского типа.

Текстильная керамика распространялась также на территории Эстонии. Так на поселениях Акали и Кулламяги найдена посуда (текстильная первой подгруппы)²¹, сопоставимая с усть-вымской второй группой. По основным признакам эстонская и вычегодская керамика обнаруживают сходство, выраженное в составе глиняного теста (фрагменты пористые), профилировке венчика, орнаментации и обработке поверхности (отпечатками ткани).

Но в Прибалтике текстильная керамика не является результатом местного развития. Н. Н. Гурина и Л. Ю. Янитс связывают ее с приходом

¹⁹ Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. МИА, № 87, 1961, стр. 468—482, рис. 191, 2—4; 195, 4, 7, 10.

²⁰ Там же, стр. 104, 464.

²¹ Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959, стр. 143—145, табл. XXIII, 5—8; XXIV, XXV, 1.

населения из области верхней Волги²². Следовательно, выводить усть-вымскую посуду из отдаленной Прибалтики нельзя. Скорее можно предполагать, что наряду с расселением племен Волго-Окской области к северо-западу имело место и распространение их к северо-востоку.

Ближайшим к Вычегде памятником с керамикой поздняяковского облика является Федоровская стоянка у Чухломского озера. Здесь имеется комплекс сосудов, аналогичных по форме усть-вымским первой группы. Некоторые из них украшены изнутри ямками по венчику с соответствующими выпуклостями снаружи и зубчатыми узорами, состоящими из горизонтальных линий, зигзагов и рядов ромбовидных фигур, таких же, как на усть-вымской посуде первой группы²³. По-видимому, район Чухломского озера является вехой на пути волго-окского населения к Вычегодскому краю. Отсюда до Ванвиздинского поселения по прямой немногим больше 500 км.

Поздняковские памятники открыты и на средней Волге, близ г. Козьмодемьянска (Акозинское поселение). Но вряд ли Привычегодье заселялось из этих мест. С юга его отгораживали племена так называемой чирковско-сейминской культуры²⁴, керамика которой, хотя и несколько напоминает усть-вымскую второй группы, но существенно от нее отличается.

В создателях керамики усть-вымского типа можно, очевидно, видеть предков финно-волжских народов. Этот вывод согласуется с мнением Н. Н. Гуриной²⁵, П. Н. Третьякова²⁶ и А. Х. Халикова²⁷ об этнической принадлежности поздняяковской культуры и текстильной посуды.

Во второй половине II тысячелетия до н. э., в турбинское или усть-вымское время, на поселениях синдорского района оставляет валиковую керамику другая группа южного населения. Можно думать, что она пришла сюда с территории, примыкающей с севера к ареалу многоваликовой керамики, которая встречается в Нижнем и Среднем Приднепровье, на Дону, Северном Донце, Осколе и в Верхнем Побужье (памятники типа поселения Бабино III). Эта и вычегодская валиковая посуда имеют черты сходства²⁸. В области Валдая, на стоянке Щепочник²⁹ у оз. Березовского, найдены фрагменты остродонной посуды из теста с примесью шамота, с хорошо сглаженной поверхностью и орнаментом из рядов клиновидных

²² Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. стр. 164—166; Л. Ю. Янитс. Указ. соч., стр. 349, 350.

²³ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР, рис. 99, 1, 2; См. также коллекцию М. Е. Фосс, А. В. Збруевой и А. Я. Брюсова из раскопок 1925 г. (собрание ГИМ).

²⁴ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, стр. 74—137.

²⁵ Н. Н. Гурина. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР, стр. 165—167.

²⁶ П. Н. Третьяков. К вопросу о возникновении и древнейшей истории финно-угорских племен Поволжья. Научная сессия по этногенезу мордовского народа Саранск, 1964, стр. 9.

²⁷ А. Х. Халиков. Истоки финно-угорских народов. Научная сессия по этногенезу марийского народа (тезисы докладов и сообщений). Йошкар-Ола, 1965, стр. 17.

²⁸ См. гл. IV, стр. 114, 115.

²⁹ Н. Н. Гурина. Неолитическая стоянка Щепочник (к вопросу о происхождении валдайской культуры). КСИИМК, вып. 82, 1961.

углублений. Эта посуда очень близка валиковой четвертой подгруппы, но, судя по форме дна, должна быть значительно древнее.

Очевидно, в середине II тысячелетия до н. э., накануне миграции на север, создатели керамики типа Щепочника перешли к изготовлению плоскодонных сосудов с валиками. Несмотря на это, сосуды по-прежнему лепили из хорошо отмученного теста, в которое вводился шамот, поверхность тщательно сглаживалась, а орнамент в основном оставался прежним — из мелких углублений.

Имеются основания предполагать, что создатели вычегодской валиковой керамики говорили на каком-то индоевропейском языке. Плоскодонные сосуды с валиками характерны именно для индоевропейских культур бронзового века (культура поселений типа Бабино III, комаровская, белогрудовская, срубная, андроновская и др.).

Распространение посуды, украшенной валиками и гладкими вдавлениями, к северу прослеживается также в Марийском Поволжье³⁰.

В самом конце бронзового века район Синдорского озера, по-видимому, не был заселен; и лишь в VIII—VII вв. до н. э. сюда приходят носители лебяжской культуры. В позднем бронзовом веке она занимала Печорское Приуралье вплоть до Большеземельской тундры (стоянка Адзэва V), восточное Привычегодьё и, по-видимому, область к западу до самой Двинской губы³¹. В начале железного века следы лебяжской культуры наблюдаются в Привычегодьё, южной части Печорского Приуралья и Верхнем Прикамье³², на Северной Двине (стоянка Ноза I)³³ и даже на ее дельте (Красная Гора)³⁴. Значительно меньшее распространение к северу и западу имели ананьинская и гляденовская культуры: ни в хорошо обследованной Большеземельской тундре, ни на Белом море памятники этих культур не обнаружены.

На поселениях гляденовской культуры выделены три типа (группы) керамики II в. до н. э.— III в. н. э., из которых III, нижнеобский, генетически не связан с остальными и приписывается пришлому населению, обитавшему главным образом к северо-востоку, а может быть, и к востоку от ареала гляденовской культуры³⁵. Полевые исследования последних лет показали, что племена своеобразной керамики нижнеобского типа оставили многочисленные поселения в Большеземельской тундре и на средней Печоре³⁶. Эти и аналогичные памятники раннего железного века мы будем предварительно именовать поселениями бичевницкого типа по названию

³⁰ А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. «Труды Марийской археологической экспедиции», т. I. Йошкар-Ола, 1960, табл. X, 5.

³¹ См. гл. IV, стр. 118.

³² Н. О. Бадер. Памятники эпохи бронзы на Каме между Чусовой и Белой (по материалам разведок 1951—1956 гг.). УЗПГУ, т. XII, вып. I. Пермь, 1960, рис. 3, 4.

³³ Разведка 1963 г. Г. А. Панкрушева, который любезно познакомил нас с материалами.

³⁴ М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, рис. 71, 6; 74, 4.

³⁵ Г. М. Буров. Вычегодский край, рис. 31, B.

³⁶ В. И. Канивец. Древние поселения Южно-Печорской равнины. МАЕСВ, вып. III. Сыктывкар, 1965, рис. 10; 12, 13; 15, 1—7; 58, 59, 60.

среднепечорской стоянки Бичевник I с чистым комплексом³⁷. Племена, оставившие поселения бичевницкого типа, представляли собой крупный этнос, ассимилировавший часть местного гляденовского населения, в результате чего сложились носители ванвиздинской культуры³⁸. Можно предполагать, что формирование ее происходило главным образом в области стыка гляденовской культуры и ареала памятников «бичевницкого» типа, т. е. на верхней Вычегде, верхней и отчасти средней Печоре. Отсюда шло расселение ранних ванвиздинцев к западу и в других направлениях, где они могли встречаться с гляденовским населением. В самом деле, обратим внимание на своеобразие перехода от гляденовской керамики к ванвиздинской в районе Синдорского озера.

Анализ раннегляденовской посуды показывает, что она в районе Синдорского озера, по-видимому, испытала некоторое, небольшое влияние бичевницкой керамики (хотя последняя здесь не найдена), чего нельзя сказать о расположенных к юго-востоку и югу поселений Озьяг II и Иб. Свидетельством этому являются каннелюры и ямки под венчиком. Появление их может быть объяснено каким-то контактом населения синдорского района с бичевницким³⁹. Может быть, благодаря контакту на некоторых сосудах имеются «арочки» и кружки, которые, хотя и не встречены на бичевницкой посуде, но весьма типичны для западносибирской керамики разного времени.

По мере своего развития гляденовская посуда района Синдорского озера, как и всей области одноименной культуры, приобретала некоторые западносибирские (ванвиздинские) черты в форме, характере подготовки торца, обработке поверхности и даже в мотивах орнамента (все большую

---

³⁷ Первый памятник бичевницкого типа — Усть-Полуйское городище близ Салехарда — открыт в 1932 г. и раскапывался в 1935—1936 гг. В. С. Андриановым. В 1944 г. Г. А. Черновым выявлены два поселения этого типа в Большеземельской тундре, а в 1957 и 1963 гг. нами обнаружена «бичевницкая» керамика на гляденовских поселениях верхней Вычегды. В 1959 и последующих годах ряд поселений «бичевницкого» типа открыт В. И. Канивцом в Южном Припечорье.

Керамика, называемая бичевницкой, впервые выделена В. И. Мошинской в инвентаре Усть-Полуйского городища (В. И. Мошинская. Керамика усть-полуйской культуры. МИА, № 35, 1953, табл. 1, 1—8). В 1960 г. с этой керамикой из Усть-Полуя сопоставлена бичевницкая посуда верхневычегодских поселений (Г. М. Буров. Из результатов археологической разведки 1957 г. на Верхней Вычегде. ИФС, вып. 5. Сыктывкар, 1960, стр. 118). Через три года, в кандидатской диссертации (стр. 194, рис. 70) в ареал бичевницкой керамики были включены памятники Большеземельской тундры и верхней Печоры. В 1965 г. эти соображения и карта памятников бичевницкого типа опубликованы. Одновременно В. И. Канивец, после открытия группы памятников бичевницкого типа на средней Печоре, пришел к выводу, что «все яснее вырисовываются черты обширной культурной общности, сложившейся на Севере в конце раннего железного века» (В. И. Канивец. Древние поселения Южно-Печорской равнины, стр. 99).

³⁸ Мы рассматриваем резко различающиеся и территориально разграниченные гляденовскую и «бичевницкую» культуры как явления более или менее синхронные, в то время, как В. И. Канивец считает, что первая хронологически предшествует второй и генетически связана с ней (В. И. Канивец. Древние поселения Южно-Печорской равнины, стр. 99).

³⁹ Ямки известны также у гляденовской керамики поселения Палью V па р. Илыч (В. Е. Лузгин. Археологическая разведка в бассейне Илыча в 1963 г. МАЕСВ, вып. III. Сыктывкар, 1965, рис. 17, 1, 2; 19, 3; 20).

роль играет зигзаг). Но вместе с тем по некоторым показателям гляденовская посуда синдорского района становится ближе такой же керамике Верхнего Прикамья: исчезают каннелюры, «арочки» и кружки, возрастает процент сосудов из глины с раковинами, по-видимому, уменьшается относительное число сосудов с ямками и не получают развития сосуды II гляденовского типа.

Установленным фактом является доживание в синдорском районе керамики I гляденовского типа вплоть до времени оформления ванвиздинской культуры, в местной керамике которой сохранились ее отчетливые черты в виде резного и другого гладкого орнамента. Такого явления не наблюдается в восточной части Вычегодской долины, где к концу гляденовской эпохи гладкий орнамент полностью заменяется зубчатым (Помоздино, Озъяг III).

Если здесь вначале возникает посуда II гляденовского типа (со штрихованной поверхностью, веревочным и зубчатым орнаментом), которая под влиянием богато украшенной бичевницкой посуды постепенно приобретает ванвиздинские черты, то на висских поселениях намечается и некоторая прямая преемственность ванвиздинской посуды от гляденовской I типа (с гладким орнаментом). Помимо ванвиздинской керамики с резными узорами, во II торфянике найдено несколько сосудов переходного облика, и принадлежность их к той или другой культуре определить трудно.

Итак, можно предполагать, что в районе Синдорского озера не происходило сложение ванвиздинской культуры, благодаря чему здесь очень долго сохранялась гляденовская посуда I типа, носители которой встретились с ванвиздинским населением и вошли в его состав.

Для того чтобы определить этнический характер племен, оставивших памятники ванвиздинской культуры, необходимо, во-первых, очертить ее ареал и, во-вторых, наметить круг родственных ей культур.

Территория ванвиздинской культуры включает, как уже показано нами, Вычегодский край, Южное Припечорье и северо-восточную часть Верхнего Прикамья⁴⁰. Следы этой или лебяжской культуры выявлены на р. Юг: в Великоустюгском краеведческом музее хранится керамика ванвиздинского или позднелебяжского типа⁴¹, собранная на Мармылинской (?) стоянке близ устья р. Лузы. Далее, границы распространения культуры должны быть расширены к югу, вплоть до г. Усолье; найденная на открытом здесь Огурдинском поселении глиняная посуда, бесспорно, принадлежит к ванвиздинскому типу⁴². Ванвиздинская керамика встречена археологами Пермского университета в ряде других пунктов северо-восточной части Верхнего Прикамья. Не исключено, что такие пункты имеются в некоторых необследованных районах Вятского края.

Как далеко ванвиздинские памятники заходили на север, еще точно не установлено, но в неплохо обследованной Большеземельской тундре най-

⁴⁰ Г. М. Буров. Вычегодский край, рис. 31, Г.

⁴¹ Коллекция V, инв. № 660, 662.

⁴² О. Н. Бадер. Анапынское и более поздние селища на Огурдинской стоянке близ Усолья. УЗПГУ, т. XII, вып. 1. Пермь, 1960, рис. 3, II; 6, I.

дено лишь несколько керамических обломков, которые, очевидно, относятся к выделенной культуре — на нижней Печоре⁴³. Ванвиздинские племена обитали не только в южной⁴⁴, но и, по данным разведки В. И. Канивца (1964 г.), в средней части Печорского края.

Восточным рубежом области ванвиздинской культуры, очевидно, является Уральский хребет. Вполне вероятно также, что ее памятники будут выделены и по другую сторону хребта. Но бесспорно то, что памятники ванвиздинского типа принадлежат, как уже отмечалось⁴⁵, к кругу культур западносибирского типа. Это устанавливается прежде всего по основным особенностям керамики. Ванвиздинские сосуды, как и западносибирские (обские) I тысячелетия н. э.⁴⁶, вылеплены из глины с неорганической примесью. Форма котлообразная, венчик профилирован слабо, сосуды украшены обязательным рядом крупных круглых ямок с равными интервалами между ними под венчиком; зубчатыми и толстыми веревочными (прямыми или волнистыми) оттисками по венчику и плечикам; глубокими оттисками зубчатого штампа по торцу. Характерен ряд вертикальных оттисков по венчику и плечикам. На многих ванвиздинских сосудах имеются такие западносибирские элементы орнамента и узоры, как каннелюры, угловые отпечатки, оттиски прямосеточного (решетчатого) и крестового штампов, треугольные фестоны, выполненные из неглубоких круглых ямок, зубчатые зигзаги, ромбы, вертикальные ряды оттисков и горизонтальные линии. Отпечатки в виде звериной лапы, встреченные на посуде из II Висского торфяника, находят параллель в керамике западносибирского оронтурского типа из Канинской пещеры⁴⁷.

В целом керамика, сходная с ванвиздинской, встречается на всей огромной территории Обского бассейна, исключая Горный Алтай. Пребывание населения, оставившего эту керамику, особенно хорошо прослеживается на верхней Оби, благодаря работам М. П. Грязнова. Близость ванвиздинской и верхнеобской культуры (III—VIII вв. н. э.), выделенной этим исследователем, не ограничивается четкими аналогиями в керамике. Для третьего (фоминского) этапа верхнеобской культуры⁴⁸, как и для ванвиздинской (в поздний период ее существования⁴⁹), характерен обряд трупопожжения, причем, в обоих случаях пепел покойника погребали в подпрямоугольной могиле и беспорядочно складывали в ней вещи без следов действия огня⁵⁰. Во второй-третьей четверти I тысячелетия н. э. обряд трупопожжения был распространен и в других районах Западной Сибири,

⁴³ Г. А. Чернов. Стоянки древнего человека в бассейне р. Печоры. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, рис. 22, 20—23, 26, 27; 23, 28—30; 24, 36, 37.

⁴⁴ В. И. Канивец. Древние поселения Южно-Печорской равнины, стр. 99.

⁴⁵ Г. М. Буров. Вычегодский край, стр. 138, 182—185.

⁴⁶ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 63—71; Он же. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, № 58, 1957.

⁴⁷ В. И. Канивец. Канинская пещера. М., 1964, рис. 45, 6.

⁴⁸ М. П. Грязнов. История древних племен верхней Оби по раскопам близ с. Большая Речка. МИА, № 48, 1956, стр. 99—144.

⁴⁹ Г. М. Буров. Вычегодский край, стр. 143, 144.

⁵⁰ Наша хронология ванвиздинской культуры полностью отвечает дате верхнеобской культуры, по М. П. Грязнову, но лишь отчасти соответствует периодизации западносибирских памятников, предложенной В. Н. Чернецовым.

в частности, в бассейне р. Лозьвы (Туманский, Тынский и Ликийский могильники)⁵¹.

Сходство материальной культуры Вычегодского края и Южного Припечорья, с одной стороны, и Западной Сибири, с другой, проявляется также в общих типах бронзолитейных тиглей, имеющих рюмкообразную форму⁵², и металлических изделий. Так, на нижней Оби, верхней Печоре и Вычегде найдены аналогичные бляшки, изображающие медведя, на туловище которого показаны три человеческие фигуры⁵³. На средней Вычегде, близ бывшего Ульяновского монастыря в XIX в. было обнаружено бронзовое изображение человеческого лица⁵⁴. Как известно, бронзовые личины характерны для Приобья и встречены здесь неоднократно (на верхней Оби, Ляпине, Конде и в других пунктах)⁵⁵.

Имеющиеся факты не оставляют сомнения, что однообразие материальной культуры на огромных просторах Западной Сибири и Западного Приуралья сложилось благодаря расселению каких-то родственных племен, сложившихся, очевидно, где-то в районе нижней Оби. Верхнее Приобье не может считаться центром формирования того населения, которое сыграло решающую роль в образовании обско-ванвиздинской культурно-этнической общности, так как сама верхнеобская культура, по М. П. Грязнову, имеет северо-западное происхождение⁵⁶. Видимо, почти одновременно с экспансией на юго-восток имело место движение нижнеобских лесных племен на запад, в бассейны Печоры и Вычегды. Возникновение в бассейнах Вычегды и Печоры на базе керамики более ранней гляденовской культуры типичной ванвиздинской посуды может быть истолковано как следствие ассимиляции пришлыми западносибирскими племенами местного. Гляденовские элементы выражены в глиняной посуде, кремневых скребках и жилищах ранней стадии ванвиздинской культуры, хотя последние и меньше по размерам.

Тесные западносибирские связи делают вероятной угорскую (угроидную) принадлежность ванвиздинской культуры. В предыдущей монографии нами была сделана попытка связать памятники этой культуры с теми гидронимами Вычегодского края, которые находят этимологическое объяснение из обско-угорских языков. Еще лучше ванвиздинская культура сопоставляется с топонимикой на -ым, -им, реже -ум, оставленной, по мнению Б. А. Серебренникова, угроидными или какими-то другими племенами, которые проникли из Приобья в бассейны Вычегды и Печоры, отчасти в верховья Камы, Мезени и Вятки. О том, что такое расселение действи-

---

⁵¹ Доклад В. Д. Викторовой на IV Уральском археологическом совещании.

⁵² В. И. М о ш и н с к а я. Городище и курганы Потчеваш. МИА, № 35, 1953, табл. XIV.

⁵³ Г. М. Б у р о в. Вычегодский край, стр. 145, 184.

⁵⁴ С. Е. М е л ь н и к о в. Описание Спасской ульяновской пустыни на реке Вычегде Вологодской губернии Усть-Сысольского уезда. Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям, 1867, № 2, стр. 43, 44.

⁵⁵ В. Н. Ч е р н е ц о в. Бронза усть-полуйского времени. МИА, № 35, 1953, стр. 149, табл. IX, 3; О н ж е. Усть-полуйское время в Приобье. Там же, рис. 3.

⁵⁶ М. П. Г р я з н о в. Указ. соч., стр. 112, 113.

тельно имело место, говорит, согласно Б. А. Серебренникову, повторение гидронимических названий⁵⁷. А. К. Матвеев тоже выделяет на территории Коми АССР названия данного типа и считает соблазнительным считать их угорскими, «так как формант -им, -ым может рассматриваться как древнеугорский словообразующий суффикс»⁵⁸. Территория ванвиздинской и других культур западносибирского типа, включая верхнеобскую, соответствует ареалу топонимических названий на -ым, -им, -ум.

В бассейне Вычегды рассматриваемый гидронимический пласт включает значительное количество названий рек, из которых наиболее крупная — Локчим. Речка под таким же названием протекает в районе Синдорского озера, впадая в Тобысь, которая сливается с р. Вис и образует Иоссер. Из малых рек можно упомянуть также Угьюм (в районе озера Синдорского), Большой Ырым (левый приток верхней Вычегды), Носим, Угдым и Пычим (левые притоки средней Вычегды), Кылтымью и Вонтым (левые притоки Сысолы), Ертым (правый приток нижней Вычегды), Уктым (правый приток Яренги) и ряд других. Основной очаг топонимики на -ым, -им, -ум находится в Западной Сибири, где такие форманты имеют даже названия очень крупных рек: Ишим, Чулым, Казым, Надым. Почти все западносибирские гидронимы данного типа относятся к Обскому бассейну, а в Восточной Сибири они отсутствуют.

Согласно мнению В. И. Канивца, ванвиздинская культура и культура оронтурского типа на верхней Печоре почти синхронны, доживают до II тысячелетия н. э. и могут быть приписаны соответственно летописной «печере» и «югре» предкам современных манси и хантов⁵⁹. Однако с такой трактовкой ванвиздинской культуры согласиться нельзя. Прежде всего не доказано, что эта культура просуществовала до самого появления письменных источников (XI—XIV вв.). Затем нет никаких данных о том, что ванвиздинская и оронтурская посуда бытовали одновременно. Далее территория ванвиздинской культуры очень велика и к тому же полностью включает район вычегодской «перми» (Вымь и прилегающий участок Вычегды), значительную часть земли «вогуличей» и, возможно, «югры» (Верхнее Припечорье, предположительно, бассейн верхней Вычегды)⁶⁰. А этноним «печеры» свидетельствует о том, что она обитала целиком или в основном на Печоре. В таком аспекте гипотезу о принадлежности ванвиздинских памятников «печере» можно было бы принять только с оговоркой, что речь идет о потомках носителей этой культуры, которые, будучи отчасти ассимилированными на верхней Каме, Выми, нижней Вычегде и других реках, обитали где-то в Печорском Приуралье. Но не является ли верхнепечорской керамикой X—XIII вв. посуда оронтурского типа, и если отсутствует прямая преемственная связь между обоими типами ке-

⁵⁷ Б. А. Серебренников. К проблеме этнической принадлежности древнего населения Вычегды (по данным гидронимики). Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1966, стр. 24—28.

⁵⁸ А. К. Матвеев. Субстратная топонимика русского Севера. ВЯ, 1964, № 2, стр. 81.

⁵⁹ В. И. Канивец. Канинская пещера. М., 1964.

⁶⁰ Л. П. Лашук. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958, стр. 50, 51.

рамики и представляемыми ими этносами, не были ли ванвиздинские племена в Южном Припечорье ассимилированы древнеугорскими носителями культуры оронтурского типа?

Весьма интересна дальнейшая судьба племен ванвиздинской культуры. По имеющимся фактам, они вошли как один из компонентов в этногенез коми. Судя по керамике, другим элементам материальной культуры и данным языкознания, к XII—XIV вв. на Вычегде переселилась часть населения из Верхнего Прикамья⁶¹. Благодаря этому, на упомянутых территориях восстановилось определенное единство материальной культуры, в первую очередь керамики, нарушенное в эпоху великого переселения народов⁶². Этому единству, которое уже больше не расторгалось, соответствует близкое родство коми-пермяков и коми-зырян.

В последние годы нашла отражение в печати концепция, согласно которой на Европейской Северо-Востоке шло непрерывное автохтонное развитие от культуры «печорско-вычегодских» неолитических племен к ванвиздинской⁶³. При этом аборигены иногда заимствовали элементы культуры более передовых племен, но какое-либо значительное передвижение племен, результатом которого явилось бы вытеснение, уничтожение или ассимиляция местного населения, якобы не происходило ни разу.

Даже не углубляясь в детальный анализ вещественного материала, можно сказать, что подобная стабильность этнических границ мало реальна на территории, где население тысячелетиями вело преимущественно полуседельный образ жизни. А о последнем свидетельствует кратковременный характер почти всех известных до сих пор на Северо-Востоке мест обитания древнее рубежа нашей эры.

Требуется уточнения вопрос о том, что является критерием характера поселений, так как иногда показателями его считаются лишь площадь памятника и толщина культурного слоя. Если в других, например, более южных районах, по этим показателям во многих случаях можно судить о том, как долго люди жили на поселении, то в условиях Печоры и Вычегды такой подход к вопросу неизбежно привел бы к ошибкам. Небольшое количество кремня, сосредоточенное на ограниченном участке и распределенное по всей толще рыхлого белесого песка, легко образует мощный культурный слой. Несколько кратковременных становищ и кремневых мастерских, существовавших в разное время на близком расстоянии друг от друга, столь же просто создают стоянку большой площади. Следовательно, значительность такого поселения будет иллюзорной. Объективными

---

⁶¹ Очерки истории Коми АССР, т. I. Сыктывкар, 1955, стр. 25—30; О. Н. Бадер и В. А. Обори н. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958, стр. 161—163; В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми. М., 1958, стр. 40—43; Л. П. Лашук. Происхождение народа коми. Сыктывкар, 1964, стр. 14—20. Выступление Б. А. Себребренникова на Всесоюзной конференции по финно-угроведению в июне 1965 г.

⁶² Г. М. Буров. Вычегодский край, стр. 191, 192.

⁶³ В. И. Кан и в е ц. Древние поселения Южно-Печорской равнины, стр. 97—100; Э. А. Савельева и В. И. Кан и в е ц. Некоторые вопросы этногенеза коми в свете археологических источников. Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Сыктывкар, 1965.

показателями продолжительности обитания в первую очередь являются количество инвентаря, прежде всего керамики, в обнажениях, раскопах и т. п., степень насыщенности культурного слоя фрагментами посуды и наличие или отсутствие в нем гумусовых, зольных и сажисто-углистых частиц, придающих слою специфическую окраску. А по его площади и толщине допустимо сравнивать только те поселения, которые по другим признакам являются долговременными. Естественно, что памятники с культурным слоем в виде белесого песка, давшие при значительных земляных работах в разных пунктах обломки не более 11—15 сосудов, следует без колебаний причислить к типичным кратковременным стоянкам.

Характер древних поселений Европейского Северо-Востока находится в соответствии с прослеживаемой по инвентарю частой сменой этнической карты этой территории.

На протяжении бронзового и железного веков керамика синдорского района изменялась от яйцевидных сосудов до котлообразных, причем для позднелебяжского, ананьинского и раннегладеновского времени характерны «воротнички», получившие наибольшее распространение в ананьинскую эпоху. Одновременно беднее становилась орнаментация, которая вначале покрывала всю внешнюю поверхность, а затем лишь ее верхнюю часть. В лебяжское время появляется простой веревочный орнамент. Отмеченные закономерности являются общими и чисто хронологическими.

Если же мы попытаемся более близко сопоставить различные хронологические типы керамики древнего Синдора по характеру орнаментации и обработки поверхности, а также составу глиняного теста, то уже не получим впечатления непрерывной эволюции. Но в то же время наблюдается периодическое повторение комплексов признаков. Здесь мы подходим к чрезвычайно важному выводу относительно истории заселения Вычегодского края и смежных территорий.

Разновременные культуры Вычегодского края в века бронзы и железа по указанному принципу можно объединить в две группы. В первую из них входят синдорская, лебяжская и ванвиздинская, во вторую — турбинская, ананьинская, гладеновская и «вымская»⁶⁴. Сходство внутри групп между разными культурами выражено неодинаково, но в целом группы противопоставляются друг другу довольно четко. Обособленно стоят памятники, представленные, керамикой каргопольского и усть-вымского типов, а также валиковой.

Посуда культур первой группы, во-первых, отличается гораздо более богатой, нарядной и разнообразной орнаментацией, а также сплошным заполнением орнаментального поля. Во-вторых, керамика культур первой группы обычно орнаментирована круглыми ямками под венчиком, не характерными для второй. Синдорская и лебяжская посуда всегда с ямками, а ванвиздинская, особенно в поздний период своего существования, — в большинстве случаев. Ямки не всегда располагаются только в один ряд:

---

⁶⁴ Под этим термином условно подразумеваются памятники X—XIV вв. на Вымни и средней Вычегде, которые Э. А. Савельева и В. И. Канивец намерены «объединить в самостоятельную вымскую культуру» (Э. А. Савельева и В. И. Канивец. Указ. соч., стр. 158).

синдорские сосуды часто украшены двумя рядами, а лебяжские⁶⁵ и ванвиздинские (Кузьвомын) иногда имеют дополнительные ямки ниже границы венчика и плечиков. В то же время для турбинской, гляденовской и «вымской» керамики ямки совершенно не характерны, а на ананьинской, хотя и встречаются, но гораздо реже, чем на лебяжской.

Третий показатель — это весьма незначительная роль гладкого, особенно резного, орнамента в культурах первой группы и очень существенная во второй. На синдорской керамике оттиски прямого гладкого штампа практически не встречаются, на лебяжской и ванвиздинской редки. Для турбинской же и ананьинской культур гладкий элемент орнамента весьма характерен, а на гляденовской посуде является основным. Четвертый показатель — применения в первом случае среднего зубчатого штампа, а во втором — широкого; пятый — частое нанесение оттисков на турбинской, ананьинской и гляденовской посуде при помощи штампа, поставленного своей плоскостью под углом к поверхности (такой прием для керамики других типов не характерен). Шестой показатель — господство на сосудах синдорско-ванвиздинской группы зубчатого зигзага, который по частоте уступает только рядам вертикальных или косых оттисков, и весьма незначительна его роль в орнаменте турбинско-«вымских» сосудов; седьмой — орнаментация только синдорской, лебяжской и ванвиздинской посуды зубчатой косой сеткой или косыми зубчатыми крестами, узорами в виде птичьей лапы и оттисками дугообразных штампов (единичные исключения можно объяснить контактами и взаимными влияниями).

Следующая, восьмая особенность синдорской, лебяжской и ванвиздинской посуды — это украшение ее в некоторых случаях рельефными выступами у торца, характерными для культур Западной Сибири⁶⁶; такие выступы известны не только на поздней, но и на ранней лебяжской керамике⁶⁷, но ни разу не отмечались на турбинско-«вымской». Для нее характерно полосчатое сглаживание поверхности зубчатым инструментом; на синдорских, лебяжских и ванвиздинских сосудах оно встречается как очень редкое исключение, в чем и состоит их девятая особенность. Десятая особенность, сближающая сосуды культур первой группы, — резкое преобладание керамики из глины с примесью кварца и слюды в отличие от культур второй группы, для керамического теста которых характерны толченые раковины. В самом деле, по этому признаку резко противопоставляются: синдорская и турбинская культуры, гляденовская и ванвиздинская. Ананьинские сосуды Синдора гораздо чаще содержат в керамической массе толченые раковины, чем позднелебяжские. Керамика X—XI вв. Вычегодского края также вылеплена из глины с добавлением толченых раковин⁶⁸.

⁶⁵ См. также Г. М. Буров. Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде. «Труды Коми ФАН», № 9. Сыктывкар, 1960, стр. 5, 11.

⁶⁶ В. И. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, табл. XX, 52; В. И. Мошинская. Городище и курганы Потчеваш. МИА, № 35, 1953, табл. VIII.

⁶⁷ Г. М. Буров. Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде. рис. 5, 9.

⁶⁸ Э. А. Савельева. Средневековые могильники на р. Вымь «Археология и этнография Башкирии», II. Уфа, 1964, стр. 146.

Кроме общих черт сходства между синдорской, лебяжской и ванвиздинской культур, могут быть отмечены и признаки, по которым вторая близка третьей (орнаментация рядами косых оттисков веревочки и крестообразного штампа, пересечение зубчатых и веревочных отпечатков), а третья — первой (украшение цепочками или рядами ромбов⁶⁹, иногда с линиями либо ямками внутри, кружковый орнамент).

Здесь мы должны отметить, что еще в 1928 г. А. П. Смирнов пришел к выводу о сходстве керамики Ванвиздинской и Галичской стоянок. «В обоих стоянках есть узоры, вполне совпадающие между собой. Так, в обоих стоянках имеется ямочный орнамент, расположенный в один ряд по шейке сосуда; зубчатый орнамент, нанесенный в виде вертикально поставленных отрезков по шейке сосуда в комбинации с чеканным ямочным; те же вертикальные отрезки зубчатого орнамента, нанесенные в два ряда, между которыми расположен ряд ямочного орнамента и некоторые другие»⁷⁰. К такому же заключению пришли и мы, но другим путем: сначала была установлена параллель между посудой синдорского типа Вычегодского края и галичской, затем между вычегодской синдорского типа и ванвиздинской. Некоторые черты сходства, указывающие на связь керамики синдорского типа с лебяжской, были в 1964 г. правильно указаны В. И. Каннищевым («косая сетка, ромбы, зигзагообразные линии и др.»)⁷¹.

К первой группе культур относится и «бичевническая» времени около рубежа нашей эры, послужившая компонентом в сложении ванвиздинской культуры. Об этом свидетельствуют состав теста, наличие ямок под венчиком, господство зубчатого орнамента, а среди его узоров — зигзага. С ванвиздинской керамикой данную посуду сближают еще мелкие ямки и каннелюры в системе орнаментации.

Периодическое повторение признаков при хронологическом обозрении и принадлежность культур к двум основным группам позволяют сделать вывод не только о том, что древний Синдор и окружающая его значительная территория заселялись неоднократно, но и о том, что основных центров, из которых происходили миграции бронзового и железных веков, было два. Можно также заключить, что на тех территориях, откуда осуществлялись этнические сдвиги, не было резких, необратимых нарушений непрерывности развития материальной культуры. По-видимому, все переходные звенья между родственными археологическими культурами первой группы имеются в Нижнем Приобье⁷², а между культурами второй группы — в Верхнем Прикамье (в соответствии с доказанной О. Н. Бадером автохтонностью коми-пермяков). Именно к этим областям соответственно тяготеют выделенные группы.

Во второй из них несколько обособлены от других культур ананьинская

⁶⁹ Вероятно, ромбы имеются и на лебяжских сосудах. Ими могут быть некоторые узоры, рассматриваемые условно как косая сетка (В. Е. Лузгин. Археологическая разведка в бассейне Илыча в 1963 г. рис. 2, 2) или зигзаги (табл. XXV, 12).

⁷⁰ А. П. Смирнов. Ванвиздинская дюнная стоянка. ТСАРАНИОН, т. IV. М., 1929, стр. 475.

⁷¹ В. И. Каннищев. Канинская пещера, стр. 83.

⁷² И отчасти, может быть, в Северном Припечорье, где не известны памятники ананьинской и гляденовской культур.

(северный вариант, представленный на верхней Каме, Вычегде и Печоре) и «вымская». В то же время они несколько сближаются с первой группой. Это обстоятельство объясняется двухкомпонентностью ананьинской и «вымской» культур, в которых все же восторжествовал камский элемент, а отнюдь не обский. Некоторая близость керамики ванвиздинской и ананьинской культур была отмечена еще в 1896 г. Ф. А. Теплоуховым⁷³, а в 1928 г. — А. П. Смирновым⁷⁴.

В носителях культур турбинско-«вымской» группы можно видеть вначале финно-пермские, а затем пермские и коми племена. В синдорско-ванвиздинских племенах заманчиво усматривать каких-то угров, в том числе и предков современных угорских народов. С ванвиздинской культурой, по видимому, связана гидронимика на -ым, -им. Можно предполагать, что более древнее население, родственное носителям этой культуры (синдорское и лебяжское), создало гидронимику на -еньга, -анга, -онга, -юга, -уга и -юг в долине Северной Двины, на ее притоках и в Онежско-Двинском междуречье. «Некоторые созвучия, — пишет Б. А. Серебренников, — намекают на какую-то генетическую близость ареала названий на -еньга, -анга, -онга, -уга, -юга и -юг и ареала гидронимических названий на -ым, -им, принадлежащих древнему населению западносибирского происхождения»⁷⁵ (Ухт-анга — Ухт-ым, Пел-енга — Пел-ым, Пич-уга — Пыч-им и др.). На территории ванвиздинской культуры, т. е. в ареале наименований на -ым, -им гидронимики на -еньга и т. п., очевидно, тоже существовала, но не сохранилась.

Как мы уже отмечали в соответствующих главах, на висских поселениях и в инвентаре других памятников Северо-Востока изредка встречаются сосуды, обладающие признаками этнически разных культур (каргопольско-синдорскими, синдорско-турбинскими, лебяжско-ананьинскими, гляденовско-«бичевницкими», гляденовско-ванвиздинскими). Это, однако, никоим образом не свидетельствует о непрерывном, автохтонном развитии без всяких миграций. Не могли, например, на основе гаринского культурного типа (в Прикамье) и синдорской культуры (на Севере) сформироваться один и тот же борский культурный тип; на базе турбинской культуры (в Прикамье) и лебяжской (на Севере) — один и тот же северный вариант ананьинской культуры; на фундаменте одной и той же гляденовской культуры — ломоватовская культура и в то же время «бичевницкая» или, без участия другого, более мощного компонента, — ванвиздинская, имеющая явные западносибирские черты. Керамика со смешанными чертами в этих случаях, напротив, указывает на встречу двух этносов, смешение и ассимиляцию одного из них другим.

---

⁷³ Ф. А. Теплоухов. Чудское жертвенное место на р. Колве. «Труды Пермской ученой архивной комиссии», вып. III. Пермь, 1896, стр. 147.

⁷⁴ А. П. Смирнов. Ванвиздинская дюнная стоянка, стр. 478, 479.

⁷⁵ Б. А. Серебренников. О гидронимических формантах -ньга, -юга, -уга и -юг. СФ, 1966, № 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Район Синдорского озера на протяжении многовековой истории Северо-Востока Европейской части СССР был одним из нескольких центров оседлого обитания, из которых остальные еще не открыты. Если на больших реках поселения продолжительного обитания появляются только на гляденовском этапе, в Синдоре древнее население жило оседло уже в мезолитическое и неолитическое время, на протяжении бронзового века и в ананьинскую эпоху.

Отраслью хозяйства, на базе которой в столь отдаленное время возникли постоянные поселения, было рыболовство. Для него близ устья р. Симвы сложились чрезвычайно благоприятные условия. В связи с переходом к скотоводству и, по-видимому, земледелию, наметившимся уже в ранневанвиздинское время, район Синдорского озера перестал быть исключительным местом для обитания. Вероятно, этим объясняется прекращение жизни на висских и других поселениях района. На протяжении около тысячелетия в нем, по-видимому, никто не жил, если не считать возможные становища охотников и рыболовов: разведками не обнаружено ни селищ, ни стоянок IX—XVIII в. И лишь около рубежа XVIII—XIX вв. возникает нынешняя дер. Синдор, население которой вначале тоже специализировалось на рыбной ловле.

В течение нескольких тысячелетий на висских поселениях обитали люди различной этнической принадлежности. Можно думать, что в ряде случаев здесь же, близ устья Симвы, пришлое население встречалось с местным, вытесняло его, уничтожало или смешивалось с ним.

События, происходившие в районе Синдорского озера, не носили узколокальный характер, а в той или иной мере затрагивали обширные территории Северодвинского бассейна, Печорского Приуралья, Верхнего Прикамья, Нижнего Приобья, Волго-Окского края, Карелии и других, более отдаленных областей.

С появлением керамики (неолит), район Синдорского озера вместе с окружающими территориями (Вычегодский край, Южное Припечорье) в культурно-этническом отношении попеременно примыкал к трем основным областям: Верхнему Прикамью, Нижнему Приобью и Волго-Окскому бассейну. Из последнего Вычегодский край заселялся лишь в неолите и бронзовом веке, а на протяжении железного века край тяготеет то к Нижнему Приобью, то к Верхнему Прикамью. В этих областях можно видеть две непрерывные линии развития, одна из которых в I тысячелетии н. э. приводит к сложению племен, очевидно, угорских, оставивших гидронимику на -ым, -им, а другая завершается формированием предков коми. На Европейском Северо-Востоке первую линию представляют поселения синдорской, лебяжской, «бичевницкой» и ванвиздинской культур, вторую — памятники турбинского, ананьинского, гляденовского и «вымского» типов.

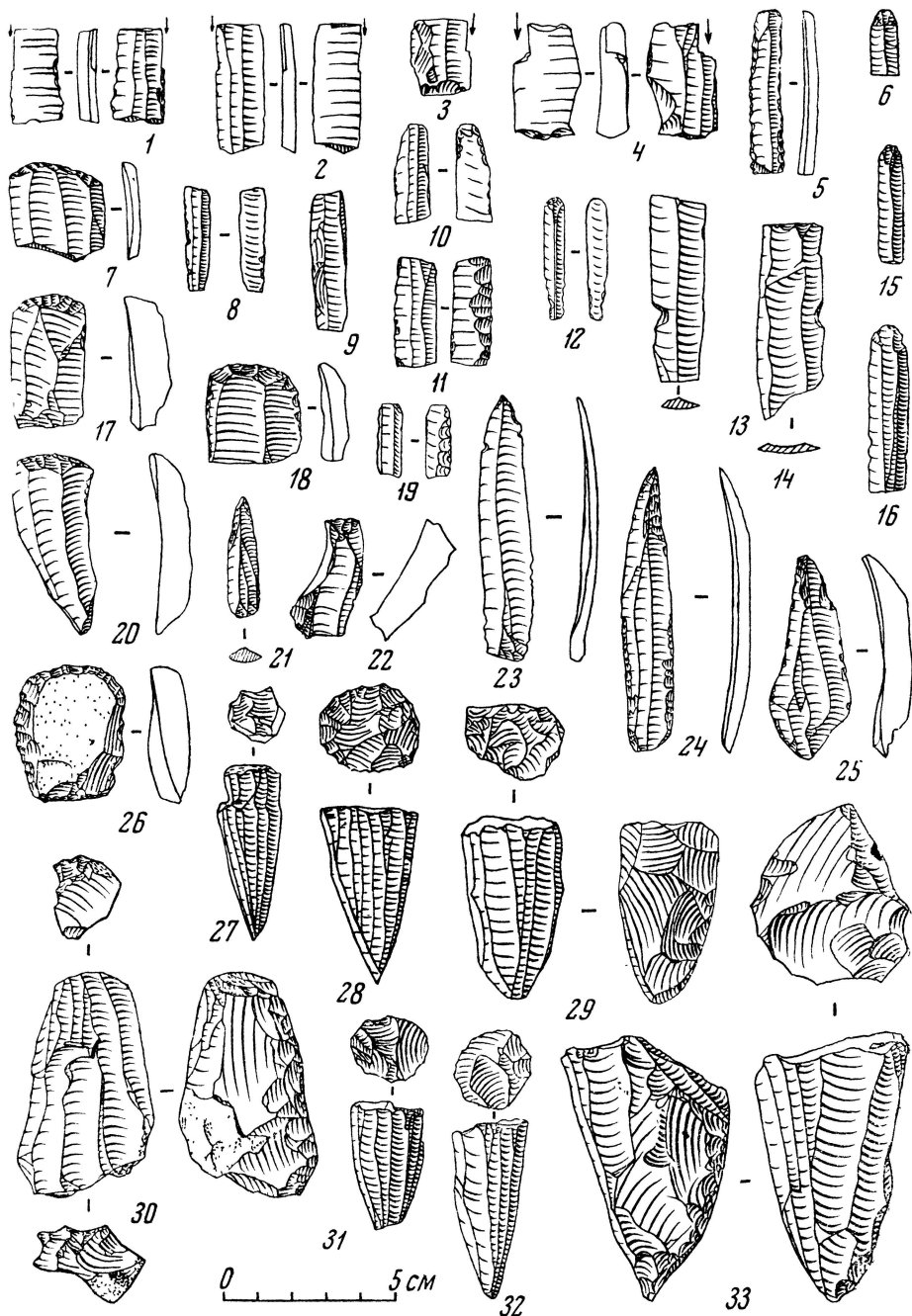

Таблица I. Кремневые орудия из пластин и нуклеусы

1—4 — резцы; 5, 9, 10—12, 19, 23 — пластины с ретущью; 6, 9, 13—16 — пластины без вторичной обработки; 7, 17, 18, 20, 22 — концевые скребки; 21, 24, 25 — резчики; 26 — скребок на отщепе; 27—33 — нуклеусы; I, 2, 4, 6, 8, 11, 13, 14, 17, 22, 23, 25, 26, 28, 30 — Вис I (6, 13, 14, 22, 23, 26, 30 — торфяники); 3, 5, 12, 21, 29 — Вис II; 7, 15, 16, 18, 27, 31—33 — Вис III; 9, 10, 24 — Симва I; 19, 20 — Симва II

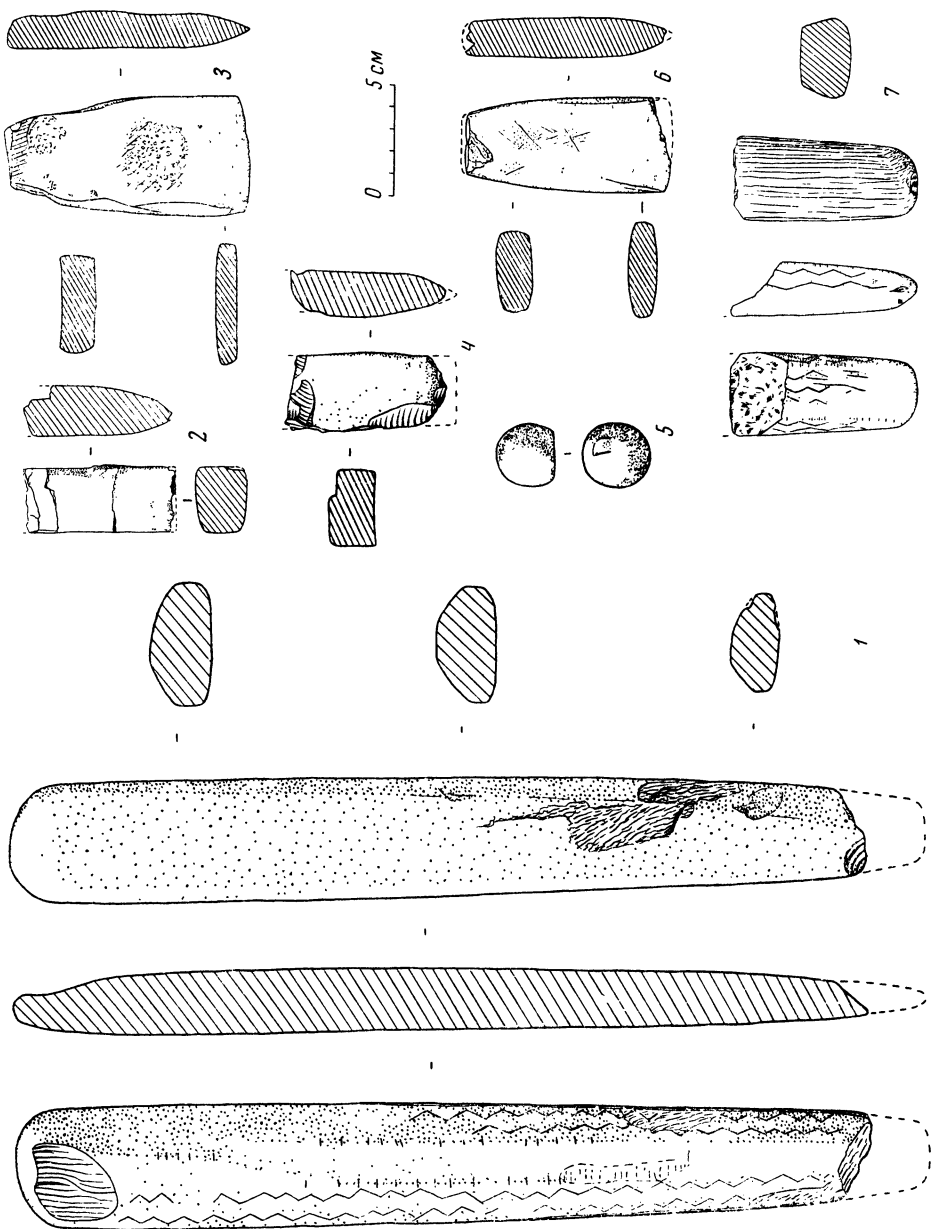

Таблица II. Каменные шлифованные орудия мезолита

1, 7 — орнаментированные пещи; 2—4, 6 — топоры; 5 — шаровидная конкреция; 1 — Симва III, 2—7 — Вис I (2—6—торфяник)

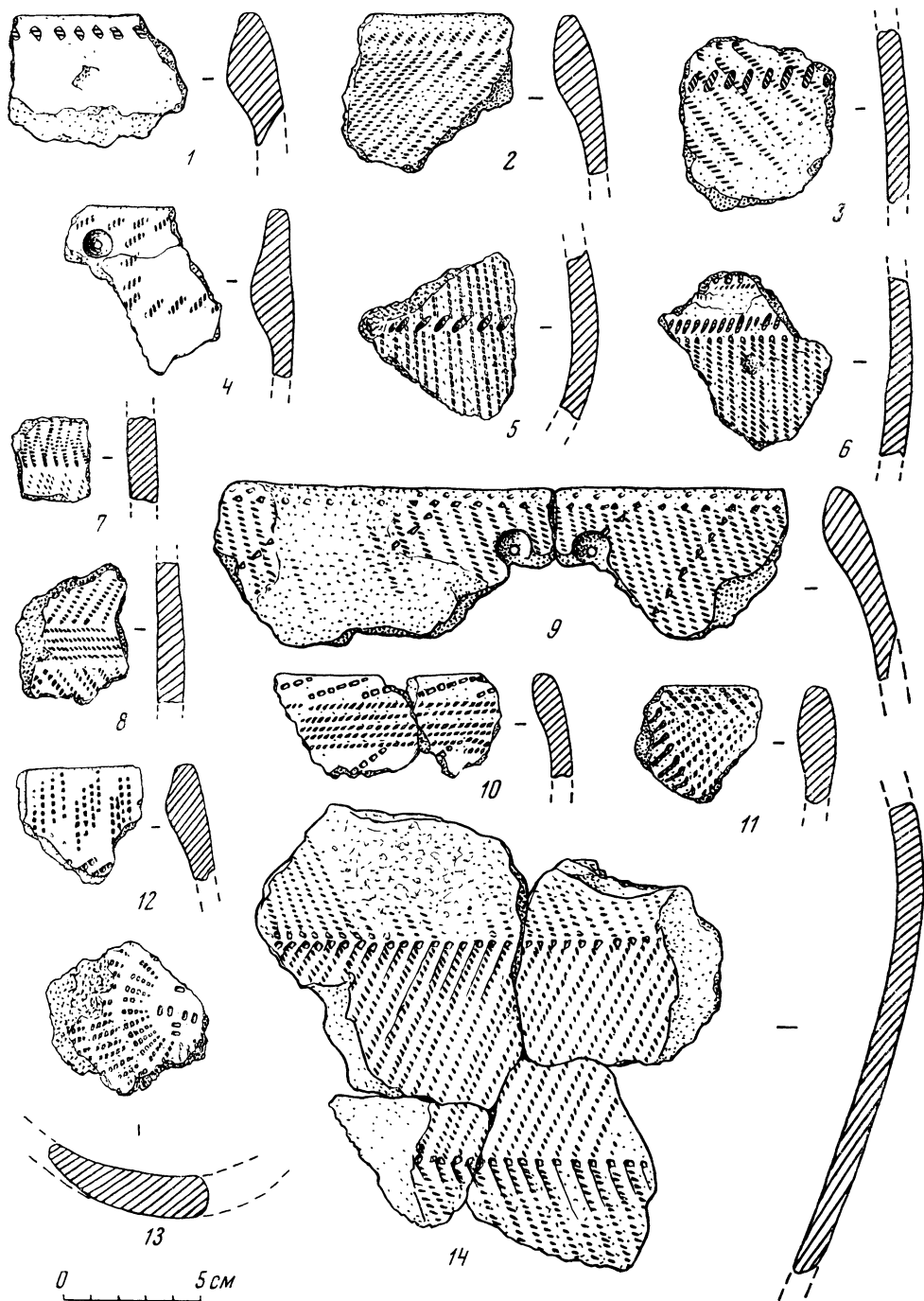
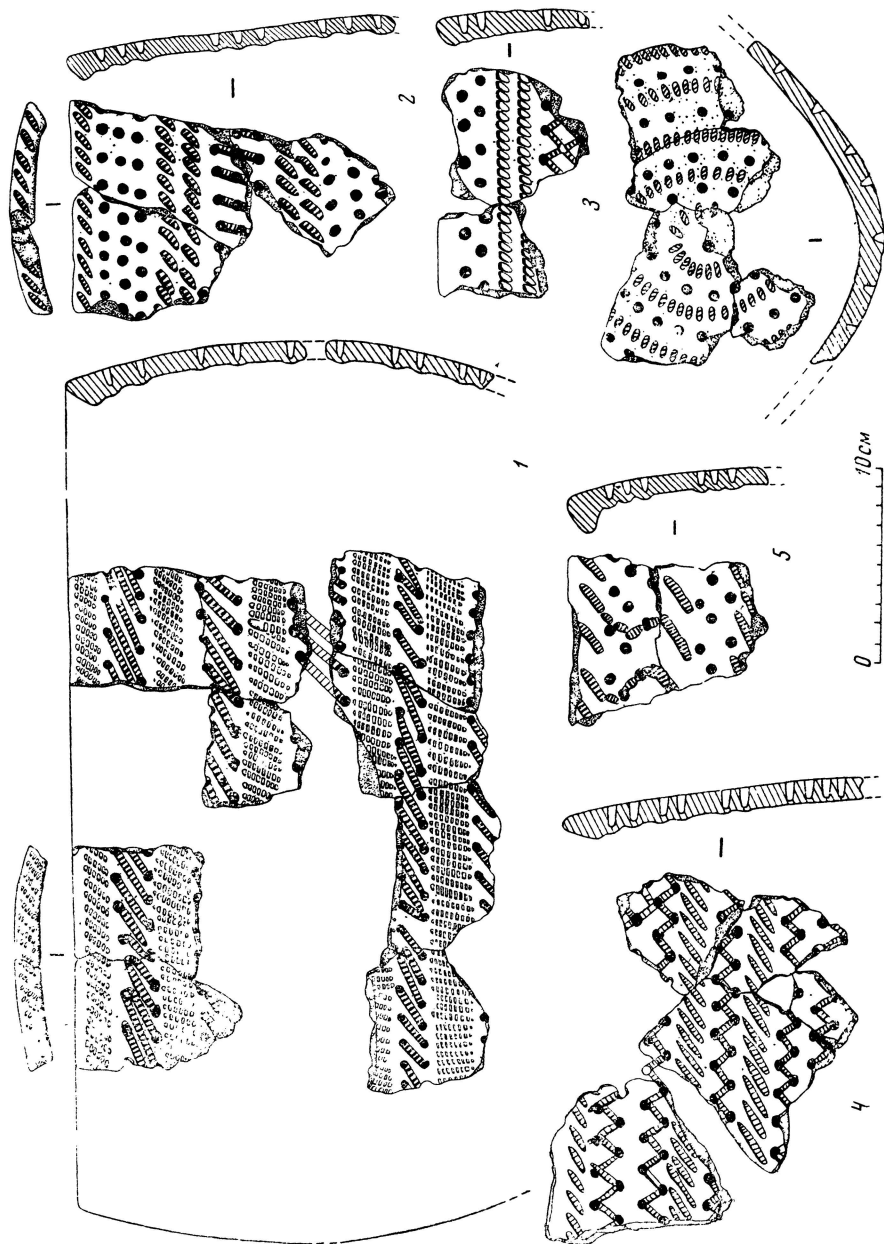

Таблица III. Неолитическая керамика I типа

1—12, 14 — Вис I; 13 — Вис III

Т а б л и ц а IV. Неолитическая керамика II типа
1—5 — Вис I; 6 — Вис II

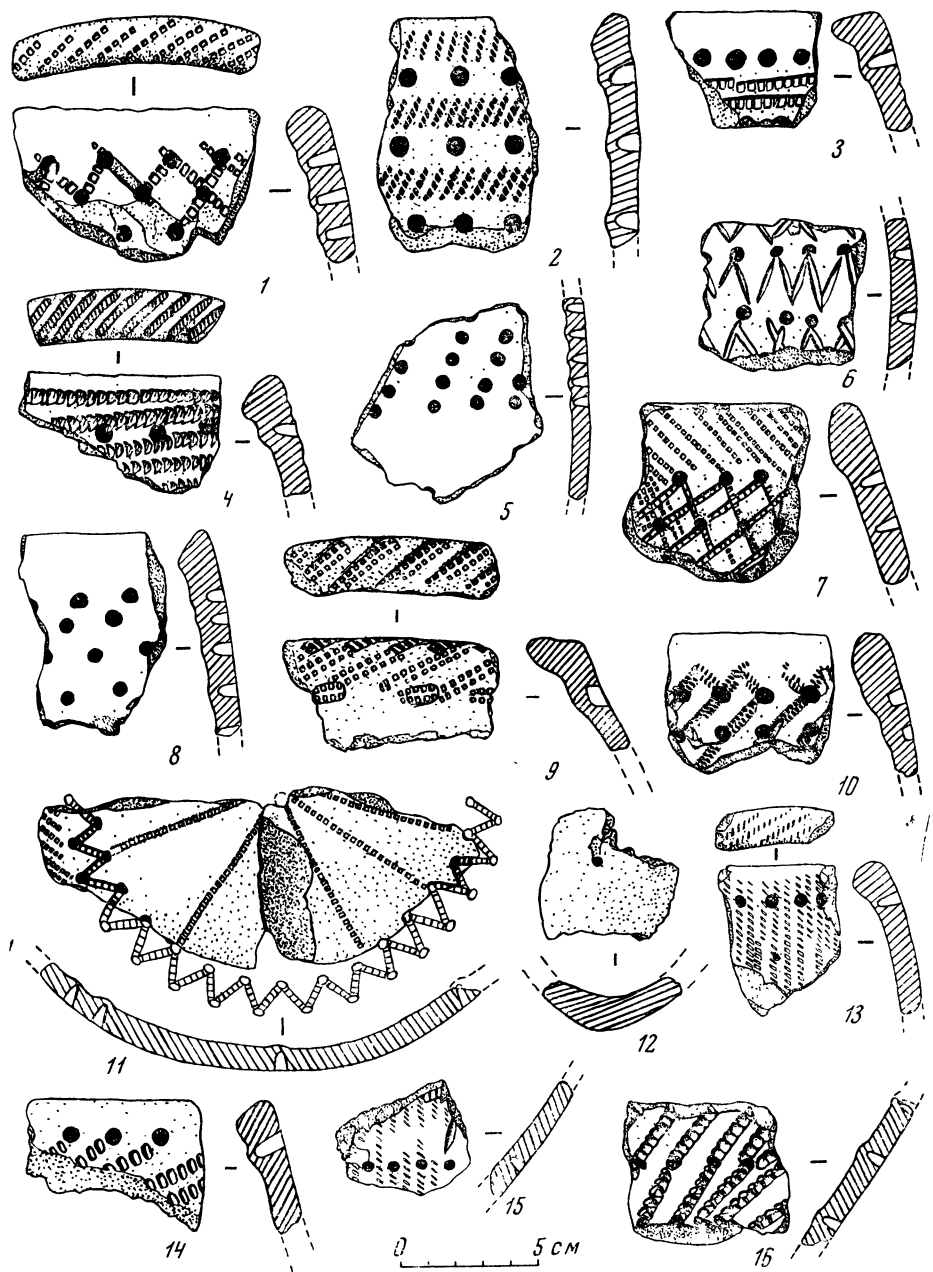
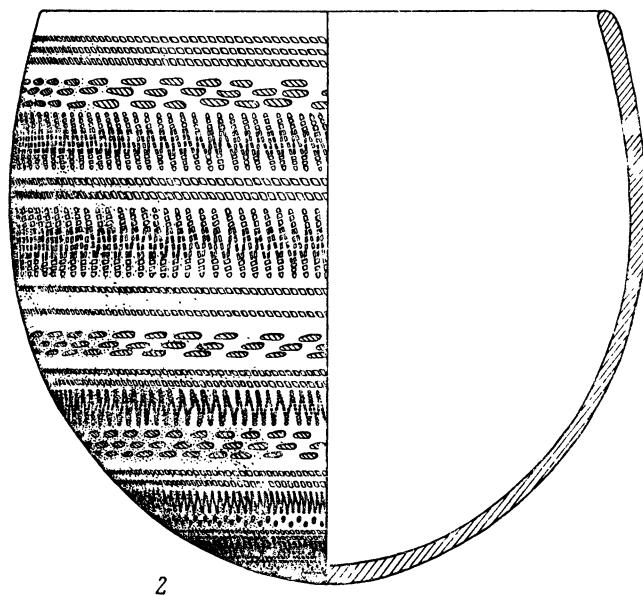
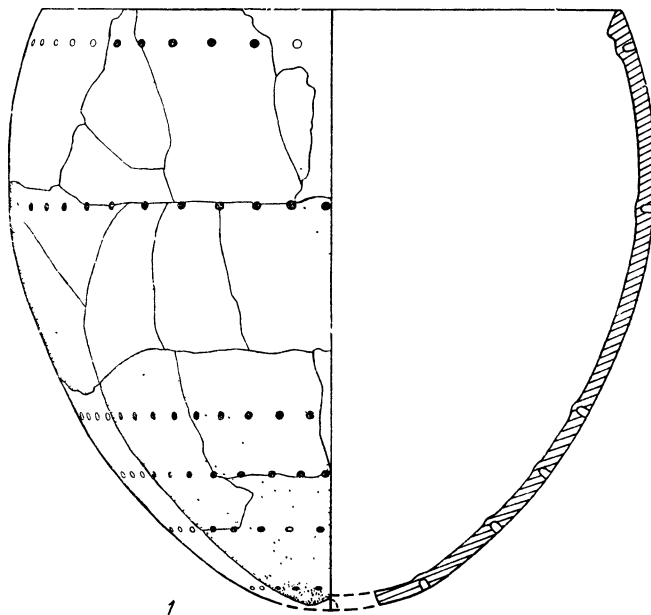

Таблица V. Неолитическая керамика II типа
 1, 3—8, 10, 11, 13, 15, 16 — Вис I; 2, 9, 12, 14 — Вис III

0 10 см

Таблица VI. Неолитические сосуды II (1) и III (2) типов
1 — рисунок с натуры (Вис I); 2 — реконструкция по отдельным фрагментам (Вис II)

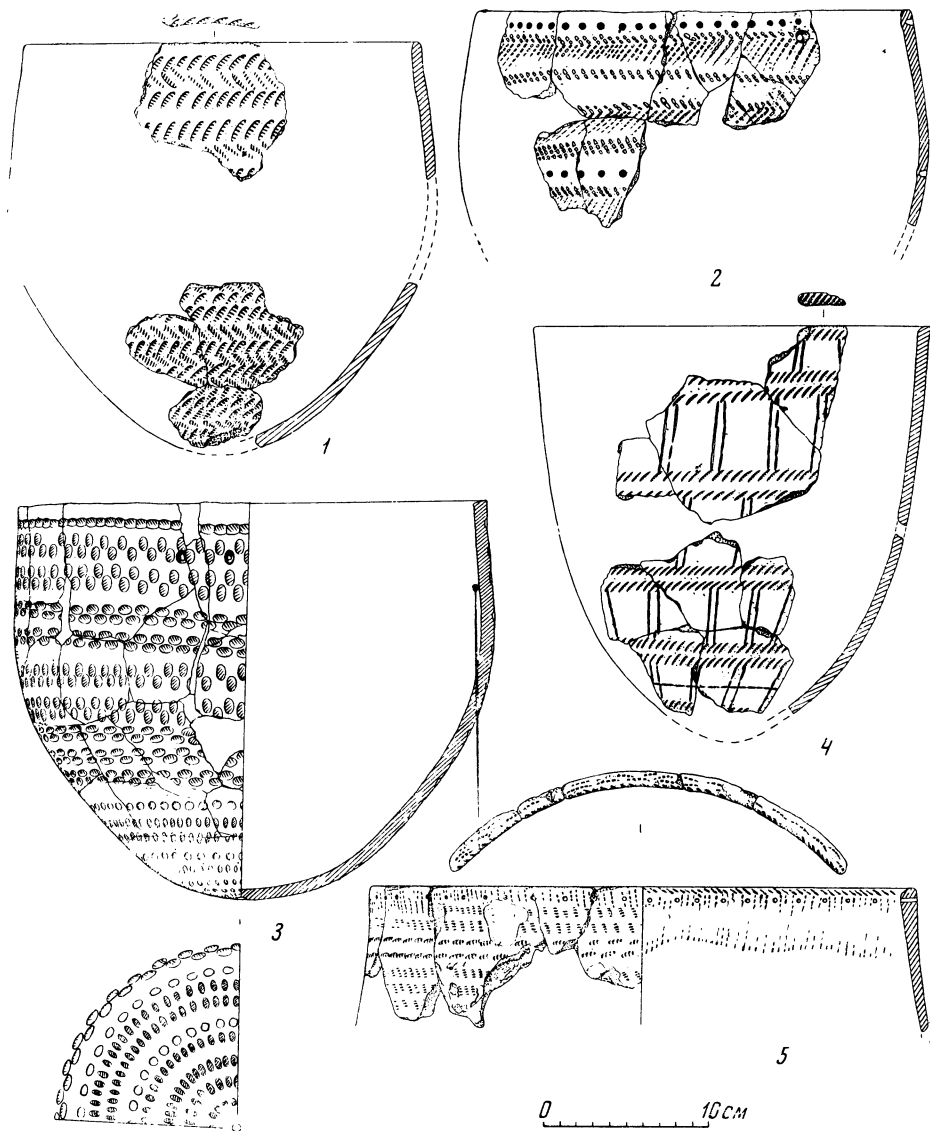

Таблица VII. Керамика неолита и эпохи ранней бронзы

1 — неолитический II типа; 2, 3 — неолитические III типа; 4 — раннебронзовый III типа; 5 — раннебронзовый I типа; 1, 3—5 — Вис I, 2 — Вис II

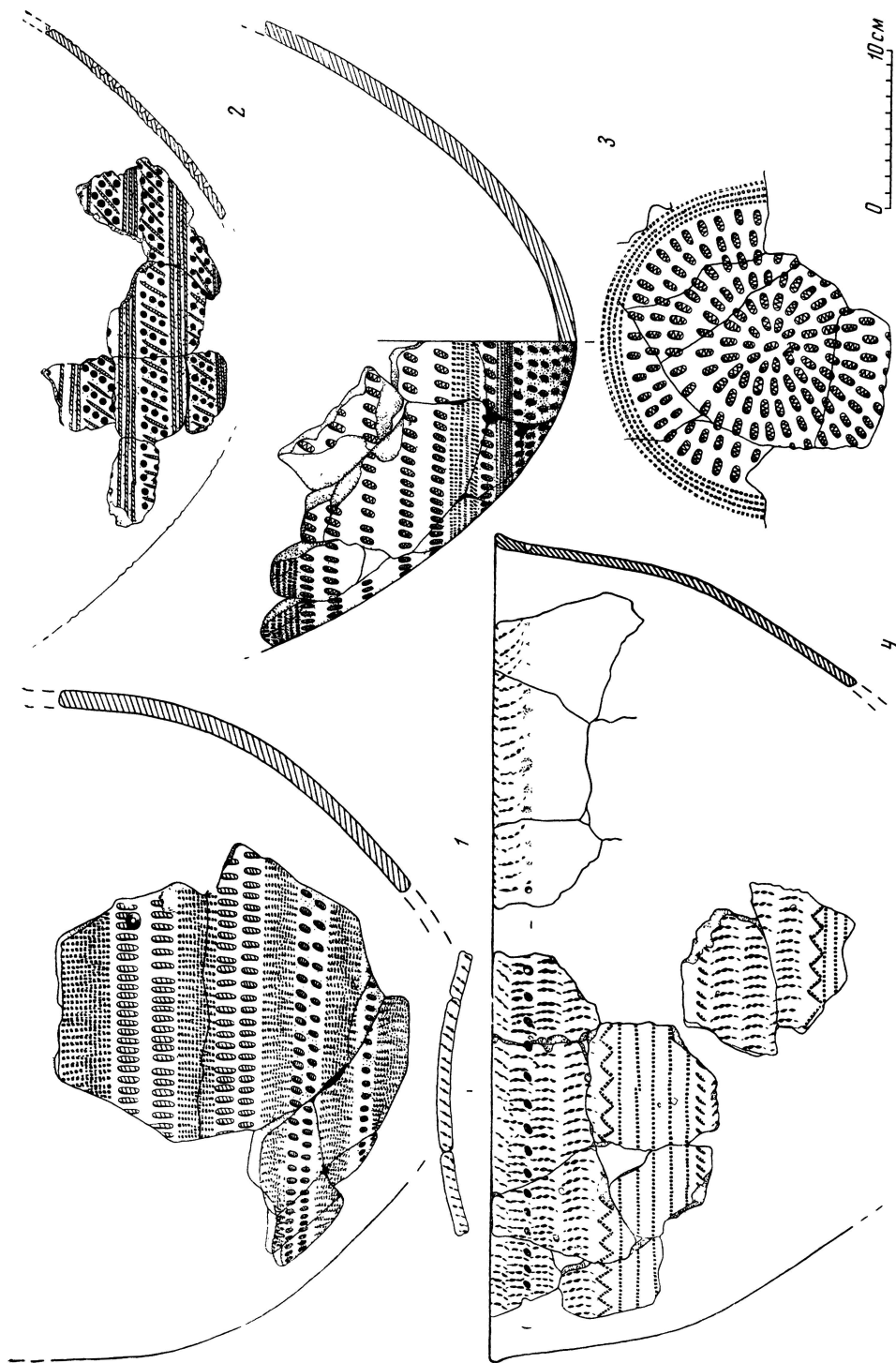

Таблица VIII. Керамика неолита и эпохи ранней бронзы

1—3 — неолитические III типа; 4 — раннебронзовый II типа; 1, 3, 4 — Вис I; 2 — Вис II

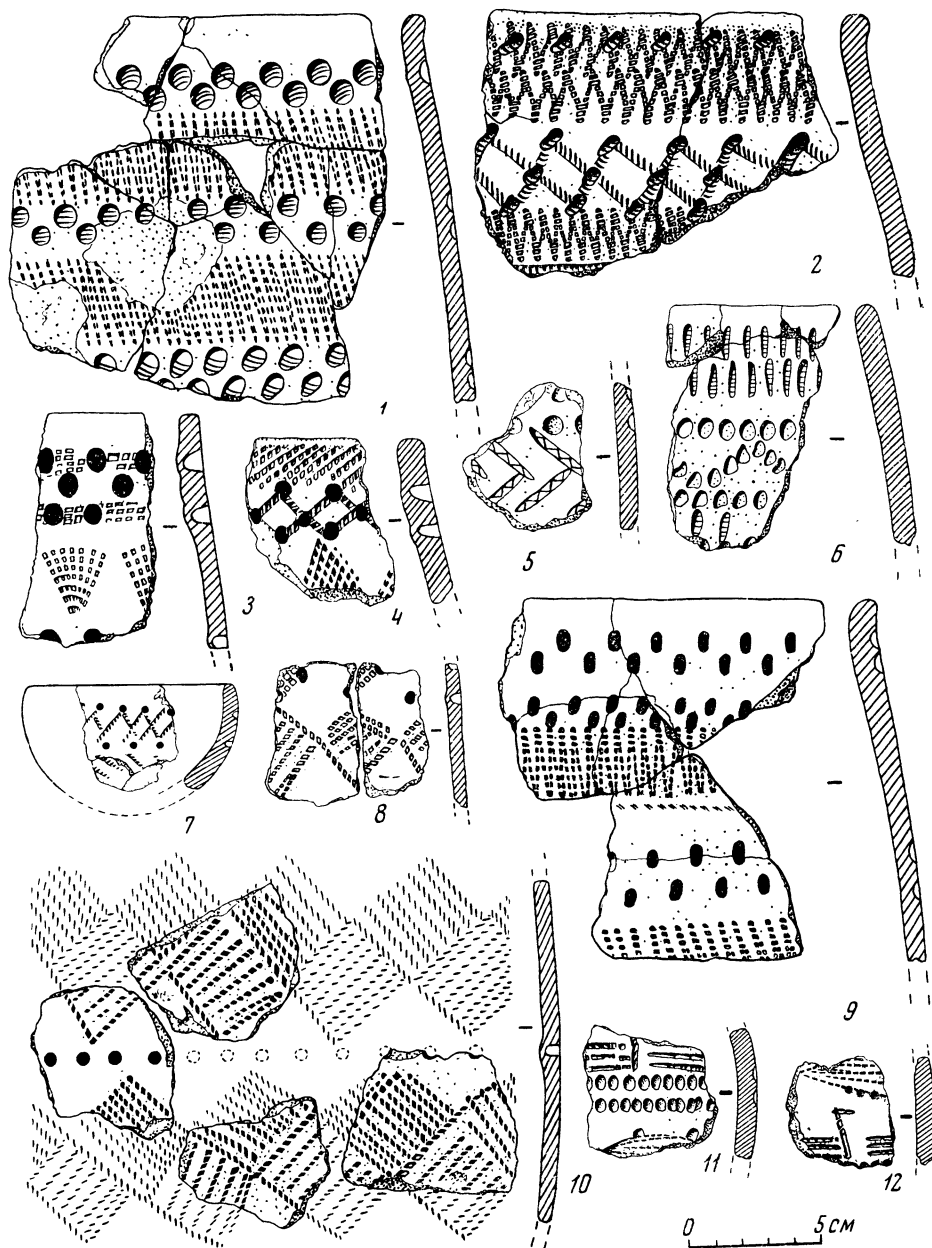

Таблица IX. Неолитическая керамика III типа

1, 2, 4—6, 9 — Вис I; 3, 7, 8, 10—12 — Вис II

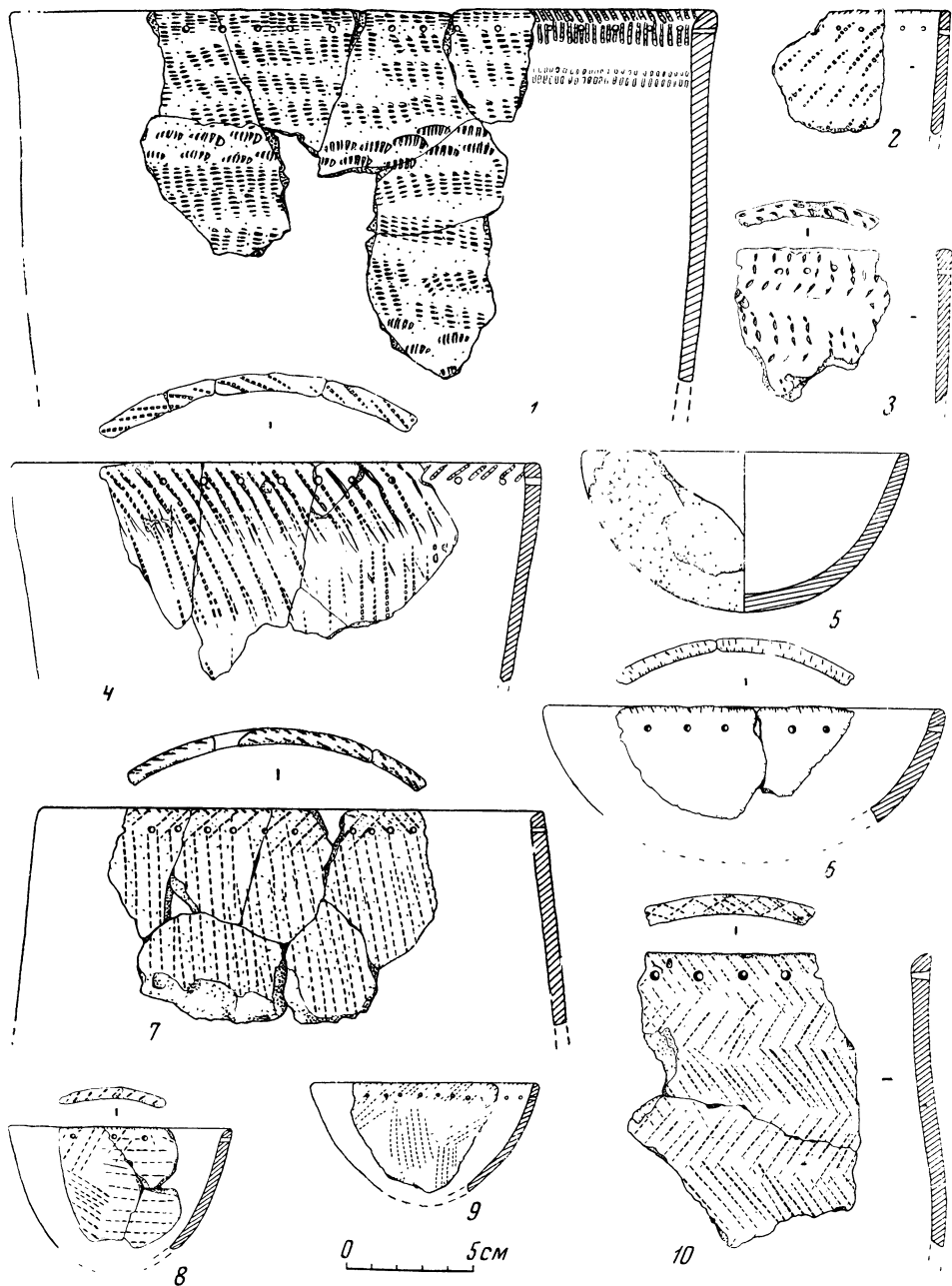

Таблица X. Раннебронзовая керамика I типа

1, 3—8, 10 — Вис I; 2 — Вис III; 9 — Вис II

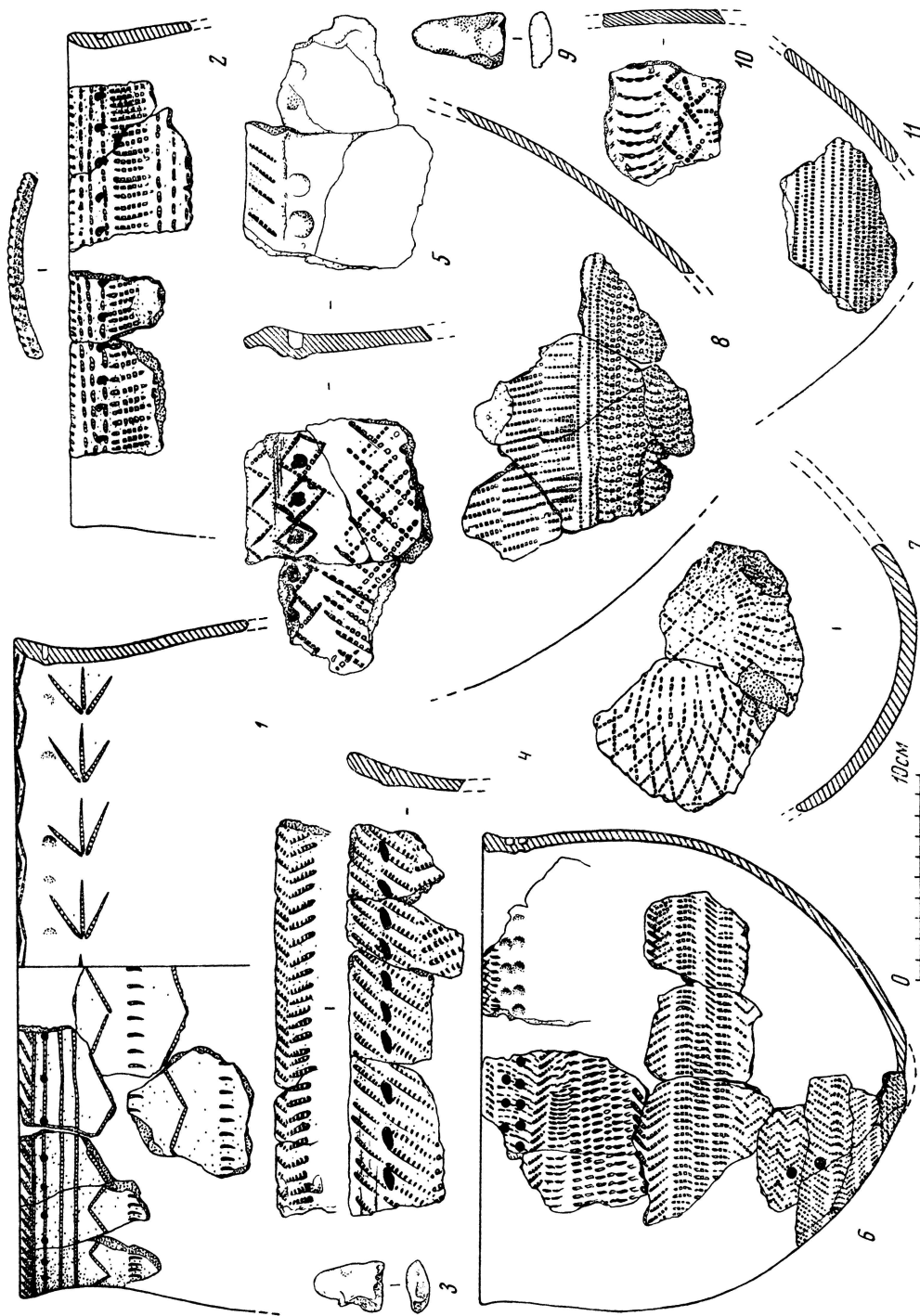

Таблица XI. Раннебронзовая керамика II типа

1, 2, 4 — 6, 8, 10, 11 — Бис I, 3, 7, 9 — Бис II

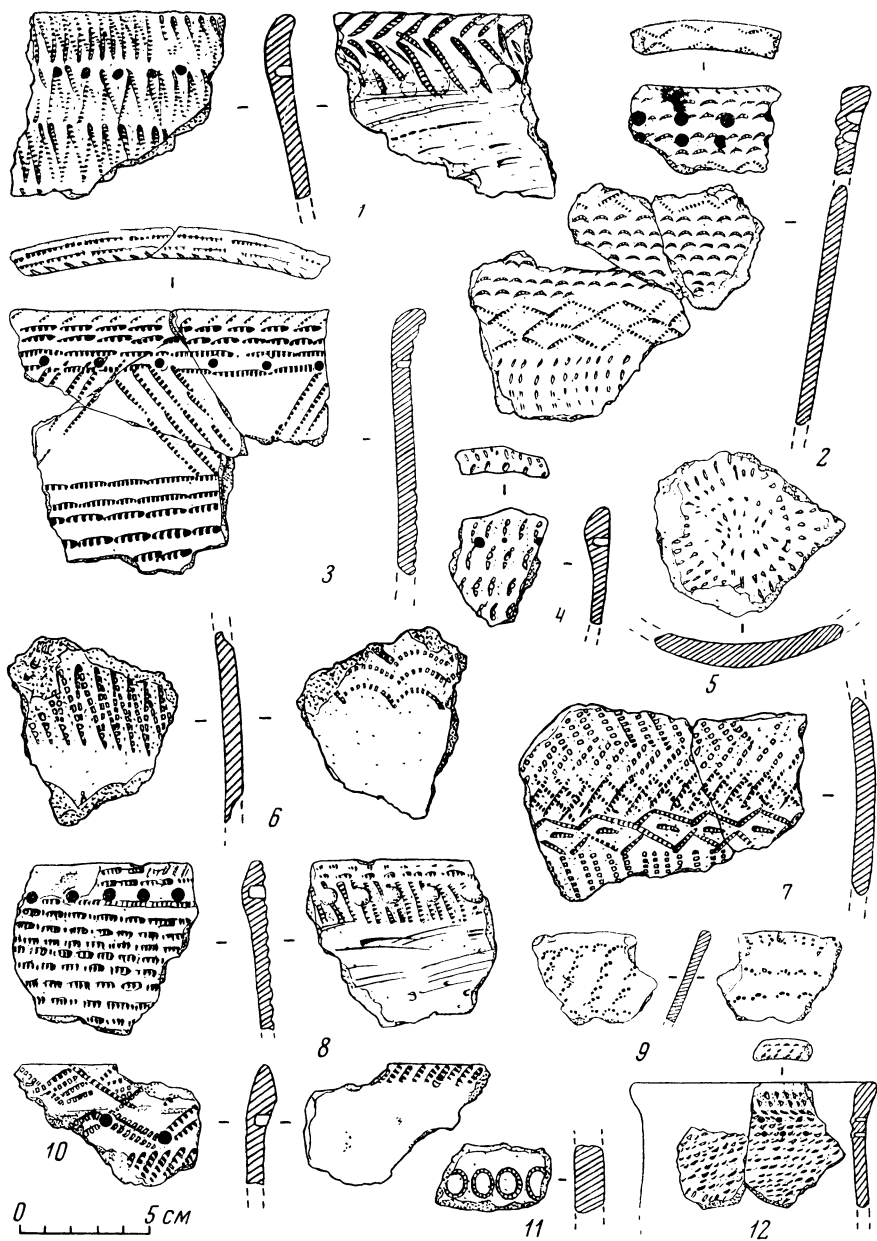

Таблица XII. Раннебронзовая керамика II типа

1—5, 7—10, 12 — Вис I; 6, 11 — Вис II

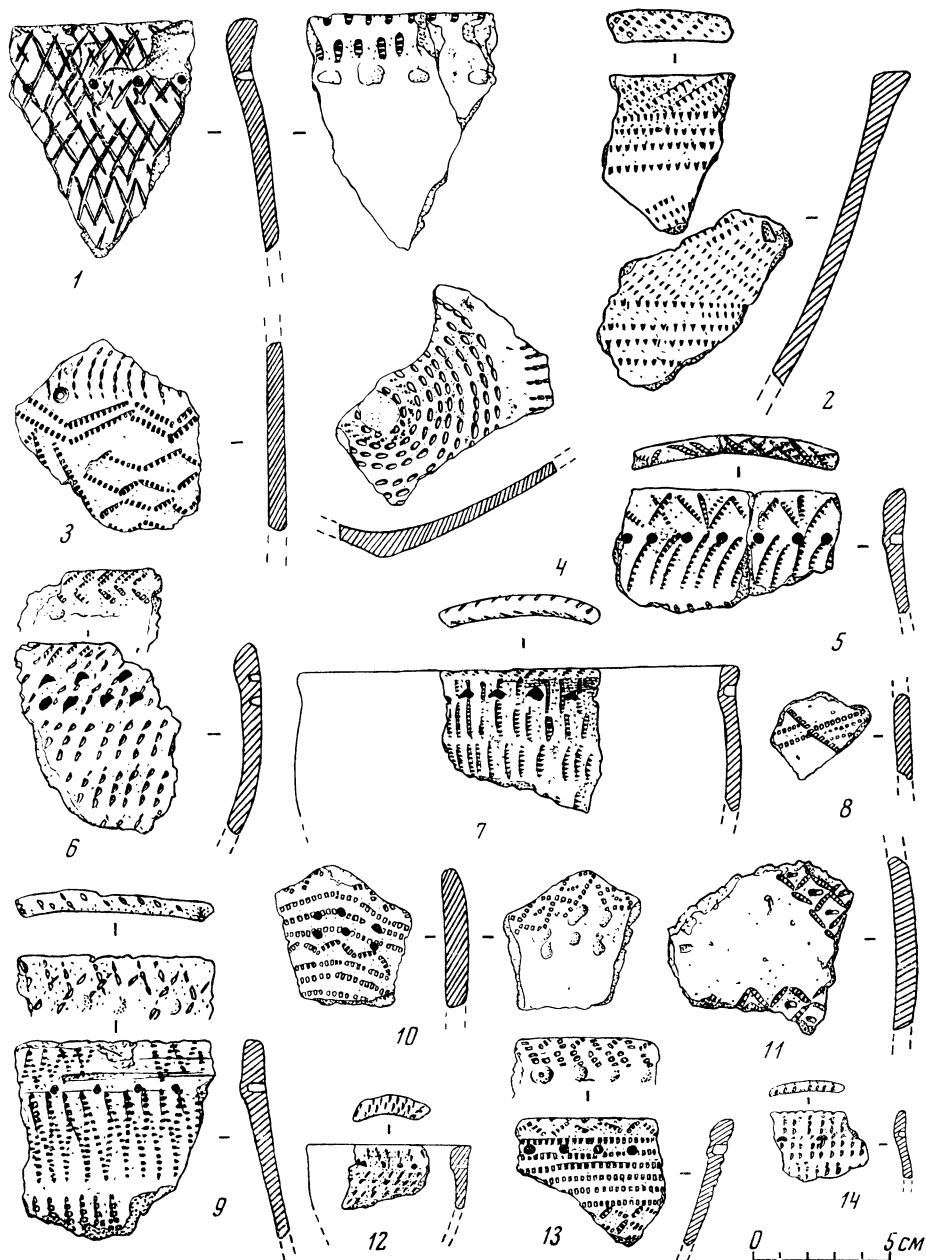

Таблица XIII. Раннебронзовая керамика II типа с поселения Вис I (1, 3—14; 2—неопределенный тип)

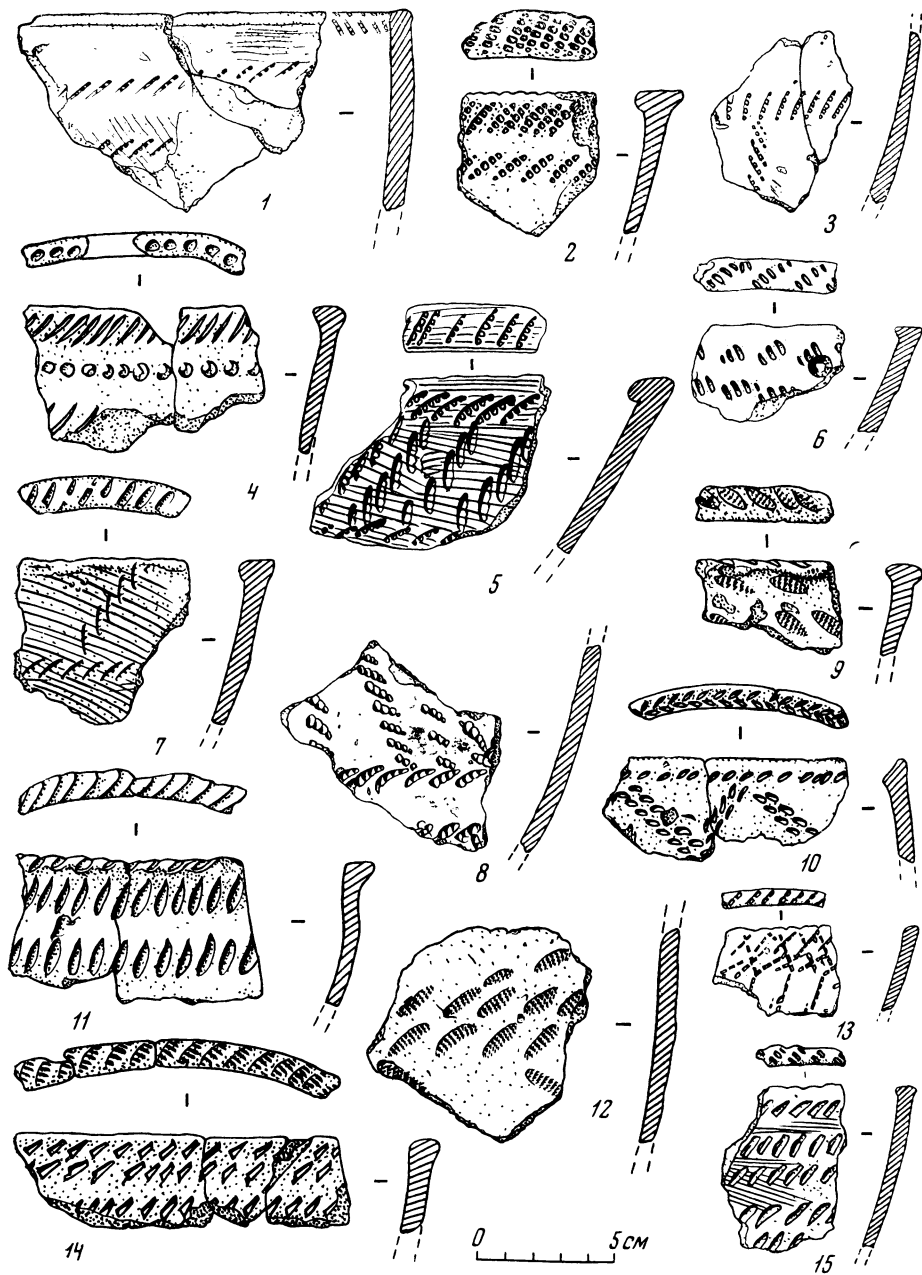

Таблица XIV. Раннебронзовая керамика III типа

1, 2, 7, 9, 10, 12 — Вис I; 3—6, 8, 11, 13—15 — Вис II

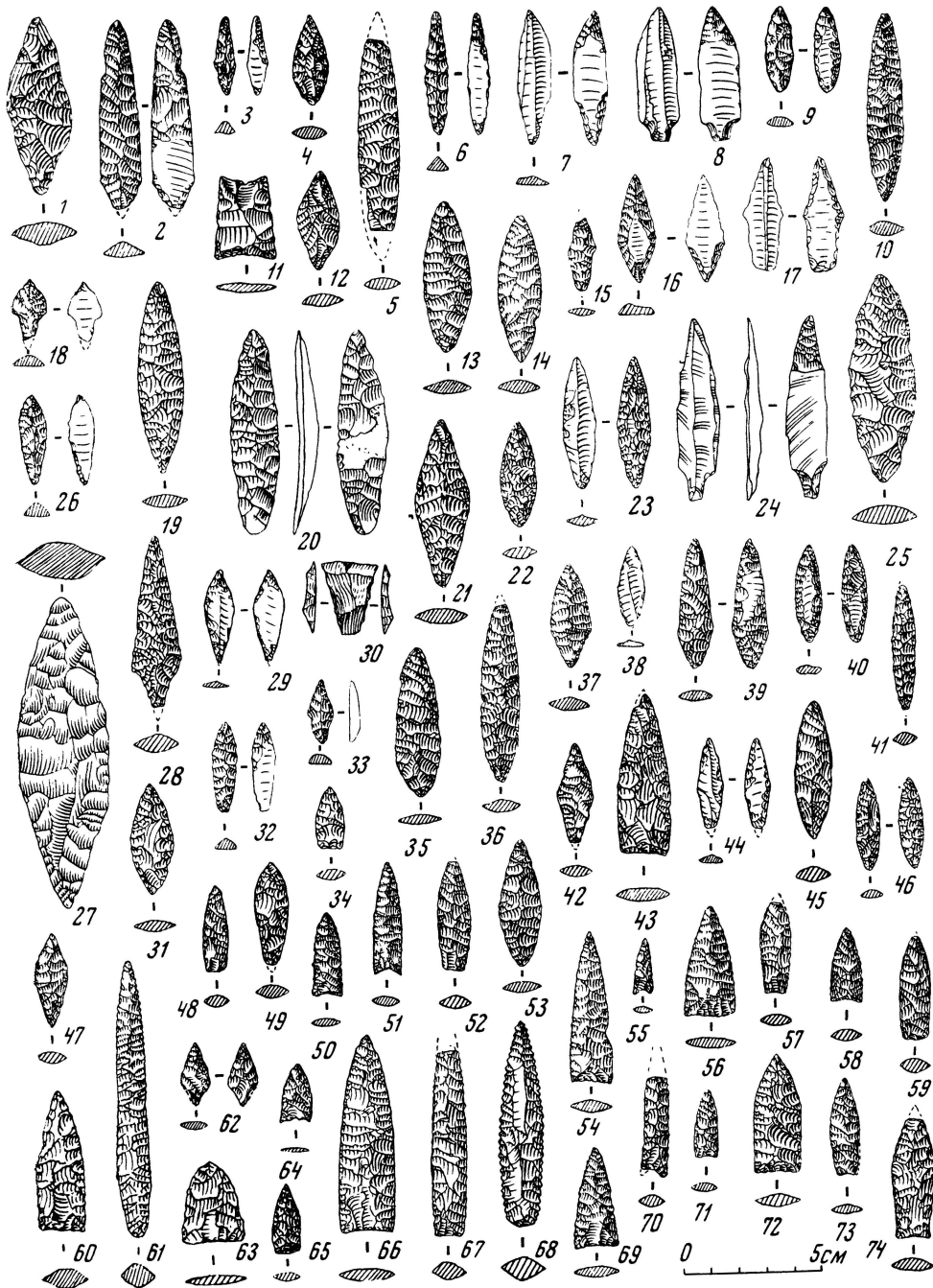

Таблица XV. Кремневые наконечники стрел и копий

(1—14, 16, 18—74)

1—3, 5, 6, 10, 13, 14, 16, 19, 21, 24, 25, 29, 32, 33, 41, 43, 46, 49, 50, 54, 56, 62, 64, 66—69, 72—Вис II (68 — торфяник); 4, 7—9, 11, 15, 17, 18, 20, 22, 23, 27, 28, 31, 34, 37, 42, 44, 47, 51, 57—61, 63, 65, 71, 73, 74 — Вис I; 12, 45 — Симва II; 14, 48, 52 — Синдорское озеро I (пункт II) 26, 35, 36, 38—40, 53 — Вис III; 30 — Синдорское озеро I (пункт V); 55, 70 — Симва I; 15, 17 — предполагаемые наконечники

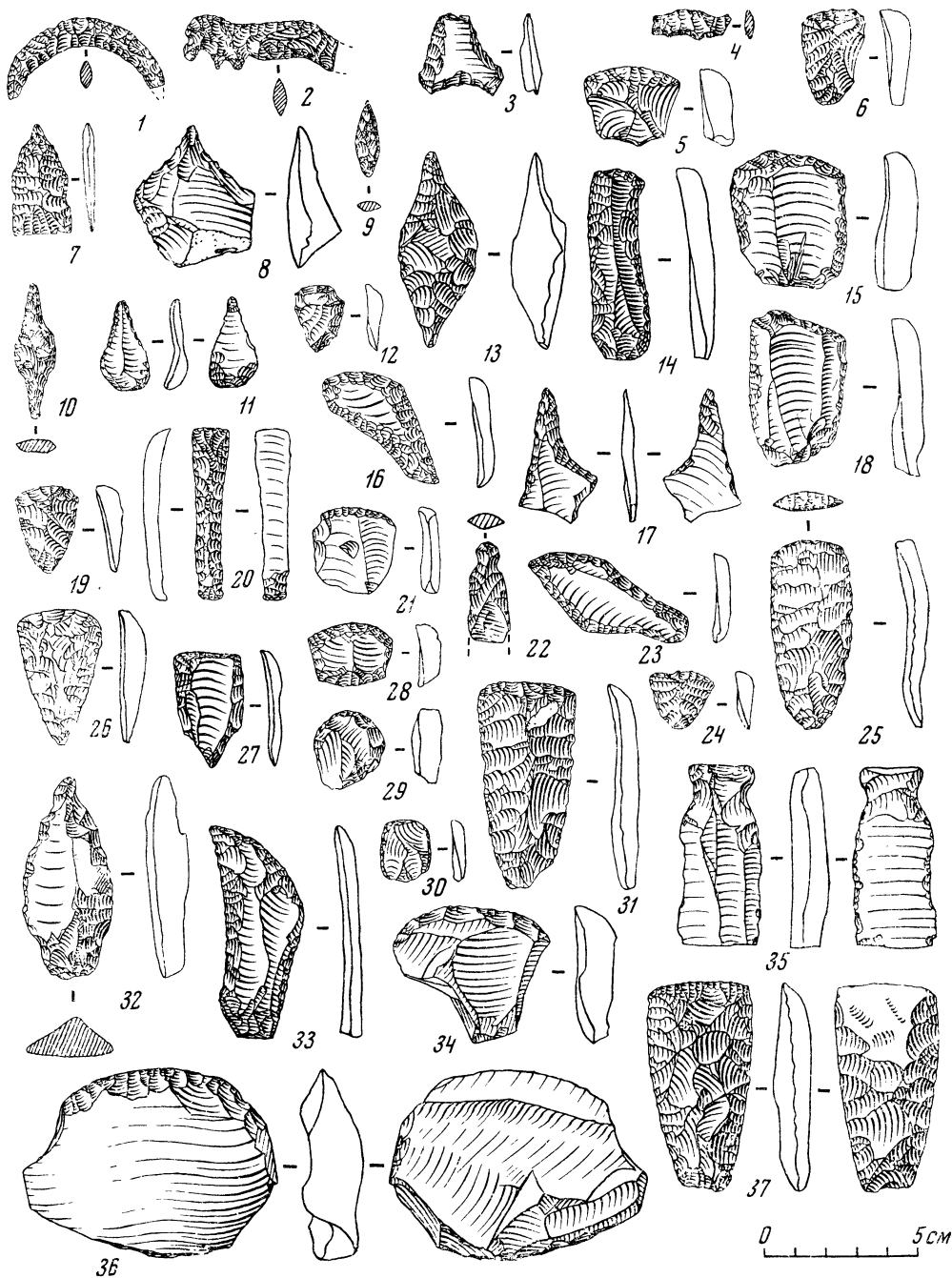

Таблица XVI. Кремневые изделия

1—4—миниатюрные скульптуры; 5, 6, 12, 14—16, 18, 19, 21, 23—31, 33, 34, 36, 37 — скребки; 7—11, 13, 17, 32 — сверла; 20 — скребковидное орудие; 22, 35 — изделия с боковыми выемками; 1, 6, 8—11, 17, 23 — Вис I; 2—5, 7, 13—16, 18—20, 26—28, 31, 32, 34—37 — Вис II (27, 34, 36 — торфяник); 12, 21, 24, 30 — Симва I; 22, 29 — Синдорское озеро I (пункт II); 25 — Синдорское озеро XI (мыс); 33 — Вис III

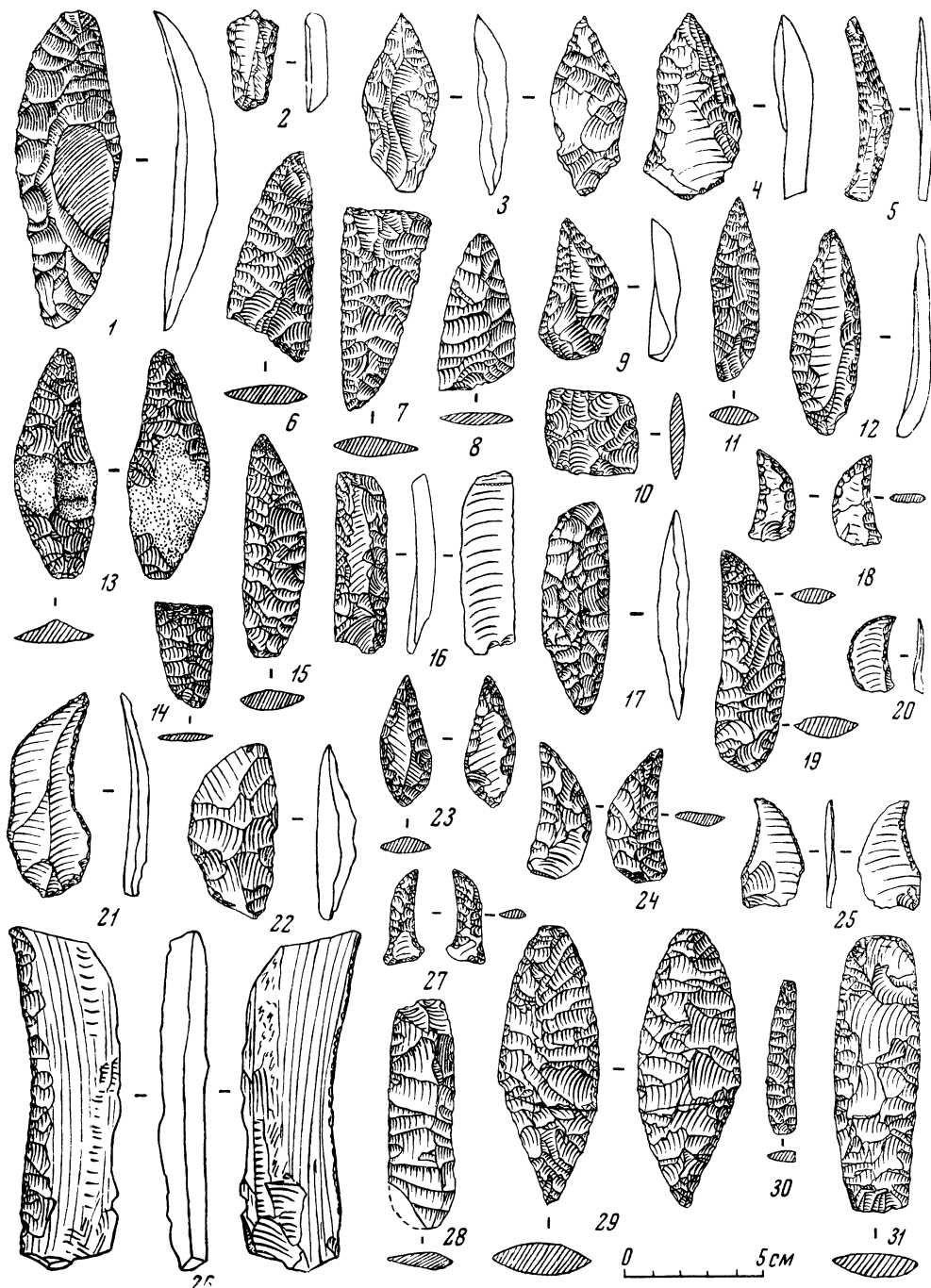

Таблица XVII. Кремневые резчики (1-4, 9, 12), ножевидные орудия и ножи (5-8, 10, 11, 13-31)

1, 7, 13 — 17, 23, 26, 28, 31 — Вис II; 2 — Симва II; 3-5, 8-11, 18-21, 24, 25, 27, 29 — Вис I; 6, 12 — Вис III; 22 — Синдорское озеро I (пункт III); 30 — Симва I

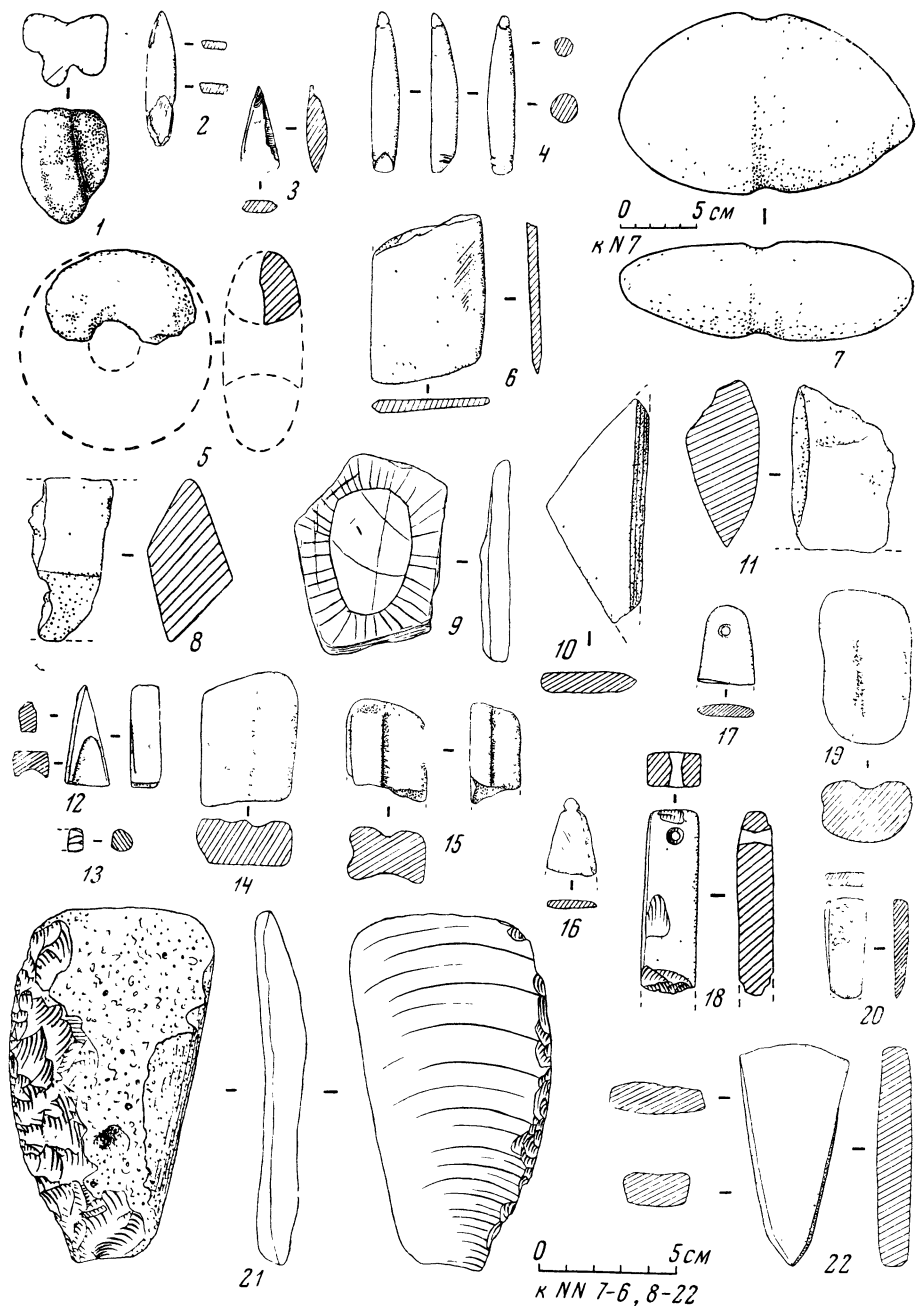

Таблица XVIII. Каменные орудия

1, 14, 15, 19 — песчаниковые абразивные инструменты; 2, 12 — шлифованные наконечники стрел; 3, 6, 20, 21 — шлифованные ножи; 4 — шлифованный стержень крючка; 5 — сверленная дисковидная галька; 7 — валун с перехватом; 8, 10, 11, 22 — песчаниковые пилы; 9 — плитка с изображением; 13 — обломок шлифованного стержня; 16 — шлифованная подвеска; 17 — подвеска или точильный брусок; 18 — точильный брусок; 1, 11, 13, 14, 22 — Вис II; 2, 5, 7—10, 12, 15—18, 20, 21 — Вис I; 3, 4, 6, 19 — Вис III

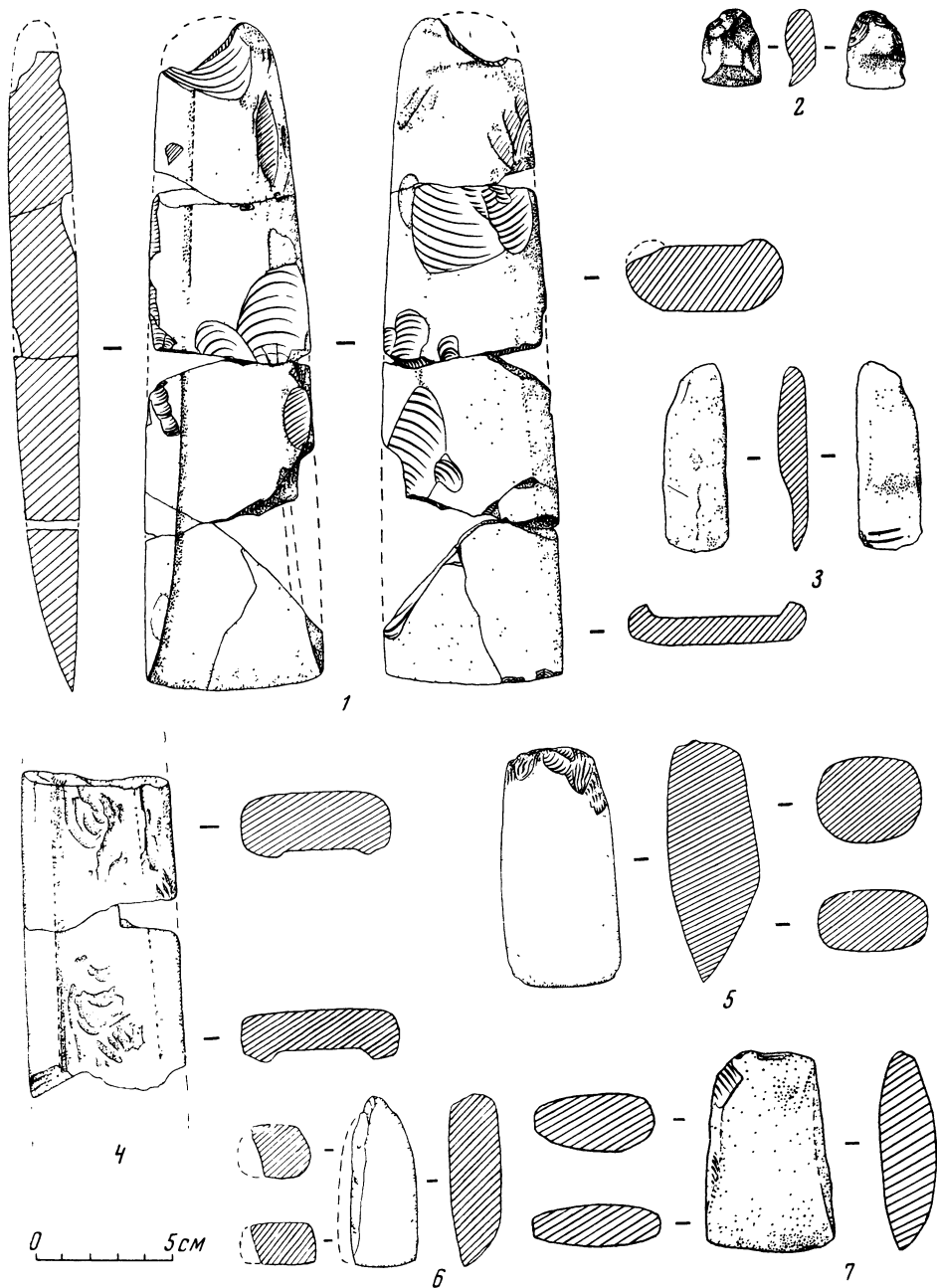

Таблица XIX. Шлифованные тесла
1—5 — Вис II; 6, 7 — Вис I

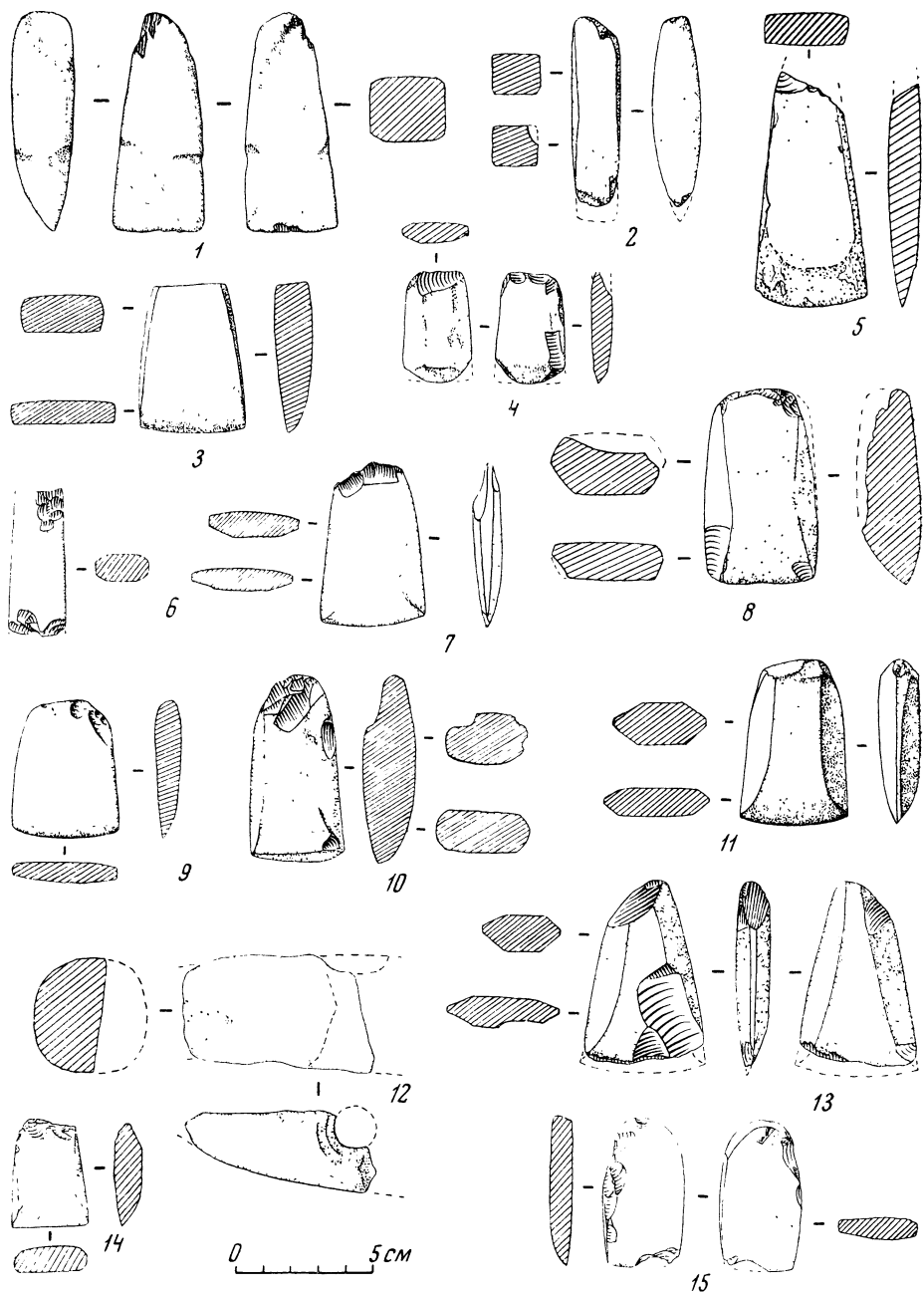

Таблица XX. Шлифованные рубящие орудия

1, 3—5, 7—11, 13—15 — тесла; 2, 6 — долота; 12 — боевой топор-молот; 1, 4, 6, 12, 15 — Вис II;
2, 3, 5, 7—11, 13, 14 — Вис I

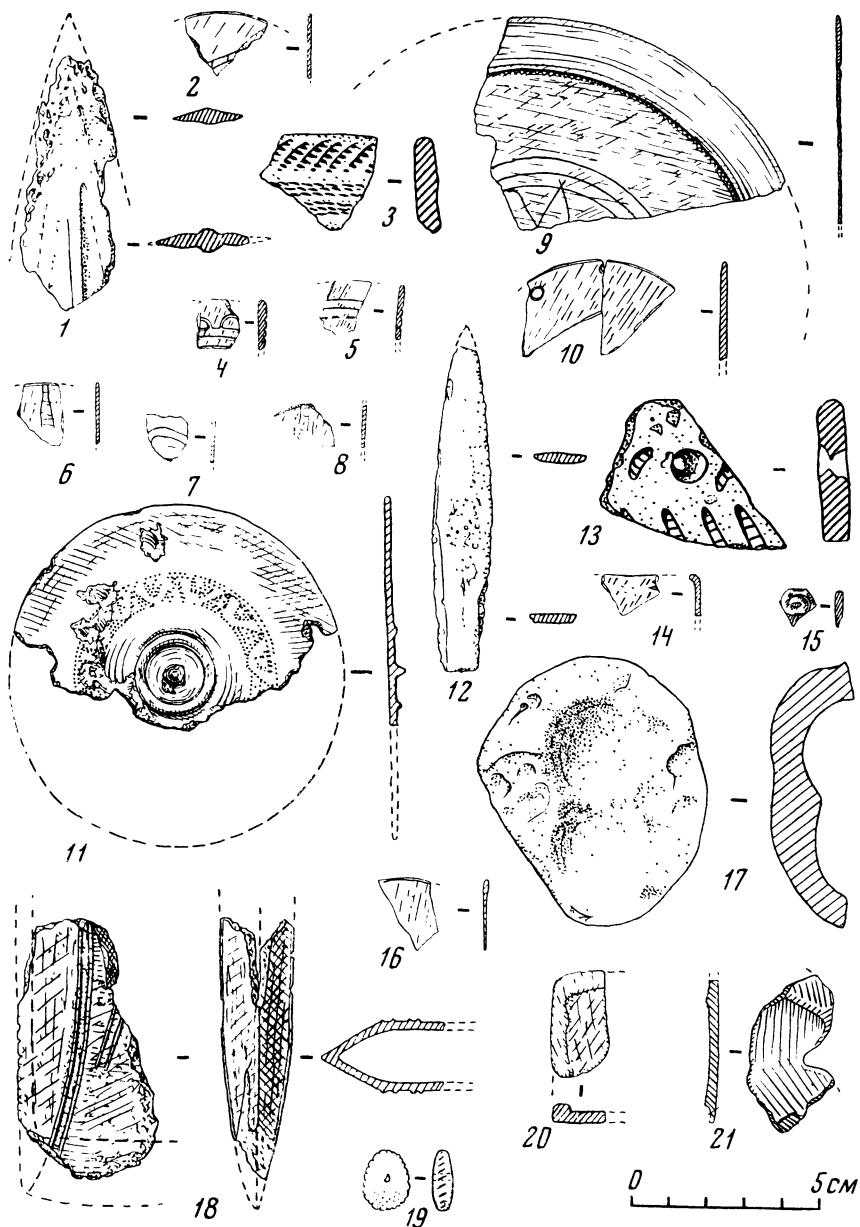

Таблица ХХІ. Предметы цветной металлургии и керамического производства

1 — копье; 2, 4—11, 16 — бляхи; 3 — обломок ананьинского сосуда; 12 — нож; 13, 19 — подвески; 14 — плоское изделие с отогнутым краем; 15 — биспиралевидная бляшка; 17 — матрица; 18 — кельт; 20 — плоское орудие; 21 — слиток; 1, 2, 6—12, 16; 18 — оловянная бронза; 3, 13, 19 — керамика; 4, 5, 14, 15 — олово; 17 — камень; 20, 21 — медь; 1, 9, 12, 17 — Вис II; 2—8, 10, 14—16, 18 — Синдорское озеро I (пункт III); 13, 19—21 — Вис I

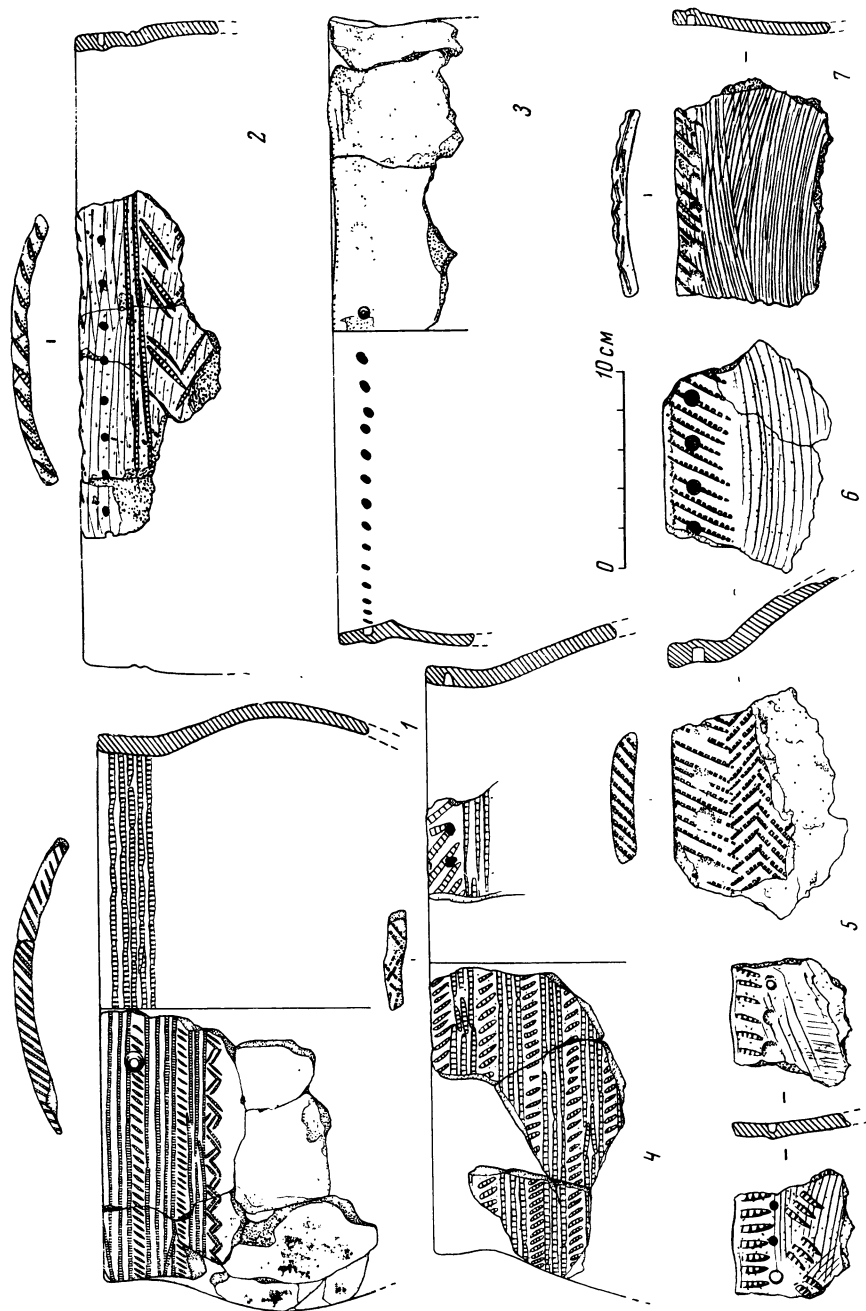

Таблица XXII. Керамика усть-вымского типа
1 — 4, 6—Вис II; 5, 7— Вис I

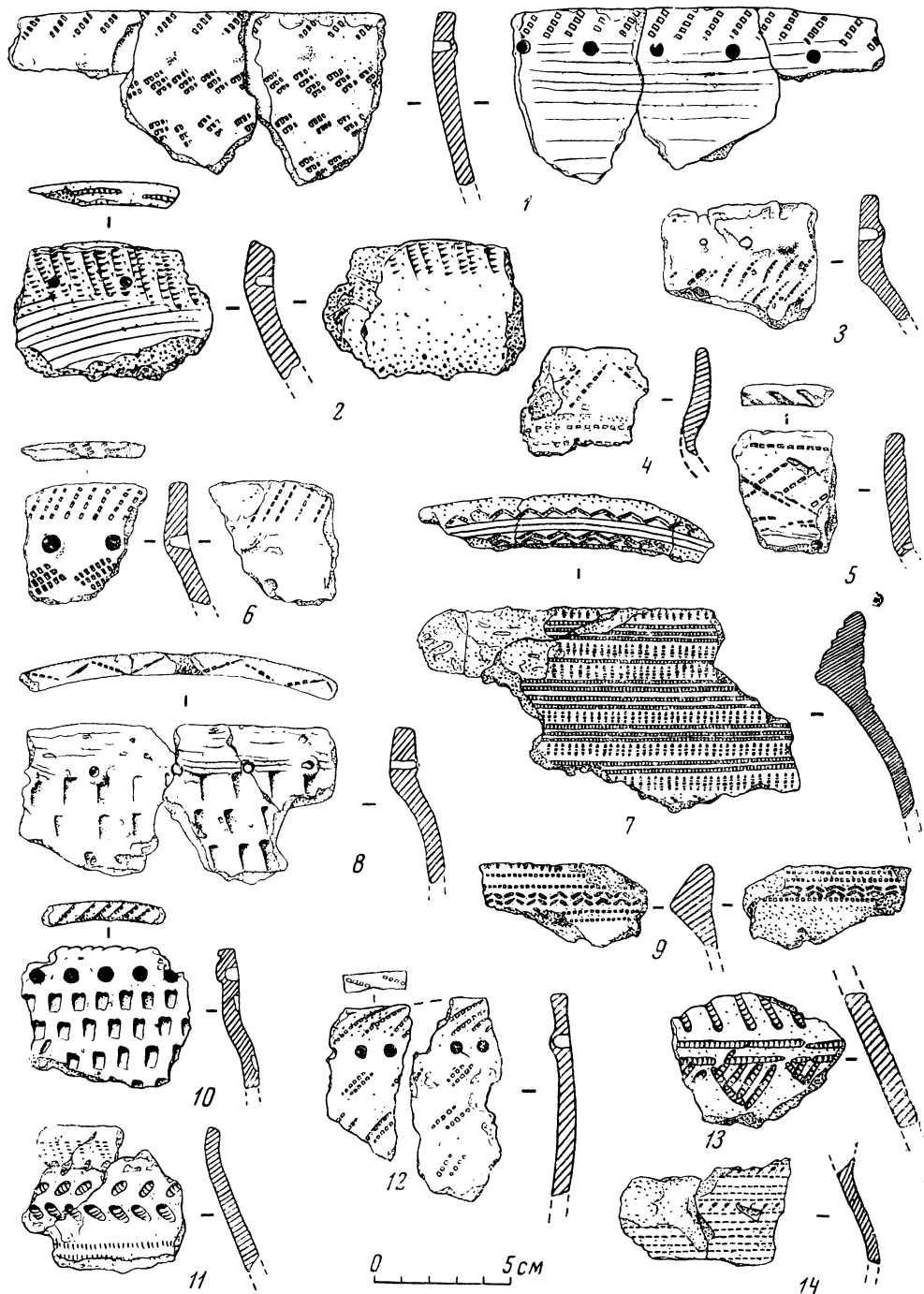

Таблица XXIII. Керамика усть-вымского типа

1, 3, 5—10, 12—Вис II; 2, 4 — Вис I; 11 — Симва I; 13—Вис III; 14—Синдорское озеро I (пункт III)

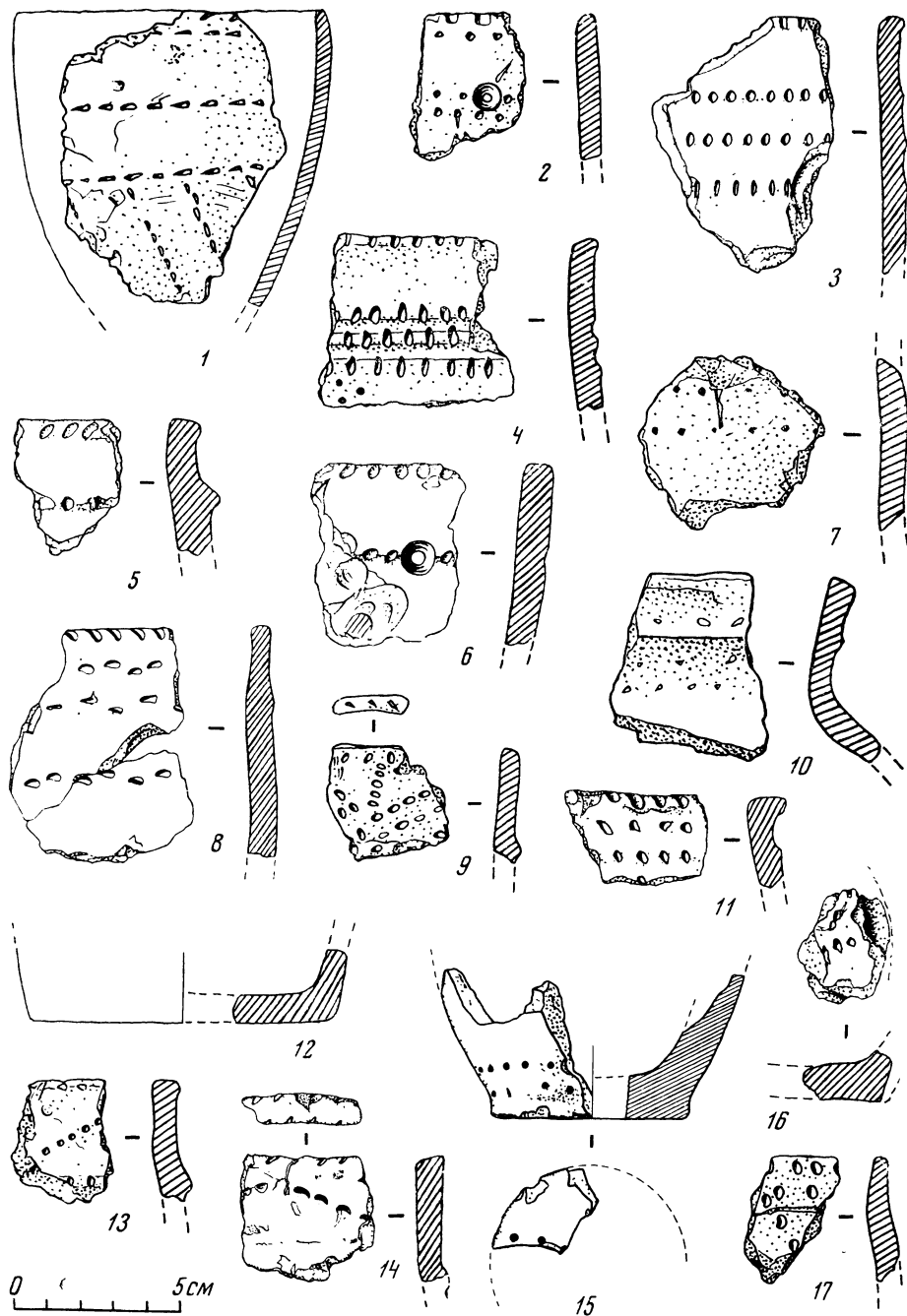

Таблица XXIV. Валиковая керамика
 1, 3, 6; 8, 10–12, 16 — Вис I; 2, 4, 5, 7, 9, 13–15, 17 — Вис II

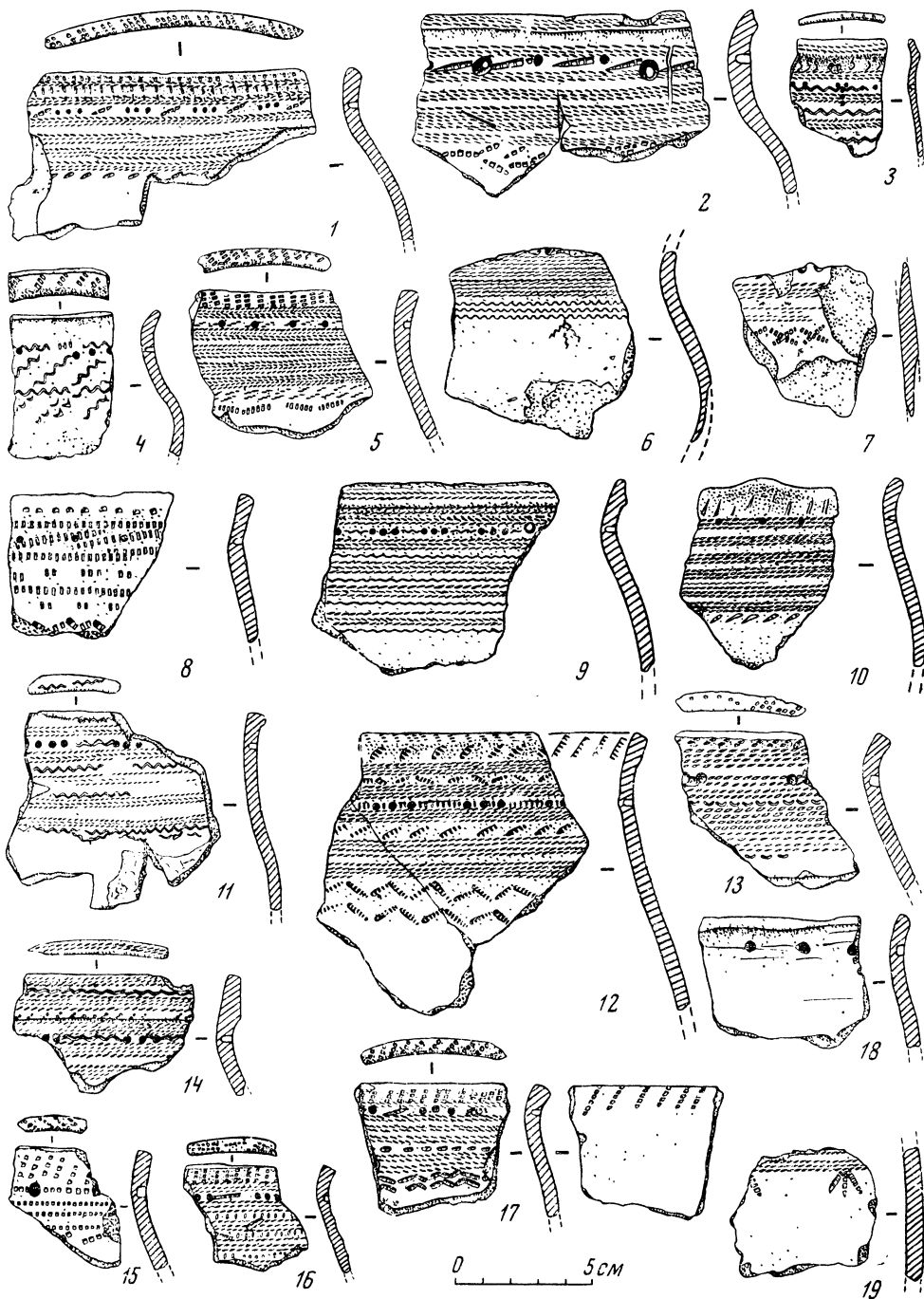

Таблица XXV. Позднебеляжская керамика
1—5, 7, 8, 10, 11, 13—19 — Вис I; 6, 9, 12 — Вис II

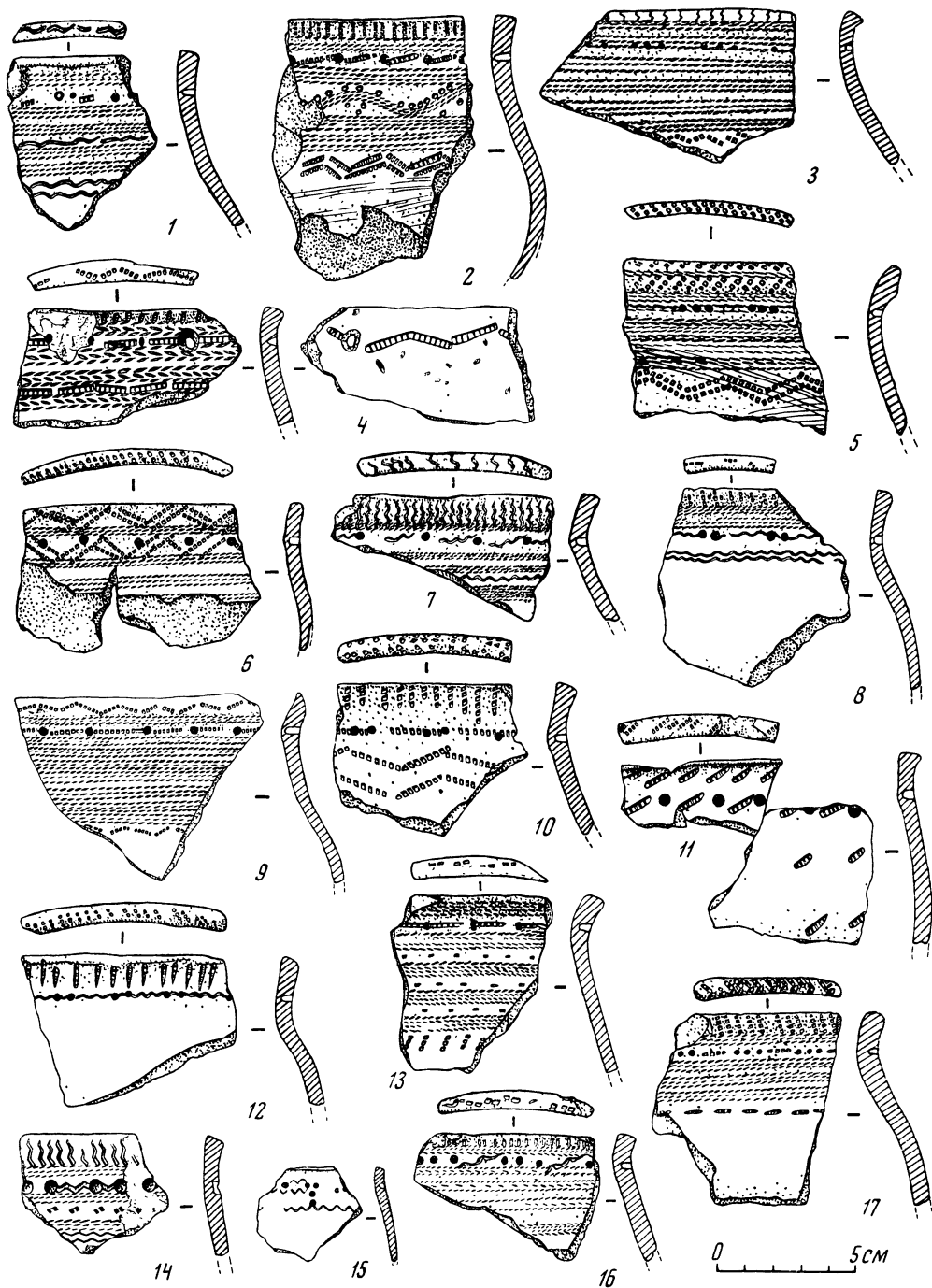

Таблица XXVI. Позднебеляжская керамика

1, 2, 4, 6 — 13, 15 — 17 — Вис I; 3, 5, 14 — Вис II

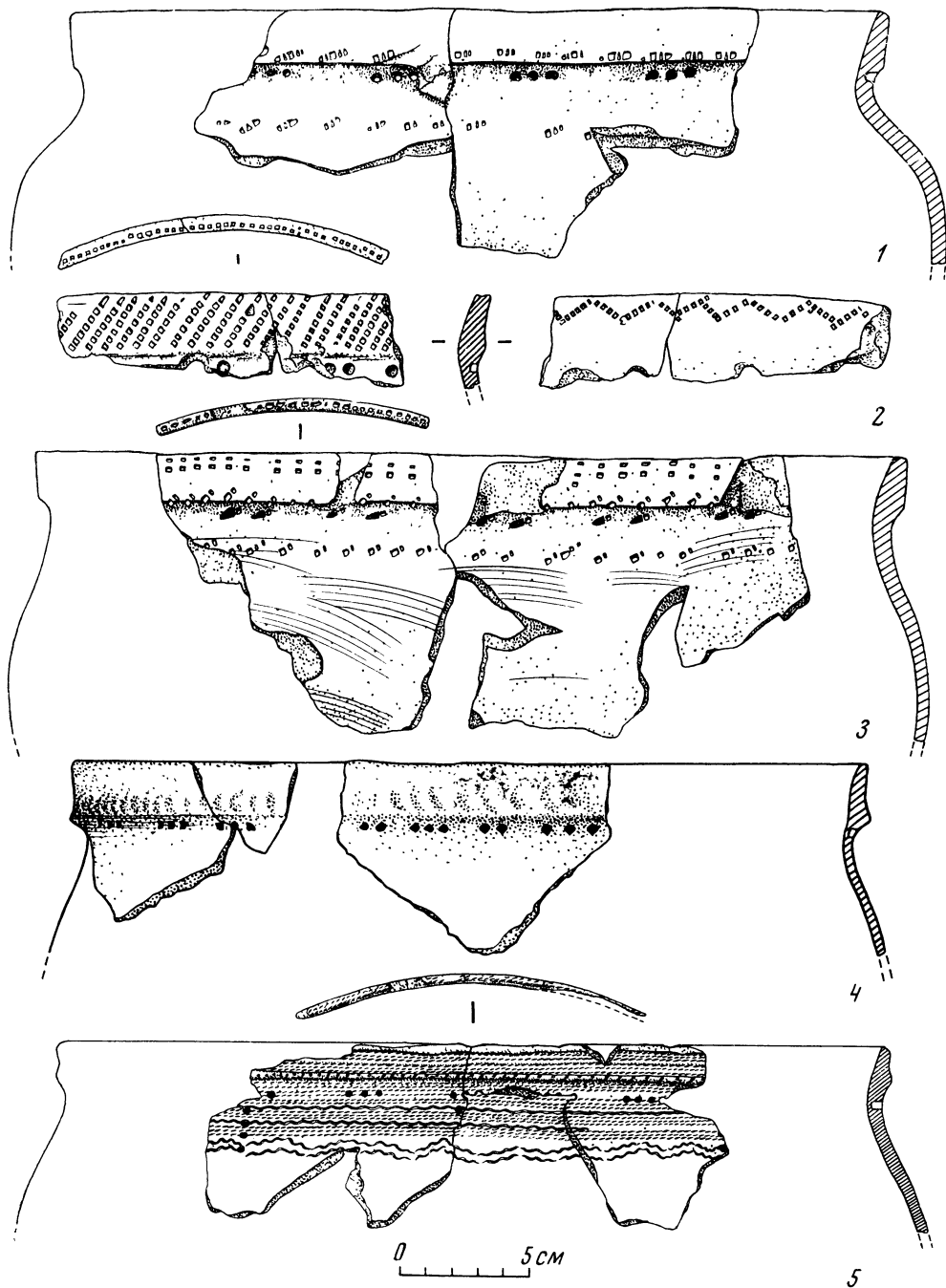

Таблица XXVII. Ананьинская (1—4) и позднелюбязская (5) керамика
1, 3, 5 — Вис I; 2, 4 — Вис II

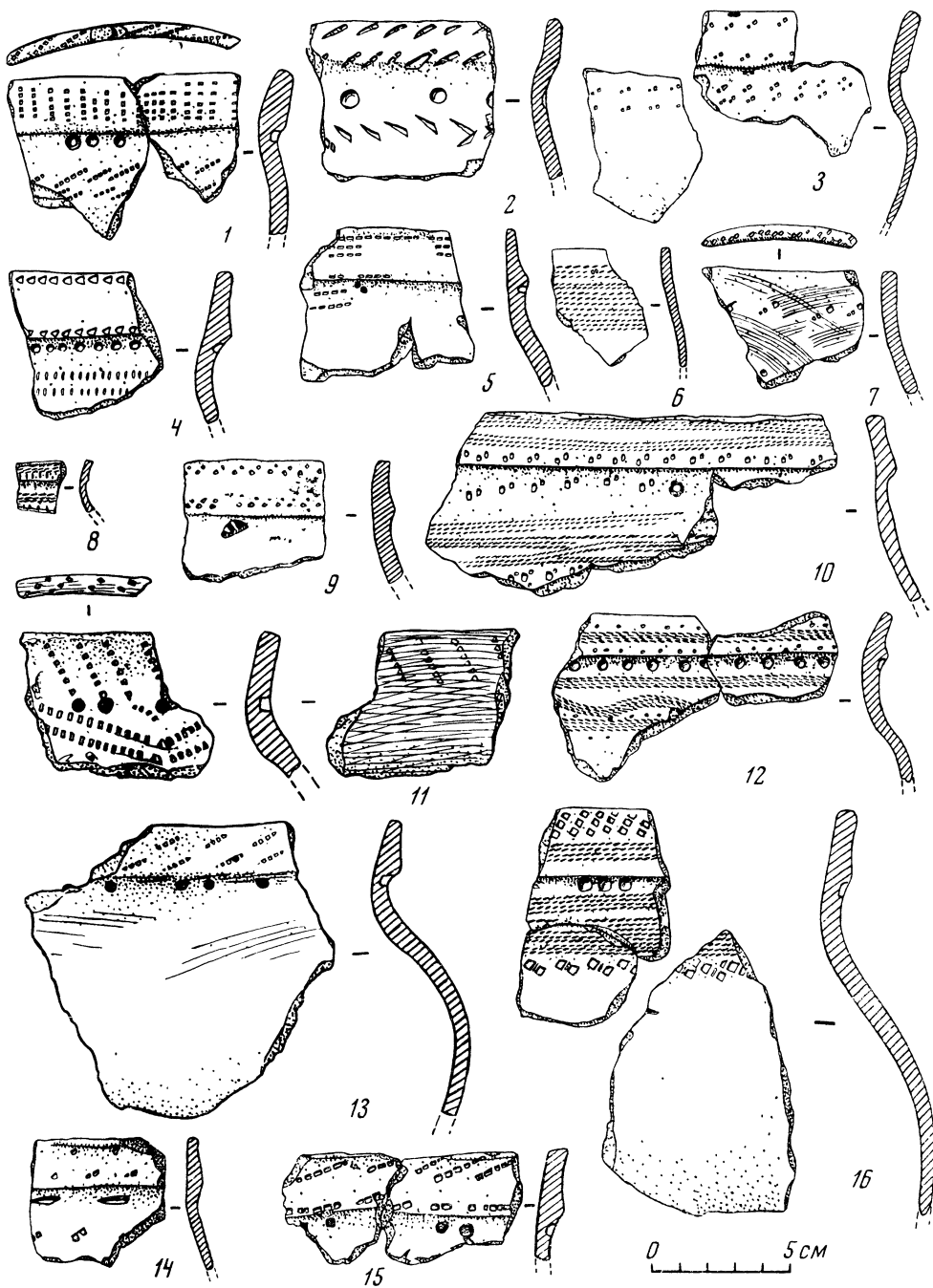

Таблица XXVIII. Ананьинская керамика

1—8, 10, 12, 14—16 — Вис I; 9, 11, 13 — Вис II

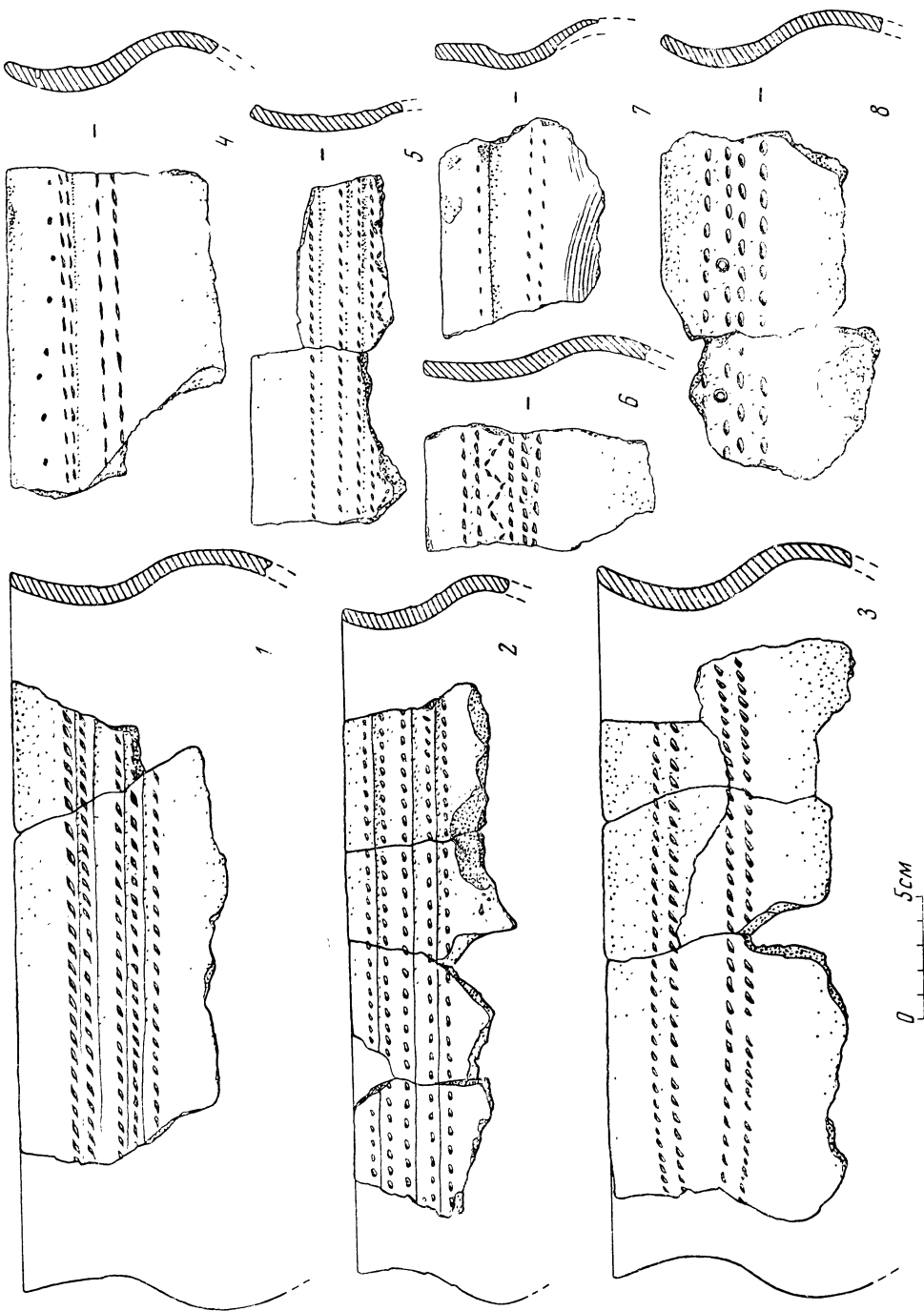

Таблица XXIX. Раннеглендовская керамика I типа
1—4, 6—8 — Вис I; 5 — Вис II

Таблица XXX. Гляденевская керамика I типа

поздняя (1—3, 7, 9, 10, 12, 14—17) и ранняя (4, 6, 8, 11, 13; 1—3, 7, 9, 10, 12, 15—17 — Вис II (1—3; 7, 9, 10, 12, 15, 16 — торфяник); 4—6, 8, 11, 13 — Вис I; 14 — Симва II

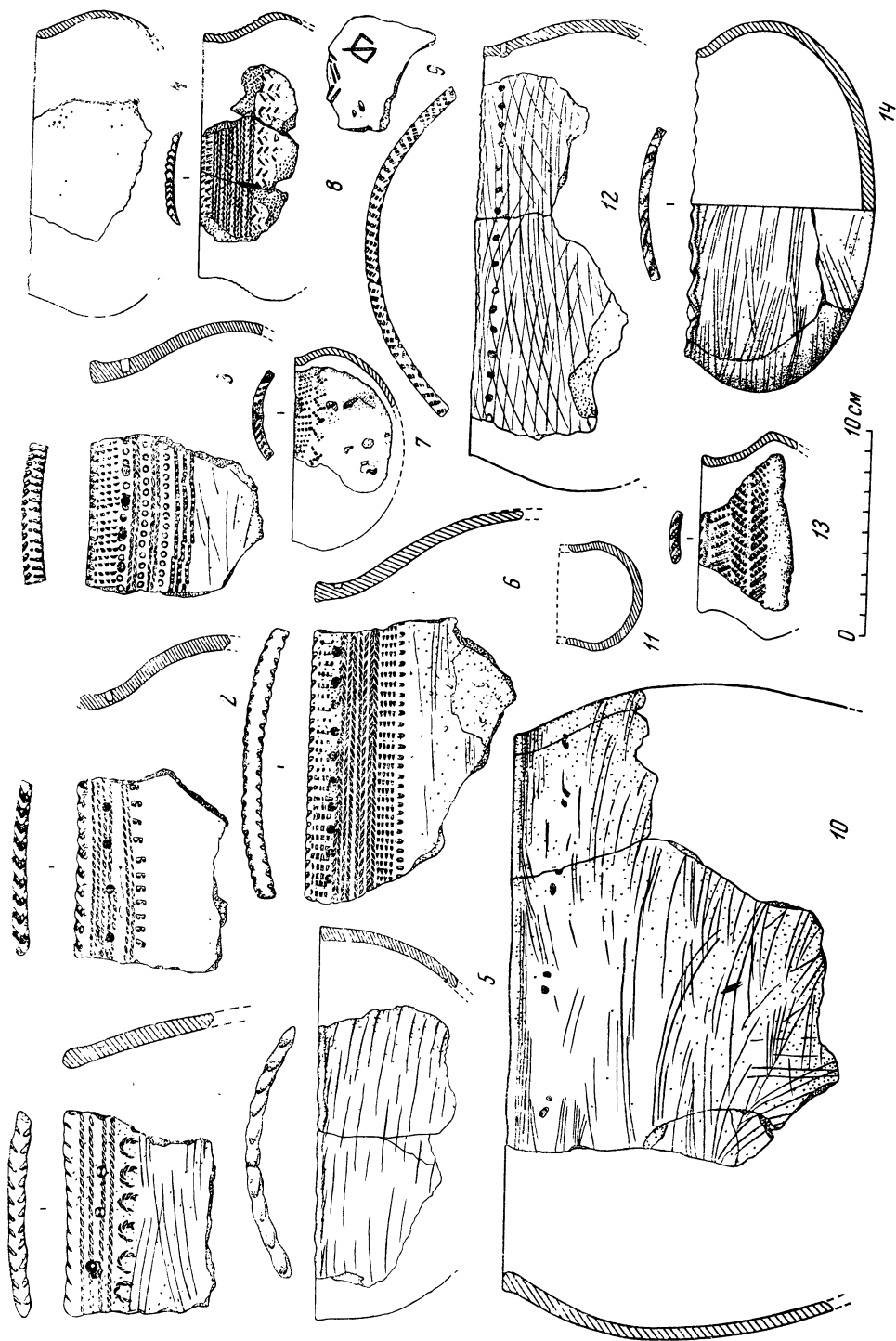

Таблица XXXI. Ванадздинская керамика

1 — Вис III; 2—14 — Вис II (2—4, 6, 10, 13, 14 — торфяник)

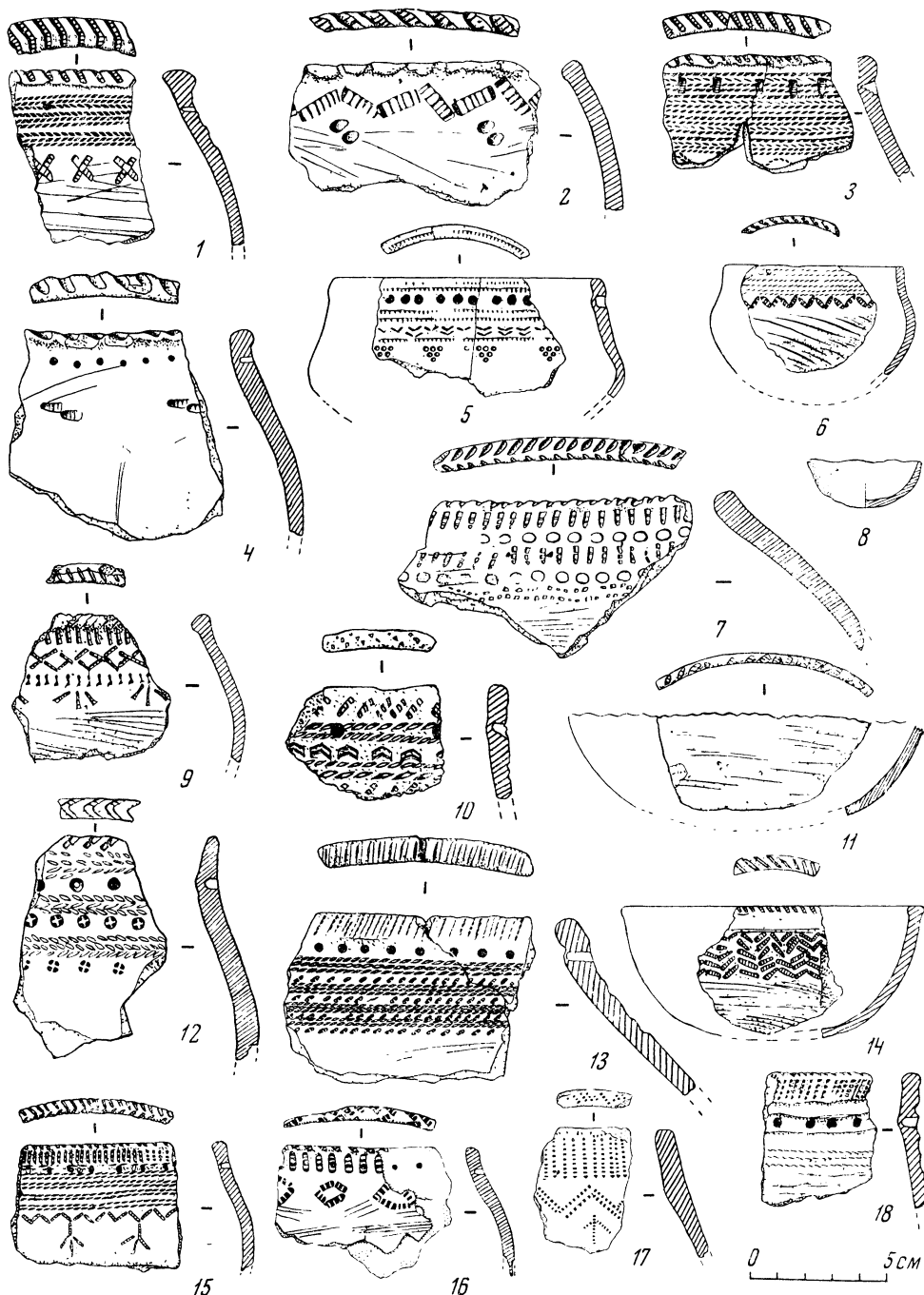

Таблица XXXII. Вавиздинская керамика

1—9, 11—16, 18 — Вис II (1—5, 7—9, 11, 12, 14—16 — торфяник); 10 — Вис I; 17 — Симва II

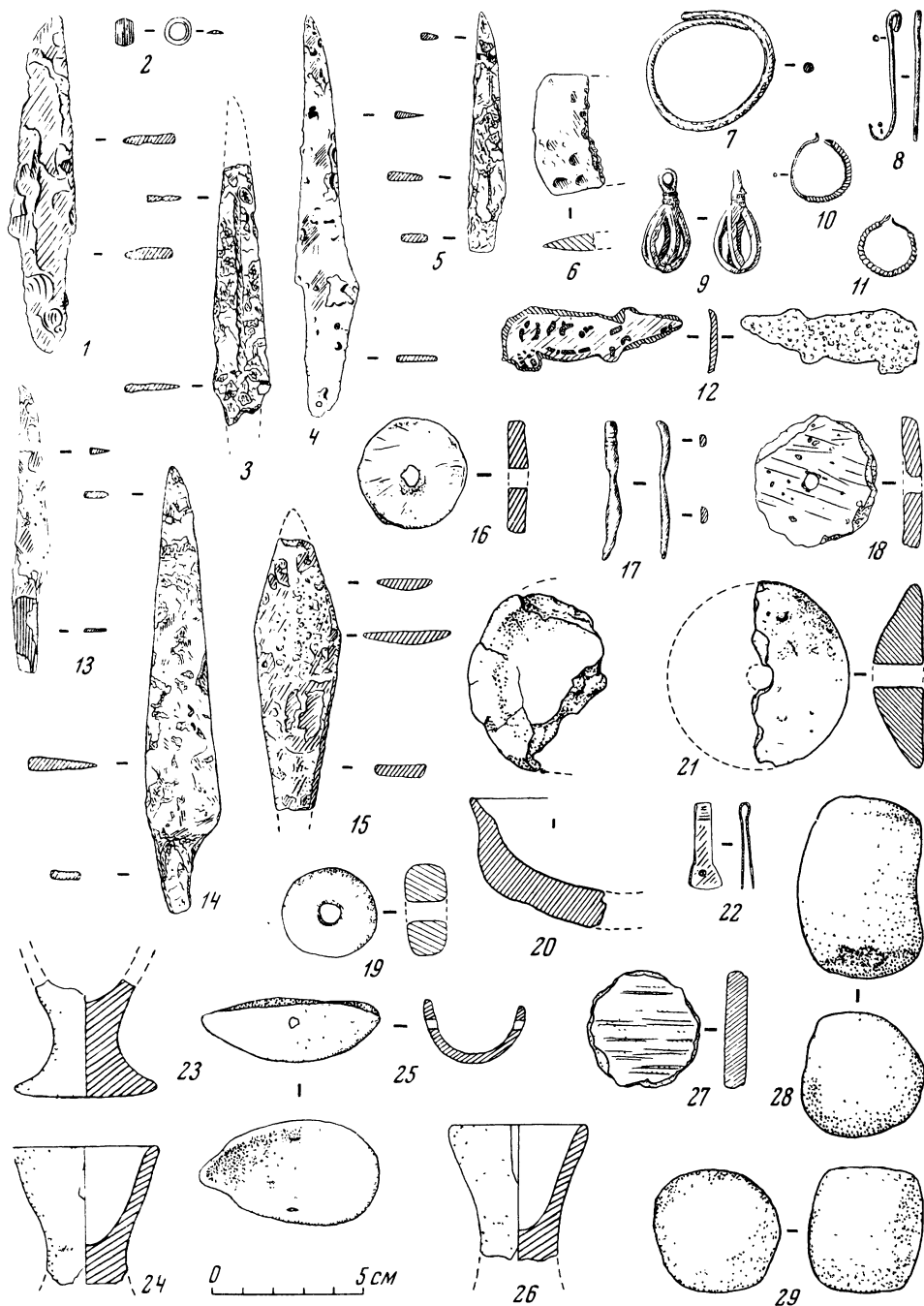

Таблица XXXIII. Инвентарь ванвиздинского комплекса на поселении Вис II

1, 3—5, 13, 14 — ножи; 2 — бусина; 6 — рубящее орудие; 7 — браслет; 8 — удильный крючок; 9 — каплевидная подвеска; 10, 11 — подвески-серьги; 12 — фигурка ящера; 15 — наконечник стрелы с поселения Вис I; 16, 18, 19, 21 — пряслица; 17 — слиток; 20, 23, 24, 26 — тигли; 22 — щипчики; 25 — тигель-лячка; 27 — заготовка пряслица; 28, 29 — «пращные» камни; 1, 3—6, 13—15 — железо; 2, 7—12, 17, 22 — бронза; 16, 18, 20, 21, 23—27 — керамика; 19, 28, 29 — камень; 20, 21, 27—29 — торфяник

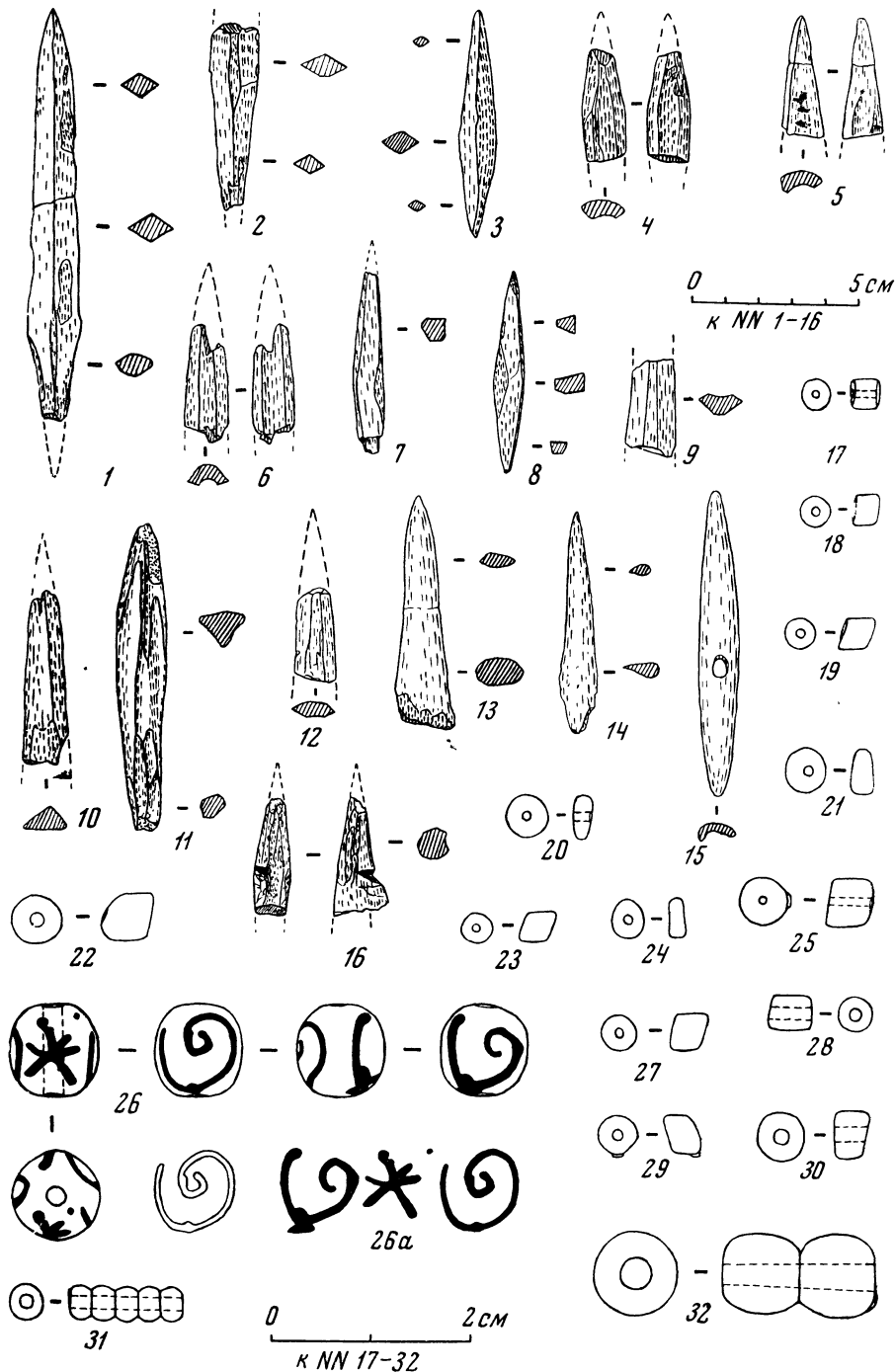

Таблица XXXIV. Костяные (1—16) и стеклянные (17—32) изделия ванвизднского комплекса на поселении Вис II

1—12 — наконечники стрел; 13, 14 — проколки; 15 — костяная жерлица с поселения Вис III
16 — наконечник гарпуна; 17—30 — бусины; 31—32 — золоченые пронизки; 3, 11, 17, 18, 20, 22, 23, 25, 27, 28, 30—32 — топфяник

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАО	— Вычегодский археологический отряд Коми филиала АН СССР
ВАУ	— Вопросы археологии Урала
ВЯ	— Вопросы языкознания
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИКФВГО	— Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества
ИФС	— Историко-филологический сборник
Коми ФАН	— Коми филиал АН СССР
КРКМ	— Коми республиканский краеведческий музей
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАВГР	— Материалы по археологии восточных губерний России
МАЕСВ	— Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МАР	— Материалы по археологии России
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ОКВЭИА	— Отчеты Камской (Воткинской) экспедиции Института археологии АН СССР
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
СФ	— Советское финно-угроведение
Тр. КИЧП	— Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
ТСАРАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УЗПГУ	— Ученые записки Пермского государственного университета
Sm	— Suomen museo
SMYA	— Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
<i>Глава I. Физико-географическая характеристика района Синдорского озера . . . . .</i>	8
Природные условия	8
Палеогеографический очерк	12
<i>Глава II. Древние поселения в районе Синдорского озера и их раскопки . . . . .</i>	37
<i>Глава III. О времени первого появления человека в Синдоре. Мезолит . . . . .</i>	59
<i>Глава IV. Неолит и бронзовый век . . . . .</i>	69
Керамика и вопрос о периодизации неолита в Привычегодье.	69
Каменные орудия	78
Неолитические жилища	91
Три хронологических этапа раннего бронзового века	94
К вопросу о металлообработке в раннем бронзовом веке.	102
Об искусстве, украшениях и погребальном обряде неолита и ранней бронзы	107
Валиковая керамика	112
Усть-вымское время	115
<i>Глава V. Железный век . . . . .</i>	122
Позднеелебяжские и ананьинские племена	122
Металлургия начала железного века	127
Гляденовское время	130
Ванвиздинские племена. Особенности жилищ и керамики	137
Металлургия ванвиздинского времени. Обработка дерева и других материалов.	147
Рыбная ловля, охота и скотоводство	154
Украшения, погребальный обряд, искусство и мифология	160
<i>Глава VI. Взаимоотношения археологических культур в Северном Приуралье и некоторые проблемы этногенеза . . . . .</i>	166
Заключение	184
Список сокращений	219